В. МАЛЬЦЕВ

БОРЬБА за СМОЛЕНСК

ОГИЗ ~ СМОЛГИЗ ~ 1940

В. МАЛЬЦЕВ

БОРЬБА ЗА СМОЛЕНСК

(XVI — XVII вв.)

Под научной редакцией доктора исторических наук проф. А. САВИЧА

СМОЛЕНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СМОЛЕНСК. 1940

„Только народ бессмертен.
Все остальное — преходяще“.

И. СТАЛИН

ВВЕДЕНИЕ

Борьба за Смоленск в XVI и XVII веках составляет одну из интереснейших страниц в истории нашей родины. Завоевание Москвой Смоленска в начале XVI века и потеря его в начале XVII века связаны были с двумя крупными этапами в истории развития Московского государства.

Борьба за Смоленск в конце XV и начале XVI века совпала с образованием русского национального государства, когда под властью московских князей собирались русские земли в единый политический организм. В сущности борьба за Смоленск была одним из звеньев этого процесса. Народные массы Смоленской земли, бывшие в XV веке под властью Польско-Литовского государства и испытавшие тяжелый национальный гнет, стремились к национальному освобождению и к соединению с Москвой. Поэтому борьба Москвы за Смоленск была поддержана народными массами и оказалась победоносной для Москвы.

Борьба за Смоленск в начале XVII века была связана уже с другими процессами в Московском государстве. На протяжении XVI века в политическом и общественном строе Московского государства назревали острые классовые противоречия, которые в начале XVII века привели к крестьянской войне. В центре всех противоречий стоял крестьянский вопрос. На рост помещичьей эксплоатации крестьянство во второй половине XVI века отвечало сначала бегством на те окраины страны, где не было помещиков. Это привело страну к длительному и очень тяжелому экономическому кризису. Но потом, в начале

XVII века, борьба крестьян и холопов против помещиков вылилась в грозную крестьянскую войну. В это же самое время и внутри господствующего класса феодалов-землевладельцев шла борьба за власть и за разные пути и способы закрепощения крестьянства.

Обострением внутренних противоречий в Московском государстве воспользовалась сначала Польша, а потом и Швеция. Польское правительство нашло опору в среде московского и провинциального дворянства, шедшего под угрозой крестьянского движения на утрату политической независимости своей родины. Поддерживаемые силами русского дворянства и, в свою очередь, поддерживая силы русской реакции, польские интервенты думали очень быстро подчинить себе Московское государство.

В 1604 году Польша начала военную интервенцию в России. В 1609 году польские войска осадили Смоленск, и польское правительство с захватом Смоленска думало сразу одним ударом решить несколько крупных политических задач. Оно, во-первых, захватом Смоленска стремилось создать надежный тыл для своей интервенции и ликвидировать клин, вставший между Польшей и польскими отрядами, оперировавшими под Москвой; во-вторых, оно думало превратить Смоленск в опору польского влияния в России и в свою военную базу для окончательного подчинения Московского государства; в-третьих, оно надеялось навсегда решить в свою пользу затянувшуюся больше полустолетия борьбу за балтийское побережье и превратить Россию из опасного соперника в послушного подручного, необъятные ресурсы которого можно было бы использовать в борьбе со Швецией.

Но польские интервенты встретили жестокий отпор со стороны народных масс Московского государства. Такой отпор им прежде всего оказали смоленские крестьяне и посадские ремесленники, почти на два года приковавшие к смоленским стенам главные силы польских интервентов. По сути дела оборона Смоленска в 1609—11 годах решила судьбу польской интервенции. Хотя поляки и взяли Смоленск, но это оказалось Пирровой победой, так как польское правительство не смогло уже осуществить ни одной из заманчивых целей своей интервенции. Поэтому исторические уроки обороны Смоленска очень поучительны. Особенный интерес к себе

они возбуждают в наши дни, когда теперешние незадачливые потомки старинных, но таких же незадачливых, польских панов до самого распада польского государства мечтали о расчленении и порабощении нашей родины и продвижении польских границ до р. Днепра. Одно существование таких планов говорило, что современные польские паны ничему не научились в истории. История могла бы им рассказать, что 300 лет тому назад их предки сильно просчитались, поставив ставку на изменников и предателей родины из среды смоленского дворянства. Хотя эти изменники и услужливо раскрывали полякам все военные тайны обороны Смоленска, хотя они лезли из кожи вон, уговаривая крестьян и посадских сдать город полякам, но народ до последней капли крови защищал свою родную землю и жестоко бил польских панов и их шпионскую свору. Так было 300 лет тому назад.

На месте старой, отсталой России теперь высится как могучий утес непобедимый Союз Советских Социалистических Республик, всякая попытка нападения на который будет смертным часом для всех нападающих. Этого никому не следует забывать, а особенно тем, кто, готовя нападение на Советский Союз, думал по примеру старинных польских панов поставить ставку на изменников и шпионов. В гнусной банде троцкистско-бухаринских предателей, продавшихся иностранным разведкам, нашелся один из потомков тех самых смоленских дворян, которые еще 300 лет тому назад торговали своей родиной. Этот подлый потомственный изменник со всей своей бандой уже стерт с лица земли. Таков наглядный и поучительный урок истории наших дней. Извлекая тоже очень поучительный урок из 300-летней истории, мы хотим только показать, что если уже в те отдаленные времена русские крестьяне и посадские ремесленники умели бить польских интервентов и обезвреживать их агентов и шпионов, то теперешним интервентам всех мастей придется в миллион раз хуже. Хотя Смоленск и пал в 1611 году, однако ни польские штурмы и ни измена смоленских дворян не могли подорвать сил посадско-крестьянского блока. Последний оказался побежденным только потому, что во главе его стали представители таких классов, которые

не могли быть последовательными защитниками интересов народных масс, а оказались только случайными политическими попутчиками и своей тактикой подорвали силы оборонявшихся.

Таким образом, борьба за Смоленск в 1609—11 гг. оказалась борьбой крестьянско-посадских народных масс против польских интервентов и против изменников и предателей из дворянской среды. Этим и вызывается тот интерес, который возбуждает в нас наиболее ранний в истории нашей родины боевой союз крестьян и городских трудящихся.

Но посадские ремесленники — это еще не пролетариат. Они не могли дать крестьянству ни научного политического сознания, ни крепкой классовой организации. Благодаря этому политическое руководство и власть в осажденном Смоленске сосредоточились в руках воевод и купечества, классовые интересы которых только временно совпали с интересами посадско-крестьянских масс. При таком составе вождей блока успех обороны был очень сомнительным, но это еще сильнее подчеркивает замечательный героизм и стойкость народных масс Смоленска, которые, несмотря на гнездившуюся в городе измену и предательство, сумели продержаться около двух лет против одной из довольно сильных европейских армий.

Как мы уже сказали выше, оборона Смоленска была не второстепенным эпизодом в борьбе Московского государства за свою независимость, а фактом первостепенного значения, определившим исход польской интервенции и подготовившим крушение планов польского правительства. Поэтому соотношение классовых сил, сложившееся в Смоленске, и линия поведения различных классов представляют крупный общеисторический интерес. Но распутать сложный узел классовой борьбы в Смоленске нам удалось только благодаря привлечению к исследованию еще не опубликованных исторических документов. Это позволило нам вместе с тем вскрыть ошибочность господствовавших ранее взглядов на некоторые вопросы борьбы за Смоленск. К числу таких взглядов принадлежит и утверждение прежних историков о том, что героями обороны Смоленска были дворяне, что крестьянство не пошло в осаду и что, следо-

вательно, ни о каком посадско-крестьянском блоке не может быть и речи. Но документы опровергают эти утверждения. Из такого рода документов огромное значение имеет смоленская десятня 1606 года, до сих пор оставшаяся не опубликованной, и Ску-Клостерские акты, изданные Ю. В. Готье в 1912 году под общим названием „Памятников обороны Смоленска".

Десятня 1606 года дает нам возможность установить социальное положение большого числа исторических личностей, упоминаемых в других документах, связанных с историей Смоленска начала XVII века, а благодаря этому удается вскрыть и классовую подоплеку очень многих исторических фактов. Так, например, одно дело, когда в документе мы читаем, что какой-то Никифор Ефимьев, находясь в смоленской тюрьме во время осады, называл смоленского воеводу М. Б. Шеина вторым Болотниковым и угрожал ему участью Болотникова. В таком виде факт остается для нас трудно объяснимым эпизодом, так как неизвестно, кто же такой был Н. Ефимьев. Но получается совсем другое дело, когда при помощи десятни мы узнаем, что этот Н. Ефимьев принадлежал к верхам смоленского дворянства, к так называемому выбору, и имел один из высших для Смоленска земельных окладов (750 десятин земли). Или хотя бы взять в пример заговоры Ив. Зубова в 1608 году и И. Мокшеева и В. Морткина — в 1610 году. Десятня помогла установить общественное положение всех участников заговоров, и когда оказалось, что во главе их стояли представители верхнего и среднего слоя смоленского дворянства, то политическая позиция смоленских дворян стала совершенно ясной. А это, в свою очередь, дает нам возможность более правильно судить и о политической линии дворянства других городов в период польской интервенции.

Так десятня 1606 года проливает свет на некоторые, до сих пор бывшие неясными, исторические факты.

Ску-Клостерские акты дали нам возможность открыть существование в осажденном Смоленске посадско-крестьянского блока, вскрыть его военную организацию и содержание его внутренней и внешней политики.

Таким образом удалось документально установить, что подлинным героем обороны Смоленска от польско-

литовских интервентов был народ, посадско-крестьянские массы. И только героизм народных масс, их высокое чувство любви к родине, их ненависть к иноземным насильникам привели к краху замыслы польских интервентов и спасли нашу родину от расчленения и порабощения.

Затронутая нами тема, кроме своего общеисторического интереса, представляет также большой местный, краеведческий интерес. До наших дней в Смоленске сохранилась выстроенная при Борисе Годунове крепостная стена, в окрестностях города еще живы названия, сохраняющие имена видных смоленских деятелей начала XVII века (Шейновка, Шейновский мост и т. д.), сохранилось много разнообразных остатков материальной культуры того времени. Все эти живые свидетели старины возбуждают большой интерес к прошлому. Но требуется такое освещение прошлого, которое дало бы верную картину борьбы народных масс против чужеземных насильников и собственных угнетателей, которое сняло бы клевету, возведенную на смоленское крестьянство старой дворянской и буржуазной историей, которое раскрыло бы, наконец, загадку героической обороны Смоленска в 1609—11 гг.

Яркие страницы борьбы народных масс против польских интервентов, примеры изумительного героизма защитников Смоленска в 1609—11 гг. побудили нас разрабатывать нашу тему не для узкого круга специалистов-историков, для которых большую новость могут представить лишь смоленские десятни и применение их в историческом исследовании, а для более широких кругов читателей, интересующихся героическим прошлым нашего народа, но не имеющих специальных познаний в области истории нашей родины XVI—XVII вв., а тем более познаний из истории Смоленска за те же века. В истории освободительной борьбы нашей родины Смоленск должен занять место рядом с Нижним, организовавшим в 1611 году движение против поляков, засевших в Москве. Только на долю Смоленска выпала более тяжелая задача принять на себя и отразить удары главных сил польской армии. Смоленск блестяще выполнил эту задачу, хотя и истек кровью в неравной борьбе. По словам современника, иностранца Мартина Бера, находив-

шегося во время осады Смоленска в России, „сия двух-летняя осада погубила 80 000 человек, разорив вконец область Смоленскую, где не осталось ни овцы, ни быка, ни коровы, ни теленка: враги все истребили". За спасение родины Смоленск отдал 80 000 жизней своих лучших сынов и дочерей, а оставшиеся в живых смоленские крестьяне и посадские люди потеряли все свое имущество и средства к жизни.

Без замечательной двухлетней обороны Смоленска, дезорганизовавшей польскую армию, освобождение Москвы было бы значительно более трудным делом, а самое главное — Смоленск указал путь и формы борьбы против польской армии. Смоленск дал первый образец организации народной армии.

Поэтому героическая борьба крестьян и посадских людей за Смоленск против польских интервентов вполне заслуживает того, чтобы о ней знали широкие массы граждан нашего Советского Союза.

ГЛАВА I

МОСКОВСКОЕ И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV И НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

Смоленск был одним из важнейших объектов борьбы между Московским и Польско-Литовским государствами с начала XVI и до середины XVII века. Борьба велась разными способами: от военных столкновений она переходила к дипломатическим переговорам и наоборот. Но никогда на протяжении этих полутора столетий не было такого момента, чтобы та или другая сторона примирилась с утратой Смоленска. В нем был завязан какой-то узел непримиримых противоречий между обоими государствами. Острота и непримиримость борьбы за Смоленск показывают, что этот город и его область были крепко связаны с очень крупными социально-экономическими интересами того и другого государства. Поэтому для понимания самой борьбы за Смоленск необходимо предварительно разобраться в важнейших сторонах развития Московского и Польско-Литовского государств того времени. Особого внимания заслуживает развитие этих стран во второй половине XV века, так как борьба за Смоленск началась в обстановке, сложившейся именно в этот период.

XV век, и особенно его вторая половина, были временем формирования национальных государств в Западной и Восточной Европе, были временем победы королевской власти над феодалами. В своей замечательной статье „О разложении феодализма и развитии буржуазии“, имеющей огромное значение для понимания перехода от средних веков к новому времени, Энгельс по-

казал действие движущих сил этой эпохи и первые политические результаты этого действия. „Совместное действие всех этих причин (развитие городов, усиление роли денег, возрастание роли бюргерства и т. д.—*В. М.*), — писал Энгельс,— усиливавшееся из года в год благодаря тому, что все они все более энергично действовали в одном и том же направлении, обеспечили во второй половине XV столетия победу над феодализмом, хотя и не бюргерства, но королевской власти. Повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще через феодальный строй, всюду королевская власть восторжествовала“.[1]

Из этих слов Энгельса вытекает несколько очень важных для нас выводов: 1) Западная Европа во второй половине XV века вступила в полосу разложения феодализма, первым политическим результатом чего явилось укрепление монархической (королевской) власти, т. е. произошло усиление феодального государства; 2) отдаленные окраины Европы, к каким можно было отнести Литву и Россию, еще не прошли через феодализм, т. е. им было еще далеко до разложения феодализма, и 3) несмотря на это, процесс формирования монархических государств с сильной королевской (или великокняжеской) властью захватил и восточные окраины Европы (Литву и Россию). Это последнее обстоятельство произошло под влиянием особых условий, в которых протекало развитие национальностей в Восточной Европе.

Усиление королевской и великокняжеской власти в Польско-Литовском княжестве и Московском государстве во второй половине XV века Энгельс ставит в прямую связь с таким же процессом в Западной Европе. Он пишет: „Польша, королевская власть которой еще не ослабла, со времени своего объединения с Литвой (с 1385 г. — *В. М.*) шла навстречу периоду своего блеска, и даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III“[2] (1462—1505 гг.). Следовательно, процесс „собирания Русской земли“, уничтожения уделов и укрепления власти московских

[1] *Маркс и Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 449.
[2] Там же, стр. 449—450.

великих князей являлся исторической дорогой к утверждению национальной независимости русского народа. Между прочим, Энгельс подчеркивает, что национальное единство в то время было мыслимо только при наличии сильной королевской (или великокняжеской) власти. В виду этого следует более подробно ознакомиться со взглядами Энгельса на роль королевской власти в эпоху образования национальных государств в Европе.

Энгельс говорит, что из той „сутолоки народов, которая существовала в раннее средневековье (до XV века.— *В. М.*), развились постепенно новые национальности“. „Вышло само собой, что эти (национальные — *В. М.*) группы стали служить основой образования государств, что национальности стали развиваться в нации“ [1]. А национальные государства „тогда были возможны только в монархической форме“. [2]

Далее, в той же самой статье Энгельс показывает, почему именно образование национальных государств требовало сильной монархической власти. Основное отношение феодального общества — пожалование земли за службу и дань — вело к непрерывной вооруженной борьбе и феодалов между собою и феодалов против королей. Вследствие этого эпоха феодализма была наполнена непрерывными войнами, „дикий шум которых заглушал решительно все“. „Но и в городах и в деревне, — пишет Энгельс, — повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в короле. И здесь мы подходим,—

---

[1] Там же, стр. 443—444.
[2] Там же, стр. 446.

замечает Энгельс, — к тому пункту, когда рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений государственных, где мы от экономики переходим к политике". [1] „Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом, — пишет дальше Энгельс, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним". [2]

Разложение феодализма в Западной Европе происходило вследствие зарождения антифеодального бюргерства и развития буржуазных отношений. На Западе складывались национальные отношения в собственном смысле слова, формировались нации как „исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры" *(Сталин).*

Так дело обстояло в Западной Европе во второй половине XV века.

Но, как уже было раньше сказано, в Восточной Европе в XV веке экономическое разложение феодализма еще не начиналось. Однако это нисколько не умаляло исторического значения королевской или великокняжеской власти в Польско-Литовском и Московском государствах, наоборот, наличие такой власти в этих странах было бесспорно прогрессивным явлением. Этой власти приходилось вести ожесточенную борьбу с еще живыми и очень сильными тенденциями к феодальной раздробленности. Это несомненно подчеркивает крупную роль государства в развитии Литвы и России в средние века. Собственно, различие исторических путей обеих этих стран во многом обязано тому, что в то время как в России централизованное монархическое государство вышло победителем в борьбе с крупными феодалами, в Литве оно вынуждено было пойти

---

[1] Там же, стр. 443.
[2] Там же, стр. 445.

на уступки, закончившиеся потерей национальной самостоятельности Литвы.

Но помимо этого, в Восточной Европе сложились не однонациональные государства, как на Западе, а многонациональные государства. Научное понимание этого процесса дано тов. Сталиным в его книге „Марксизм и национальный вопрос". В ней тов. Сталин писал: „Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит дело, например, в Западной Европе". „Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе. В то время, как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей". „В России роль объединителя национальностей взяли не себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию. Так происходило дело на Востоке. Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации".[1]

Польско-Литовское и Московское государства в XV и XVI вв. как раз и представляли собой зародыши таких межнациональных государств, о которых говорит тов. Сталин, только в первом из них процесс объединения национальностей (литовской, белорусской, русской и польской при господстве польской) начался раньше, чем в Московском.

Признаки разложения феодализма в Московском государстве появляются в XVII веке, т. е. сто лет спустя после образования московской самодержавной монархии. Этот чрезвычайно важный для нашей исторической науки вопрос исследован В. И. Лениным еще в 1894 году в книге „Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?".

По мнению Ленина, разложение феодализма и развитие буржуазных связей в Московском государстве заметно

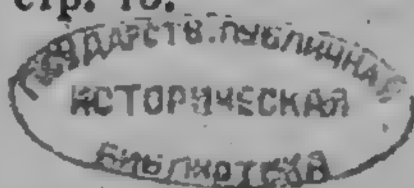
---

[1] *И. Сталин.* „Марксизм и национально-колониальный вопрос", изд. 1935 г. Стр. 10—11.

проявились лишь в XVII веке. Возражая против утверждения народника Михайловского, что национальное государство в России выросло на почве родовых связей, Ленин писал: „Уже в средние века, в эпоху Московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями..." „и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных".[1]

Это высказывание Ленина имеет огромное значение для понимания хода исторического процесса в Московском государстве в XV, XVI и XVII веках. XV и XVI века Ленин относит еще к русскому средневековью, т. е. к развивающемуся феодализму, несмотря на то, что в это время уже сложилось централизованное Московское государство с сильной монархической властью. О существовании собственно национальных (т. е. буржуазных) связей в Московском государстве до XVII века Ленин не считал возможным говорить. Следовательно, собирание земли Русской в XV и XVI вв., уничтожение уделов, широкие завоевательные войны Москвы в то время не опирались

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. I, стр. 73.

еще на победу буржуазных отношений над феодальными, не были еще выражением политических стремлений буржуазных элементов, а были политикой развивающегося феодализма.

Процесс разложения феодализма в России оказался очень длительным, он захватил более двух столетий. Этот процесс в России, как и в Западной Европе, сопровождался сильными крестьянскими движениями в форме крестьянских войн. С начала XVII века в России на протяжении 175 лет было три очень крупных крестьянских восстания (Болотникова, Степана Разина и Пугачева). Уже первая крестьянская война в России в начале XVII века обнаружила много сходного с крестьянской войной в Германии в начале XVI века. Это показывало, что Россия в своем социально экономическом развитии отставала от Западной Европы приблизительно на 100 лет, но проходила в общем одинаковый с западно-европейскими странами исторический путь.

Учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о разложении феодализма в Западной и Восточной Европе, об образовании национальных государств, об особенностях этого процесса на востоке Европы дает нам единственно правильный метод для изучения исторического развития Московского и Польско-Литовского государств в XV, XVI и XVII вв. и для понимания их борьбы между собою. А на этом фоне более ясной становится и борьба этих государств за Смоленск.

Борьба за Смоленск во второй половине XV и начале XVI века для Московского государства была связана с процессом экономической и политической консолидации русской национальности, а борьба за Смоленск в начале XVII века была связана уже с борьбой за сохранение независимости и целостности всего Московского государства.

Первый этап борьбы за Смоленск в конце XV и в начале XVI века, как уже было сказано, представлял собою один из моментов „собирания земли Русской“ московскими великими князьями.

Что представляли собою в это время обе враждующие стороны — Польско-Литовское и Московское государства?

Польско-Литовское государство в XV, XVI и XVII вв. называлось у русских просто Литвой, и даже польские военные отряды, оперировавшие в Московском государстве в период польско-литовской интервенции, обычно в русских письменных памятниках также называются литовскими. Следовательно, как поляк, так и литовец для русских того времени были одинаково „литвой". В этом неправильном отождествлении двух разных национальностей выражалась, однако, правильно подмеченная народом одинаковость отношения Литвы и Польши к Московскому государству. Литва была исконным противником Москвы на западных границах, и таким же противником стала Польша.

Литовское государство возникло в XIII веке, когда одному из литовских князей, Миндовгу, удалось объединить несколько мелких литовских княжеств и сделаться первым великим князем литовским. Уже в этот ранний период Литва включала в себя земли, населенные русскими славянами, например так называемую Черную Русь. В XIII и XIV вв. Литва быстро расширилась за счет завоевания западных и юго-западных русских удельных княжеств, раньше входивших в состав Киевской Руси. Прежде всего была захвачена Полоцкая земля, разделявшаяся до этого на удельные княжества: Полоцкое, Минское, Витебское, Лукомское, Друцкое. Затем, в начале XIV века, Литва захватила Турово-Пинское княжество и Берестейскую землю с Подляшьем. На протяжении XIV и в начале XV века Литва, распространяясь на восток и юго-восток, захватила новый пояс русских земель. На юге и юго-востоке были присоединены Волынь, Подолия, Киевское и Чернигово-Северское княжества; затем на востоке была захвачена обширная Смоленская земля.

„Так великое княжество Литовское выросло в обширное Литовско-Русское государство, — пишет Любавский. — Это государство охватывало бассейны верхней и средней Западной Двины, Немана, Южн. Буга, Днепра и верхней Оки". [1]

Благодаря тому, что Литовское государство больше, чем на две трети оказалось белорусским и русским по

---

[1] *М. Любавский.* „Очерк истории Литовско-Русского государства, стр. 32.

своему национальному составу, оно получило название Литовско-Русского. Но в конце XIV века (в 1385 году) в политической жизни этого государства произошло одно событие, которое положило начало политического союза Литвы с Польшей, союза, перешедшего потом в тесное политическое объединение. В 1385 году литовский великий князь Ягайло сделался королем польским и связал под своей властью оба государства. Но уния оказалась непрочной, и еще при жизни Ягайло Литва снова имела своего великого князя. Однако политическая связь Литвы с Польшей после 1385 года окончательно не порывалась, она лишь в отдельные моменты ослаблялась, но в общем политическая близость нарастала и в 1569 году она привела к объединению обоих государств в феодальную федерацию под общим названием Речи Посполитой.

Вследствие этого Литовско-Русское государство с конца XIV века правильнее называть Польско-Литовским, так как в возникшем с этого времени объединении литовской, западно-русской и польской национальностей постепенно господство получила польская национальность.

Со второй половины XV века и Московское княжество стало превращаться в национальное государство, присоединив к себе самостоятельные русские удельные княжества — Ярославское, Ростовское, Тверское, феодальные городские республики — Новгород и Вятку и земли к северо-востоку от Волги. Расширение территории на западе привело Московское государство в соприкосновение с тремя странами: Швецией, Ливонией и Польско-Литовским государством.

В конце XV века Московское государство по размеру своей территории мало уступало Польско-Литовскому, но в то время как московские территориальные приобретения были еще недавними, Польско-Литовское государство уже целое столетие занимало свою территорию. Эта территория своими восточными границами очень близко подходила к жизненным политическим и экономическим центрам Московского государства. От Москвы эта граница проходила всего в 100 с небольшим километрах (вблизи Можайска); дальше на север она очень близко подходила к торговому пути между Москвой и Новгородом, здесь она пролегала у верхнего течения Волги.

До взятия Москвой Новгорода литовские, новгородские и московские владения в районе верхней Волги так переплетались, что напоминали чересполосицу. „На южных границах своей области,—пишет историк Соловьев, — новгородцы имели совместные владения с великими князьями литовскими, как, например, Великие Луки, Ржев и некоторые другие; дань с них шла в казну великого князя литовского; в некоторых ржевских волостях последний имел также право суда; с некоторых ржевских волостей дань шла и в Новгород, и в Москву, и в Литву“.[1]

Торопец находился уже на литовской территории. Следовательно, литовцы держали в своих руках старые торговые пути из Западной Двины через Великие Луки на Новгород и через Торжок на верхнюю Волгу и Москву. Кроме того, в их руках был верхний и средний Днепр и торговый путь через Смоленск на Москву, а также немаловажная торговая дорога из Зап. Двины через Белый (Белую) к Зубцову и Ржеву на Волге.

Таким образом, территориальное размежевание между обоими государствами к концу XV века было далеко не в пользу Москвы. Польско-Литовское государство держало в своих руках выходы всех западных торговых путей Москвы, сходившихся к Зап. Двине. Поэтому оно могло оказывать большое влияние на те стороны жизни Московского государства, которые зависели от западной торговли. Вне литовского влияния была только западная дорога через Новгород и Псков, но литовцы покушались и на этот путь, стремясь завязать тесные политические связи с Новгородом во второй половине XV века.

Уже одна невыгодность западной границы при развивавшихся связях с Западной Европой должна была повести к столкновениям между Московским государством и Литвой. Правительство Ивана III во второй половине XV века прекрасно понимало положение. Это видно из слов Ивана III крымскому хану, сказанных однажды через посла, „что у Москвы с Литвою прочного мира быть не может, пока московский князь не воротит своей отчины, всей Русской земли, которая за Литвой, что

---

[1] *С. Соловьев.* „История России с древних времен“, т. V, стр. 134. изд. 2.

борьба будет перемежаться только перемириями для восстановления сил, чтобы перевести дух". [1] Овладение старыми русскими землями, находившимися под властью Литвы, сделалось одной из главных задач внешней политики Московского государства.

Национальный характер политики Ивана III не подлежит сомнению. Объединение земель, занятых русским населением, соответствовало также и задаче политического объединения исстари связанных между собою территорий. Но при этом надо иметь в виду, что экономическая связь русских территорий во второй половине XV века была такой же, какой она сложилась еще в период феодальной раздробленности. Торговый обмен не мог заключать в себе каких-либо новых экономических особенностей, поэтому о едином всероссийском рынке пока не могло быть и речи, следовательно, национальных связей в собственном смысле слова еще не могло существовать. А это делает особенно замечательной национальную политику Ивана III, выдвинувшую задачу национального объединения задолго до того, как сформировался из небольших местных рынков один всероссийский рынок.

Энгельс отметил, что объединительная политика Ивана III по времени совпала с периодом разложения феодализма на Западе, с периодом формирования национальных государств. Тов. Сталин указал, что эта политика росла на более быстрой консолидации русской национальности по сравнению с окружающими народностями. А русская национальность, кроме того, имела давнишние связи с Западной Европой. Регулярность этих связей указывала на то, что экономическое развитие русского народа в то время значительно продвинулось вперед.

Хорошо известно, что торговая связь России с Западной Европой возникла еще задолго до образования Московского государства. Она шла из Балтийского моря по двум путям: а) через Новгород и Псков к верхнему течению Волги и дальше в центральные, северные, восточные и южные русские области, б) через Западную Двину на Волгу и на Днепр и дальше в те же русские

---

[1] *В. Ключевский.* „Курс русской истории", т. II, стр. 149, изд. 4.

Западные границы Московского государства во второй половине XV века.

области. На обоих путях издавна возник целый ряд городов, связанных и между собою и торговавших с западноевропейскими купцами. Важнейшие из этих городов на первом пути: Новгород, Псков, Торопец, Торжок, Тверь; на втором пути: Полоцк, Витебск, Смоленск. Оба пути связывали между собою города: Великие Луки и Белый. Территория Московского государства, составившаяся к концу XV века, соединила в одно целое центральную московскую область с областью первого пути. С западно-европейской точки зрения произошло государственное объединение важнейшей части русского рынка под властью московского князя. Но другая часть русского рынка в бассейне Западной Двины, Немана и верхнего Днепра еще раньше объединилась под властью литовского князя.

После овладения Новгородом и Псковом московские князья стали стремиться к овладению областями верхнего Днепра и Западной Двины. На этом пути стоял сильный противник — Польско-Литовское государство. Борьба за национальное объединение русского народа в этом направлении свелась к упорной борьбе за Смоленск. „Главным пунктом раздора между государствами, — пишет В. Пичета, — является Смоленск, сохранение которого для Литвы являлось вопросом сохранения цельности и единства Литовско-Русского государства. Отдача его Москве — это начало распадения его территории. Обе стороны прекрасно оценили положение Смоленска, и первоначально фактически борьба шла только из-за него. К тому же Смоленск был крупным торговым центром, и владение им давало возможность урегулирования торговли в том или ином направлении“. [1]

Таким образом, борьба за Смоленск в конце XV и начале XVI века для Московского государства была борьбой за дальнейшее национальное объединение русского народа, а для Литвы она была борьбой за сохранение государственного единства.

В военном отношении силы обоих противников были приблизительно одинаковы, поэтому борьба за Смоленск едва ли могла быть решена силою только одного оружия. Большую роль в ней сыграли внутренние про-

[1] *В. Пичета.* „Образование территории Московского государства“ — „Русская история в очерках и статьях“, под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. II, стр. 83.

тиворечия в русских областях Польско-Литовского государства и в самом Смоленске. Вследствие этого вопрос о происхождении социальных противоречий, подрывавших силы Польско-Литовского государства на его восточных окраинах, получает большое значение. Для знакомства с ними придется заглянуть в историю Польско-Литовского государства с момента установления Кревской унии (в 1385 г.).

До Кревской унии Литва, представлявшая собой политическое объединение литовских и западно-русских областей, а, следовательно, и трех народов — литовцев, белоруссов и русских, являлась в сущности „федерацией областей, спаянных с центром очень некрепкими узами, могущими порваться при первой возможности. Кроме того, в молодом Литовском государстве литовцы составляли ничтожное меньшинство, расплывавшееся среди моря русского населения“.[1]

В таких условиях не могло возникнуть неравенства народов и национального угнетения.

Но дело изменилось после Кревской унии. Объединение Польши и Литвы под властью польского короля Ягайло сопровождалось выдачей в 1387 году литовской знати особого привилея (пожалования), по которому литовские бояре, принявшие католичество, получали такие же политические и экономические права, какими пользовалась в то время шляхта в Польше. Эти права делали землевладельцев-бояр из литовцев-католиков правящим слоем в среде литовско-русского боярства. Привилей 1413 года еще выше поднял политическое значение литовской части господствующего класса, и между литовской и русской частью его возникло резкое неравенство. Создались условия для национальной борьбы. В. Пичета пишет: „Антагонизм русской и литовской национальностей уже предрешал привилей 1413 года, образовавший литовско-католическую аристократию и закрепивший за ней значение не только землевладельческого, но и правящего класса. Привилегированное положение литовской народности пробуждало соответствующее чувство недовольства среди русских“.[2]

---

[1] *В. Пичета.* „Литовско-Русское государство“ — „Русская история в очерках и статьях“, т. II, стр. 346.

[2] Там же.

Русские князья и бояре как православные не допускались к управлению государством, они не имели права занимать высших правительственных должностей и несли значительно бо́льшие экономические повинности, чем литовские бояре. Привилей 1447 года уравнял положение русской и литовской знати в смысле владельческих прав и повинностей государству, но русская знать попрежнему не могла получить крупного политического влияния в государстве. Вследствие этого среди русской знати образовался оппозиционный польско-литовскому правительству блок. В 1481 году русские князья составили заговор против правительства. Но заговор был раскрыт и заговорщики казнены.

В борьбе против польско-литовского правительства русские князья прибегали и к старому феодальному праву отъезда со своими владениями к другому государю. Князья пограничных с Россией земель стали отъезжать к московскому великому князю со своими вотчинами.

Таким образом, национальная борьба внутри господствующего класса Польско-Литовского государства давала московскому князю такие территориальные приобретения, какие не всегда могла бы принести и вооруженная борьба.

С восьмидесятых годов XV века начался переход в Москву литовских служебных князей. Так, в 1481 году из Литвы бежал в Москву князь Бельский, в 1487 году в Москву перешел князь Воротынский, в 1488 году — другой князь Бельский, в 1490 году в Москву перешел со своим уделом другой князь Воротынский, в 1493 году — третий князь Воротынский, затем князья Мезецкий и Вяземский. Когда князья Воротынский и Бельский перешли к Москве, великий князь литовский послал сказать Ивану III, что он не выпускает этих князей из своего подданства. На это Иван III отвечал: „Ведомо королю самому, что нашим предкам великим князьям князья Одоевские и Воротынские на обе стороны служили с отчинами, а теперь наши слуги старые к нам приехали служить со своими отчинами; так они наши слуги“.[1]

Но ссылка на удельные обычаи оказалась плохим прикрытием отторжения от Литвы целых территорий, и,

[1] *С. Соловьев.* „История России“, т. V, стр. 132, изд.2.

естественно, между Москвой и Литвой вспыхнула война. Однако военные действия продолжались недолго и были незначительны. После взаимного разорения нескольких пограничных городов был заключен в 1494 году договор, по которому Москва сохраняла за собой почти все уделы перешедших к ней князей, а из крупных городов приобрела Вязьму.

Но переход литовских князей в Москву не закончился. В 1500 году перешел со своими отчинами князь Бельский, затем перешел князь Шемячич с городами Рыльском и Новгород-Северским и князь Можайский с городами Черниговым, Стародубом, Гомелем и Любечем. Вновь вспыхнула война, продолжавшаяся два года и закончившаяся в 1503 году шестилетним перемирием. Польско-литовский король Александр „отступился в пользу Москвы от всей верхне-окской Украины и от Чернигово-Северской земли (городов Чернигова, Стародуба, Путивля, Рыльска, Новгорода-Северского, Гомеля, Любеча, Почепа, Трубчевска, Радогоща, Брянска, Мценска, Любутстка, Серпейска, Мосальска), от значительной части Смоленской и части Витебской земель (городов Дорогобужа, Белой, Торопца)“.[1] Любавский указывает на очень существенную деталь этой войны. Он говорит, что русское население приднепровских земель обнаружило наклонность к отпадению от Литвы, а Брянск сдался московскому воеводе вследствие прямой измены жителей литовскому государю.

Этот факт с достаточной убедительностью показывает, что национально-объединительная политика Ивана III находила полное сочувствие в русском населении литовских областей. Следовательно, к началу XVI века созрели все необходимые исторические условия для такой политики. Поэтому Московское государство без особенного военного напряжения постепенно завладевало верхне-окскими и верхне-днепровскими землями. Однако главная цель — овладение Смоленском — еще не была достигнута. Литовцы собирались отстаивать его всеми силами.

Новые земельные приобретения Московского госу-

---

[1] *М. Любавский.* „Очерк истории Литовско-Русского государства“, стр. 191.

дарства на западных границах охватили Смоленск полукругом с севера, востока и юга и приблизились к нему на 90—100 километров. В таких условиях защита Смоленска даже с военно-тактической точки зрения становилась делом очень трудным, а если принять во внимание, что и в самом Смоленске у московского князя нашлись союзники, то защита Смоленска для Польско-Литовского государства оказывалась совсем безнадежным делом.

ГЛАВА II

БОРЬБА ЗА СМОЛЕНСК В XV И XVI ВЕКАХ

Сочувствие смоленских жителей московскому завоевателю было подготовлено всей историей столетнего пребывания Смоленска под польско-литовским владычеством.

Впервые Смоленск был захвачен великим князем литовским Витовтом в 1395 году. В этом году Витовт взял в плен всех смоленских удельных князей, за исключением великого князя смоленского Юрия Святославича, который находился в Рязани. Москва к этому факту отнеслась довольно спокойно. „Великий князь московский не только промолчал, но даже посетил Витовта в Смоленске“,[1] — пишет историк К. Бестужев-Рюмин. Это показывает, что для Москвы в конце XIV века Смоленск не сделался еще таким крупным звеном в процессе национального объединения русского народа, каким он стал через 100 лет после этого.

В 1401 году Юрий Святославич при поддержке своего тестя—рязанского князя Олега и при содействии смоленских жителей вновь овладел Смоленском. Литовский наместник и все сторонники литовцев были перебиты. Однако, все же чувствуя свою слабость, рязанская партия обратилась за помощью к Москве. Московский князь не решился использовать благоприятной для себя обстановки, и в 1404 году Смоленск во второй раз был захвачен Витовтом, и на этот раз довольно прочно.

Однако начавшаяся в Польско-Литовском государстве национальная борьба не прошла мимо Смоленска.

---

[1] *К. Бестужев-Рюмин.* „Русская история“, том II, вып. I, стр. 38.

После смерти Витовта (в 1430 г.) Смоленск стал на сторону Свидригайло, одного из претендентов на литовский престол. Русские области смотрели на Свидригайло как на борца против унии с Польшей и как на защитника русской национальности. „Для Руси — это был не только противник унии, а и защитник национальных интересов русского народа“,[1] — пишет В. Пичета. Великое княжение Свидригайло действительно содействовало усилению русского влияния в Литве, но это было очень кратковременно (с 1430 по 1432 г.). Поляки приняли все меры к тому, чтобы устранить Свидригайло с великого княжения. В 1432 году Свидригайло был свергнут и на его место посажен Сигизмунд, брат Витовта.

После смерти Сигизмунда Смоленск восстал против Польско-Литовского государства. Восстание было поднято в 1440 году трудящимися массами Смоленска — черными людьми. „Сдумали смоляне, — пишет летописец, — черные люди — кузнецы, кожемяки, перешевники, мясники, котельники — пана Андрея (литовского наместника) согнати силою с города, а целование (присягу) переступити; и нарядилися во зброи и со луками, и со стрелами, и с косами, и с секирами и зазвонили в колокол. Пан же Андрей начал рядити с бояры смоленскими. И бояре ему молвили: вели, пане, дворянам своим убратися в зброи, а мы с тобою; чи лепше датися им в руки? И поидоша с копии противу их на конях и бысть им ступ (бой) у Бориса и Глеба в городе; и сбиша много черных людей копии до смерти, а иные ранены, живы остались. И побегоша чорнии люди от пана Андрея. И той нощи выеха пан Андрей из города с женою и бояре смоленскии с ним“.

По смыслу летописного рассказа выходит, что переворот в Смоленске был подготовлен ремесленниками. Они объявили о своем решении на городском вече и собрали городскую рать. Но первое вооруженное столкновение с отрядом литовского наместника и смоленскими боярами оказалось для горожан неудачным. Однако и литовская сторона быстро убедилась в непрочности своего положения, поэтому наместник Андрей Сакович

---

[1] *В. Пичета.* „Литовско-Русское государство“ — „Русская история в очерках и статьях“, том II, стр. 365.

бежал из города, а бояре разъехались по своим вотчинам.

Горожане Смоленска восстановили у себя русское княжение; воеводой они пригласили дорогобужского князя Андрея, а государем — мстиславского князя Юрия Лингвеньевича. Такой итог восстания очень показателен для того времени. Он говорит, что русские князья, оппозиционные к польско-литовскому правительству, могли опираться только на горожан, но не на служилый класс (бояр). Смоленское боярство осталось верным польско-литовскому правительству. Поэтому князь Юрий многих смоленских бояр казнил, часть посадил в тюрьму, а имения их роздал своим сторонникам. Этот факт дает основания думать, что кроме национальных противоречий, в Польско-Литовском государстве уже в середине XV века развилось противоречие между горожанами и феодалами. Так как Смоленск был большим торговым городом, то это противоречие, усиленное национальной борьбой, оказалось обладающим огромной взрывчатой силой.

В 1440 году Смоленск фактически отложился от Польско-Литовского государства, но так как он был окружен кольцом литовских владений, то не смог сразу примкнуть ни к Москве, ни к Новгороду. А без внешней помощи восстание Смоленска было обречено на поражение. Действительно, осенью 1441 года польско-литовские войска осадили город; выжгли весь посад и монастыри и приступом взяли крепость. Смоленские горожане частью были перебиты, а частью выведены в Вильно. Наместником Смоленска был назначен тот же Андрей Сакович.

Но в 1443 году князь Юрий с новгородским войском захватил Смоленск, а потом овладел даже Полоцком и Витебском; однако он не смог удержать своих завоеваний и бежал в Москву.[1] Самый факт вооруженной борьбы Новгорода за Смоленск крайне интересен; он был вызван двумя причинами: во-первых, существованием тесных торговых связей между Смоленском и Новгородом, а во-вторых, тем, что эти связи натолкнули новгородцев на мысль о политическом объединении этого торгового

---

[1] *П. Никитин.* „История г. Смоленска". 1848, стр. 100.

пути еще в сороковых годах XV века. Конечно, Новгород не в силах был выполнить такую задачу, так как скоро сам сделался жертвой объединительной политики московского великого князя, но почин новгородцев очень важен в том отношении, что он указал этой политике путь в бассейн верхнего Днепра и Западной Двины. Итак, надежными союзниками Москвы в борьбе за Смоленск могли быть только смоленские горожане; смоленские же бояре, особенно из крупных землевладельцев, как показал опыт 1440 года, были стойкими сторонниками Литвы, за исключением бывших русских удельных князей. О причинах такого размежевания на московский и польско-литовский лагерь дают некоторое представление документальные источники, относящиеся к истории Смоленской земли во второй половине XV и начале XVI века.

Господствующий класс служилых землевладельцев в Смоленской земле разделялся на два слоя: 1) князья и бояре—крупные землевладельцы, и 2) королевские слуги (называвшиеся также боярами или земянами)[1] доспешные, панцырные, щитные и путные — мелкие землевладельцы. Князья сами имели своих бояр, так, например, у князя Семена Воротынского был боярин Семен Капуста, владевший сельцом Дубровкой, с одним крестьянином в нем и „з землицею пашною и бортною“.[2] Князья и крупные бояре увеличивали свои владения за счет мелких слуг и бояр или путем прямого захвата их земель, или же путем выпрашивания пожалований на них у польского короля. Например, смоленский пан Петр Глебович[3] в 1494 году захватил земли пятерых смоленских бояр (только удержать захваченные земли ему не удалось). Королевские же пожалования земель мелких бояр и слуг крупным боярам в Смоленском повете (уезде) были очень частым явлением. Например, королевский дворянин Митька Семенович просил у короля в 1499 году дать ему „в Смоленском повете, в Еленской волости человека на имя Данилка Топорова и братьи з его землею“. Четыре брата Топоровы владели сельцом из пяти изб и несли пан-

---

1 „Русск. историч. биб-ка“, т. 27 (Литовская метрика), стр. 477—507.
2 Там же, стр. 566.
3 Там же, стр. 571.

цырную службу. Король отдал своему дворянину „того человека Данилка Топорова з братьею и з его землею: нехай он тую землю и того человека з братьею держить, со всим по тому, што здавна к той земли слушало“ (т. е. принадлежало).[1]

Мелкие бояре и слуги, попадая под власть крупных землевладельцев, оказывались в более тяжелом положении и становились естественными противниками своих новых хозяев. Крупные же землевладельцы пользовались огромными экономическими и юридическими привилегиями. Например, в грамоте короля Александра, данной в 1499 году смоленскому князю Константину Крошинскому, говорилось, что он имеет право вечного владения на все свои пожалованные и купленные земли („нашу данину и куплю его“) и на все то, что принадлежит этим землям: „со всими слугами путными и з людьми тяглыми, и з данники непохожими, и с челядью невольною, и со всеми землями пашными и бортными, и з лесы, и з бори, и з ловы, и з ловищи, и з гаи, и з сеножатьми, и з луками, и з реками, и з речками, и со озеры, и з ставы, и з ставищы, и з млыны, и з их вжитки, и з бобровыми гоны, и з даньми грошовыми и медовыми, и з бобры, и з куницами, и с посощиною, и со всими платы и приходы, што с них перво шло, подле давного обычая“. „Волен князь Костентин и его княгиня и их дети... тыи именья и волости, нашу данину и куплю свою, розширити собе и розмножити, и продати, и заменити, и на церковь записати, и ку своему вжиточному обернути, как сам налепей розумеючи, бо мы ему и его княгине и их детем... все то потвержаем вечно, со всим правом и панством и пожитком, ничого не оставляючи на себе и на наши наследки“.[2]

Эта длинная формула была традиционным перечислением земельных прав и вольностей польско-литовских магнатов того времени. Крупные землевладельцы были владельцами „со всем правом и панством и пожитком“, т. е. они были фактически государями в своих владениях на „вечные“ времена. В Московском же государстве к

[1] Там же, стр. 722.
[2] Там же, стр. 759.

концу XV века быстро росло помещичье землевладение и осуществлялась политика ограничения прав бывших владетельных князей. Перед этими бывшими „государями“ вырастала перспектива превращения в помещиков. Совершенно очевидно, что московские порядки были неприемлемы для смоленских панов, и поэтому в лице их Москва должна была встретить непримиримых противников.

К концу XV века крепостное право в Польско-Литовском государстве сделало очень существенные шаги в своем развитии. Законом 1447 года крестьяне старожильцы были закреплены за своими владельцами. В цитированной выше грамоте упоминаются „данники непохожие“, т. е. лишенные права перехода крестьяне; следовательно, к концу XV века такая группа крестьян стала обычным явлением. Но в Смоленском повете уже в сороковых годах XV века крестьяне лишались права свободного перехода. Например, в одном документе того времени записано: „Гридин человек вышел в город; будет ли так — ино его выдати“.[1]

Крестьяне были обременены большими тяготами, поэтому бросали свои дома и уходили в другие места. В Смоленском повете документы отмечают в XV веке много пустых деревень и селищ. Например, в 1486 году „селища Левонникова и Толокнова... не тяглые, а ни данные, а пусты лежат вжо давно“,[2] также и селища Василинкино, Токарево и Юрково „не тяглые, а ни данные, а пусты деи лежат вжо давно“.[3] В Московской Руси в это время закрепощения крестьян еще не было, и они пользовались правом свободного перехода от одного владельца к другому.

К концу XV века сильно стеснены были и смоленские горожане (мещане).

Документы отмечают прямые случаи ограбления смоленских мещан крупными феодалами. Например, смоленский епископ Яким (вторая половина XV века) у смоленского мещанина Карпа Моточковича „безвинно пограбил в него сто рублев денег тверских, пятьдесят золотых угорских и двесте локот тафты“.[4]

---

[1] Там же, стр. 70.
[2] Там же, стр. 403.
[3] Там же, стр. 404.
[4] Там же, стр. 672.

Известно, что Петрковский статут 1496 года ограничил земельную собственность мещан и запретил им покупать земские имения; интересы мещан потерпели также ущерб предоставлением панам и шляхте права беспошлинного вывоза за границу сельскохозяйственных товаров и права беспошлинного ввоза из-за границы.[1] Земельные стеснения смоленских мещан, как можно думать, были причиной того, что мещане стали ликвидировать свои земельные владения. Так, например, в 1494 году смоленский мещанин Артем Клекот продал свою „землю пашную и бортную и сеножати",[2] в 1497 году смоленский мещанин Васька Лещик продал свое село,[3] в 1499 году несколько смоленских мещан продали свои владения князю Константину Крошинскому.[4] Во второй половине XV века наместники литовские в Смоленске налагали на мещан такие повинности, каких они раньше не несли. Например, наместник Николай Радивилович и его окольничие незаконно облагали мещан подводной повинностью для своих личных нужд, когда выезжали в свои имения и на охоту, они же незаконно увеличивали административные пошлины с мещан, они также вводили новые пошлины с купцов, приезжавших в Смоленск из городов Мстиславля и Кричева, вследствие чего и со смоленских купцов в этих городах стали брать такие же пошлины, окольничие заставляли мещан рыть пруды за чертой города и т. д.[5]

В 1501—02 годах в Смоленске находился крупный польско-литовский гарнизон и сильно грабил горожан, чем вызвал большое недовольство.

В условиях обострявшейся в конце XV века борьбы с Москвой недовольство смоленских мещан представляло большую политическую опасность для Польско-Литовского государства. Для ослабления недовольства польский король Александр в 1500 году освободил смоленских купцов от торговых пошлин на территории Поль-

---

[1] *М. Любавский.* „История западных славян", стр. 282.
[2] „Русск. историч. биб-ка", т. 27, стр. 152.
[3] Там же, стр. 154.
[4] Там же, стр. 758.
[5] *М. Любавский.* „Очерк истории Литовско-Русского государства", стр. 347—348.

ско-Литовского государства на 15 лет,[1] для возмещения убытков, произведенных грабежом войска, освободил смоленских мещан в 1502 году от уплаты всех податей на шесть лет,[2] а в 1505 году дал смоленским мещанам грамоту, предоставлявшую им некоторые льготы и запрещавшую незаконные действия наместников и окольничих.

Уже сам экстраординарный характер пожалований Смоленску показывает, что король чувствовал шаткость своих позиций в Смоленске и старался льготами привязать к себе население. Но эти меры не дали должных результатов.

Выше было отмечено, что перемирие, заключенное между Москвой и Литвой в 1503 году, было очень шатким, все тактические преимущества были на стороне Москвы. Москва усиленно готовилась к овладению Смоленском. Благоприятные обстоятельства для этого были созданы восстанием князя Михаила Глинского, происшедшим после смерти короля Александра (в 1506 г.).

Глинский был лидером русской партии в Литве и поднял восстание с целью образования отдельного западно-русского княжества, причем сам метил в великие князья. Восставшие обратились к Москве за помощью, но помощи не получили и были разбиты. Глинский бежал в Москву и своей энергичной деятельностью через своих сторонников в Смоленске продолжал готовить почву для овладения Смоленском.

Походы московских войск на Смоленск начались в 1513 году. Первые два приступа, в январе 1513 года и летом того же года, были неудачны. Смоленск был взят лишь при третьей осаде в июле 1514 года. Судя по описаниям хода военных действий, Смоленск на этот раз очень слабо сопротивлялся. Осада началась 29 июня. Вскоре осажденные начали переговоры о сдаче города, и уже 30 июля город был взят. Очевидно, Москве помогли не столько новые пушки и пушкари, выписанные из-за границы, сколько противоречия среди различных социальных групп защитников города. Можно догадываться, что в Смоленске настроения мелких бояр, мещан и чер-

---

[1] „Русск. историч. биб-ка“, т. 27, стр. 804.
[2] *Никитин*, „История г. Смоленска“, прилож. IX.

ных людей должны были складываться в пользу Москвы. Эти предположения подкрепляются поведением как раз этих слоев населения после Оршанской битвы в том же году. „Содействие смолян утверждению у них московского господства,—пишет Любавский,—особенно ярко сказалось после Оршанского поражения московского войска 8 сентября 1514 года. Владыка смоленский Варсонофий, князья и паны смоленские обнаружили готовность возвратиться под власть Литвы и послали сказать Сигизмунду, чтобы он поскорее прислал к ним войско, а они сдадут город. Но бояре и черные люди в Смоленске пожелали остаться за Москвою и предупредили об измене московского наместника кн. Василия Шуйского“. [1]

Размежевание социальных слоев в Смоленске в критическую минуту для московского владычества как раз вполне соответствовало их размежеванию в самом Литовском государстве, поэтому рассказ об организации заговора и его подавлении заслуживает полного доверия и объясняет причину столь быстрого взятия Смоленска Москвой в 1514 году.

Переход народа на сторону Москвы проявился не только в том, что народ помог раскрыть заговор архиерея, князей и панов, но и в том, что смоленский народ оказал вооруженный отпор войскам литовского гетмана Острожского, который пришел на выручку заговорщиков. „Когда подошел к городу гетман кн. Острожский,—пишет М. К. Любавский,—то Шуйский (московский наместник), давая ему знать об открытии заговора, повесил на городских стенах всех изменников, кроме архиерея. Тщетно после того Острожский посылал к смолянам грамоты с увещеваниями передаться Сигизмунду, тщетно делал приступ к городу. Доброжелателей королевских не существовало более, жители бились крепко, и Острожский должен был отступить с большим уроном“. [2]

Быстрая сдача Смоленска 30 июля 1514 года подготовлена была также и тем, что московский князь вы-

---

[1] *М. Любавский.* „Очерки истории Литовско-Русского государства“, стр. 192.

[2] Там же.

дал Смоленску жалованную грамоту, очень сходную с грамотой Александра (1505 года). По этой грамоте как за землевладельцами, так и за мещанами сохранялись их старые права.

В грамоте гарантировалась неприкосновенность церковных, княжеских и боярских вотчин и других земельных владений, а также давалось обещание никого не высылать из Смоленской земли „...и разводу их князем и мещанем и черным людем и всем людем Смоленские земли никак не учинити". Грамота представляла бы для нас большой интерес как наиболее надежный источник, свидетельствующий об установившихся в Смоленске под властью Москвы общественных порядках, если бы она точно выполнялась Москвою. Но есть все основания думать, что грамота была в значительной степени тактическим приемом, облегчившим взятие Смоленска; повидимому, с течением времени ликвидировались многие обещания грамоты, и в первую очередь те, которые были не в интересах Москвы. Так, можно думать, прежде других пунктов было нарушено обещание не высылать смолян в другие города. Заговор смоленских панов во главе с архиереем естественно вызвал недоверие московского правительства вообще ко всей смоленской знати и к крупным купцам, которым должны были больше нравиться литовские порядки. Московское правительство постаралось выселить наиболее влиятельных из них в центральные области и в частности в Москву. Оторванные от своих старых связей, эти люди на новых местах уже не представляли опасности. Об этой операции свидетельствует наказ послу Загрязскому, отправлявшемуся в Литву. Послу говорилось: „Если спросят (в Литве): для чего великий князь смольнян в Москву перевел, то отвечать: которые люди пригожи государю нашему на Москве, тем государь велел на Москву ехать, а которые пригожи ему в Смоленске, тем велел оставаться в Смоленске. А которым людям государь велел ехать в Москву, тех пожаловал, дал им в Москве дворы и лавки, также дал им поместья". [1] Из этого весьма дипломатичного ответа одно ясно, что смоляне действительно были переселены и что в их

[1] *С. Соловьев.* „История России", т. V, стр. 387, изд. 3.

числе были и купцы, которым дали лавки, и служилые люди, которым дали поместья.

Как уничтожались остатки литовско-польских порядков в Смоленске, в какой степени некоторые из них оказались живучи и сохранились под московской властью,—сказать очень трудно, вследствие крайней скудости дошедших до нас сведений. Одно несомненно, что главное внимание Москвы было направлено прежде всего на реорганизацию землевладения и перетряхивание господствующего класса для обеспечения верности Московскому государству. Другими словами, борьба за Смоленск продолжалась и после его взятия, но только она велась другими средствами и притом внутри самого Смоленска. Московское правительство могло полагаться только на мелких землевладельцев, т. е. слуг, бояр или земян, да на городское мещанство.

Действительно, большое количество земян, или земцев мы встречаем впоследствии в составе смоленских помещиков. Но на первых порах процесс насаждения помещичьего землевладения и организации служилого класса в Смоленске шел довольно медленно. Причиной этого, повидимому, было то, что Москва не очень торопилась с усилением вооруженных сил Смоленска, так как были более угрожаемые места. Историк Соловьев пишет, что в то время „в Москве боялись крымского хана больше, чем Литвы“.[1] С этим вполне согласуются и наблюдения одного исследователя, занимавшегося изучением организации смоленских служилых людей. Он пишет: „В двадцатых—тридцатых годах (XVI века) в Смоленском уезде не заметно существования класса помещиков. Для сороковых годов мы имеем несколько упоминаний о смоленских помещиках, но количество их представляется малочисленным. В 1550 году ни одного смоленского помещика не попало в тысячную книгу (наряду с 13-ю белянами, 11-ю доробужанами, 35-ю торопецкими помещиками и т. д.). Число смоленских помещиков возросло в пятидесятых годах или к началу шестидесятых“.[2] Это наблюдение очень ценно, так как

---

[1] *С. Соловьев.* „История России“, т. VI стр. 16, изд. 2.

[2] Журн. М. Н. П. 1914 г., ноябрь. „О списке смоленской десятни XVI в.“ *Л. Сухотин,* стр. 252—253.

оно позволяет нам ориентироваться в политике Москвы по отношению к Смоленску в середине XVI века. Мы только заметим что число помещиков в Смоленске заметно возросло именно в шестидесятых годах XVI века.

Значение Смоленска для Москвы находилось в большой зависимости от характера отношений с Литовско-Польским государством. С. Ф. Платонов так характеризовал роль Смоленска: „Значение Смоленска общеизвестно. В XVII веке его называли ключом Москвы (clavis Moscuae—у Таннера); с равным правом можно было назвать его и ключом Литвы, потому что тот, кто им владел, получал возможность распоряжаться и в области Зап. Двины, и в области верхнего Днепра, если целью операций была Литва. Если же Смоленск становился операционным базисом против Москвы, то из него можно было итти не только на самую Москву, но и на Тверь и на Северскую Русь. Такое положение Смоленска в центре многих сообщений придавало ему важность и в торговом отношении. Через Смоленск шли сухопутьем товары в Москву из Литвы и стран, лежавших за нею, и в Смоленске был особый „гостинный литовский двор" на посаде". [1]

Из этой характеристики Смоленска может возникнуть вопрос, какая же сторона Смоленска имела для Москвы решающее значение: военно-стратегическая (политическая) или торговая (экономическая)?

Все данные говорят за то, что по отношению к Смоленску XVI века такая постановка вопроса была бы неправильна. Наряду с крупным стратегическим значением Смоленск имел и не менее важное экономическое значение. Он принадлежал к числу крупнейших восточно-европейских городов. Торгово-промышленное население Смоленска (посадский мир), как увидим в дальнейшем, играло крупную роль в политической жизни города. Этого нельзя забывать как при изучении борьбы за Смоленск в начале XVI века, так и при изучении подобного же процесса в начале XVII века. Поэтому никак нельзя согласиться с С. Ф. Платоновым, когда он говорит, что „пограничное положение края и первостепенное стратегическое значение Смоленска мешали правиль-

---

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты", стр. 54., изд. 1901 г.

ному развитию хозяйственной жизни в самом городе и вокруг него; на первом месте был здесь военно-политический интерес, и ему подчинились все прочие". [1]

После взятия Смоленска в 1514 году война еще продолжалась. 8 сентября 1514 года московские войска потерпели сильное поражение под Оршей, война затянулась до 1522 года, когда было заключено перемирие на пять лет. Несмотря на оршанское поражение, Москва отстояла за собой Смоленск. В 1526 году снова начались переговоры с Литвой о заключении мира, но вместо вечного мира опять было заключено перемирие до 1532 года. „Смоленск служил препятствием,— писал историк Соловьев,— для заключения вечного мира: король никак не хотел уступить его на веки Москве, а великий князь также ни за что не соглашался отказаться от своей отчины, возвращение которой составляло славу его княжения".[2] После смерти Василия III литовцы снова делают попытку вооруженной силой вернуть Смоленск. Война продолжалась четыре года, но Литве не удалось взять Смоленска. В 1537 году было заключено перемирие, длившееся до самой Ливонской войны, т. е. до 1558 года. Это перемирие было более спокойным, чем предыдущее. Литва не могла помышлять о нападении на Москву, а поэтому последняя могла и не торопиться с усилением вооруженных сил Смоленска. „Внимание и силы Литовско-Русского государства вместе с Польшею,— пишет Любавский,— отвлечены были от Москвы грозною турецкою опасностью и борьбою с крымскими татарами". [3] Это обстоятельство и объясняет нам, почему до шестидесятых годов число смоленских помещиков было очень незначительно.

С шестидесятых годов XVI века начался новый период борьбы между Московским и Польско-Литовским государствами. Общие цели войны остались неизменными, но зато выдвинулись новые задачи, вследствие чего стра-

---

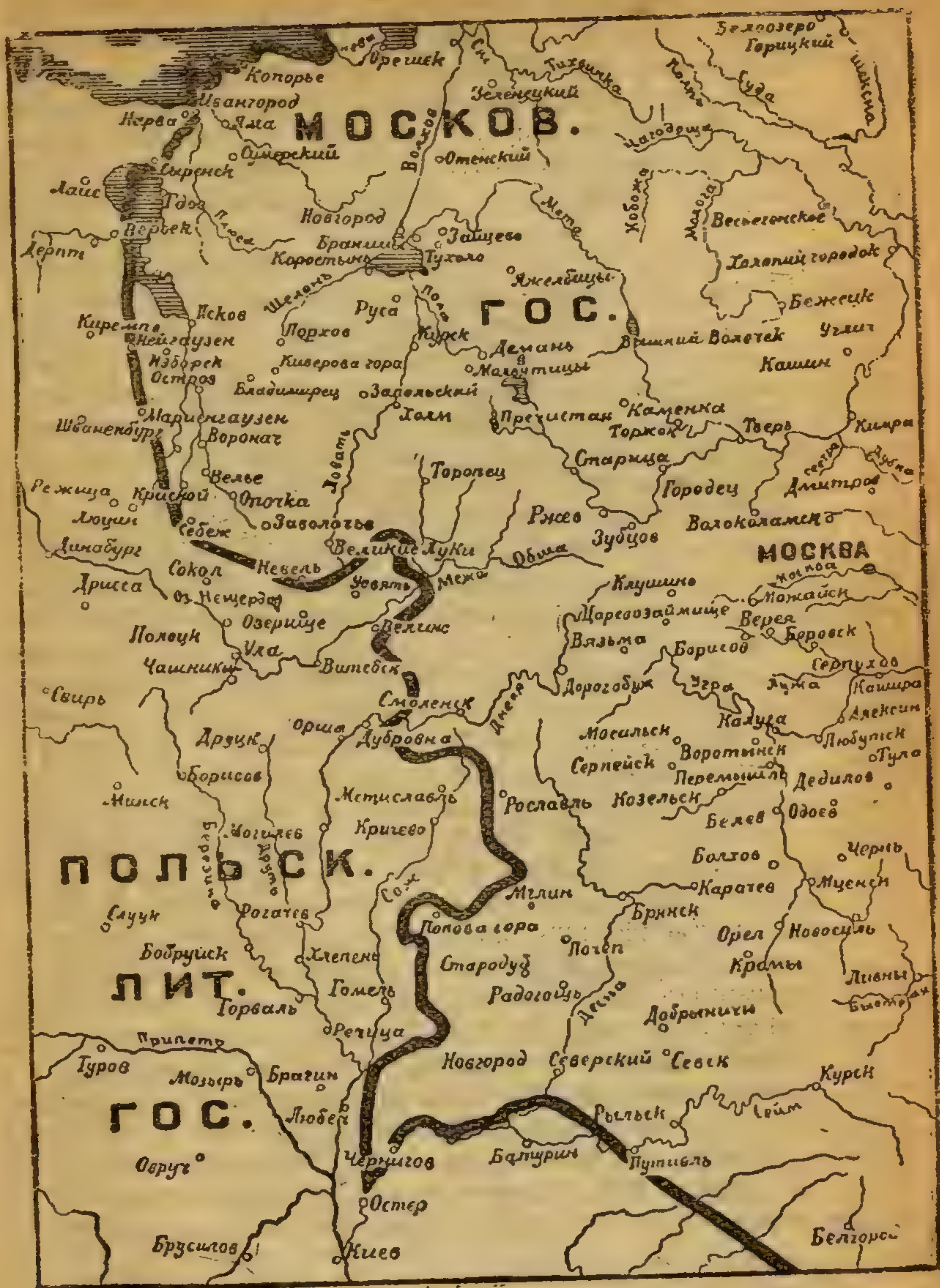
[1] Там же.
[2] *С. Соловьев.* „История России", т. 5, стр. 386, изд. 3.
[3] *М. Любавский.* „Очерки истории Лит.-Русск. госуд.", стр. 193.

тегическое значение Смоленска могло изменяться в зависимости от хода войны. В 1558 году началась война Москвы с Ливонией, втянувшая Москву в войну с Польшей и Швецией. Военные действия велись на широком пространстве от Финского залива до Зап. Двины. Вполне понятно, что Смоленск получал большое военное значение только тогда, когда военные операции велись против Польско-Литовского государства. Таких периодов было два: один в начале войны с 1560 по 1567 год и другой в конце войны с 1577 по 1582 год. В один из этих периодов и могло совершиться то крупное пополнение смоленских помещиков, о котором нам известно из десятни XVI века и которое представляет собою один из интереснейших приемов комплектования господствующего класса в городах, имевших для московского правительства большое политическое или военное значение. Мы подробно займемся этим вопросом в дальнейшем, а теперь нам следует посмотреть, с какими новыми интересами для Московского государства стала связываться борьба за Смоленск в эпоху Ливонской войны и после нее.

Война за Ливонию непосредственно столкнула Москву с Польшей, которая в 1569 году окончательно объединилась с Литвой в одно государство. Борьба за Смоленск приобрела международное европейское значение.

Борьба Москвы за Ливонию была борьбой за свободу торговли через Балтийское море с западно-европейскими странами. Еще до образования Московского государства вся западная торговля русских княжеств и вольных городов была в руках ганзейских купцов. Благополучие и существование некоторых из ганзейских городов целиком строилось на русской торговле. Так, например, купцы гор. Любека в 1580 году по поводу закрытия шведами морского пути в Нарву заявляли германскому императору: „Закрытие нарвского плавания подорвало все благосостояние Любека; в городе распространяется бедность, с нею неразрывны и внутренние волнения“.[1] В 1580 году Нарва находилась еще в руках Москвы и вела оживленную торговлю с Западом. Те же купцы в 1571 году в переговорах со шведским послом Делагарди так оценивали значение русской торговли для прибалтийских го-

[1] *Г. Форстен.* „Балтийский вопрос“, т. I, стр. 684.

Западные границы Московского государства на рубеже XVI — XVII вв.

сударств и ганзейских городов: „Русская торговля для приморских городов и княжеств — самая прибыльная, с ее прекращением они понесли бы невозвратимую потерю. С русскою торговлею связано существование многих тысяч людей; обезлюдеет все Балтийское море, закрытие русской торговли вгонит многих в нищенство. В России — изобилие товаров, в которых нуждается вся Европа".[1]

Это значение русской торговли прекрасно понимали также и сами русские купцы и московское правительство. Поэтому естественно, что самым сильным их желанием было освободиться от опеки иностранных купцов и установить прямую связь морем с Западной Европой. А для этого надо было иметь свои гавани на балтийском побережье. Поэтому московское правительство во второй половине XVI века поставило главной задачей своей внешней политики пробиться к балтийским берегам.

В борьбе за балтийское побережье из всех противников Москвы Польша оказалась самым опасным и сильным. Польша стремилась отбросить русских от Балтийского моря, получить в свои руки все выгоды балтийской торговли и затормозить экономическое и культурное развитие Московского государства. „Все старания его (польского правительства) клонились к тому, чтобы удалить из Ливонии всякое иноземное влияние — будет ли оно шведским или русским — и присоединить к своей короне все восточное побережье Балтийского моря".[2] Другими словами, Польша стремилась взять в свои руки всю русскую торговлю в Балтийском море. Это должно было столкнуть Польшу не только с Москвой, но и с некоторыми, заинтересованными в русской торговле, прибалтийскими государствами. Для ослабления сопротивления последних и для сколачивания антимосковской лиги Польша прибегала к очень искусным приемам агитации и застращивания русской опасностью. Большой интерес в этом отношении представляют письма польского короля Сигизмунда II Августа, адресованные к европейским государям. Так, например, в 1569 году он писал датскому королю Фридриху II: „Получая от иностранных

[1] Там же, стр. 606.
[2] Там же, стр. 313.

торговцев все нужное ему для войны, московит тем скорее и легче достигнет своей цели; в Московское государство доставляют теперь такое оружие, употребление которого до этого было совершенно неизвестно русским; к русским нанимаются и иностранные моряки, учащие их морскому делу. Пройдет немного времени, русские не будут более нуждаться в помощи иностранцев, и все, кто теперь помогает московитам, сами готовят себе большой вред...". „6 апреля неутомимый король Польши обратился с открытым плакатом ко всем европейским государям с просьбой порвать торговые сношения с Россией, не доставлять русским ни пороху, ни дроби, ни серы, ни селитры, ни съестных припасов, чем они только подготовляют дальнейшие успехи московитов в войне".[1] Такая агитация не всегда действовала на рассчетливых европейских купцов, но она ясно показывала, каким серьезным врагом Москвы была Польша и какими опасностями для экономического и культурного развития России угрожала победа Польши в Ливонской войне. Отсюда понятно то огромное жизненное значение оборонительных мероприятий против Польши, которые предпринимались московским правительством во второй половине XVI века. Среди этих мероприятий укрепление Смоленска играло очень важную роль. Однако при Грозном выполнена была только часть программы по усилению Смоленска, именно — организация и пополнение смоленского служилого класса, а сооружение каменной крепости было выполнено уже продолжателем политики Грозного — Борисом Годуновым.

Обратимся теперь к проведенной правительством Грозного реорганизации помещичьего класса в Смоленске. О ней дает представление дошедшая до нас смоленская десятня 7082 года, т. е. 1574 года. Это чуть ли не единственный письменный памятник по истории Смоленска за третью четверть XVI века, поэтому значение ее для истории Смоленска очень велико. Но и помимо этого смоленская десятня „82" года обладает такими особенностями, которые придают ей общеисторический интерес.

Прежде всего, что такое десятни и как они составлялись?

---

[1] Там же, стр. 641—542.

Десятни устанавливали разряд или чин (звание), а также земельный и денежный оклад помещика, т. е. те самые основные данные, которые определяли прежде всего право помещика на получение поместья и на эксплоатацию занятого на нем крестьянского труда; затем они устанавливали право помещика на денежное жалованье от государства и определенный размер военной повинности, соответственно величине земельного оклада. Десятни, таким образом, определяли место помещика в рядах своего класса. Эту роль играли так называемые „разборные“ и „верстальные“ десятни. „Когда надобно было „разобрать“ дворян и детей боярских известного города, т. е. сделать им смотр, поверстать их поместными окладами или раздать им денежное жалованье, и если это происходило на месте, а не на стороне, не в Москве и не в другом сборном пункте, городовые служилые люди съезжались в свой уездный город. Здесь они выбирали из своей среды окладчиков, людей надежных и сведущих, человек по 10 по 20 и больше на уезд, и приводили их ко кресту на том, что им про своих товарищей сказывать производившим разбор или верстанье командирам или уполномоченным обо всем в правду. Эти присяжные окладчики показывали об уездных служилых людях, кто каков отчеством и службою, каковы за кем поместья и вотчины, к какой кто годен службе, к полковой, походной, конной, или к городовой, осадной, пешей, сколько у кого детей и сколь они велики, как кто служит, является ли в поход с надлежащим служебным нарядом, т. е. положенным количеством ратных людей и коней и в узаконенном вооружении, кто к службам ленив за бедностью и кто ленив без бедности и т. п.“ [1]

Провинциальные помещики разделялись на три чина: выбор, дворовые и городовые. Выбор представлял высший слой провинциальных помещиков. Это были наиболее богатые и родовитые помещики, составлявшие основной командный слой в уездных отрядах и привлекавшиеся к выполнению различных поручений центрального правительства. Дворовые помещики, или дворяне, несли конную или полковую службу и участвовали в дальних походах. Городовые помещики несли пешую осадную или

[1] *В. Ключевский.* „Курс русской истории“, ч. II, стр. 304.

гарнизонную службу. Помимо чинов, десятни распределяли помещиков по окладам земельным и денежным. Все это и составляет содержание десятни. Внешне десятня представляет собою список помещиков, распределенных по чинам и окладам. Размер военной повинности помещиков устанавливался законом 1555 года: „с вотчин и поместий уложенную службу учинити, со ста четвертей доброй угожей земли человек на коне в доспехе в полном, а в дальний поход о дву конь", т. е. с каждых 150 десятин[1] хорошей пашни должен был выставляться один ратник в полном вооружении и на коне, а для дальнего похода должен был иметь два коня.

Десятни вводят нас в область взаимоотношений между классом помещиков и его государством. Каждый помещик становился эксплоататором крестьянского труда на основе полученного им от государства временного права собственности на обрабатывавшуюся крестьянами землю. Государство как бы временно уступало ему свое право собственности на эту землю и свое право эксплоатации крестьян. Примером того, как это делалось, могут служить следующие грамоты на поместья.

В 1572 году дьяку Василию Щелкалову было пожаловано поместье; жалованная грамота заканчивалась так: „И вы б все крестьяне, которые в том селе и в деревнях живут, дьяка нашего Василия Щелкалова слушали, пашню на него пахали и оброк ему помещиков платили".[2] Или вот конец другой грамоты на поместье: „И вы б того поместья все крестьяне Шестого Лутохина чтили и слушали во всем, и пашню на него пахали и оброк ему денежный и хлебный платили, чем он вас изоброчит; а он вас ведает и судит во всем по сей нашей грамоте".[3] Десятни еще не давали самого поместья, но они давали помещику право на получение поместья определенного размера, если он его не имел к моменту верстанья. Десятни были как бы векселем, по которому помещичий класс получал от государства право на эксплоатацию земли и живших на ней крестьян, с обязательным взносом процентов в виде воинской повинности. А раз в десят-

---

[1] Четверть пахотной земли считалась в одном поле и была равна $\frac{1}{2}$ десятине, что для трех полей давало $1\frac{1}{2}$ десятины.

[2] „Акты исторические", т. I, № 180.

[3] Там же, № 183.

нях устанавливался размер и форма собственности господствующего класса, т. е. фиксировалось важнейшее и фундаментальнейшее общественное отношение между двумя основными классами — помещиками и крестьянами (так как в десятнях подразумевалась земля, обрабатываемая крестьянами), то марксистский историк не может равнодушно пройти мимо десятен.

До сих пор не обращалось особенного внимания на то, что земельный оклад помещиков десятни указывали всегда в четвертях пашни, а не земли вообще. Здесь имелась в виду не пашня как угодье, как земля, пригодная для посева, а пашня, обрабатывавшаяся крестьянами. Помещик искал пашни „живущей“, т. е. действовавшего на пашне крестьянского труда. Только такая земля и могла прокормить помещика, а земля без крестьян помещику XVI века и даром была не нужна. Поэтому десятни формой своих земельных окладов и указывали на важнейший для помещика объект собственности — именно крестьянский труд, приложенный к пашне и условно выраженный в площади пашни. Крестьянское хозяйство еще не сделалось собственностью помещика, как в то время в Литве и Польше, русский крестьянин лично был еще свободен, а эксплоатировался только его земледельческий труд. Вследствие этого и вооруженных ратников московские помещики выставляли по размерам пашни, а польско-литовские помещики, установившие во второй половине XVI века полное закрепощение крестьян, выставляли одного вооруженного ратника с 9—10 крестьянских хозяйств или служб. Следовательно, измерителем экономической мощи московского помещика XVI века было количество пашни, обрабатываемой его крестьянами. Устанавливая земельные оклады в десятнях, окладчики, очевидно, в одних случаях определяли состоятельность уже испомещенных помещиков, у которых размер поместных дач был близок к окладу, а в других случаях верстали по отчеству или родству, т. е. устанавливали, в каком размере должен быть наделен помещик, еще не имевший такого количества земли. Этим помещикам предоставлялось право подыскивать себе поместья и подавать на них челобитные. Операции установления окладов и наделения поместьями в Московском государстве были разделены между двумя прика-

зами: Разрядным и Поместным. Установление оклада было только установлением имущественного ценза помещика — или фактического, или же следуемого по отчеству. Поэтому оклады практически никогда и не могли совпадать с поместными дачами. Но для понимания десятни очень важно знать, что земельный оклад помещика — это установленное государством право помещика на эксплоатацию определенного количества крестьянского земледельческого труда. Другое дело, что это право не всегда точно реализовалось в зависимости от различных условий.

Смоленская десятня, как и другие десятни, представляет собою именно такого рода документ, по которому еще нельзя сказать о количестве находившейся у помещиков крестьянской пашни и собственной запашки, если она была у них, но можно только приблизительно судить о том количестве крестьянских хозяйств, которое нужно было бы иметь для полного удовлетворения помещиков по их окладам. Однако помимо того, что десятни являются документом, определяющим основное общественное отношение господствующего класса помещиков, десятни могут служить и другим целям исторического исследования. Они, во-первых, знакомят нас с организацией господствующего класса, а во-вторых, могут служить прекрасным справочником для определения социального положения целого ряда действующих лиц, упоминаемых в других исторических источниках, современных десятне и относящихся к тому же городу.

Смоленская десятня „82" года как справочник почти совершенно бесполезна, так как она осталась единственным документом истории Смоленска шестидесятых — семидесятых годов XVI века, но зато она является замечательной иллюстрацией политической линии правительства Грозного при организации смоленского служилого класса. Вследствие этого десятня получает особый интерес и большое значение, но исследователь вынужден пользоваться ею с большой осторожностью ввиду крайней испорченности ее текста. Мы считаем необходимым указать на ее дефекты и на имеющуюся в печати их критику.

Текст десятни был опубликован в 1913 году М. В. Муравьевым по списку, найденному им в одном рукописном

сборнике начала XVIII века [1]. В настоящее время известны еще два таких сборника. (Один из них находится в Историческом музее в Москве, в собрании рукописей Вахрамеева № 136, [2] а другой найден нами в Смоленской городской библиотеке им. В. И. Ленина). Большая работа по анализу и критике текста десятни была произведена Л. Сухотиным в 1914 году. [3] Он указал на очень многие дефекты текста и внутренние противоречия. Прежде всего, в десятне испорчен заголовок, что затрудняет датирование документа. Приводим заголовок по смоленскому списку: „Лета 7082-м году по указу великого государя и великого князя Федора Ивановича всея России самодержца в Смоленску боярин и воевода Борис Михайлович Шеин, да окольничий князь Федор Васильевич Елецкой, да дьяки Семен Немиров да Федор Кунаков расписали и разобрали в Смоленску дворянин введенцов з городов и тутошных уроженцев порозну по десяткам и поместной оклад и денежную придачу учинили". Уже в существующих вариантах заголовка встречаются разночтения. В муравьевском варианте Шеин назван Борисом Васильевичем, а в смоленском — Борисом Михайловичем; в первом варианте имя дьяка Немирова — Сеит, а во втором — Семен; в первом варианте есть целая лишняя фраза: „а что кому учинено, и то писано ниже сего по статьям". Но кроме разночтений, в заголовке имеются большие противоречия. Год 7082 (или 1574) не вяжется с именем царя Федора Ивановича, так как Федор начал царствовать только в 1584 году, а этот год не вяжется с упоминанием Б. Шеина, который был убит в 1579 году. В заголовке встречаются и другие неточности.

Затем в самом тексте есть указания на детей боярских митрополитов новгородского и казанского и архиепископов тверского и смоленского, что заставляет относить десятню ко времени после 1589 года, т. е. после учреждения патриаршества; во всяком случае по этому признаку десятня должна быть отнесена не ранее, как к 1590 году. Но против этого говорят следующие факты. Если бы десятня была составлена в 1590 году или

---

1 „Летопись ист.-родосл. общ-ва в Москве". 1913 г., вып. 1—2, стр. 82—99.

2 *А. Титов.* „Рукописи славянск. и русские, прин. Вахрамееву".

3 Журн. М. Н. П. 1914 г., ноябрь, стр. 240—259.

даже позднее, то в ней было бы много одних и тех же лиц, что и в другой смоленской десятне 1606 года, во всяком случае, в первой десятне было бы больше отцов, а во второй — сыновей. Но ни того, ни другого не обнаруживается. Десятни разделены, повидимому, не меньше, как целым поколением (лет 35—40). Затем другие источники показывают, что в 1590 году в Смоленске служил сын боярский Андрей Дедевшин.[1] Этого Дедевшина мы находим в выборе смоленской десятни 1606 года, и если бы первая десятня была составлена уже в 1590 году, то А. Дедевшин обязательно вошел бы в нее. Этого же самого Дедевшина мы встречаем в свите московского посла Проскурова, направленного к Стефану Баторию в 1585 году.[2] Повидимому, А. Дедевшин уже в то время служил по выбору в Смоленске, а в Москве оказался для дальних посылок по поручению правительства.[3] Поэтому, если бы десятня была составлена даже в первый год царствования Федора, то А. Дедевшин также должен был бы войти в ее состав. Следовательно, десятня была составлена раньше, в царствование Грозного. В пользу этого предположения говорят и многие соображения, приведенные Л. Сухотиным, которые мы считаем излишним повторять. В таком случае остается только подвергнуть критике год составления десятни. Мы уже указывали, что, судя по обстановке Ливонской войны, комплектование смоленских помещиков могло происходить или в период с 1560 по 1567 год, или с 1577 по 1582 год, когда велись активные военные действия на литовско-польском фронте. Год десятни очень близок ко второму периоду. В пользу его Л. Сухотин приводит следующее соображение: „Если б не недоверие к дате 1574, стоящей в заголовке, было бы весьма кстати привести содержание донесений оршинского старосты Филона Кмиты от весны и лета 1574 г. Начиная

---

[1] *С. Соловьев.* „История России“, т. VII, стр. 281, изд. 4.

[2] Там же, примечание № 90.

[3] О том, что А. И. Дедевшин служил в Смоленске в 1585 г., видно из отрывка переписных книг Болдинского Дорогобужского монастыря, опубликованного Ю. В. Готье в „Памятниках обороны Смоленска“ под № 283. В отрывке переписных книг указано, что А. И. Дедевшин занимал в Болдинском монастыре 40 рублей. А этот отрывок относится к 1585—86 годам.

с 1 марта, он передавал доходившие до него из-за рубежа слухи „о великой опатрности“ (пополнении), которую чинили в Смоленске, о прибытии туда „люду московского немалых войск“, „люду военного“, „стрельцов и ездных“, „для залоги и опатренья Смоленска“.[1] Эти донесения очень подкупают признать 1574 год за подлинный, но все же против этого, по нашему мнению, говорит общее содержание десятни. Оно ясно показывает, что при составлении десятни смоленский служилый класс был организован почти заново, так как 3/5 его состава было переброшено сюда из других городов. Судя по десятне, можно думать, что до этого момента в Смоленске местных служилых людей было не более 120—150 человек (местными помещиками мы считаем земцев). Следовательно, составление десятни могло относиться к тому времени, когда число смоленских помещиков было около полутора сотен. Л. Сухотин, следя за ростом численности смоленских помещиков, указывает: „Число смоленских помещиков возросло в пятидесятых годах или к началу шестидесятых. В Полоцком походе 1562—63 года принимал участие отряд в 160 человек смоленских помещиков и, кажется, еще другой отряд в составе 80-ти чел. смоленских помещиков и земцев, годовавших на Белой. После похода в г. Смоленске по росписи должно было находиться с воеводами 411 чел. смоленских помещиков“.[2]

Данные за последующие годы дают основания предполагать, что число помещиков значительно возросло, если Смоленск, помимо своей основной задачи — держать большой резерв на случай отпора полякам, — в 1572 году выставил, например, против татар 350 помещиков и 400 стрельцов, а в 1577 году даже 479 помещиков.[3]

На основании всех этих данных мы считаем, что комплектование смоленских помещиков, очевидно, было произведено в связи с походом на Полоцк, т. е. приблизительно в период 1560—1565 гг. В этом нас убеждает состав десятни. В ней записаны помещики „введенцы“

---

[1] Журн. М. Н. П. 1914 г., ноябрь, стр. 253—254.
[2] Там же, стр. 253.
[3] Там же, стр. 253.

из других городов и помещики „тутошные уроженцы“, а тутошные уроженцы, это — в большинстве своем земцы. Если же предположить, что земцы не были помещиками, то получается, что в Смоленске до составления десятни не было ни одного помещика. Такого положения, конечно, не могло быть. Л. Сухотин обходит вопрос о смоленских земцах, а Муравьев просто пишет, что „вопрос о земцах недостаточно ясен; сближение их со своеземцами пока только предположительно“ [1].

Мы полагаем, что отождествление смоленских земцев со своеземцами или земцами Новгорода едва ли допустимо. Если даже земцы, как особая группа землевладельцев, и существовали в старом вечевом Смоленске, то за 100 лет литовского господства они не смогли сохранить свою самобытность. Нам кажется, что дело здесь значительно проще. После взятия Смоленска наиболее крупные землевладельцы, оставшиеся на московской службе, были выселены в другие города, а в Смоленске остались средние и мелкие землевладельцы, бояре или земяне, как более надежный в политическом отношении слой. К шестидесятым годам XVI века, повидимому, существовали уже только некоторые потомки этих коренных смоленских помещиков. Они могли сохранить до этого времени свое прежнее название земян, а в русском языке единственное число от слова „земяне“ произносится как „земец“. Так и образовалось в смоленской десятне название „земец“, обозначавшее коренных местных служилых людей, или, по выражению десятни, „тутошных уроженцев“.

Одним из доказательств нашего предположения является тот факт, что среди земцев, записанных в десятне, встречается несколько фамилий, внесенных и в реестр смоленских князей, бояр и слуг, составленный в восьмидесятых годах XV века (фамилии Вошкиных, Коверзиных, Копыловых, Пешковых, Перфурьевых, Шестаковых и, возможно, Золотиловых).[2] Сохранения большего количества старых фамилий трудно ожидать, так как

---

[1] „Летопись ист.-родосл. общ-ва в Москве“. 1913 г., вып. 1—2, стр. 81.

[2] „Русск. историч. биб-ка“, т. 27. „Литовская метрика“, стр. 477—508,

за 80-летний период должна была произойти большая передвижка служилых людей.

В десятне записано всего 520 помещиков, 4 начальника, или головы стрелецких приказов (полков), 28 стрелецких сотников и 79 человек помещичьих недорослей, т. е. помещичьих сыновей, не достигших 15 лет. Список стрелецких командиров и недорослей, хотя и обозначен „того ж разбору“, но несомненно составлен позднее самой десятни; он мог относиться и к 1574 году.

Из числа 520 смоленских помещиков 305 человек были переведены из других городов, 118 были местными помещиками — земцами, а 71 человек были набраны из таких слоев населения, которые ничего общего с поместной службой не имели, а именно: 35 человек из мелких административных лиц (сыновья приставов, рассыльщиков, померщиков, дьяков и подьячих), 10 человек из низших военных слоев (сыновья пушкарей, затинщиков и казаков) и 26 человек из духовного сословия (сыновья попов, дьяконов, притворников и монастырских служек). Такое большое пополнение из недворянских слоев могло быть вызвано только такими чрезвычайными обстоятельствами, как, например, подготовка Полоцкого похода. В условиях мирного времени в такой вербовке не было бы нужды.

Большой интерес с точки зрения организации помещичьего класса представляет распределение помещиков по чинам; в смоленской десятне выборных было 70 человек, дворян 150 и городовых 300 человек. Соотношение 1:2:4 представляется довольно искусственным и вызывает подозрения. Л. Сухотин предполагает, что разделение по чинам было произведено переписчиками в конце XVII века с целью прибавить некоторым помещикам родовитости. Но, повидимому, сам порядок расположения имен в списке остался без изменения, поэтому, если нельзя доверять разделению на чины, то вполне можно доверять именному списку. А этот последний открывает интереснейшую закономерность в распределении по окладным или цензовым статьям разных групп помещиков. Сначала рассмотрим в таблице распределение служилых людей по земельным и денежным окладам:

Чин	Статья	Число помещиков	Размер оклада в четвертях пашни	Денежный оклад
Выборные . .	1	40	550	8 руб. с полтин.
"	2	30	550	7 руб. с полтин.
Дворовые . . .	3	60	450	6 руб. с полтин.
"	4	90	350	5 руб. с полтин.
Городовые . . .	5	101 [1]	300	4 рубля
"	6	99 [1]	200	2 рубля
"	7	100	150	15 алтын 4 деньги
Итого . . .		520	162 000	2 097 руб.

Если же рассматривать десятню по социальному происхождению служилых людей, то оказывается, что самые демократические элементы находились в самых низах помещичьей лестницы. Так, в 7 статье было 52 проц. земцев, 26 проц. представителей низших сословий и только 16 проц. помещиков из других городов. В 6 статье земцев было 31 проц., из низших сословий — 33 проц. и иногородних помещиков — 33 проц. В 5 статье земцев было 24 проц., из низших сословий — 11 проц. и иногородних помещиков — 64 проц. В 4 и 3 статьях земцев всего 6,5 проц., а остальные, за исключением двух человек, все иногородние помещики. В выборе земцев нет вовсе. Закономерность получается такая: чем ниже статья и чем меньше оклад, тем больше среди помещиков земцев и представителей низших сословий. Следовательно, земцы при разборе были отодвинуты на задний план. Очевидно, московское правительство все же не питало к ним большого политического доверия и не повысило их окладов, а оставило их на старых средних и мелких окладах. Но зато господствующее экономическое и служебное положение было обеспечено за помещиками,

1 Повидимому, излишек и недостаток одного человека в статье произошел вследствие описки переписчика. Следует в обеих статьях считать по 100 чел.

переведенными из других городов. Это, конечно, не случайность, а определенная система формирования помещичьего класса, проводившаяся по политическим соображениям. Эти соображения прекрасно раскрываются из анализа состава переведенных в Смоленск помещиков. Чрезвычайно интересна система их подбора.

„Введенцы"-помещики происходили из разных областей Московского государства, но их подбор никак нельзя назвать хаотическим — в нем видна система и определенная политическая логика. В Смоленске прежде всего необходимо было обеспечить московское влияние, поэтому среди „введенцов" целых 56 проц. падает на помещиков так называемых замосковных городов, т. е. коренных городов Московского государства. Эта группа, повидимому, представляла наиболее надежное политическое ядро, и по своей численности (166 человек) она почти в полтора раза превосходила число земцев. Из городов Немецкой украины (Новгород, Псков и др.) было взято 21 проц. „введенцов"; из городов Литовской украины, к которой относился и сам Смоленск, и из Северских городов было взято всего 14 проц. „введенцов"; из Украинских городов — 7 проц. и из Заоцких — 2 проц. При такой системе комплектования, если бы даже у смоленских земцев и появились какие-либо сепаратистские тенденции или польские симпатии, то они разбились бы о равнодушие остальных помещиков к местным традициям. Трудно представить себе в условиях XVI века более продуманную систему комплектования, предупреждавшую появление „шатости" и измены центральному правительству. Все дворянские и буржуазные историки России в этом факте видели причину стойкости и верности Смоленска московскому правительству во время его осады поляками в 1609—1611 гг., и изображали смоленских дворян верными сынами родины. В действительности же, как увидим дальше, это было лживым утверждением, вызванным желанием историков спасти честь дворянского сословия. Подлинным же защитником Смоленска от поляков оказалось не дворянство, а народ — крестьяне и посадские люди. Но нельзя не отметить, что для своего времени формирование смоленских помещиков в наибольшей степени обеспечивало интересы московского правительства.

В комплектовании смоленских помещиков есть еще одна интересная особенность, а именно—большое сходство с комплектованием московских помещиков в 1550 году, или с так называемой „избранной тысячей“. В 1550 году указом московского правительства велено было набрать в разных уездах тысячу лучших детей боярских и поселить их кругом Москвы. „Дворяне и дети боярские“ „московского списка“ были главными деятелями центрального и областного гражданского и военного управления“. [1]

Нечто похожее проделано было и в Смоленске лет 10—15 спустя, только смоленская операция была значительно меньше по масштабу. В списке городов, из которых были выведены „тысячники“, значится 48 городов, [2] а в списке городов, из которых были выведены смоленские помещики, значится 44 города, [3] причем 24 города являются общими для обоих списков. На эти 24 города падает 89 проц. всех смоленских „введенцов“, т. е. $^{9}/_{10}$ смоленских помещиков были взяты из тех же городов, из каких была сформирована знаменитая „избранная тысяча“. Это никак нельзя объяснить простым совпадением; несомненно, что смоленских помещиков подбирала та же рука, которая подбирала и московских „тысячников“, а это, в свою очередь, заставляет думать, что смоленское верстанье по времени не так далеко должно было отстоять от 1550 года. Есть одна деталь, подтверждающая это. В „избранную тысячу“ был поверстан дорогобужский сын боярский Василий Иванович Неелов. Относительно этого Неелова есть сведения: „Василий Иванов сын Неелов служил при в. кн. Василие Ивановиче по Переяславлю-Залесскому... а при в. г. царе при в. кн. Иване Васильевиче всея России переведен он Василий... в Смоленск, служил... в первой статье“. [4] В смоленской десятне этого Неелова нет, но зато в позднейшем списке новиков смоленских, почему-то приписанных к десятне, значатся два сына Василия Неелова, Осип и Степан. Следовательно, В. И. Неелов был переведен в Смоленск уже после составления десятни. Но человек, служивший еще

---

[1] *Н. Павлов-Сильванский.* „Госуд.-служ. люди“, стр. 105.
[2] *Н. Лихачев* и *Н. Мятлев.* „Тысячная книга“, стр. 43—45.
[3] По муравьевскому списку 46 городов.
[4] *Н. Лихачев* и *Н. Мятлев.* „Тысячная книга“, стр. 171.

Василию III, т. е. до 1533 года, не смог бы дослужить даже и до 1574 года, значащегося на десятне, а тем более трудно допустить, чтобы он служил и еще позднее. Поэтому время составления десятни должно быть близко к шестидесятым годам.

Политическая и военная сторона смоленского верстанья шестидесятых годов приоткрывает одну из интереснейших страниц в истории Московского государства второй половины XVI века. Решение больших военных и внутриполитических задач при помощи поместной системы, с одной стороны, диктовалось московскому правительству интересами господствующего класса феодалов-землевладельцев, а с другой — оно таило в себе такие огромные противоречия, которые привели и к поражению в Ливонской войне и к тяжелому экономическому и политическому кризису в конце XVI и начале XVII века.

О нарастании противоречий в поместной системе и в государстве помещичьего класса можно судить и по дальнейшей истории помещичьего класса в Смоленске.

Знакомство с десятней „82“ года мы закончим разбором вопроса о земельных окладах смоленских помещиков. Вспомним приведенную выше таблицу. Земельные оклады в 550, 450, 350, 200 и 150 четвертей пашни в одном поле следует признать довольно значительными окладами. Это значит, что смоленские помещики или фактически эксплоатировали, или же имели право на эксплоатацию крестьянского труда, занятого соответственно на 825, 675, 525, 450, 300 и 225 десятинах пашни. Легко себе представить, какое количество крестьянских дворов потребовалось бы для обработки такого количества пашни. Ключевский считал, что „средней величиной запашки крестьянского двора в XVI веке признается 5—10 десятин“,[1] а Рожков считал нормальным крестьянским наделом „выть“, т. е. около 15 десятин пашни.[2] Средний надел, вероятно, был близок к 10 десятинам пашни. Следовательно, для полного обеспечения смоленских помещиков по их окладам потребовалось бы 24 300 крестьянских дворов, или около 150 000 крестьянского населения. 500 помещичьих хозяйств на 24 000 подвластных им

[1] *В. Ключевский.* „Курс русской истории“, ч. II, стр. 393.
[2] *Н. Рожков.* „Русск. ист. в сравн.-ист. осв.“, т. III, стр. 13.

крестьянских дворов,— вот какое соотношение хотелось бы осуществить смоленским помещикам по десятне „82" года. Это была как бы программа их основного классового требования, которое правительство обязывалось удовлетворить. Но едва ли оно могло удовлетворить его полностью. Некоторые, хотя крайне приблизительные, расчеты можно сделать на основе данных о количестве пашни в Смоленском уезде в 1609 году; тогда в Смоленском уезде у помещиков насчитывалось около 85 сох, [1] т. е. около 100 000 десятин пашни. Если допустить, что за 45—50 лет не произошло никакого сокращения пашни, то смоленские помещики в шестидесятых годах были обеспечены „живущей" пашней в среднем немного меньше, чем на 50 проц.[2] Но несомненно к началу XVII века должно было вследствие кризиса произойти некоторое сокращение пашни. Если же сравнить положение смоленских помещиков с положением помещиков других уездов того времени, то надо признать, что смоленские помещики после московских стояли на самом высоком экономическом уровне.

Десятня „82" года показала нам, что военное и политическое укрепление Смоленска при правительстве Грозного произведено было через пополнение помещичьего класса и его особый подбор. Нельзя при этом забывать и об обратной стороне этого дела: всякое увеличение числа помещиков приводило к усилению крестьянских тягот. В конечном счете получилось, что укрепление Смоленска при Грозном произведено было за счет усиления эксплоатации смоленского крестьянства. В этом и заключалась главная особенность борьбы за Смоленск в царствование Грозного. Но этого оказалось еще недостаточно. Смоленск нуждался не только в увеличении армии, но, как показал богатый опыт Ливонской войны, очень нуждался в фортификационном укреплении. Во время организации Полоцкого похода Смоленск играл роль ключа Литвы, так как удар наносился на запад, но после поражения в Ливонской войне следовало ожидать

[1] „Акты историч.", т. II, № 254.
[2] Все оклады по десятне равны 243 000 десятин.

удара с запада. Смоленск превращался в ключ к Москве, из опорного пункта наступления он превращался в центральный пункт обороны, а поэтому требовал сооружения такой крепости, которая могла бы противостоять тогдашней западно-европейской военной технике.

В царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова главной задачей внешней политики московского правительства остается стремление пробиться к Балтийскому морю. Но в Москве больше всего боялись иметь в одно время войну с Польшей и со Швецией. [1] В 1590 году с Польшей было заключено перемирие на 12 лет и в этом же году начались военные столкновения со шведами. Война со Швецией закончилась вечным миром в 1595 году. Таким образом, с 1596 года московское правительство добилось мирной передышки на западных границах. Хотя и в те отдаленные времена военные действия начинались иногда без объявления войны, но все же мирным договорам придавалось большое значение. После заключения вечного мира со Швецией Москва могла ожидать войны только с одной Польшей около 1602—03 года. И вот для того, чтобы поляки не так легко могли покуситься на новую войну, московское правительство решило превратить Смоленск в одну из сильнейших крепостей. К постройке каменной крепостной стены в Смоленске было приступлено в год заключения мира со Швецией, т. е. в 1595 году.

Источниками, подтверждающими это событие, являются „Новый летописец" и „Подлинное дело о строении города Смоленска". В 50 главе „Нового летописца" под 1595 годом рассказывается, что „царь же Федор Иванович, помысли Смоленский поставити град каменной, посла шурина своего Бориса Федоровича Годунова и повеле места осмотрети и град заложить".[2] Борис Годунов „прииде во град Смоленск и пев у пречистые богородицы смоленские молебная и объеха место, како быти граду, и повеле заложити град каменной". Из этого рассказа летописца ясно видно, что в 1595 году смоленская крепость была только заложена и что в этом году для нее только было выбрано место. Подготовка в 1595 году именно

---

[1] *С. Соловьев.* „История России," т. VII, стр. 283, изд. 4.
[2] „Полн. собр. русск. летоп.", т. XIV, первая половина, стр. 47.

к началу строительства стены доказывается и тем фактом, что после поездки Бориса Годунова в Смоленск московское правительство приступило к набору каменщиков и кирпичников по всем городам государства. „А в Смоленск посла дворян честных и повеле град делати наспех; во все же грады посла, повеле имати каменщиков и кирпичников, да не томко каменщиков, ино повеле и горшешников поимати, а повеле их послать в Смоленск для каменново и кирпичново дела“.[1]

Описание летописца вполне соответствует сложившейся в 1595 году для Московского государства обстановке: короткую мирную передышку на западных границах надо было всемерно использовать для основательного укрепления этих границ. Поэтому спешка в постройке смоленской стены была вполне естественна.

Однако анализ второго источника — „Подлинного дела о строении города Смоленска“ — показывает, что 1595 год был не годом начала строительства стены, а скорее всего годом возобновления сильно затянувшейся и заброшенной стройки.

В „Подлинном деле“ сохранился приказ московского правительства князю В. А. Звенигородскому, С. В. Безобразову, дьякам П. Шипилову и Н. Перфирьеву и городовому мастеру Федору Савельеву Коню ехать в Смоленск для того, чтобы „делать государеву отчину город Смоленск каменный“.[2] Приказ был дан 5 декабря 1595 года. Строители прежде всего обязаны были, приехав в Смоленск, „сыскать в Смоленску на посаде и в уезде сараи и печи все, владычны и монастырские и всяких людей сараи и печи, где делывали кирпич и известь и кирпич жгли, да те все сараи и печи отписати им на государя царя и великого князя Федора Ивановича“.[3] Это предписание дает нам возможность сделать следующие выводы: во-первых, в Смоленском посаде и в уезде в 1595 году существовали архиепископские, монастырские, дворянские и купеческие сараи и печи для выделки кирпича и извести; во-вторых, в них производилось, очевидно, большое количество кирпича и извести, и, в-третьих, для успешного

---

[1] Там же.

[2] „Смоленская старина“, вып. 1, часть II. „Подлинное дело о строении г. Смоленска“, стр. 23.

[3] Там же.

развертывания строительства выявилась необходимость эти сараи и печи взять в руки государства.

Существование в конце XVI века в Смоленском посаде и уезде довольно развитого, судя по документу, кирпичного и известкового производства могло быть вызвано только большими потребностями крепостного строительства. В те времена на Руси из кирпича строились только церкви да крепости. Нельзя думать, что в конце XVI века Смоленску понадобилось вдруг большое количество новых каменных церквей. Следовательно, единственной причиной возникновения обширного кирпичного и известкового производства могло быть только строительство каменной крепости. Но в то же время сараи и печи к 1595 году уже успели притти в ветхость: строителям предписывалось „тех сараев и печей досмотрети и велети поделати и покрыти". Таким образом, естественно напрашивается вывод, что еще задолго до 1595 года в Смоленске началась постройка крепостной стены, вызвавшая к жизни частное известковое и кирпичное производство.

О том, что постройка смоленской каменной стены началась задолго до 1595 года, имеются указания в наиболее ранних сочинениях по истории г. Смоленска: у Шупинского в описании Смоленска, составленном в 1780 году, сообщается, что постройка стены начата была в 1588 году, и у Мурзакевича в „Истории города Смоленска", написанной в 1803 году, говорится, что в 1587 году заложена была каменная крепость города. Близкий к нашему времени историк смоленской стены И. Орловский (1902 г.) считал, „что известия Шупинского и Мурзакевича как основанные на древнейших, не дошедших до нас источниках, быть может местных, заслуживают полного доверия." [1] С этим выводом Орловского нельзя не согласиться, тем более, что имеются такие документальные данные, которые почти не оставляют сомнения в том, что смоленская стена начала сооружаться в 1585 году. Этими данными являются расходные книги Болдинского монастыря (близ г. Дорогобужа на Днепре) за 1585—86 гг. [2]

---

[1] *И. Орловский.* „Смоленская стена", стр. 13, изд. 1902 г.

[2] „Русск. историч. биб-ка", т. II. „Расходная книга Дорогобужского Болдинского свято-троицкого монастыря 1585—86 г.", стр. 290—313.

О том, что смоленская стена начала строиться как раз в это время, говорит следующая запись 19 января 1586 года: „Послан слуга в Смоленеск Григорий Суков, что с двора правят человека в посоху к городовому делу, дано ему рубль". Городовым делом называлась в то время постройка крепостей. Судя по содержанию записи, можно предположить, что в январе 1586 года московское правительство объявило мобилизацию рабочей силы в Смоленском и в прилегавших к нему уездах; была собрана „посоха" по одному человеку с хозяйства. Если монастырь дал своим рабочим на пропитание целый рубль, то это значит, что пешая „посоха", т. е. чернорабочие, занятые на строительстве смоленской стены, государственного жалованья в 1586 году не получали. При такой системе принудительной и неоплачиваемой государством трудовой повинности строительство стены, конечно, не могло развиваться успешно. Здесь, повидимому, и лежала главная причина того, что строительство шло крайне медленно, а потом и совсем заглохло.

Принимая такую точку зрения, мы должны будем так представить себе историю возникновения смоленской стены. Поражение в Ливонской войне, нанесенное русским войскам Стефаном Баторием, привело московское правительство к необходимости укрепления Смоленска как важнейшего оплота против польского наступления. Стену начали строить вскоре после окончания Ливонской войны. Но дело, повидимому, ограничилось только широкими подготовительными работами и на этом остановилось. Лишь в 1595 году, когда снова выросла угроза с Запада, решено было форсировать работы.

Предстояла грандиозная по тому времени работа по сооружению стены длиною в 6,5 километра,[1] толщиною в 4,9 метра, высотою в 9,6 метра до зубцов[2] и с 38 трехъярусными башнями, каждая высотою до зубцов в 21,3 метра.

---

[1] Длину стены мы взяли в 3038 сажен, какою она была во времена Петра I, вместе с земляными укреплениями.

[2] Данные о толщине и высоте стены взяты нами из сметы Гура Вахрамеева (1692 г.) на возобновление части стены (См. *И. Орловский* „Смоленская стена", стр. 20).

Стена требовала огромного количества строительных материалов, причем известковый камень, шедший на облицовку нижнего пояса стены и на изготовление извести, а также бутовой камень, шедший на внутреннюю кладку и фундамент, должны были доставляться из довольно отдаленных мест, так как вблизи Смоленска этих материалов не было. Вблизи Смоленска мог изготовляться только кирпич. Пользуясь сметой Гура Вахрамеева на восстановление 62 сажен крепостной стены с одной башней, мы можем вычислить приблизительно общее количество важнейших строительных материалов, пошедших на постройку всей стены. Стена потребовала: 320 000 свай, 32 000 куб. сажен бутового камня, 620 000 больших белых облицовочных камней, 100 000 000 штук кирпича, 320 000 бочек извести, 1 000 000 возов песку, 320 000 пудов полосового железа, 15 000 пудов прутового железа, 1 000 000 двоетесных и однотесных гвоздей, 5 000 бревен шестисаженных, 37 000 бревен четырехсаженных, 100 000 бревен трехсаженных, 500 000 досок трехсаженных и 25 000 досок двухсаженных и т. д.

Огромный размер строительства потребовал от государства большого напряжения. Недаром летописец писал: „Град же Смоленск совершен бысть при царе Борисе, а делаше его всеми городами Московского государства. Камень возили изо всех городов, а камень имали, приезжая из городов в Старице да в Рузе, а известь жгли в Бельском уезде у Пречистые в Верховье“.[1]

Действительно, для того, чтобы привезти в Смоленск необходимое количество одного только белого облицовочного камня из Старицы, Рузы и из Верховья, требовалось не менее 123 000 подвод. Один Смоленский уезд ни в коем случае не мог дать потребного количества строительных рабочих и лошадей, а поэтому их приходилось брать из других городов и уездов.

Крестьян чернорабочих (пешую посоху) и крестьян с подводами (конную посоху) правительство мобилизовало даже из Московского уезда. Так, в одной из грамот, пожалованных Борисом Годуновым в 1598 году Троице-Сергиеву монастырю, говорилось о доставке рабочих подвод в Смоленск, как о повинности, отбывав-

[1] „Полн. собр. русск. летоп.“, т. XIV, первая половина, стр. 54.

СМОЛЕНСК И ЕГО КРЕПОСТЬ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

(ЧАСТИЧНО РЕКОНСТРУИРОВАНО ПО МЕДАЛИ СИГИЗМУНДА III И ПЛАНАМ СМОЛЕНСКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА)

1. Фроловские (Днепровские) ворота
2. Семенская башня
3. Лазаревские ворота
4. Крылошевская башня
5. Крылошевские ворота
6. Стефанская башня
7. Лучинская башня
8. Городецкая башня
9. Авраамиевские ворота
10. Авраамиевская (Заалтарная) башня
11. Еленские (Никольские) ворота
12. Молоховские ворота
13. Бублейка башня
14. Копытецкие ворота
15. Шеиновская башня (в ней был взят поляками в плен воевода М. Б. Шеин 13 июня 1611 г.)
16. Богословская башня
17. Никольская башня
18. Пятницкие ворота
19. Иворовская башня
20. Пятницкие водяные ворота
21. Городецкая башня

шейся крестьянами наряду с прочими повинностями. „А с крестьянские пашни и з служни со всее, которую пашню крестьяне и служки пашут на себя, в Смоленск к каменному городовому делу посошных людей и подводы под камень и под известь и в иные во всякие мелкие розметы по сошному разводу велети имати по прежнему“.[1]

Помимо этого, огромный интерес представляют экономические мероприятия, к которым прибегло московское правительство в организации строительства. Во-первых, оно решило, как мы видели, взять в свои руки кирпичные и известковые заводы, изготовлявшие основной строительный материал. Во-вторых, оно решило строить стену наемной рабочей силой. В указе правительства о постройке стены говорилось: „Те все дела делати наймом, а наймовати на те на все дела охочих людей и уговариваяся с ними, а наем им давать из государевы царевы великого князя Федора Ивановича всея Руси казны, смотря по делу, отчего что пригоже“.[2] Применение наемного труда в таком большом масштабе в начале XVII века — явление, само по себе заслуживающее большого внимания. В-третьих, для ускорения работ и привлечения большего числа рабочих правительство подняло поденную плату рабочим значительно выше обычного уровня. Мурзакевич пишет, что рабочие на постройке стены получали по 16 копеек в день,[3] т. е. по 5 алтын и 2 деньги. Однако это могло быть заработной платой только очень высококвалифицированных мастеров-каменщиков, наблюдавших за каменной кладкой крепостной башни или целого прясла стены. А каменщики низкой квалификации и чернорабочая „посоха“ зарабатывали в несколько раз меньше. Представление об уровне их заработной платы дают примеры сооружения в то время крепостей в других местах страны. Так, например, в 1597 году производилась постройка деревянной крепостной стены вблизи Верхотурья. Строительные рабочие потребовали от правительственных чиновников повышенной зарплаты. „Пешие люди посоха договорились по по-

---

[1] „Чтения О. И. и Д. Р.“ 1902 г., кн. 2. Из „Грамот коллегии экономии“ — выписки, стр. 181—182.

[2] „Смоленская старина“, вып. 1, ч. 2, стр. 24.

[3] *Мурзакевич.* „История гор. Смоленска“, стр. 92.

лутора рубли на месяц человеку... А конные последнее договорилися на месяц по 2 рубли и по двадцати по шти алтын по 4 деньги, а плотники просят по 2 рубли на месяц".[1] Правительство отказалось удовлетворить эти требования и дало конным рабочим „по 40 алтын, а плотникам по рублю, а пешим посошным людем по 30 алтын на месяц". В переводе на поденную плату это давало: конным рабочим — 1 алтын 2 деньги (4 копейки), плотникам — 1 алтын $^{1}/_{2}$ деньги, пешей посохе — 1 алтын (3 копейки). Но по тем временам это были довольно высокие заработки и они объяснялись только тем, что Верхотурье находилось на окраине страны, в малонаселенной местности и работа там была сопряжена с опасностями нападений враждебных племен Приуралья. В центральных же областях страны заработки наемных рабочих были ниже.

О том, каковы они были в Смоленском уезде в самый разгар смоленского строительства, говорят расходные книги Болдинского Дорогобужского монастыря. В 1599 году монастырь производил у себя какие-то каменные работы. Он платил одному из своих каменщиков 1 рубль за полгода, а остальным каменщикам всего только по 25 алтын за полгода.[2] Так как заработная плата на хозяйских харчах в то время была раза в 3—4 ниже сдельной платы, то в Смоленске на городовом строительстве каменщики могли зарабатывать от трех денег (1½ копеек) до пяти денег (2½ копеек) в день.[3] Но очень быстрый ход смоленского строительства, по всей вероятности, объяснялся не повышением заработной платы, а государственной организацией всех вспомогательных работ. Наиболее трудоемкие и дорого стоившие подсобные работы, как, например, заготовка и подвозка строительных материалов (камня, извести, лесу, дров и т. д.), превращены были в государственные повинности, воз-

---

1 „Русск. историч. биб-ка", т. II, стр. 58--60.

2 Там же, т. 37, стр. 122—123 и 133.

3 Реальное представление о жизненном значении этой зарплаты дают цены девяностых годов XVI в. на различные предметы потребления. На 2 деньги (1 копейку) в то время можно было купить: или 6 селедок, или 100 огурцов, или 3 фунта соли, или 1 фунт сала, или 1 фунт меду, или 1 фунт черной икры, или 1 фунт семги, или 8 яиц, или 5 деревянных ложек, или 10 тесовых гвоздей, или 2 решета. (Цены взяты по Дорогобужу и Смоленску).

ложенные на всех землевладельцев в зависимости от размеров пашни. Для выполнения этих повинностей Болдинский монастырь, например, нанимал крестьян или посылал своих слуг.[1] В расходных книгах этого монастыря встречаются такие записи за 1599 год: „марта в 7 день дано найму Кузме Логинову сыну Гущина охотнику от трое бочок от извести отвести в Смоленск з Белой рубль десять алтын“;[2] „месяца маия в 1 день посылали слугу Давыда Васильева в Смоленск с каменем с Николския вотчины с Похры“.[3] (Никольская вотчина на р. Похре принадлежала Болдинскому монастырю и находилась под Москвой). „Июля в 16 день деревни Яковлевой Степанку Михайлову дано три алтына денег, что он ездил по известь с пустого жеребья, а тот жеребей посеян рожью на монастырь“.[4]

Благодаря всем чрезвычайным государственным мероприятиям смоленская стена была закончена в рекордно быстрый по тому времени срок, именно в 1602 году, т. е. она достраивалась всего в течение шести лет.

Стена представляла собою замечательный образец архитектурного искусства и вместе с тем была последним словом тогдашнего военно-инженерного искусства. Прекрасную оценку ее строителю дает Самуил Маскевич, участник осады Смоленска в 1609 году. „Смоленские стены, — писал он, — выведены опытным инженером так искусно, что при них под землею находятся тайные ходы, где все слышно, куда ни проводили подкопы. Пользуясь ими, москвитяне подрывались из крепости под основание стен и либо встречались с нашими, либо подводили мины под наши подкопы и, взорвав оные порохом, работы истребляли, а людей заваливали и душили землею, так что мы иногда откапывали своих дня через три и четыре“.[5]

Таким образом, стена была прекрасно защищена против минной войны, а толщина ее была надежной обороной от артиллерии. Легкая артиллерия для нее оказывалась совершенно безвредной. По словам того же С. Маскевича, „из легких орудий также трудно было

---

[1] Слуга — зависимый работник в монастырском хозяйстве.
[2] „Русск. историч. биб-ка“, т. 37, стр. 129.
[3] Там же, стр. 134.
[4] Там же, стр. 142.
[5] „Сказания современ. о Дм. Самозванце“, кн. пятая, стр. 24—25.

сделать в стене пролом, доколе не привезли из Риги пушек большого калибра".[1]

Только под конец осады Смоленска 1609—11 гг. поляки изобрели интересный способ взаимодействия артиллерии и минных подкопов. Для того, чтобы оградить свои подкопы от подслушивания, они открывали сильный артиллерийский огонь против того участка стены, куда велся подкоп. Гул канонады заглушал шум подкопа, и благодаря этому крепостные „слухи" оказывались обезвреженными.

Кроме упоминавшегося нами приказа московского правительства 15 декабря 1595 года, „Подлинное дело о строении гор. Смоленска" содержит в себе еще три интересных для нас документа: а) роспись дворцовых сел Смоленского уезда, доставлявших сваи для стены, б) список смоленских дворян и детей боярских, предназначенных для помощи начальникам строительства, и в) „память"— предписание начальникам строительства о порядке и времени приезда в Смоленск.

По росписи дворцовых сел видно, что они должны были вывезти зимой 1596 года в Смоленск 100 200 свай, т. е. 31 проц. всего потребного количества свай. Заготовка и вывозка свай была возложена в виде повинности только на дворцовых крестьян. С каждой выти, т. е. с 15 или с 18 десятин пахотной земли, в трех полях, требовалось вывезти в Смоленск в 1596 году по 100 свай. Эта повинность была довольно тяжелой. На один крестьянский двор, очевидно, приходилось от 30 до 50 свай.

Список смоленских дворян, которым назначено было „быти в Смоленску у городового дела", сообщает нам несколько интересных деталей из жизни смоленского служилого сословия. В списке находятся трое помещиков, которых мы встречаем и в десятне 1606 года: А. И. Дедевшин, П. И. Монастырев и И. П. Коптяжин. Остальные 18 человек списка до 1606 года оказались уже отставленными от службы, так как в десятне 1606 года встречаются только их сыновья. Это говорит об очень большой подвижности служилых людей, если за 10 лет состав их обновился на 85 проц. Затем по списку видно, что понятие „земцы" уже потеряло свое прежнее значение: в списке

---

[1] Там же, стр. 25.

названы пять земцев, в то время как в действительности среди них был только один потомок прежних земцев — В. Д. Шестаков. Наконец, третий документ говорит о существовании в то время довольно хорошего сообщения между Москвой и Смоленском. Начальники строительства должны были совершить переезд из Москвы в Смоленск в двое с половиной суток, т. е. по 6,5 километра в час.

Постройка стены была закончена в 1602 году, а в 1603 году истекал срок перемирного договора с Польшей. Но еще до окончания стены московское правительство вело переговоры с поляками о продлении перемирия. В 1601 году оба государства договорились о перемирии еще на 20 лет. Но это перемирие было очень шатким и угроза войны надвигалась неотвратимо, так как Польша упорно изыскивала наиболее удобные пути и средства для нападения на Россию.

Говоря о необходимости укрепления Смоленска по стратегическим соображениям, нельзя пройти мимо одного, чрезвычайно важного для экономической жизни Смоленска, события. В 1590 году московское правительство превратило Смоленск в конечный пункт торговли для польских и литовских купцов, т. е. Смоленск из транзитного пункта был превращен в экономический центр по торговле с Польско-Литовским государством. „В конце 1590 года по государеву указу запрещено было пускать из Литвы далее Смоленска „с невеликими товары“ простых „торговых людей“, а пропускались в Москву лишь „именитые гости с большими товары с узорочными, с каменнием с дорогим и с жемчугом и с сукны скорлаты“.[1] Это обозначало, что польско-литовские купцы только с предметами роскоши могли ехать дальше Смоленска, а все прочие товары свои должны были продавать в Смоленске смоленским купцам. А эти последние, пользуясь монопольным правом покупки польско-литовских товаров, оказывались в исключительно выгодном положении.

Главную массу товаров составляли, конечно, не предметы роскоши, а товары широкого потребления. О том, что именно широко покупалось в Смоленске в девяностых годах XVI века, говорят упоминавшиеся выше расходные книги Болдинского монастыря. В течение 1585

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты“, стр. 54.

и 1586 годов монастырь закупал в Смоленске следующие товары: сельди в бочках, треску в мехах, нашатырь, тянутое железо (проволоку), тянутую медь, финифть (эмаль), гвозди, сусальное серебро, белила, овчины, холст, образа, темьян, вишни в патоке, топоры, рогатины, буравчики и т. д. Ни одного предмета роскоши среди этих товаров нет.

Указ 1590 года давал возможность смоленскому купечеству взять в свои руки всю торговлю Польско-Литовского государства с Россией, а следовательно, и главный барыш от нее класть в свой карман. Помимо этого, польско-литовские товары были обложены высокими таможенными пошлинами. В 1605 году польско-литовские купцы жаловались, „что они имеют обиду великую про то, что великие тамги (пошлины) и иные доходы с них берут в Московском государстве", „а больши всего в Смоленску емлют, и не пускают их из Смоленска к Москве и до инших городов торговати поволно". [1]

Смоленское купечество стало поперек дороги польско-литовским купцам и тем польским магнатам, которые были заинтересованы в торговле с Россией. Поэтому легко себе представить, как жаждала польско-литовская сторона уничтожения привилегий Смоленска, и как в этом случае много потеряло бы смоленское купечество и смоленский посадский мир. Вполне понятно, что смоленский посадский мир оказался непримиримым врагом Польско-Литовского государства. Столкновение становилось неизбежным, и оно произошло в начале XVII века.

Сооружением каменной крепости в Смоленске заканчивался цикл мероприятий московского правительства, составивших в XVI веке целую программу мирной борьбы за Смоленск после его военного захвата в 1514 году.

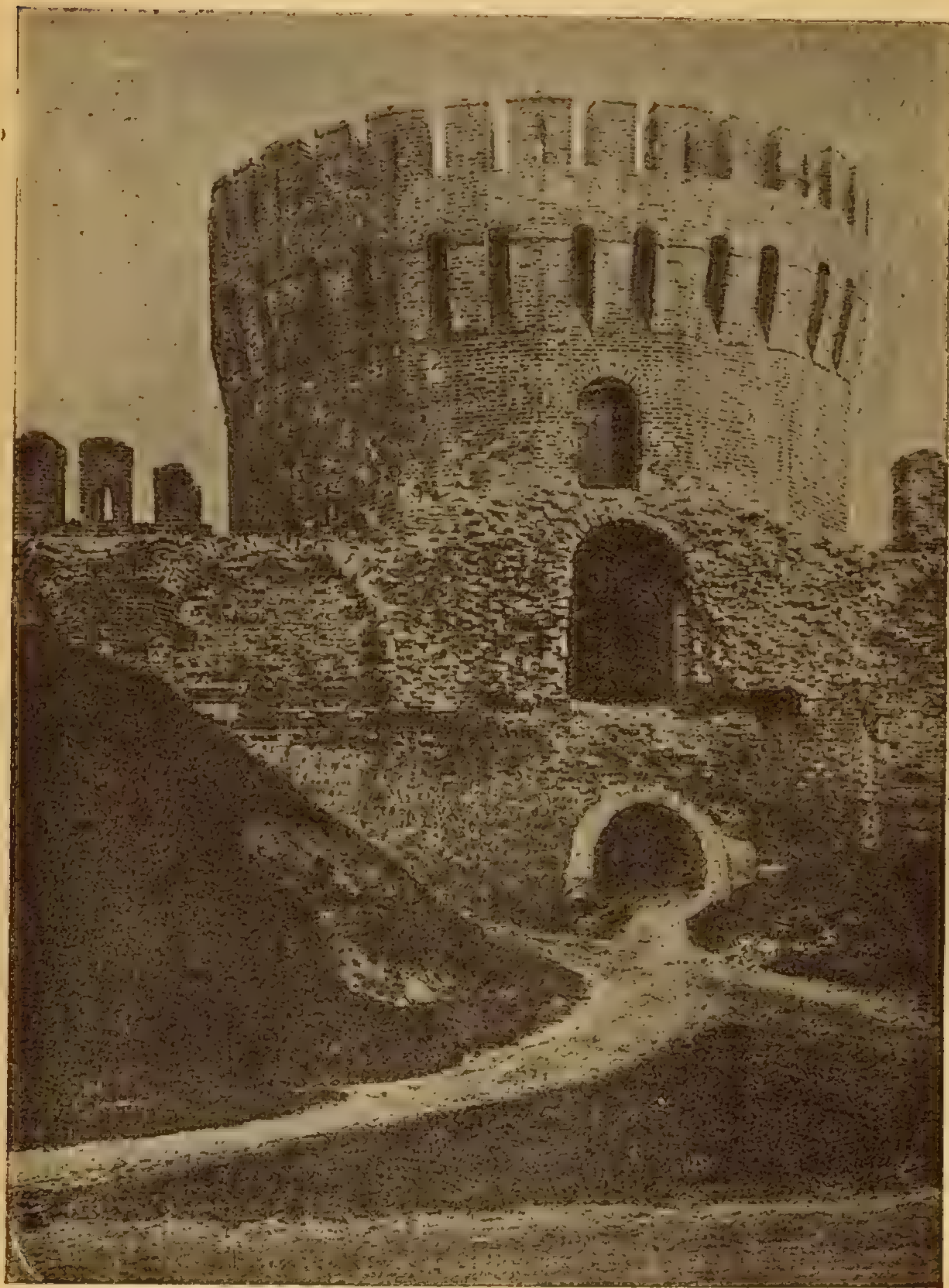
Мы не коснулись дипломатической борьбы Москвы с Литвой и Польшей за Смоленск в XVI веке, детально описанной, например, у историка С. Соловьева, так как целью своей работы ставили показать, главным образом, такие стороны борьбы за Смоленск и такие факты этой борьбы, о которых до сих пор было очень мало, а иногда и вовсе не было известно.

---

[1] „Собрание государственных грамот и договоров", ч. 2, изд. 1819 г., стр. 215.

Восточная сторона смоленской крепости. Перед стеной виден ров, раньше опоясывавший всю крепость.

Одна из башен восточной стороны крепости. На переднем плане остатки древнего земляного вала.

Общий итог девяностолетней борьбы московского правительства за Смоленск свелся, собственно, к осуществлению трех задач: 1) к формированию в Смоленске наиболее (после Москвы) экономически обеспеченного и многочисленного помещичьего класса, 2) к сооружению сильнейшей по тому времени крепости и 3) к защите интересов смоленского купечества.

Смоленское дворянство рассматривалось как наиболее надежная опора московского самодержавия.

Но к началу XVII века в Московском государстве произошли такие крупные социальные сдвиги, а противоречия, заложенные в помещичьей экономической и политической системе, достигли такого развития, что интересы русских помещиков оказались очень близкими к интересам польских панов, из политических противников в начале XVI века эти два класса оказались политическими единомышленниками, а потом и союзниками в начале XVII века. Уже одна эта политическая эволюция русского дворянства ясно показывает, что борьба Москвы с Польшей (а следовательно, и борьба за Смоленск) в начале XVII века должна была приобрести другое социальное содержание.

Типичным образцом политики русского дворянства (главным образом его верхних и средних слоев) в годы польской интервенции является политическая линия смоленского дворянства. После московского дворянства оно было самым многочисленным и наиболее обеспеченным землею по сравнению с дворянством всех других уездов Московского государства. Борьба за Смоленск в 1609—1611 гг. показала полное политическое банкротство смоленского дворянства, его равнодушие к интересам родины и его стремление войти в соглашение с иноземным врагом, лишь бы сохранить свои поместья и удержать в покорности крепостных крестьян.

Взгляд прежних историков, считавших дворян главными защитниками Смоленска от поляков в 1609—11 гг., был неправильным. Например, историк К. Бестужев-Рюмин, оценивая политику московского правительства по отношению к Смоленску после 1514 года, писал: „Относительно Смоленска употреблена была та же мера, что и относительно других вновь присоединенных земель: смольян переводили в Москву, как псковичей и новго-

родцев. Оттого Смоленск так и стоял за Москву в 1612 году. Эта старая политика имела за собой великое практическое значение"[1].

На первый взгляд так и кажется, что политика московского правительства, насадившего в Смоленске в середине XVI века свое дворянство, дала положительные результаты в 1609—11 гг. Но факты говорят противоположное.

М. Н. Покровский тоже писал о „патриотизме русских помещиков, таким ярким пламенем вспыхнувшем в 1611—1612 гг.".[2] В действительности же можно говорить о патриотизме только народных масс, крестьянства и посадских, но никак не помещиков. Такое положение создалось в годы польской интервенции во всей России, а с исключительной силой и яркостью оно проявилось в Смоленске в 1609—11 гг.

Но для того, чтобы основательно разобраться в этом и понять поведение различных классов в смоленской героической эпопее 1609—11 гг., необходимо, хотя бы в кратких чертах, обозреть изменения, происшедшие в положении господствующего класса феодалов-землевладельцев, а также в положении крестьянства и городских сословий Польского и Московского государств на протяжении XVI столетия.

---

[1] *К. Бестужев-Рюмин.* „Русская история", т. II, стр. 188.

[2] *М. Покровский.* „Русская история с древнейших времен", т. 2, стр. 52.

ГЛАВА III

МОСКОВСКОЕ И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XVI ВЕКА

История внутриполитического развития Польско-Литовского государства в XVI веке характеризуется двумя крупнейшими фактами: 1) превращением монархического государства, опиравшегося на господство крупнейших духовных и светских магнатов (можновладство), в монархическое государство, опиравшееся на господство шляхты или дворянства (шляхетская, или дворянская демократия), и 2) заключением Люблинской унии в 1569 году. Со второй половины XV века Польша и Литва постоянно имели общего короля, но во внутренних, а отчасти даже и внешних делах Литва действовала достаточно самостоятельно. Однако внутреннее развитие Литвы неуклонно вело к потере ее политической самостоятельности. Крупнейшим фактором этого процесса историки считают развитие в Польше и Литве шляхетской (дворянской) демократии.

Политическое господство магнатов до середины XV века опиралось на их крупные земельные владения, в которых они пользовались совершенно неограниченными политическими и экономическими правами, были самыми настоящими государями в своих владениях. В вассальной зависимости от них находилось большое количество шляхты (земян, дворян), являвшейся слоем средних и мелких землевладельцев. Уже из примеров Смоленского повета видно было, что короли легко отдавали свою шляхту вместе с их землями под власть панов. Борьба между панами и шляхтой, между крупным, средним и мелким землевладением в Польско-Литовском государстве

шла так же непрерывно, как и в других феодальных странах. Королевская власть, стесненная большими политическими привилегиями феодальных магнатов, не могла быть сильной и не могла успешно подавлять их тенденции к еще большей независимости от короля.

Что же могла противопоставить шляхта политическому и экономическому могуществу панов? Она воспользовалась тремя благоприятными для нее условиями. Во-первых, сила шляхты заключалась в том, что она была основным кадром тогдашних войск, составляла главный род оружия — рыцарскую конницу. Во-вторых, шляхта как основная масса землевладельцев была решающим фактором при сборе чрезвычайных податей на военные нужды. В-третьих, при слабости королевского государственного аппарата шляхта совершенно безнаказанно для себя прибегала к отказу от военных походов и от платежа военных податей и использовала этот отказ как орудие для расширения своих политических прав. Например, М. Любавский рассказывает: „В лагере под селом Цереквицею (недалеко от Торуня) 14 сентября 1454 года поднялся шум и смятение. Шляхта окружила шатер короля и потребовала, чтобы он подтвердил ее старинные права и вольности и некоторые новые, ею намеченные, присоединив к требованию угрозу, что в противном случае шляхта не будет сражаться. Король уступил и выдал так называемый Цереквицкий привилей“.[1]

Путем нажима на королевскую власть польская шляхта во второй половине XV века добилась того, что издание новых законов, военные походы, сборы чрезвычайных податей на военные нужды не могли быть произведены без предварительного согласия шляхты, которая для обсуждения всех этих вопросов собиралась на сеймы. Так постепенно стала развиваться шляхетская демократия в Польше со второй половины XV века. Привилеи, выдаваемые королем шляхте, сделались конституцией Польско-Литовского государства. Верховным органом власти сделался великий „вальный сейм“, в котором были представлены все три политические силы: король, сенат (магнаты) и посольская изба (шляхта). „Шляхте обес-

---

[1] *М. Любавский.* „История западных славян“, стр. 276.

нечено было самое широкое участие в законодательстве и государственном управлении вообще".[1]

Польская шляхта добилась такого положения уже в начале XVI века. Литовская шляхта по времени несколько отстала от нее, но тоже неуклонно двигалась по этому же пути. Причины политического возвышения литовской шляхты были те же самые, что и в Польше, и формой политической консолидации шляхты также был „великий вальный сейм". В. Пичета пишет: „Одним из условий, содействовавших дальнейшему развитию великого „вального сейма" и превращению его в постояннодействующее учреждение, было затруднительное внешнее положение княжества. Затяжная борьба с Москвой и обострившаяся борьба с татарами требовали большого напряжения военных сил и денежных средств со стороны государства".[2] А военной силой государства была шляхта, денежные средства в основном предстояло брать с нее же и у нее же испрашивать на все это согласие на великих „вальных сеймах".

Но почему польская королевская власть оказалась без средств, почему она не могла увеличить налоги на крестьянство, почему ей приходилось обращаться за деньгами к шляхте? Произошло это по одной причине, развитию которой содействовала сама же королевская власть: полное „право и панство" над $^{9}/_{10}$ крестьянского населения в стране оказалось в это время в руках панов и шляхты; король же располагал хотя и очень большими владениями, но доходы с них ни в коем случае не могли покрыть расходов на военные нужды всей страны. А расходы сильно увеличились с тех пор, как рыцарская конница оказалась устаревшим родом оружия, и для усиления армии необходимо было обзаводиться наемными войсками.

Таким образом, быстрый рост закрепощения крестьянства и предоставление огромных политических и экономических привилегий польско-литовским землевладельцам в XVI веке привели к политическому и экономическому ослаблению королевской власти. Зародыши же новой опоры короля — буржуазные элементы (бюргерство,

---

[1] Там же, стр. 283.

[2] *В. Пичета.* „Литовско-Русское государство". — „Русская история в очерках и статьях," т. II, стр. 428

мещанство) были сильно придавлены теми же привилегиями шляхетства.

Развитие литовской шляхты в направлении дворянской демократии послужило одной из причин к установлению более тесного объединения Польши и Литвы в одну Речь Посполитую, происшедшего в 1569 году в форме Люблинской унии. В. Пичета пишет: „Установление шляхетского представительства, реформа судов и областного управления приблизили литовский государственный строй к польскому, что и дало возможность осуществить парламентарную унию 1569 г.“. „Шляхта, чем больше принимала участие в политической жизни, тем все более и более сознавала необходимость унии с Польшей, как условия шляхетизации Литвы“.[1]

Содержание Люблинской унии 1569 года представляет большой исторический интерес не только с точки зрения политической судьбы Литвы, но и потому, что такую же унию Польша пыталась навязать и России в начале XVII века—сначала дипломатическим путем, а потом и силою оружия, организовав для этого военную интервенцию в 1603—12 гг.

По Люблинской унии Литва теряла свои южные русские области. В Польше и Литве должен был быть общий сейм и сенат (рада), общая монета, общая внешняя политика (заключение договоров, дипломатические переговоры и т. д.). Поляки и литовцы имели право приобретать имущество в обеих странах и сохранять за собой все старые пожалования. Поляки имели право занимать правительственные должности в Литве. На литовскую шляхту распространялись права и привилегии польской шляхты. В Литве сохранялись свои законы, суды и правительственные должности, но зато в руках Польши было такое крупное политическое орудие, как католицизм, который усиленно насаждался как в литовских, так и в русских областях.

Что же такое представляла собою шляхетская, или дворянская демократия с точки зрения общего политического развития Западной Европы в то время? В „Крестьянской войне в Германии“ Энгельс пишет, что Гуттен в

---

[1] *В. Пичета.* „Литовско-Русское государство“ — „Русская история в очерках и статьях“, т. II, стр. 435—436.

Германии требовал „создания дворянской демократии, с монархом во главе, вроде блаженной памяти польской республики в лучшие ее дни“. „Покоящаяся на крепостничестве дворянская демократия, как это было в Польше и, в несколько измененной форме, в первые столетия существования завоеванной германцами империи, есть общественная форма, соответствующая одной из наиболее низких ступеней развития общества и вполне нормально развивающаяся далее в резко выраженную феодальную иерархию, являющуюся ступенью развития более высокой“.[1] Энгельс дальше говорит, что „эта чистая дворянская демократия была в XVI столетии уже невозможна в Германии. Была она невозможна уже потому, что в Германии уже в то время были значительные и могущественные города.“

Из слов Энгельса следует, что образование дворянской демократии для Германии XVI века было бы движением назад. Дворянская демократия соответствовала одной из самых низких ступеней развития феодального общества. В своем естественном развитии она должна была бы привести к самой резкой феодальной иерархии, т. е. к тому состоянию, из которого Германия начала выходить.

То же самое значение имела шляхетская демократия и для Польско-Литовского государства. Она вызвала задержку политического развития страны и сама оказалась возможной только потому, что в Польше и Литве еще слабо были развиты города, разложение феодализма только еще намечалось. На первых порах существования шляхетской демократии оказалось возможным даже значительное усиление королевской власти (как это было при Казимире IV), но это явление было непродолжительным и за ним последовала полоса еще большего ослабления королевской власти. XVI век в истории Польско-Литовского государства был веком феодализма при господстве одной из наиболее отсталых его политических форм.

Шляхетская демократия вовсе не устраняла, а, наоборот, содействовала росту аристократических феодальных элементов и образованию крупнейших землевладе-

---

[1] *Ф. Энгельс.* „Крестьянская война в Германии“, изд. 1921 г., стр. 83.

ний. Сохранились данные земского „пописа“ в 1528 году, показывающие, какое количество коней, т. е. вооруженных кавалеристов выставляли паны и шляхта, причем надо иметь в виду, что один конь выставлялся с восьми крестьянских дворов. Любавский пишет: „Трое панов Кезгайлов выставляли 768 коней, только на 53 коня меньше, чем вся земля Волынская (282 владельца, исключая князей Острожских), на 56 ратников больше, чем все землевладельцы Полоцкой земли, на 80 ратников больше, чем все землевладельцы (1995 человек) Бельской хоругви. Паны Радивилы выставляли 621 коня, родственная им фамилия Остиковичей—337 коней, князья Острожские — 424, Заберезинские — 258, Кишки — 244, Глебовичи — 279, Ходкевичи — 168 и т. д. и т. д. Один пан Гаштольд с своим сыном выставляли 466 коней, т. е. на 64 ратника больше, чем все землевладельцы (331 человек), составлявшие хоругвь Велькомирского повета, и в $7^1/_2$ раз больше, чем все бояре и мещане, служившие под хоругвью Витебской земли“.[1]

Внешняя и внутренняя политика страны подчинялась интересам шляхты, и большую роль в ней, как это показала польская интервенция в России, играли крупные паны, вроде перечисленных Любавским.

Внутриполитическое развитие Московского государства за тот же период шло иными путями, хотя и имело много черт сходных с развитием Польско-Литовского государства. Оно характеризуется двумя крупнейшими фактами: 1) образованием сильного централизованного монархического государства, сделавшегося не только национальным русским, но и межнациональным, вследствие порабощения целого ряда отсталых национальностей на севере, по Средней и Нижней Волге и за Уралом, и 2) организацией „опричнины“ в 1564—65 гг. (почти одновременно со шляхетизацией Литвы), нанесшей сокрушительный экономический и политический удар по остаткам удельного землевладения и выдвинувшей на первый план менее родовитое дворянство.

[1] *М. Любавский.* „Очерки истории Литовско-Русского государства“, стр. 125.

В отличие от Польско-Литовского государства, в России XVI века наблюдается непрерывное возрастание политического и экономического могущества московского государя. В XVI веке создалась даже целая теория, объяснявшая „самодержавие“ московских царей происхождением их власти от византийских императоров и даже от римского императора Августа. Эта невероятная история была придумана услужливыми публицистами того времени, но даже и в этом деле Россия не представляла ничего „самобытного“. Еще задолго до этого в Польше, под влияниям гуманизма и изучения римского права, слагались представления об абсолютной власти государя. Во второй половине XV века польский публицист Ян Остророг написал трактат о Польском государстве, где утверждал, что выше королевской власти только бог. Московская теория тоже была не чем иным, как запоздалым отзвуком гуманистических идей. Однако надо сказать, что только Московскому государству удалось общеевропейскую тенденцию усиления королевской власти развить и довести до степени, едва ли достигнутой в то время и на Западе.

В первой половине XVI века эта власть еще опиралась на княжеско-боярскую верхушку господствующего класса, образовавшуюся исторически из московских бояр и бывших удельных княжат. С учреждением „опричнины“ Иван Грозный занялся перетасовкой правящей верхушки, много родовитых фамилий уничтожил и на их место ввел менее знатные дворянские фамилии. Все эти факты настолько широко известны, что совершенно излишне останавливаться на них подробно. Нас могут интересовать только два вопроса: 1) что служило базой политического и экономического могущества царской власти в XVI веке и 2) какие последствия для исторического развития России имела эта власть с ее внутренней и внешней политикой.

Основой политического и экономического господства в феодальную эпоху являлись землевладение и военная сила, находившаяся в прямой зависимости от размеров землевладения. С точки зрения основного классового отношения — владения или невладения землей — различие между формами и размерами землевладения не имело существенного значения. Крестьянин, лишенный собствен-

ности на землю, не видел большой разницы в том, эксплоатирует ли его вотчинник, монастырь или помещик, крупный, средний или мелкий землевладелец. Различие было в частностях, но не в существе. С этой стороны все формы землевладения были одинаковы. Но с точки зрения политической, с точки зрения соотношения сил внутри класса феодалов — формы и размеры землевладения имели немалое значение.

Мы видели, что преобладание в Польско-Литовском государстве крупнейшего наследственного, с „полным правом и панством" землевладения привело к усилению феодальной децентрализации и к политическому и экономическому ослаблению королевской власти. А военная и экономическая зависимость уже ослабленной власти короля от шляхетства привела к шляхетской демократии, которая при таком соотношении сил ничего хорошего не сулила для королевской власти. А если бы королевская власть по своим земельным, военным и финансовым средствам представляла величину, превышающую все мыслимые объединения крупной знати или шляхетства, то никакая шляхетская демократия не могла бы сложиться. Это дело понимал еще М. Любавский. Он писал: „Для установления сильной королевской власти в Польше не хватало прочного фундамента: у короля не было надлежащих финансовых и военных средств".[1]

Но зато от этого недостатка была свободна власть московских царей XVI века. В исторической литературе давно выяснено, что, во-первых, московские цари были крупнейшими вотчинниками (имели огромные дворцовые земли); во-вторых, они как фактически неограниченные монархи обладали „полным правом и панством" над государственными землями (черными землями); в-третьих, они не выпускали (за исключением отдельных немногочисленных случаев) из государственного тягла и частновладельческих крестьян. По экономическому могуществу с московским царем не могла бы соперничать ни одна группа бывших удельных князей, а Иван Грозный просто отвел себе в „опричнину" на правах „полного права и панства" добрую половину государства.

Кроме того, московские цари имели огромный по

[1] *М. Любавский.* „История западных славян", изд. 1918 г, стр. 281.

численности свой собственный мелкий и средний вассалитет (дворяне и дети боярские), находившийся в их полном подчинении и составлявший их главную военную и политическую силу. Это была огромная армия помещиков, начавшая быстро расти еще со второй половины XV века. Помещики находились в большей зависимости от царя, чем бывшие удельные князья, тоже имевшие своих бояр и помещиков (послужильцев). Понимая это, московские цари старались и всех своих князей и бояр превратить в помещиков.

Благодаря всем этим обстоятельствам московские цари обладали очень прочным фундаментом не только экономическим, но и военным. Это была одна сторона фундамента самодержавной власти московских царей XVI века.

Но существовала и другая сторона фундамента их власти. Она составляла ту тайну опричнины, которую, казалось, унес с собою в могилу Иван Грозный. Тайна опричнины долго не давалась в руки историкам. Известно остроумное замечание Ключевского по поводу опричнины: „Учреждение это, — писал он, — всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал“.[1]

Но таинственность и непонятность опричнины могла сохраняться только до тех пор, пока историки не вдумывались в те противоположные тенденции, которые имелись в Московском государстве. Политическими противоположностями самодержавия были: аристократическая олигархия и дворянская демократия. Однако в стране имелись крупные силы, поддерживавшие и „самодержавную“ монархию. К этим силам относилось большинство дворянства и горожан. Поэтому самодержавие московских царей было результатом определенного соотношения сил, тянувших, с одной стороны, к аристократической олигархии, с другой — к дворянской демократии, а с третьей — к абсолютной монархии. Опереться на одну из первых двух сил было равносильно тому, чтобы превратиться в ее придаток по примеру польско-литовских королей, а у московских царей был свой собственный прочный военно-финансовый фундамент, чтобы избежать

[1] *В. Ключевский.* „Боярская дума“, изд. 4, стр. 331.

судьбы придатка и все господство сосредоточить в своих руках.

Политика московских царей в XVI веке, как показывает история, не была ловким балансированием между двумя противоположными силами, а представляла собою упорную борьбу с ними, сопровождавшуюся, как и везде в Западной Европе в то время, неимоверными жестокостями. Лучшим средством борьбы со своим политическим противником в то время считалось физическое уничтожение его, и мысль политиков работала не над тем, чтобы изыскать другие формы борьбы, а чтобы придумать еще небывалые способы уничтожения живого человека. Отсюда пошло и название московских царей XVI века Грозными. Грозным был не только Иван IV, но и отец его Василий III.

Каковы же были силы аристократической и дворянской части господствовавшего в России класса?

Исследуя политическую верхушку аристократического слоя, Ключевский пришел к противоречивому, на первый взгляд, выводу: „Московский государственный порядок,—писал он,—казалось, строился боярскими руками, но не во имя боярских интересов. Боярство XVI века является какой-то аристократией без вкуса к власти, без умения или охоты влиять на общество". Ключевский спрашивает: „Почему же политическое значение этого боярства было так скоротечно и отчего Московское государство не вышло аристократическим? Казалось бы, весь аппарат аристократического порядка был уже готов, когда это государство устроялось". [1]

Ничего похожего не было, например, в Польше и Литве. Там аристократия имела определенный аппетит к власти и умела его удовлетворять. Она сначала сумела ограничить власть короля, а потом, с установлением шляхетской демократии, она сделалась господствующим слоем шляхты и вертела этой демократией в своих интересах.

Все дело заключалось в том, что основой политического господства польско-литовской знати было ее экономическое господство. А вот это экономическое могущество московской знати было сильно подрезано во второй половине XVI века, поэтому она

[1] *В. Ключевский.* „Боярская дума", стр. 293.

хотя и управляла страной, сидя в боярской думе, но политическое господство оставалось в руках царя. Одна правительственная функция не могла дать боярству прочной опоры для политического господства. Сам Ключевский признает это, делая следующее замечание: „Притом и самое управление давало боярству довольно слабую опору“. [1]

Но была сила, способная и экономически и политически господствовать, это — многочисленный помещичий или дворянский слой. Это был мелкий и средний вассалитет, феодальным главой, сюзереном которого был сам царь. Ключевский в „Боярской думе“ пишет: „На глазах этих бояр складывался класс, в котором уже царь Иван видел возможного заместителя боярства. Силу этого заместителя чувствовали уже при сыне — преемнике Грозного. Из виденного и слышанного в Москве Флетчер вывел заключение, что никакая перемена в здешнем образе правления невозможна, пока войско будет единодушно и беспрекословно предано существующему порядку вещей. А войско—это дворянство, преимущественно столичное, об устройстве которого немало заботилось правительство царя Ивана“. [2]

Но что было более всего опасным для царя: или уже существовавшее сочетание экономически ослабленной московской аристократии с ее правящим положением, или же вполне возможное сочетание экономической и военной силы дворянства и дворянской демократии, к которой стремилась часть дворян?

Немного нужно было для того, чтобы понять, что вторая комбинация была опаснее первой. Вторая комбинация вела прямой дорогой к тому результату, наглядный урок которого можно было воспринять у западного соседа. Поэтому Иван Грозный, несмотря на свой свирепый террор по отношению к боярам, никогда не помышлял об уничтожении правительственного положения аристократии. Ключевский писал: „Ни для кого не было тайной, что главные изменники и ослушники подозревались в боярской среде, и всех менее скрывал это сам царь. Между тем, высшее управление оста-

---

[1] Там же, стр. 302.
[2] Там же.

валось в земщине аристократическим, боярским попрежнему, только действовало на более тесном пространстве; боярская дума продолжала руководить землей посредством подчиненных ей приказов“.[1]

Борясь одновременно и против крайних тенденций аристократических элементов и против вожделений дворянско-демократических сил, Иван Грозный не мог не воспользоваться политическим оружием своих противников. Идеологи тогдашнего дворянства ненавидели аристократию и не жалели сильных выражений для описания причиняемых ею несчастий. Достаточно вспомнить сочинения известного Ивана Пересветова. По отношению к царской власти эти идеологи выработали два взгляда: один признавал необходимость абсолютной власти, а другой выдвигал ограничение ее вселенским советом „всенародных человеков“. Из этого арсенала Грозный взял обличение аристократии в том, что „вельможи от крови и от слез рода христианского богатеют“ (Пересветов), причем под родом христианским подразумевалось дворянство, и взял также теорию „грозной и самоуправливой“ власти. Вполне понятно, что „совет из всенародных человеков“ был неприемлем в силу того, что это была уже практическая программа дворянской демократии.

Из аристократического арсенала Иван Грозный взял убеждение, что править страной должны те же власти, которые и раньше правили ею в удельное время, т. е. князья и бояре. А из собственного идейного багажа Иван Грозный непоколебимо отстаивал принцип самодержавия и жестоко боролся против всех, кого он подозревал в попытке „снять с него власть“.

Тактика борьбы Ивана Грозного за укрепление своей власти сводилась к решению одновременно двух простых задач: а) дальнейшего подрыва экономической базы аристократии при опоре в этой операции на дворянство и б) сохранения в руках аристократии правительственных функций как противовеса против дворянско-демократической тенденции. Практическое решение этих задач Грозный нашел в опричнине. Это была дворянская демократия наизнанку, т. е. господство дворянского царя над арис-

---

[1] Там же, стр. 340.

тократией, организованное самим царем в интересах укрепления своей антидемократической власти и готовое перервать горло всякому, пытавшемуся ограничить царскую власть, независимо от принадлежности этого всякого к аристократическому или к дворянскому лагерю. Ключевский пишет, что „в опричнине заметны признаки дворянского, противобоярского демократизма“, „известно, что в опричнине не любили ни родословных людей, ни родословных счетов“.[1] Но „задуманная сгоряча, в тревожном настроении, опричнина не изменяла основ государственного порядка и не устраняла противоречия, в нем коренившиеся“ [2]. Основа государственного порядка — опора царской власти на дворянство, с оставлением в руках аристократии правительственных функций — действительно не изменялась, но зато политикой опричнины царизм сумел нанести такой сильный удар по каждой из враждебных ему политических тенденций, что, как показал опыт начала XVII века, ни боярская олигархия и ни дворянская демократия не могли уже прочно закрепиться и отстоять свое право на исключительное господство.

Опричная политика Ивана Грозного не могла быть менее противоречива, чем сама жизнь. Это была политика-оборотень, поэтому она и казалась очень странной как для современников, так и для историков. Но надо отдать справедливость, что для того, чтобы при отсутствии в стране буржуазной опоры уйти от судьбы польско-литовского короля, опричнина Грозного была правильным и очень талантливым решением труднейшей политической задачи. Правильность ее заключалась в том, что она содействовала более быстрому движению вперед всей страны. Грозный действовал, не сознавая этого, в интересах будущих антифеодальных буржуазных элементов: он разгромил феодальную аристократию настолько, что она в дальнейшем никогда уже не могла ограничить царскую власть, он не дал возможности развиться и дворянской демократии и, наконец, он сохранил сильную монархическую власть.

---

[1] Там же, стр. 337.
[2] Там же стр. 351.

Во время своей интервенции в России в начале XVII века поляки пытались использовать то силы дворянской демократии, то силы аристократической олигархии, но ни одна из этих комбинаций не дала им желанного результата; русское государство устояло, потому что в это время на историческую сцену выступили города, создавшие себе новую массовую силу в виде посадско-крестьянского блока.

В статье „Разложение феодализма и развитие буржуазии“ [1] Энгельс очень ярко описывает появление ростков нового общества в рамках западно-европейского феодализма, предвещавших упадок последнего. Первым ростком он ставит появление новых городов, где зарождалось новое общество. „Создавались новые города,— пишет Энгельс,— все они были обнесены для обороны стенами и рвами, их крепости были гораздо более неприступными, чем дворянские замки, потому что взять их можно было только с помощью значительного войска. За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло,— правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью,— накоплялись первые капиталы, возникла потребность взаимного общения городов друг с другом и с остальным миром“ [2].

Этот основной факт был общим и для Польско-Литовского и для Московского государств XVI века. В Польше и Литве города получали магдебургское право и устраивались по западно-европейскому образцу. В России городская жизнь тоже выработала посадское самоуправление — чисто сословный орган, который, однако, в случае необходимости мог стать и правительственным органом, как это случилось, например, в Смоленске в 1609—11 гг. и в Нижнем в 1611—12 гг. Укрепление Смоленска, Москвы, Нижнего и других городов в конце XVI века является очень хорошей иллюстрацией к вышеприведенной цитате Энгельса, но что в ней Энгельс относит ко второй половине XV века в Европе, то случилось на 100 лет позднее в России.

---

[1] *Маркс и Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1.
[2] Там же, стр. 440.

Дальше Энгельс указывает, что дворянство, рыцарство стало помехой исторического развития. „В то время как дворянство,— пишет он,— становилось все более и более излишним и мешало развитию, горожане стали классом, который воплотил в себе дальнейшее развитие производства и обмена, просвещения, социальные и политические учреждения“.[1]

В Польско-Литовском и Московском государствах, в отличие от Западной Европы, до конца XVI века горожане еще не сделались такой силой; они были очень слабы экономически и, кроме того, оказались сильно придавленными дворянскими привилегиями. Шляхетская демократия в Польше и Литве нанесла особенно сильный удар благосостоянию городов. М. Любавский пишет: „На сейме 1565 года, сверх подтверждения права на вольный беспошлинный вывоз своих сельскохозяйственных продуктов за границу и на беспошлинный привоз различных предметов для собственных надобностей из-за границы, шляхта добилась запрещения вывоза польских ремесленных изделий за границу, дабы иметь возможность получать их за дешевую цену. Всеми этими постановлениями нанесен был смертельный удар благосостоянию польского мещанства“.[2]

Польско-литовские города сами были бессильны против шляхты, но зато они сочувственно встречали всякую борьбу против нее. Так, например, сохранились документальные доказательства того, что белорусские горожане посылали своих делегатов-купцов поддерживать дух москвичей и смолян, боровшихся против польско-литовских интервентов. Эта солидарность белорусского и русского народа в начале XVII века очень показательна.

В России не было дворянской демократии, поэтому города не подвергались такому угнетению, как в Польше и в Литве, но все же они испытывали большое утеснение от служилого сословия. Платонов так пишет об этом: „Военные слободы и осадные дворы губительно действовали на посадские миры. Служилый люд отнимал у горожан их усадьбы и огороды, их рынок и промыслы. Он выживал посадских людей из их посада, и посад пустел

[1] Там же, стр. 441.
[2] *М. Любавский.* „История западных славян“, стр. 290.

и падал".[1] Нарисованная Платоновым картина наблюдалась только в небольших городах, расположенных по южным и западным границам, но то, что интересы русского дворянства и горожан часто резко сталкивались между собою, — это было фактом.

Освободить города от их придавленного состояния в Польше, Литве и России могла только крестьянская война, так как у самих горожан сил на это не было. Крестьянская война случилась только в России и сделала свое освободительное дело. В благодарность за это верхи посадского мира русских городов помогли дворянству закрепостить крестьян в середине XVII века. Так отплатили крестьянству предшественники позднейшей русской буржуазии. А потомки тоже, как известно, рассчитались с крестьянством после 1905 года нисколько не лучше.

Зарождение новой жизни внутри отживающей старой в XVI веке проявилось в сильном развитии товарных отношений, во все растущей роли денег. „Еще задолго до того как стены рыцарских замков были пробиты выстрелами новых орудий, их основы были подрыты деньгами", — пишет Энгельс.

„Всюду, где личное отношение было вытеснено денежным отношением, натуральная повинность — уплатой денег, там место феодального отношения заступало буржуазное".[2]

Вторая половина XVI века в Польше, Литве и России отличалась быстрым ростом торговли, развитием рыночных связей. После того как Польско-Литовское государство захватило Ливонию и получило в свои руки крупные торговые порты на Балтийском море, в Польше и Литве начался бурный подъем торговли. В Европу из Польши и Литвы шли разные сельскохозяйственные продукты, а так как их производили в своих имениях паны и шляхта, то последние и пользовались всеми выгодами нового положения. Приобретение земель и крепостного крестьянства сделалось главной заботой шляхетского сословия. Погоня за этими двумя вещами и привела панов и шляхту в Россию; жажда захвата

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смоленска", стр. 123.
[2] *Маркс и Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 442.

земли и крестьян и толкала их главным образом на организацию интервенции. Таким образом, рост рынка в Польше и Литве опять усилил не города, а феодальных землевладельцев; интервенция в России не подвинула Польско-Литовское государство вперед, а заставила его топтаться на месте, в то время как другие страны Западной Европы быстро шли по пути буржуазного развития.

Вторая половина XVI века в Московском государстве дала большой толчок торговле внутренней и внешней. Внешняя торговля велась через прибалтийские города и Архангельск. После неудачи в Ливонской войне балтийское „окно в Европу" захлопнулось, осталось только архангельское окно. Это несомненно было большим ударом для русских городов и обнаружило упадок русского феодализма. История ясно обнаружила непригодность московского „рыцарства"— дворян и детей боярских — для решения больших исторических задач, а польская интервенция еще более подтвердила это. Польские интервенты были разбиты вовсе не московским „рыцарством"; но как в Западной Европе „начатки современного войска разбили на-голову феодальное войско, бюргеры и крестьяне победили рыцарей",[1] так и в России в 1609—12 гг. решающее поражение польским рыцарям нанесла новая посадско-крестьянская народная армия.

Однако от развития торговли до господства бюргерства было еще очень далеко как в Польше и Литве, так и в России.

Предпосылки надвигавшегося разложения феодализма выразились и в крупных изменениях, которые произошли в конце XVI века в положении крестьянства в Польше, Литве и в России. Крупное изменение выразилось в резком усилении эксплоатации крестьянства. Усиление эксплоатации произошло независимо от того, было закрепощено крестьянство или нет. Польско-литовское крестьянство было закрепощено в основном еще до середины XVI века. В. Пичета пишет по поводу Литвы: „Ко времени опубликования первого Статута (1529 г.— *В. М.*) можно считать институт крепостного права достаточно сложившимся с резко выраженным личным характером".[2]

---

1. Там же, стр. 448.
2. „Русская история в очерках и статьях", т. II, стр. 403.

Это состояние крестьянства несомненно облегчало польско-литовской шляхте задачу усиления его эксплоатации, а крестьянство, терроризованное панами и шляхтой, на усиление гнета отвечало лишь разрозненными восстаниями. Во второй половине XVI века в Польше и Литве быстро росло барщинное или фольварочное хозяйство. Барщина в Польше в это время доходит до 2—3 дней в неделю, а в Галиции иногда даже и до 5 дней. В Литве с шестидесятых годов тяглые люди должны были работать на своего пана два дня в неделю и, кроме того, четыре толоки в год.

Крестьянство в России в то время не было еще окончательно закрепощенным; хотя свобода выхода и подвергалась различным стеснениям, но крестьяне часто обходили юридические рогатки или же просто бежали от своего помещика.

В исторической литературе твердо установлено, что эксплоатация крестьянства во второй половине XVI века особенно усилилась на помещичьих и монастырских землях. Возросла барщина и помещичий оброк. Хорошо известно, что крестьянство северо-западных, западных и центральных областей страны ответило на это бегством на южные и юго-восточные окраины государства. Началось „оскудение центра", глубокий экономический кризис, охвативший особенно помещичьи и монастырские земли центральных уездов. Кризис пришелся на семидесятые и восьмидесятые годы. „Упадок центра, признаки которого замечались уже около половины XVI столетия, был в самом разгаре в семидесятых и восьмидесятых его годах. Как это в настоящее время выяснено, упадок в особенности ясно сказался в обширных монастырских вотчинах, столь многочисленных в старинных областях, где сложилось Московское царство".[1] Упадок центра был настолько велик, что прежде оживленная и многолюдная страна стала похожа на пустыню.

Казалось бы, что кризис восьмидесятых годов должен был немедленно привести к окончательному закрепощению крестьянства, однако этого не произошло, так как слишком различны были интересы разных групп господствующего класса в способах закрепощения крестьян.

---

[1] *Ю. Готье.* „Замоск. край в XVII веке" 1937, стр. 138.

Развитие товарных отношений в России, как и в Польше, создало погоню за крестьянским трудом, но в то время как в Польше сначала закрепостили своих, а потом собрались поработить и русских крестьян, в России разгоралась борьба за крестьян между различными слоями господствующего класса. Позиции этих слоев в крестьянском вопросе в значительной мере объясняют нам расстановку общественных сил во время крестьянской войны и польской интервенции.

Как относились к закрепощению крестьян те три крупнейшие силы, которые составляли господствующий класс, а именно: а) царь как крупнейший феодал, 2) княжеско-боярская аристократия и монастыри (крупное землевладение) и 3) дворянство (среднее и мелкое землевладение)?

Те самые противоречия между этими тремя силами, которые Энгельс называл „состоянием непрерывного бунта", в конце XVI и начале XVII века сосредоточились на крестьянском вопросе. Этот вопрос сделался главным нервом классовой борьбы в эти годы. Царь московский как крупнейший феодал, все более расширявший свои владения при захвате земель у отсталых народностей северо-восточных, восточных и южных окраин, был заинтересован с освоении этих земель, в переводе туда крестьянского населения. Между прочим, перевод этот делался сам собой и не требовал вмешательства правительства, так как народ бежал на эти окраины от тягот усиливавшейся эксплоатациии помещиков. Царю оставалось только не запрещать выхода крестьян от помещиков. Остальные крупные землевладельцы также были заинтересованы в сохранении права свободного выхода крестьян, потому что располагали большими средствами для перевоза крестьян от средних и мелких дворян и детей боярских. Перевезенного крестьянина крупные владельцы превращали в кабального и таким образом ставили его в личную зависимость от себя. „Перевоз" крестьян к концу XVI века принял характер общественного бедствия",[1] — пишет Платонов. „Мелкие владельцы теряли крестьян; крестьяне же теряли в кабале у богатых свою гражданскую самостоятельность, „избывали" своего

[1] *С. Платонов.* „Борис Годунов". 1921, стр. 71.

крестьянства и обращались в „кабальных людей“, холопов“.[1] „Эта борьба в общем вела к разорению мелкого служилого землевладения, к личному закрепощению крестьян и к развитию кабальных отношений“.[2]

Следовательно, крупные землевладельцы в действительности закрепощали, или, точнее говоря, закабаляли своих крестьян и требовали от правительства сохранения свободы выхода крестьян, что позволяло и в дальнейшем организовать в широком масштабе перевоз крестьян от мелких землевладельцев. Мелкие же помещики, не имевшие крестьян, тоже были заинтересованы в сохранении крестьянского выхода, так как только в таких условиях они могли надеяться заполучить к себе крестьян. Наконец, имевшие крестьян и боявшиеся их потерять средние помещики стремились к закрепощению крестьян по образцу Польши и Литвы. Однако такое закрепощение вывело бы огромное количество крестьян из государева тягла и сильно сократило бы доходы казны. Вполне понятно, что правительство из этих соображений не одобряло проектов полного закрепощения крестьян. „Оно не решалось на полное и категорическое провозглашение крестьянской крепости, ибо не хотело отдать крестьян в частную зависимость и потерять их из тягла“,[3] — пишет Платонов.

Но, с другой стороны, московский царь не мог допускать без конца разорения мелких помещиков, так как это чувствительно отзывалось на военной силе государства, на одном из главных устоев власти. Царь оказывался в кругу неразрешимых вопросов, из которых не могло быть выхода в виде какой-нибудь новой опричнины. Если в опричнине легко можно было разделить политическое господство и политическое управление между дворянами и аристократией, то крестьянский вопрос оказывался неделимым. Но так как в крестьянском вопросе выступали те же знакомые нам три политические силы — самодержавный царизм, феодальные силы со стремлением к аристократической олигархии и феодальные силы со стремлением к дворянской демократии, —

[1] Там же, стр. 75.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 78.

то вполне естественно, что в политической борьбе во время крестьянской войны в господствующем классе в общем образовались две политические партии — дворянская и боярская. Партиями следует считать их несколько условно, так как границы их были очень расплывчаты. Царю в таком положении уже не удалось сесть между ними, а пришлось связать свою судьбу с одной из них.

До начала крестьянской войны правительство делало кое-какие попытки к урегулированию крестьянского вопроса. Так, еще в восьмидесятых годах XVI века существовали какие-то „заповедные лета", во время которых запрещалось вывозить крестьян, но это ограничение было временным. В 1597 году был издан указ, по которому крестьян, незаконно ушедших от своих владельцев с 1592 по 1597 год, полагалось „сыскивати накрепко всякими сыски и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил". В 1601 и 1602 годах Борис Годунов издал два указа, в которых резрешал мелким и средним помещикам вывозить крестьян друг у друга, но не более двух крестьян от одного помещика. Крупным землевладельцам вовсе запрещено было вывозить крестьян. Эти указы не имели серьезного значения, а начавшаяся с 1604 года крестьянская война вообще обозначала полный крах политики царизма по крестьянскому вопросу. Еще не закрепощенное, а следовательно, еще не терроризованное помещичьей неволей, но придавленное усилившейся эксплоатацией и вдобавок еще измученное ужасным трехлетним голодом, русское крестьянство восстало против своих угнетателей и против правительства.

С другой стороны, неразрешенность крестьянского вопроса до крестьянской войны создала среди мелкого и среднего дворянства также много недовольных царским правительством. Процент мелких помещиков был довольно значителен. В особенности велик он был в городах юго-западной, южной и юго-восточной Украины. Здесь в состав детей боярских верстались в большом количестве казаки, наделявшиеся маленькими окладами. „В 1585 году в Епифани набрано было из казаков 300 человек детей боярских; им даны были небольшие поместья в уезде этого городка; первой статье назначен был оклад в 60 десятин (40 четей); люди второй статьи

получили еще меньше — по 45 десятин (30 четей)".[1] Епифань принадлежала к рязанским городам. Эти 300 детей боярских несомненно были городовыми. Сравнивая их оклады с окладами городовых детей боярских смоленской десятни „7082" года, видим, что епифанские оклады первой статьи были в семь раз ниже первой городовой статьи Смоленска, а епифанская вторая статья была в пять раз меньше третьей статьи Смоленска. Таким образом, смоленские городовые были прямо аристократами по сравнению с городовыми рязанских городов. Такое соотношение сложилось еще в последней четверти XVI века, а начало XVII века внесло еще большее различие.

От положения мелких рязанских помещиков недалеко ушли и мелкие помещики украинских городов, а мелкие помещики северских городов, повидимому, были в еще более тяжелом положении. В конце XVI века чувствовался уже острый недостаток возделанной земли и крестьян. Он сильнее всего отзывался на положении мелких помещиков. Часто они оставались вовсе без земли и без крестьян. Мы уже приводили примеры, когда 300 ряжских помещиков (Рязанский край) получили землю только на усадьбу, а в Путивльском и Рыльском уездах (Северская украйна) 59 проц. помещиков вовсе не получили дач, а остальные 41 проц. получили их в крайне незначительных размерах: „испомещены по окладам несполна, иные вполы, а иные в третий и четвертый жеребий, а иным дали на усадища не помногу".[2] Такая картина была типична для большинства южных окраинных уездов. Приведем еще пример, заимствованный нами у Н. Павлова-Сильванского: „Писцовая книга Орловского уезда,— пишет он,— свидетельствует о крайней незначительности владений помещиков; например, пашни паханые доброй земли четь, да перелогу 2 чети в поле, а в дву потому ж, а оклад Богдану 40 четей, а не дошло в его оклад 37 четей"; или „оклад Ромашку 50 четей, а не дошло в его оклад 33 чети; оклад Епишке 50 четей и не дошло в его оклад 30 четей".[3]

---

[1] *Н. Павлов-Сильванский.* „Государевы служилые люди", стр. 111.
[2] Там же, стр. 133.
[3] Там же, стр. 131.

Если сравнить оклады епифанских помещиков с окладами смоленских помещиков по десятне „7082“ года, то оказывается, что самый высокий оклад епифанского помещика составлял лишь 26,6 проц. самого низкого оклада смоленского помещика. Следовательно, в Смоленском уезде совсем не было такой помещичьей мелкоты, какая в огромном количестве образовалась в конце XVI века в рязанских, орловских и северских городах или вообще в уездах южной окраины Московского государства.

Помимо малоземелья помещики южных уездов терпели острый недостаток в крестьянской рабочей силе. В некоторых из этих уездов вовсе не было крестьян. „Так, в Оскольском уезде в начале XVII века, — пишет Белоцерковский, — не было почти совсем ни крестьян, ни бобылей; в Путивльском уезде на одного помещика приходилось средним числом 1,6 крестьянских и бобыльских двора, большинство помещиков совсем не имели крестьян и бобылей; в Белгородском уезде на помещика приходилось в среднем 1,8 крестьянских и бобыльских двора.“ [1] Именно в южных уездах появился особый вид помещиков, вовсе не имевших крестьян и обрабатывавших землю своими руками. Эти помещики в середине XVII века стали называться однодворцами.

Опять-таки, если и в этом отношении сравнить положение помещиков южных уездов с положением смоленских помещиков в начале XVII века, то мы придем к выводу, что по размерам своего земледельческого хозяйства самый мелкий смоленский помещик должен был иметь от двух до трех крестьянских дворов. Самый низший оклад по Смоленскому уезду в 1606 году был равен 100 четвертям, т. е. 150 десятинам. А так как средняя величина дачи пашни по Смоленскому уезду в то время составляла 20,9 проц. оклада, то самый мелкий помещик, которых к тому же в Смоленском уезде было только 3 проц., располагал в среднем 30 десятинами пахотной земли в трех полях. Без крепостных крестьян один помещик обработать такое количество пашни не мог. Следовательно, как первое, так и второе сравнение приводит нас к неоспоримому выводу, что Смоленский уезд в начале XVII века отличался от северских и рязан-

[1] *Г. Белоцерковский.* „Тула и Тульский уезд“, стр. 210.

ских уездов, очень высокой экономической обеспеченностью дворян и детей боярских. А уровень экономического благосостояния разных слоев провинциального дворянства несомненно отражался на их политической линии во время крестьянской войны и польской интервенции.

Увеличение численности мелкопоместного и беспоместного дворянства, экономическое положение которого иногда мало отличалось от положения тяглого крестьянства, было результатом стремления высшего и среднего дворянства переложить тяготы очень опасной и тревожной службы на юго-западных, южных и юго-восточных окраинах на плечи казаков и выходцев из тяглых сословий, верстанье которых в число детей боярских далеко еще не равняло их с настоящими помещиками. Широкие потоки, вливавшиеся в ряды служилого класса из демократических „низов", не были какой-то исключительной особенностью Московского государства. Такое же явление наблюдалось и в Польско-Литовском государстве в XV и даже начале XVI века. Как тогда мелкая литовская шляхта оказалась в оппозиции к панскому государству и была хорошим козырем в руках Московского государства в борьбе за поднепровские земли, так и в начале XVII века служилая мелкота южных уездов могла стать козырем в польской игре, что в действительности и случилось. Москва и Польша только поменялись ролями в борьбе за поднепровские области.

Анализ внутреннего состояния Польско-Литовского и Московского государств в конце XVI века обнаруживает много признаков надвигавшегося экономического разложения феодализма (в России феодализм стоял уже накануне крестьянской войны), однако характерной особенностью обоих государств была сравнительная слабость развития элементов нового общества: горожане были еще крайне слабы в экономическом и, особенно, в политическом отношении.

Главная линия классовой борьбы в обоих государствах выражалась в борьбе крестьян и землевладельцев— двух основных классов. Борьба между группами господствующего класса хотя и сопровождалась „диким шумом",

как выражался Энгельс, была, однако, второстепенной линией борьбы, она не меняла сущности феодального государства, а изменяла лишь его форму. В Польше, например, сложилась дворянская демократия с выборным королем (помещичья республика), а в России сложилось монархическое самодержавие, причем у кормила правления стояла аристократия (боярская дума), а фактическое господство принадлежало дворянству. Крепостническое государство, по словам Ленина, „было или республиканское, или монархическое. Когда государство было монархическое — признавалась власть одного; когда оно было республиканское — признавалось более или менее участие выборных от помещичьего общества".[1]

Но феодальные землевладельцы боролись не только внутри страны с собственным крестьянством или между собою, а и вели внешние войны, преследуя и в них свои классовые интересы. Это были прежде всего войны за земли, за новые территории, населенные крестьянами, войны за расширение базы феодальной эксплоатации. Во-вторых, это были войны за рынки, за пути торговли, которая начинала играть все более и более крупную роль и без которой уже не мог обходиться феодализм XV и XVI веков. В-третьих, это были войны за национальное объединение.

В войнах второго и третьего рода были кровно заинтересованы и буржуазные элементы феодального общества, а войны за национальное единство имели большое значение и для крестьянства. Крестьянство в войнах за национальную независимость своей родины становилось иногда решающей силой, как это случилось, например, в России в 1609—12 годах.

Говоря о войне между Польско-Литовским и Московским государствами во второй половине XVI века (война за Ливонию), следует указать на ее противоречивый характер. Для Польши, например, эта война никак не могла быть войной национальной, а для России она имела большое национально-объединительное значение, так как борьба, между прочим, велась и за объединение западных русских областей, находившихся в руках Литвы. У Польши мотивами войны был

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. XXIV, стр. 372.

только захват новых земель и рынков и национальное угнетение покоренных народов. Вполне естественно, что из этой тенденции ее внешней политики вырос план интервенции в России. Для истории подготовки польской интервенции в России большой интерес представляют замыслы польского короля Стефана Батория и те требования, которые он навязывал побежденному московскому царю. „Король мечтал после своих побед о дальнейшем торжестве над Москвою, даже о полном ее подчинении. В его грандиозных планах овладение Москвою было только одним из средств к завоеванию Турции", — пишет Платонов. „По его соображениям, разрешение восточного вопроса должно начаться с подчинения Московии; московская война может быть окончена в три года; за подчинением Москвы последует завоевание Закавказья и Персии, движение на Константинополь со стороны Малой Азии и завладение проливами". „Сообщенные в Рим, через Поссевина и других дипломатов, планы Батория вызвали там сочувствие (папы Сикста V); а это сочувствие в свою очередь окрыляло королевскую политику и делало ее надменною и притязательной в сношениях с Москвой". [1]

При заключении перемирия с Москвой поляки требовали уступки Смоленска, Северской земли, Новгорода и Пскова. После смерти Стефана Батория родился план организации унии Польско-Литовского и Московского государств. „Мысль об унии Речи Посполитой и Москвы мелькала в дипломатических переговорах тех лет", [2] —пишет Платонов. Надо кстати отметить, что одним из дипломатов Стефана Батория был известный впоследствии в истории польской интервенции в России Лев Сапега. Смоленск становился главным узлом боевых действий. Направление Смоленск — Москва становилось главным операционным направлением.

Поляки учитывали все слабости России. Еще в конце XVI века они говорили русским дипломатам: „На Москве что делается, то мы также знаем: людей нет, а кто и есть, и те худы, строенья людям нет, и во всех людях рознь". [3]

---

[1] *С. Платонов.* „Борис Годунов", изд. 1921 г., стр. 40—41.
[2] Там же, стр. 43.
[3] Там же, стр. 42.

Вполне естественно, что крестьянская война в России открывала перед поляками широкие перспективы к захвату России. Но тут поляки не могли учесть одного: это – любви русского народа, крестьян и посадских, к своей родине, они не могли учесть патриотизма народных масс. Они никак не могли предположить, что крестьянская война обернется против них самих, что она может принять форму блока крестьян и горожан. Поляки в 1610 году сумели договориться и с русским дворянством и с русским боярством, шедшим на потерю национальной самостоятельности России, но этого не захотел русский народ—и захватчики были выброшены из России вооруженной рукой народа. Это событие настолько поучительно, что заслуживает глубокого изучения.

ГЛАВА IV

ЗАМЫСЛЫ ПОЛЬСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ

Поражение в Ливонской войне отбросило Московское государство от Балтийского моря, но не вывело его совсем из круга борющихся за это море стран. Так как победителями в Ливонской войне оказались два государства — Польша и Швеция, то между ними неизбежно должна была разгореться новая борьба. Этими противоречиями и могла всегда воспользоваться Москва, боявшаяся лишь единовременного враждебного выступления этих государств. Исследователь балтийского вопроса Форстен писал: „В восьмидесятых годах XVI столетия оканчивается тот фазис развития северных отношений, в которых главным мотивом была борьба из-за господства на Балтийском море, борьба между Россией, Данией и Польшей. Теперь в северных отношениях наступает переходящая пора, длившаяся около двух десятилетий; в этом новом фазисе Дания и Россия отступают на второй план. Судьба северной Европы и Балтийского моря — в руках Польши и Швеции". [1]

В 1600 году между Польшей и Швецией началась война за Ливонию. Этой войной думал воспользоваться и Борис Годунов, надеясь на ослабление одного из противников. Борис имел в виду шведов и с этой целью пригласил в Россию шведского принца Густава. Между тем, война между Польшей и Швецией достигла большого напряжения и требовала огромных усилий с той и другой стороны. Решающее значение для Польши в то время могло иметь привлечение на свою сторону Москвы

[1] *Г. Форстен.* „Балтийский вопрос", т. II, стр. 4.

и превращение России в польский придаток. Но при стремлении Бориса Годунова играть на шведско-польских противоречиях, этот план поляков не мог быть осуществлен.

Польский план подчинения России представлял собою разработанный в 1600 году проект государственной унии России с Польско-Литовским государством. По этому проекту России отводилось место второй Литвы.

В виду того, что этот проект выдвигал как раз те цели, к которым потом стремилась Польша во время вооруженной интервенции в России в 1604—1612 гг.,— он заслуживает большого внимания.

Польский проект был предложен Борису Годунову польским послом Львом Сапегой (одним из главных вдохновителей польской интервенции) в октябре 1600 года, как условие для заключения вечного мира вместо существовавшего тогда перемирия, срок которого истекал в 1602 году.

Что же предлагал литовский канцлер Лев Сапега?

Он предлагал вечный союз или унию между Польско-Литовским и Московским государствами в форме двуединой монархии с общим флотом, общей монетой и общей внешней политикой. Царь московский мог быть избран королем польским, если Сигизмунд не оставит после себя сына,— и король Сигизмунд должен быть царем московским, если не останется сына после Бориса Годунова.

Польско-литовская и московская знать и все прочие слои господствующего класса должны пользоваться одинаковыми привилегиями в обоих союзных государствах и могут свободно держаться своей религии. Русские могут свободно учиться в Польше, а поляки — в Москве. Польские и русские купцы пользуются свободой торговли в обеих странах; торговые пошлины остаются прежние.

Между обоими государствами заключается военный союз. Завоеванные земли идут в общее пользование или делятся пополам, за исключением тех, на которые имеет старые права одно из союзных государств.

Политические и уголовные преступники, беглые крестьяне и холопы выдаются с обеих сторон.

Украина защищается от татар силами обоих государств.

Северская и Смоленская земли, а также три крепости, расположенные вблизи Полоцка (очевидно, Великие Луки, Себеж и Невель), должны быть возвращены Польше. [1]

Подписание такого договора было бы равносильно самоубийству России, так как она теряла свою внешнюю и внутреннюю политическую самостоятельность, теряла жизненно важные для себя территории (очень плодородную Северскую землю, торговую и также довольно плодородную Смоленскую землю и две важнейших западных крепости — Смоленск и Великие Луки), теряла заградительные средства против конкуренции польско-литовских купцов. Вследствие этого Россия превратилась бы в такой же политический и экономический придаток к Польше, каким была Литва.

Надо заметить, что впоследствии (в период интервенции) поляки с удивительным упорством стремились вооруженной рукой навязать России все пункты этого плана. Особенно решительным сторонником плана был сам Лев Сапега. Но как осмелились поляки в 1600 году предлагать Борису Годунову такие унизительные условия? На что они рассчитывали и какими средствами они собирались выполнить свой план?

У поляков были кое-какие козыри в игре с Борисом Годуновым. Поляки делали ставку на назревавшие в России осложнения, хотя в этот момент (в 1601 году) ни поляки и ни московское правительство даже и не подозревали о стремительном нарастании тех бедствий, которые свалились на голову их обоих через пять лет. Но если поляки и не были в состоянии по-настоящему разобраться во внутренней обстановке тогдашней России, то все же они не могли не видеть признаков недовольства правительством Годунова. „В Польше знали все, что происходило в Московии; туда бежало из Москвы также много воров (политических преступников.— *В. М.*), поступавших на службу к некоторым польским вельможам, к пану Вишневецкому, к воеводе сандомирскому и многим другим, называть которых нет надобности“,[2] — писал Исаак Масса.

---

[1] *С. Соловьев.* „История России“, т. VIII, изд. 2 стр. 23—25.
[2] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии“, изд. 1937 г., стр, 74.

Ведя переговоры с Москвой в 1601 году, поляки несомненно могли учитывать и недовольство в среде мелких помещиков и казаков южных уездов Московского государства, и затруднения московского правительства вследствие нараставшего в стране движения крестьян, и слухи о появлении царевича Димитрия Ивановича, якобы спасшегося от убийц Годунова. Слухи о спасении царевича распространились еще в 1600 году и могли зародиться не обязательно в среде оппозиционного Годунову боярства, а и в среде простого народа, недовольного своим положением и ожидавшего улучшения с переменой царя. Наблюдательный Исаак Масса в то время писал про русских: „простонародье любит смену государей и всегда надеется получить лучшего государя". [1] Во всяком случае слух о царевиче Димитрии был ясным выражением недовольства московским правительством, и нет ничего удивительного, что этим слухом поляки сначала воспользовались для шантажирования Бориса Годунова, а потом решили превратить легенду в действительность и выпустить на упрямого Бориса живого „Димитрия".

Переговоры Льва Сапеги с Борисом Годуновым тянулись очень долго. Исаак Масса так рисует их: „Лев Сапега был у царя раз двадцать, и они расставались то друзьями, то врагами; ежели расставались друзьями, то послу оказывали большой почет: довольствовали его со всей свитой и лошадьми; а когда расставались врагами, строго следили за послом; он должен был по дорогой цене покупать воду в Москве...". „Меж тем из Польши прибыл еще один гонец с письмами от короля к послу, так как, кажется, что-то забыли при заключении договора, и спустя два дня по заключении мира посол отправил этого гонца с письмами и двумя секретарями, и никому не было ведомо, что это значило...". „Хотя некоторые проницательные люди и подозревали, что король польский, вероятно, уведомляет царя о появлении человека, выдававшего себя за сына тирана Ивана Васильевича, но ничего не могли узнать с уверенностью". [2]

Предположения об использовании поляками слухов

---

1 Там же, стр. 75.

2 Там же, стр. 57—58.

о царевиче Димитрии для дипломатического давления на Бориса Годунова вполне вероятны. Однако хорошо известно, что Борис не поддался на шантаж поляков и отверг предложенный Л. Сапегой план унии. „Сапега уехал озлобленный“,— пишет историк Соловьев, но это, конечно, не обозначало, что поляки отказались от своего плана, и ход событий показал, что они решили добиться своих целей другим путем.

Польский план как нельзя лучше выражал интересы правящих кругов Польско-Литовского государства, так как он сулил польским магнатам крупные земельные приобретения в России; он обещал полякам осуществление полного господства Польши на Балтийском море при помощи русских войск и, следовательно, огромные барыши от торговли с Западом; он уничтожал смоленские рогатки для польской торговли, что сулило не меньшие барыши и на Востоке. Никогда еще польские паны не ощущали так близко возможность установления своей гегемонии в северо-восточной Европе, поэтому в принципе никто из них не возражал против плана, но только многих брало большое раздумье насчет способов его осуществления, особенно когда миссия Льва Сапеги в Москву показала, что Борис Годунов добровольно не хочет итти в подручные к Сигизмунду III.

Но как можно было заставить Бориса сделать это?

Воевать с Россией в Польше было мало охотников, так как там вполне правильно считали Россию очень опасным противником; война с ней обещала быть очень тяжелой и дорогой, а раскошеливаться на рискованное предприятие панам совсем не хотелось.

Входить в связь с революционными массами русских крестьян и холопов для польских панов было немыслимо, так как это было равносильно тому, чтобы пойти против самих себя. Однако паны ничего не имели против того, чтобы русские крестьяне, холопы и казаки причинили как можно больше неприятностей своему правительству, авось последнее будет мягче и пойдет на уступки польским требованиям. Поляки в таком случае могли бы сыграть роль спасителей и содрать с русских три шкуры. Наконец, даже поддерживать недовольных мелких дворян южных русских уездов некоторым панам казалось опасным, так как в Польше много было и своей недо-

вольной мелкой шляхты, которая по примеру восстания русской дворянской мелкоты могла и у себя сделать то же самое.

Выход нашла небольшая группа крупных польских панов, решившаяся использовать легенду о спасении царевича Димитрия и взявшаяся за ее осуществление при скрытой, но полной поддержке польского короля. В этой группе, по всей видимости, крупную роль играл Лев Сапега. Замысел заключался в том, чтобы подготовить и обработать человека, подходящего для роли „царевича Димитрия,“ дать ему надежный отряд, перебросить его на русскую территорию и двинуть его против Бориса, группируя вокруг него всех недовольных русских. В таком случае могло открыться два пути: или Борис, испугавшись соперника, обратится за поддержкой в Польшу и примет унию, или же упрямый Борис будет свергнут и унию осуществит уже марионеточный царевич Димитрий.

Для осуществления замысла пан Адам Вишневецкий, имевший свои владения на границе с Россией, в 1602 году нашел подходящего человека для роли царевича Димитрия. Этот человек через Константина Вишневецкого был доставлен к сендомирскому воеводе Юрию Мнишку, имевшему доступ к польскому королю.

Московское правительство в 1604 году утверждало, что этим человеком был бежавший в Польшу Григорий Отрепьев, сын сотника стрелецкого Богдана Отрепьева. Эту же версию приводил потом и сам Лев Сапега в своей речи на польском сейме в 1613 году.[1] А Исаак Масса даже утверждал, что будущий самозванец „также был в Москве в 1601 году вместе с польским послом (Львом Сапегой), заключившим мир между Польшею и Московией на 22 года, и выдавал себя за дворянина и слышал все тайны государства и узнал все, что там происходило“.[2] Так или иначе, но указание на причастность Льва Сапеги к подготовке лже-Димитрия несомненно имело под собой какую-то почву.

Почему за реализацию плана взялись Мнишки и Вишневецкие, а не кто-либо другой из польских панов,

---

[1] „Чтения О. И. и Д. Р.“, 1901 г., кн. 2, „Лев Сапега о событиях Смутного времени“, стр. 1—16.

[2] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии“, стр. 75.

показывает проф. А. А. Савич в своей статье „Польская интервенция начала XVII века в оценке Покровского“.[1] Владения панов Вишневецких примыкали к русским границам, и эти паны не прочь были захватить русскую территорию, их тянуло в Северскую украйну. А что это была за область — убедительно говорит Исаак Масса: „Северская земля по своему плодородию и обилию дорогих мехов была одной из лучших областей Московии“,[2] она представляла собою „землю весьма плодородную, богатую хлебом, медом и воском, также льном и коноплей и населенную богатыми крестьянами“.[3] Т. е. Северская земля сулила польским панам, во-первых, обилие сельскохозяйственных товаров, во-вторых, богатую валюту (дорогие меха) и, в-третьих, богатых крестьян, из которых можно было успешно выколачивать крупные доходы. Вот почему аппетиты Вишневецких и Мнишков тянулись к Северской земле и вот почему они первые решили проложить лже-Димитрию путь через Северскую землю на Москву.

Но сам Лев Сапега больше тянулся к Смоленской земле, а польское правительство особенно интересовалось смоленской крепостью как ключом к Москве, а также к Новгородской и Псковской землям, угрожавшим польским владениям в Ливонии.

Предприимчивый Юрий Мнишек решил связать все эти интересы в один узел и взял на себя роль главного уполномоченного по московской авантюре, но за это заломил баснословные комиссионные: он потребовал чистоганом миллион польских злотых, разных ценностей и столового серебра из московской казны и огромных земельных владений в России. Так как сама авантюра по своей необычайности и шаткости была скорее похожа на фарс, чем на предприятие опытных и трезвых политиков, то против фантастических требований Мнишка, повидимому, никто из соучастников авантюры особенно не возражал. Сохранилась часть документов, хорошо рисующих, с одной стороны, захватнические замыслы организаторов авантюры, а с другой — последовательное

---

[1] *А. Савич.* „Польская интервенция начала XVII века в оценке Покровского“. — „Историк-марксист“ за 1938 г., кн. I, стр. 81—83.

[2] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии“, стр 84.

[3] Там же, стр. 81.

проведение ими через лже-Димитрия того плана, который отверг в 1601 году Борис Годунов. Польско-литовские магнаты решили осуществить этот план посредством подставного царя-марионетки и посредством вооруженной интервенции. Хотя эти документы были опубликованы еще в 1819 году, но они так ярко живописуют закулисную возню польских интервентов перед выпуском на арену лже-Димитрия, что не лишним будет снова напомнить их.

25 мая (по нов. стилю) 1604 года Юрий Мнишек взял со лже-Димитрия клятвенное обещание выполнить следующие обязательства. [1]

Во-первых, лже-Димитрий обязывался жениться на дочери Мнишка Марине. „Даю слово свое прямое царское, что женюсь на панне Марине, а не женюся — и яз проклятство на себя принимаю“, — писал лже-Димитрий.

Во-вторых, лже-Димитрий гарантировал Юрию Мнишку миллион злотых, столовое серебро и другие ценности из московской казны. — „Кой час доступлю наследственного нашего Московского государства, яз пану отцу его милости дам десять сот тысяч злотых польских... из казны нашей московской выдам клейнотов драгоценнейших, а равно и серебра столового“...

В-третьих, лже-Димитрий отдавал Марине Мнишек в вечное владение Новгородскую и Псковскую земли. Приводим это место обязательства в переводе с польского оригинала: „Той же вышеназванной панне Марине, будущей жене нашей, два государства — Великий Новгород и Псков со всеми жителями, сенаторами и шляхтой, доходами, имуществом, городами, местечками, замками, селами, с властью и верховным управлением и всяким таким правом, какое нам прежде принадлежало, а ее милости на вечное время (теперь принадлежит). Ничего себе не оставляю в тех обоих государствах“...

Сам Мнишек прекрасно понимал, что значит иметь дело с авантюристом, поэтому, не желая особенно глубоко залезать в рискованную затею, он обусловил действительность договора только годичным сроком. В конце

---

[1] „Собрание государственных грамот и договоров“, ч. 2, изд. 1819 г. № 76.

договора лже-Димитрий писал: „А когда, от чего храни бог, дело доставания государства нашего иначе пойдет, и его не достигнем больше года, тогда вольно будет его милости и ее милости панне Марине союз этот расторгнуть“.

Таким образом, в договоре 25 мая 1604 года Юрий Мнишек постарался прежде всего обеспечить свои личные интересы и интересы своей семьи, а потом уже и интересы своего государства, которое могло получить столь желанную ему Новгородскую и Псковскую земли только из рук его дочери, что в свою очередь сулило Мнишкам в будущем очень крупную подачку.

Но вопрос о Новгородской и Псковской землях был только частью общего плана. Вместо трех крепостей — Великих Лук, Себежа и Невеля, — которые поляки просили у Бориса Годунова, лже-Димитрий давал целых две области. Дальше стоял вопрос о Смоленской и Северской землях. На Смоленскую землю целился Лев Сапега, а на Северскую — Вишневецкие. Юрий Мнишек решил и здесь заполучить львиную долю. Алчность его была поистине безгранична; зарвавшийся пан готов был проглотить всю Россию и самые лакомые куски стремился вырвать даже из-под носа своих компаньонов. Юрий Мнишек решил обойти и Льва Сапегу и Вишневецких и уступить часть добычи только Сигизмунду III как главе всего предприятия. Для этой цели 12 июня 1604 года Мнишек заключил второй договор со лже-Димитрием.[1] Вот что, между прочим, значилось в этом договоре:

„Объявляем, кому о том ведать надлежит, что мы ясновельможному пану Юрью из Великих Кончиц Мнишку... в вечные времена дали мы ему и наследникам его Смоленское и Северское княжества в государстве нашем Московском со всем, что к оным княжествам принадлежит, с городами, замками, селами, подданными и со всеми обоего полу жителями, как о том в данном от нас его милости особливом привилее ясно изображено и написано, дали, подарили и записали.

А для известных и важных причин и для самой нашей любви и доброжелательства к пресветлейшему королю польскому и всему королевству в предбудущие

---

[1] „Собрание государственных грамот и договоров“, ч. 2. № 79.

и вечные времена для согласия и миру между народом польским и московским Смоленской земли другую половину с замками, городами, городками, уездами, селами, реками, озерами, прудами (оставляя при его милости пане воеводе самый замок с городом Смоленском и со всем, что к половине оного принадлежит) дали, подарили и записали, как о том в особом привилее изображено. Королям польским и Речи Посполитой польской шесть городов в княжестве Северском со всем, что к оным принадлежит, с доходами и прибытками, и на все сие уже совершенный от нас привелей дан есть...

И из другого государства близ Смоленской земли еще много городов, городков, замков, земель и прибытков определяем ему пану воеводе даровать, присовокупить, записать в вечные времена...".

Для обеспечения общего направления политики будущего московского царя в духе унии с Польшей со лже-Димитрия взято было обязательство осуществить унию православной и католической церкви под гегемонией Рима. С этой целью сам лже-Димитрий сначала был обращен в католичество, а потом ему предложено было подписать такое клятвенное обещание: „И о том со всяким усердием постараемся, чтобы и все государство Московское до соединения с костелом католическим и всеобщим римским довести".[1] Это место договора 25 мая 1604 года мы даем в переводе с польского оригинала, так как тогдашний русский перевод придал ему несколько иной оттенок, а именно: „И станем о том накрепко промышляти, чтоб все государство Московское в одну веру римскую всех привести и костелы бы римские устроити". Кстати сказать, тогдашний перевод договора дополнен такой фразой, которой совсем нет в польском оригинале: „всех русских людей в веру латынскую привести". Когда была приписана это фраза — трудно сказать, во всяком случае осторожные иезуиты, руководившие лже-Димитрием, едва ли бы решились вместо церковной унии сразу навязать русским католичество и этим осложнить проведение политической унии. Иезуиты и польское правительство действовали по строго согласованному плану.

[1] „Собрание государственных грамот и договоров", ч. 2. № 76.

Всякие клятвенные обещания, взятые со лже-Димитрия в Польше, еще не могли полностью гарантировать выполнение польского плана политической и религиозной унии с Россией. В новой обстановке, в которой лже-Димитрий оказался в Москве, необходимо было постоянно держать его в узде. Для этой цели к нему в качестве первого секретаря Юрий Мнишек приставил некоего пана Станислава Бучинского, который должен был денно и нощно оберегать интересы Польши и самого Мнишка. Об этой своей обязанности пан Бучинский очень прозрачно намекал в письме Мнишку из Москвы: „А я по обязанности моей к вам как возможно поступаю, о чем и пан Липницкий подтвердить может; всего же того письменно изобразить не смею, вспоминая то, что мне едва слугою вашим себя назвать достойно, однакож, дабы сие известно не было, прошу сие письмо сжечь...“.[1]

Совершенно понятно, что щекотливая миссия Бучинского требовала конспирации.

Оба договора Мнишка со лже-Димитрием, в силу которых Мнишек должен был вознестись на вершину неслыханного могущества и сделаться первым лицом в будущей Польско-Литовско-Московской монархии, были только смехотворной фантазией, пока лже-Димитрий сидел в имении Мнишка. Но как только лже-Димитрий стал царем и Мнишек действительно полез в гору, это не могло не внести разлада в кучку инициаторов авантюры. Вот это-то и явилось причиной того, что в действиях польских панов не оказалось должного единства; каждый из них старался урвать как можно больше для себя и отпихнуть своих конкурентов. Поэтому, когда московский пирог вырвался из панских рук, когда панам пришлось уносить ноги от восставшего за свою родину русского народа, они никак не могли найти виноватого; они полагали, что кто-то один из них, пытаясь надуть всех, сделал ошибку и этим погубил так хорошо начавшееся дело. Им казалось, что именно один какой-то мошенник так повернул дело, что получилось „ни себе, ни другим“. Так пытался понять причину неудачи интервенции один из главных ее инициаторов — Лев Сапега.

---

[1] „Собрание государственных грамот и договоров“, ч. 2, стр. 113.

На сейме 1613 года он говорил: „Разве когда-нибудь наши предки мечтали о том, что московская столица будет в руках короля польского и займется его людьми, а весь народ московский принесет королевичу польскому Владиславу верноподданническую присягу... А в конце-концов и престол и все царство Московское было из рук выпущено и даром потеряно. Речь Посполитая, корона польская, обременена бесполезно неоплатными долгами, государства опустошены, Речь Посполитая вовлечена в вечную войну с этим народом и в большие опасности с других сторон; на короля польского и на королевство его навлечены большое бесславие, позор, посрамление и прискорбное поношение. Исследовать бы надо тщательно, как это так случилось? По чьему совету? Кто тому причиною?“ [1]

В своей речи Лев Сапега высказал и главный стратегический план интервенции, который, начиная от московских переговоров 1601 года, красной нитью проходил через февральский и августовский договоры 1610 года. „А народ московский, с которым со временем могла бы статься такая же уния, как и с литовским, — говорил Лев Сапега, — не только отдалили от королевича и от приязни с народом польским, но и возбудили, раздразнили и своими насильственными поступками заставили его, разбившегося было на много частей, придти к согласию и единению“. [2]

Лев Сапега правильно признал, что польско-литовская интервенция в России потерпела крах, что поляки были опозорены на всю Европу, но совершенно неправильно он искал виновников неудачи среди своих противников и конкурентов. Дело было совсем не в них и не в самом Льве Сапеге. Только теперь мы можем „исследовать тщательно, как это так случилось“, что польские интервенты оказались битыми русским народом, и „кто тому причиною“.

Но когда польские паны замышляли интервенцию и муштровали свою марионетку лже-Димитрия, никто из них не думал о поражении. Только кое-где раздавались скептические голоса и между ними был голос очень опытного польского политика — канцлера Замойского.

[1] „Чтения О. И. и Д. Р.“ 1901 г., кн. 2, стр. 12—13.
[2] Там же, стр. 15.

На сейме 1605 года он говорил: „Соседние государства ведь знают, что Димитрия ведет в Москву наш народ; как бы мужичина Борис не попрал и не обратил в ничто нашей славы, которую мы приобрели у всех народов тем, что при короле Стефане стали столь страшны Москве. Если нам хочется добыть Московское княжество, то, по-моему, лучше это начать и делать с согласия всех чинов, по одобрению сейма и с большою военною силой“.[1]

Замойский не верил в то, что можно запугать Бориса марионеткой пана Мнишка, он знал силу московских войск и правильно считал, что против них надо выступать не с отрядом польских шляхтичей, а с большой армией, на которую надо собрать и большие средства. Были и другие предостерегающие голоса.

Литовский маршал Дорогостайский на том же сейме развивал такую мысль: „Один сенатор сам поехал с Димитрием; его с ним сопровождали военные люди из польского рыцарского сословия... Когда их оттуда (из России.— *В. М.*) выгонят, куда они пойдут?.. Кто может доверять таким своевольным людям? Если они задумали произвести переворот в Московском государстве, то могут возвратиться и к нам и пожелают произвести то же и у нас“.[2]

В речах обоих сенаторов было ясно и открыто сказано, что Польша стремится „добыть“, т. е. захватить Московское государство путем вооруженной интервенции и посредством государственного переворота. Официальные же старания польского правительства изобразить выдвижение лже-Димитрия, как частную инициативу нескольких своевольных панов, были простой дипломатической уверткой, чтобы не испортить отношений с Москвой в случае провала авантюры.

Замойский был совершенно прав, когда говорил, что соседние государства знают о намерении поляков совершить государственный переворот в Москве и таким образом добиться заключения унии с Россией. Сведения о польских планах дошли, между прочим, до Германии, и германский император Рудольф решил через особого

---

1 „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 15—16.
2 Там же, стр. 7—8.

посла предупредить Бориса Годунова о грозившей ему опасности. Послом был Генрих Логау, прибывший в Москву в июле 1604 года. Исаак Масса так описывает это посольство: „19 (июля) он представился царю и вручил ему свою грамоту вместе с подарками и держал прекрасную речь, в коей просил его от имени своего государя быть предусмотрительным и осторожным, ибо сей Димитрий нашел в Польше много приверженцев, которые окажут ему в походе немалую помощь и причинят государству Московскому великое разорение, и поляки, как извечные враги московитов, не преминут нанести им много вреда; и еще другие подобные речи говорил посол. Борис, не вняв сему, сказал, что он может одним перстом разбить этот сброд и для этого даже не понадобится всей руки“.[1]

Борис и в действительности мог сказать что-нибудь подобное, так как сами по себе польские отряды, находившиеся при лже-Димитрии, в обычных условиях не представили бы для Годунова серьезной угрозы. Но все дело в том, что в России в 1604 году фактически уже началась крестьянская война. Поэтому, если принять во внимание крайнее обострение всех классовых противоречий внутри Московского государства, вызванное страшным трехлетним голодом; если учесть начало войны крестьян и холопов против своих помещиков; если учесть, что уже заколебались вековые устои власти помещиков над своими крепостными и рабами, то станет понятным, что достаточно было бы небольшого ослабления власти Бориса Годунова, как он немедленно был бы устранен его же собственной классовой опорой — помещиками, нуждавшимися в то время в наиболее сильной и свирепой по отношению к крестьянству власти.

В таких условиях и небольшая вражеская армия могла нанести Борису смертельный удар, а польские отряды лже-Димитрия, усиленные казачьими войсками, были достаточно боеспособны.

Но ни сам Борис Годунов и ни выступавшие против него поляки не могли ясно понимать развития всех внутренних противоречий тогдашней России, не могли своевременно разглядеть всех сильных и слабых своих

---

[1] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии“, стр. 76.

сторон, поэтому исход борьбы оказался совершенно неожиданным как для той, так и для другой стороны. Например, поляки, оказавшись лицом к лицу с сильным противником, сначала пали духом. „Некоторые польские капитаны, дворяне и всадники, — пишет Исаак Масса, — придя в уныние, говорили, что невозможно завоевать такую страну, равную целому миру, ибо у них для этого так мало силы и войска".[1] Слабость поляков заставила их искать опору внутри самого Московского государства; они старались использовать разные внутренние противоречия и действовали не только оружием, но и широко поставленной пропагандой. Только такая тактика игры на внутренних противоречиях единственно и могла принести полякам успех.

Опыт поляков учли шведы и дали формулировку главного тактического принципа тогдашней интервенции. В 1606 году шведский король писал своим пограничным комиссарам: „Надо пользоваться временем смут в России, ибо пока между русскими нет единства, не трудно составить себе там партию приверженцев и через них действовать в свою пользу. Не упускайте поэтому случая переманивать на нашу сторону сколько возможно больше русских... Русские так же часто меняют своих правителей, как зайцы свой цвет: летом они серы, зимою белы".[2]

Это письмо показывает, что интервенты не надеялись только на свои вооруженные силы в России, а стремились создать себе массовую базу среди самих русских.

В этом отношении большой интерес представляет тактика Льва Сапеги в 1604 году. Внимание Сапеги было приковано к Смоленской земле. Он подготовлял отторжение Смоленска от Московского государства, но действовал несколько иначе, чем Юрий Мнишек. Сапега стремился прежде всего установить прочные связи со смоленским дворянством. С этой целью он очень приветливо принял к себе и добился от короля награждения поместьями пятерых братьев Хрипуновых, бежавших из Смоленского уезда при Борисе Годунове.[3]

---

[1] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии", стр. 84.

[2] *Г. Форстен.* „Балтийский вопрос", т. II, стр. 73.

[3] „Акты Западной России", т. IV, № 160.

Хрипуновы, как можно думать, принадлежали к крупным смоленским помещикам, например Кирилл Хрипунов имел в Смоленском уезде поместье в 170 четвертей.[1] Поместья остальных четырех братьев — Ивана, Данилы, Прокофья и Ивана Младшего — тоже находились в Смоленском уезде.[2]

Политика перетягивания на свою сторону смоленских дворян и подготовка из них готовых на все пособников захвата Смоленской земли была для поляков очень дальновидной политикой и обнаруживала у Льва Сапеги здравую политическую логику. Но эта политика требовала длительной подготовки и в свою очередь зависела от отношений между смоленским дворянством и московским правительством.

Нечего говорить о том, что Лев Сапега ни в коем случае не мог встретить сочувствия среди смоленского посадского мира. Уния России с Польшей должна была прекратить торговую исключительность Смоленска и лишить смоленский посад выгодных экономических позиций. Поэтому смоленские посадские были непримиримыми врагами унии с Польшей.

Знакомство с планом польской интервенции показывает, что она задумана была довольно тщательно, с учетом тех общественных сил, которые можно было использовать против московского правительства. В ходе интервенции польское правительство довольно гибко меняло свою тактику и обнаруживало хорошую осведомленность о внутренней обстановке в Московском государстве. Поляки только одного не могли учесть, это — движения широких народных масс, проявившегося в крестьянской войне и ее перерастании в национально-освободительное движение. А между тем, народное движение оказало решающее влияние на ход и судьбу всей польской интервенции в России. В зависимости от развертывания внутренних противоречий в Московском государстве, в ходе польской интервенции намечаются три этапа: первый — с апреля 1604 года по май 1606 года, второй — с мая 1606 года по июнь — июль 1609 года и третий — с августа 1609 года по октябрь 1612 года.

---

[1] *Ю. Готье.* „Памятники обороны Смоленска", № 270.
[2] Там же, № 271.

ГЛАВА V

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА И НАЧАЛО ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Первый этап развития польской интервенции охватывает два года (с апреля 1604 по май 1606) и включает в себя такие события, как подготовка в Польше военных сил для первого лже-Димитрия, вторжение его с польскими и казачьими отрядами на территорию Северской украйны, присоединение к нему русского казачества и тех слоев служилого класса юго-западных и южных уездов, которые были недовольны московским правительством, разгром этими силами правительственных войск, дворцовый переворот в Москве и воцарение лже-Димитрия, затем второй дворцовый переворот в Москве 17 мая 1606 года, убийство лже-Димитрия и истребление большого количества поляков, находившихся в то время в Москве.

В первом этапе своей интервенции поляки имели целью при поддержке русских оппозиционных элементов посадить на московский престол своего ставленника и уже при его посредстве добиться осуществления военно-политического союза с Россией под гегемонией Польши и добиться уступки Польше западных русских территорий.

Началом первого этапа следует считать апрель 1604 года, потому что с этого момента в Польше началась открытая подготовка к вторжению лже-Димитрия в Московское государство.

„В конце апреля 1604 года,— пишет Платонов,— Самозванец явился из Кракова в Самбор, определив свои отношения к королю Сигизмунду и папскому престолу.

Для него открылась возможность гласно готовиться к походу на Москву".[1]

Для того, чтобы показать роль Смоленска в годы польской интервенции и крестьянской войны, нам нет необходимости передавать во всех деталях события интервенции и крестьянской войны, так как не ко всем этим событиям Смоленск имел прямое отношение. Но зато совершенно необходимо разобраться во внутренней борьбе классов Московского государства и вскрыть социальную опору польских интервентов внутри России, так как Смоленск включался в круговорот событий по мере того, как события затрагивали наиболее жизненные интересы различных классов населения Смоленского уезда.

Основное противоречие между крестьянством и холопами, с одной стороны, и классом землевладельцев-феодалов — с другой достигло к 1604 году крайнего обострения вследствие постигшего страну голода. Голод начался в 1601 году и продолжался подряд три года. „Бысть же в земле глад велий,— пишет летописец,— яко и купити не добыть. Такая же бысть беда, что отцы детей своих метаху, а мужие жен своих метаху же, и мроша людие, яко и в прогневание божие так не мроша, в поветрие моровое. Бысть же глад три годы".[2]

Потрясающие картины страшного народного бедствия рисует их очевидец Исаак Масса. „Так велик был голод и нужда во всей Московии,— пишет он,— что даже матери ели своих детей... На всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисицы, также собаки и другие животные... В самой Москве было не лучше; привозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы его не отняли силой; и были наряжены люди с телегами и санями, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле, и сваливали их туда, как мусор...".[3]

Но голод на Руси уже в то время был явлением не всеобщим, а классовым. От этого стихийного бедствия страдали только массы трудящихся: крестьяне, холопы

---

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты", стр. 192.

[2] „Полное собрание русских летописей", т. XIV, стр. 55.

[3] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии", стр. 59.

и ремесленники. Не могла не пострадать также и служилая мелкота, которой особенно много было в южных уездах. А между тем, по свидетельству Исаака Массы, „запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года“... „У знатных господ, а также во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его уже погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его...“.[1] „Иные, имея запасы года на три или на четыре, желали продления голода, чтобы выручить больше денег... Даже сам патриарх, глава духовенства, на которого смотрели в Москве, как на вместилище святости, имея большой запас хлеба, объявил, что не хочет продавать зерно, за которое должны будут дать еще больше денег; и у этого человека не было ни жены, ни детей, ни родственников, никого, кому он бы мог оставить свое состояние, и так он был скуп, хотя дрожал от старости и одной ногой стоял в могиле.“[2]

С одной стороны—миллионы крестьян, умиравших с голоду, а с другой—кучка крупных землевладельцев, спекулировавших на голоде, желавших его продления и гноивших огромные запасы хлеба в ожидании подъема цен! Как это поразительно похоже на современные картины в капиталистическом обществе, когда кучка капиталистов сжигает пшеницу в топках паровозов, выбрасывает мешки с кофе в море и выливает молоко в реки в то время, когда десятки миллионов безработных умирают от голода. Хотя капитализм и феодализм—разные общественные формации, но острота противоречий между угнетателями и угнетенными в них одинакова.

Безвыходное положение русских крестьян и холопов заставило их взяться за истребление своих угнетателей и за разгром помещичьих усадеб. Началась крестьянская война.

Но как резко отличается крестьянская война от пролетарской революции и даже от буржуазно-демократической революции под руководством пролетариата! Поднимая священную войну против своих угнетателей, выдви-

---

[1] Там же, стр. 61.
[2] Там же, стр. 60.

гая борцов, проявлявших в ней такой изумительный героизм, который и до сих пор вызывает наше восхищение, крестьянство, однако, не могло уничтожить феодальной эксплоатации.

„Мы, большевики,— говорил тов. Сталин,— всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства“.[1] Тов. Сталин указал и на причину слабости крестьянских войн: „Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями“.[2]

Но в начале XVII века в России не было промышленного пролетариата, поэтому в борьбе против помещиков у крестьян и холопов прочных союзников не оказалось.

Под 1604 годом летописец сообщает о вооруженном выступлении крестьян и холопов, грабивших и убивавших помещиков. В то время действовал сильный отряд крестьян под предводительством Хлопка Косолапого. Этот отряд представлял настолько крупную боевую силу, что оказывал сопротивление даже правительственным войскам. „Бысть в то же время, — пишет летописец, — умножишась разбойство в земле Рустей, не токмо что по пустым местом проезду не бысть, ино и под Москвою быша разбои велицы. Царь же Борис, видя такое в земле нестроение и кровопролитие, посылаше многижда на них. Они же разбойники, аки звери зубы своими скрежетаху на человека, тако противляхуся с посланными, и ничего им не можаху сотворити. Они же воры

---

[1] *И. Сталин.* „Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом“, изд. 1938 г., стр. 8.

[2] Там же, стр. 8—9.

и досталь православных християн посецаху и грабяху. У них же воровских людей старейшина в разбойниках именем Хлопа".[1]

В то время представители господствующего класса „ворами" называли всех своих политических противников. „Своровать" — в то время означало занять антиправительственную политическую линию или же в той или иной форме выступить против правительства. Разбойные выступления „воров" под предводительством Хлопка были первыми громовыми раскатами надвигавшейся крестьянской войны. Отряд Хлопка был в конце концов разбит правительственными войсками, но уже и в этих боях восставшие поразили своих противников необыкновенным мужеством и упорством. Они бились, по словам летописца, „не щадя голов своих" и „живи бо в руки не давахуся".

Исаак Масса говорит, что вооруженные восстания крестьян и холопов начались уже в 1603 году. „В этом месяце (1603 сентябре), — говорит он, — крепостные холопы, принадлежавшие различным московским боярам и господам, частию возмутились, соединились вместе и начали грабить путешественников; от них дороги в Польшу и в Ливонию сделались весьма опасными". Такого же рода восстания охватили и юго-восточные окраины Московского государства, бассейн средней и нижней Волги. „На Волге, — пишет И. Масса, — повсюду полно разбойников, все казаки, которые грабят суда в 1000 ласт и убивают людей. Того ради многие купцы с товарами, не осмеливаясь плыть по Волге, остались в Астрахани, а те, что были в Саратове, почли за лучшее отправиться через великую степь и так по прошествии 12 недель прибыли в Москву".[2]

Оценивая общее внутреннее положение в Московском государстве в 1601—03 годах, Исаак Масса делает такой вывод: „Голод, бедствия и ожесточение людей были слишком велики... На дорогах было множество разбойников и убийц... Люди становились, чем дальше, тем хуже, вдавались в разбой и грабежи все более, ожесточались и впали в такое коснение (непримиримую нена-

[1] „Полное собрание русских летописей", т. XIV, 1-я половина, стр. 5.

[2] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии", стр. 71 и 74.

висть к существующему строю.— *В. М.*), какого еще никогда не было на свете... А затем началась удивительная междоусобная (гражданская.— *В. М.*) война, самая удивительная из всех войн от начала света".[1]

Хорошо осведомленный, острый и умный наблюдатель — Исаак Масса увидел главную пружину всех тогдашних событий в борьбе крестьян с помещиками. Всеми действиями господствующего класса как по отношению к Борису Годунову, так и по отношению к полякам и лже-Димитрию, руководили не столько соображения о правах наследования престола, сколько животный страх перед крестьянской войной. Бояре, дворяне и духовенство нуждались только в такой власти, которая могла бы в кратчайший срок подавить восстание крестьян и холопов. Исаак Масса собственными глазами видел, что даже в Москве „чрезвычайно страшились простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве, так что воистину в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или дмитриевцев".[2]

Этот вывод Исаака Массы для своего времени представлял замечательное проникновение в сущность событий. Хотя у самого автора он вырвался случайно, как результат личного наблюдения над тогдашней Москвой, и не мог быть использован им для понимания всего хода событий. Но то, что борьба крестьян и холопов составляла главный фон всех политических событий того времени, легко обнаруживается и из многочисленных русских публицистических произведений, сохранившихся от той эпохи. Крестьянская война настолько поразила воображение образованных людей того времени (а все они принадлежали к господствующему классу), что вызвала к жизни большое количество публицистических и исторических произведений, в которых авторы пытались осознать сущность потрясавших всю страну событий. Но при всеобщем господстве религиозного мировоззрения главную причину общественных потрясений авторы видели в воле божией, которая якобы карала людей за их

---

[1] Там же, стр. 62.
[2] Там же, стр. 105.

грехи. Однако авторы имели в виду определенные факты, и вот эти-то факты и показывают, вокруг чего вертелось их возбужденное воображение.

В качестве примера можно взять „Сказание Авраамия Палицына". Начало беды во всей России А. Палицын видел в голоде, постигшем Россию. По его словам, виноваты были те имущие, которые стремились поживиться на народном бедствии, продавая хлеб голодным по грабительской цене („и прибытков восприемаху десятерицею и вящши"), и которые скрывали огромные запасы хлеба. Во время гражданской войны эти запасы были захвачены и ими кормилась вся Россия несколько лет подряд („обретеся бесчисленно расхищаемо всякого хлеба, и давные житницы не истощены, и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоней и копон и зародов до четырехнадесять лет от смятения во всей Русской земле, и питахуся вси отпол старыми труды"). Так как, по словам Палицына, имущие люди „не пощадеша братию свою", то за этот „грех всей России", „яко же мы не пощадехом, тако и нас не пощадеша врази наши". [1]

В восстании крестьян Авраамий Палицын видел божие возмездие помещикам за их бесчеловечное отношение к своим крестьянам и холопам. Палицын стоял за смягчение эксплоатации, уроки крестьянской войны выработали из него, так сказать, либерального крепостника, и его „Сказание" было поэтому направлено в поучение помещикам, но зато данное им изображение фактической стороны событий имеет огромную историческую ценность. Так, говоря о „зачале разбойничества и ворех во всей России", т. е. говоря о начале крестьянской войны, Авраамий Палицын дает исключительно ценное описание социального состава мятежных сил.

Это, во-первых, „гады злодействующие, осужденные к смерти", скрывавшиеся на южных окраинах государства; во-вторых, это выброшенные на улицу во время голода холопы, причем среди этих холопов были не только простые люди, но и „избранные меченосцы и крепции со оружием во бранех", т. е. обнищавшие дворяне, попавшие в холопы до голода и во время голода; в-третьих, огромные массы крестьянства и холопов, бедст-

[1] „Русск. историч. биб-ка", т. XIII, стр. 481—482.

венное положение которых Палицын рисует в следующих словах: „Бяше же и се зло во многих: лето убо все труждаются, зиму же и главы не имеют где подклонить, и паки в лето, и не хотя, в делех страждут; в сицевых же озлоблениях разлучахуся мужа от жены, и брат от брата, и отец от чад, и друг от друга. Еще же зло на зло прилагаху мнози: не токмо у рабов своих, но у поселян, данных им в поместиях, емлюще у них жены и дщере и сестры на постеле скверные, и тии токмо воздыхающе, плакати же и не смеяху, вещати же и не помышляюще, смерть бо предо очима лежаще";[1] в-четвертых, холопы опальных бояр, на которых была положена „заповедь" „не принимать их никомуже", а среди этих холопов оказывались также умелые бойцы „на конех играющеи".

Совершенно ясно, что армия „воров и разбойников", по терминологии Палицына, это — армия крестьянской войны, это — угнетенные, двинувшиеся на своих угнетателей. Не лишено интереса двукратное упоминание Палицыным о присутствии в этой армии военных специалистов из обнищавшего дворянства, опустившегося до уровня холопов. С точки зрения господствовавшего класса это движение было „смутой", т. е. движением против существовавших тогда общественных и политических порядков.

Но кроме крестьян, холопов и дворян, попавших в холопы, к „смуте" на первых порах примкнули и более широкие массы из нижних слоев помещичьего класса.

Мы уже указывали на сосредоточение в южных уездах Московского государства большого количества служилых людей, не имевших ни достаточного количества земли, ни крепостных крестьян, и обрабатывавших землю большей частью собственными руками. Но кроме этого служилое население южных уездов несло такие тяготы, каких не знали служилые люди других уездов. „Недовольство должно было увеличиваться и обостряться особенно потому, — писал С. Платонов, — что служилые тяготы возлагались на население без особой осмотрительности, неумеренно. Не говоря уже о прямых служебных трудах — полевой и осадной службе, население

1 „Русск. историч. биб-ка", т. XIII, стр 483—484.

пограничных городов и уездов привлекалось к обязательному земледельческому труду на государя".[1] У Платонова речь идет о так называемой „десятинной пашне" в пользу государства, которая была заведена в южных уездах. Служилое население этих уездов должно было доставлять государству бесплатно большое количество хлеба. „Не установив еще своего хозяйства, оно должно было тратить свои силы на чужом, плоды которого ему не доставались вовсе. Собранное с государственных полей зерно, если не лежало в житницах в виде мертвого запаса, то посылалось далее на юг для содержания еще не имевших своего хозяйства служилых людей".[2]

Тяжелое положение южных землевладельцев еще более отягощалось бедствиями трехлетнего голода. Так в 1604 году в южных уездах Московского государства в среде самого служилого класса создалась очень серьезная оппозиция московскому правительству.

Правительство не могло предотвратить ни крестьянской войны, ни враждебных выступлений служилых людей украинных уездов, и, конечно, едва ли могло выйти целым из предстоявшей схватки.

Подготовляя интервенцию и перебрасывая свои войска вместе с лже-Димитрием в Россию, польское правительство несомненно делало ставку на внутренние противоречия и искало для себя социальной опоры в Московском государстве. Но на что поляки могли делать ставку: на революционные ли массы крестьян и холопов или же на оппозиционные слои служилых людей южных уездов?

Стоит только так поставить вопрос, как уже сам собою напрашивается ответ, что польское рыцарство, закабалившее своих собственных крестьян, никак не могло быть другом русских крестьян и холопов. Игра с таким огнем для польской шляхты представляла большую опасность.

Надо сказать, что не только иностранцы (как, например, Исаак Масса), но и русские современники никогда не смешивали польской интервенции с крестьянской войной, не объединяли их, а всегда предусмотрительно раз-

---

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты", стр. 149.
[2] Там же, стр. 195.

деляли эти две силы, даже в тех случаях, когда казалось, что они действовали единым фронтом. Это видно, например, в „Сказании Авраамия Палицына“. Палицын, как и подобает идеологу господствующего класса феодалов, находил у поляков даже черты благородства в противовес мятежному крестьянству, хотя в действительности поляки были наиболее свирепыми врагами русского народа, оставившими в народе долгую память своими кошмарными злодеяниями. Авраамий Палицын (как и большинство русского дворянства и боярства), решительно предпочитал польских панов мятежным крестьянам и холопам. „Поляки же и литва... смеяхуся безумству нашему и межеусобию“. „И видяще поляки и литва злое мучительство от своих своим, и уступающе дивляхуся о окаянной вражии жесточи и сердцы своими содрагахуся...“. „Разумнии же от них ланите теплыми слезами омывающе и друг другу глаголюще: внимаем о себе, братие, что сии русаки друг другу содевают; нам же что будет от них?“.[1] Авраамий Палицын имел возможность лично ознакомиться с отношением польского „рыцарства“ к восстанию русских крестьян и холопов, поэтому можно вполне доверять утверждению Палицына, что польско-литовские паны сами испытывали ужас перед этим движением. Остается один только вывод, что польское „рыцарство“ могло делать ставку только на оппозиционные элементы служилого класса южных уездов и здесь искать себе социальную опору.

Все исторические факты подтверждают этот вывод. Первыми на сторону лже-Димитрия обычно переходили низшие слои служилых людей; они арестовывали и связывали московских воевод и передавали их в руки лже-Димитрия. Об этой измене служилых людей сообщает летописец, описывая переход на сторону лже-Димитрия городов Северской украйны. Так, в осажденном лже-Димитрием Чернигове „воевода ж бысть тут князь Иван Татев и начат с ними битися, не ведя тово, что в ратных людех измены, и приидоша ж вси ратные люди и ево поимаше и сами здалися к Ростриге и крест ему целовали. Також и в Путимле... околничего Михаила Салтыкова поимаше, а к нему (к лже-Димитрию.— *В. М.*)

---

[1] „Русск. историч. биб-ка“, т. XIII, стр. 502—503.

послаша с повинною... Потом же иные грады, Рылеск, також воевод поимаху, и, связав, приведоша к нему. Потом же украинные городы: Царев город, Белгород, Аскол, Валуйка, Куреск и Камаритцкая волость везде воевод, переимающе, вязаху и к нему посылаху".[1] Таким образом, вся масса служилого люда южных городов, за исключением правительственных воевод, оказалась на стороне лже-Димитрия. „Приборный служилый люд, — пишет С. Платонов, — да отчасти мелкопоместные дети боярские украинной полосы составляли ту среду, в которой Самозванец получил первое признание на московской почве".[2] Вместо слова „признание" здесь следовало бы сказать: опору.

О том факте, что дворянство южных уездов было использовано поляками в качестве социальной опоры для первого самозванца, свидетельствует не только летопись, но совершенно прямо и точно говорят разрядные записи того времени. Так, под 1605 годом записано: „И украинских городов дворяне и дети боярские резанцы, туляне, каширяне, олексинцы и всех украинских городов, удумав и сослався с крамчаны, вору Ростриге крест втайне целовали и бояр и воевод на съезде переимали, и вся рать от того смутилась, и крест Ростриге целовали и воевод к крестному целованию привели и по городом писали, чтоб крест целовали царю Дмитрею".[3]

Это нам также объясняет, почему поляки для переброски своих войск и лже-Димитрия в Московское государство выбрали не прямой путь через Смоленск, а кружный путь через Северскую украйну. В украинских городах для интервентов существовала уже социальная база, которой в то время не могло быть в Смоленске. Смоленск не знал помещичьей мелкоты: политика Бориса Годунова по крестьянскому вопросу пока еще удовлетворяла средних землевладельцев, к которым в своей массе относились смоленские дворяне, поэтому у смоленских дворян не было причин выступать против правительства Бориса Годунова.

Кроме того, само правительство приняло меры к усилению охраны смоленских границ и к прекращению вся-

---

[1] „Полное собрание русских летописей", т. XIV, стр. 62.
[2] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты", стр. 200.
[3] „Чтения О. И. и Д. Р.", за 1907 г., кн. 2, стр. 4–5.

кого общения Смоленска с Литвой и северскими городами, захваченными польскими интервентами. Летописец сообщает, что в то время „заставы быша от Смоленска по всему Смоленскому рубежу. Царь же Борис наипаче повеле крепити заставы и прибавиша до Брянска, чтоб нихто из Литвы и в Литву не ходил, все укрываючи, чтоб вести не было на Москве".[1] От этого времени сохранилось интересное дело о „шатости" смоленских жителей, показывающее, что в действительности никакой „шатости" и измены в Смоленске не было.

Дело возникло в феврале 1605 года по челобитной городничего Никифора Ефимьева (из „выбора", оклад 500 четвертей, или 750 десятин), обвинявшего дворянского городового приказчика Василия Петрыкина и дьякона Андрея в распространении слухов о шатости жителей Смоленска. В челобитной сообщалось, что когда Смоленск в январе 1605 года готовился к отражению польских войск, то будто бы Василий Петрыкин и дьякон Андрей говорили о том, что „посадские люди ужаснулись и меж себя ходя и неведомо, что шепчут".[2] Судя по обрывкам следственного дела, изменников среди смоленских посадских людей не оказалось, но зато властям удалось напасть на след одного крайне запутанного дела о бегстве на Северскую украйну смоленского дворянина Елисея Ефимьева.

Этого дворянина смоленские купцы видели в 1603 году в Москве на польском гостином дворе, где он „променял смолянину, торговому человеку Михайлу Ермолину пять ефимков", а потом неизвестно куда скрылся. Оказалось, что и раньше этот Елисей Ефимьев два раза убегал и жил „в северских городах в Путивле и во Брянску и в иных городех, а приходя жил мало не пол году, да опять в третей збежал да и не бывал".[3]

Напав на след сношений смоленских дворян с северскими городами, занятыми поляками, и помня измену Хрипуновых, правительство посадило Никифора Ефимьева в тюрьму. Ефимьев находился в заключении, очевидно, только до смерти Бориса Годунова, так как при

---

[1] „Полное собрание русских летописей", т. XV, стр. 61.
[2] „Акты исторические", т. II, № 53.
[3] „Памятники обороны Смоленска", № 280.

царе В. И. Шуйском он получил ответственный пост командира Фроловской башни.

Таким образом, можно сказать, что на первом этапе польской интервенции с 1604 по 1606 год Смоленск держался одной политической линии с Москвой. Причиной этого несомненно было то, что смоленское дворянство по своему экономическому положению гораздо ближе подходило к московскому дворянству, чем к дворянству украинских городов. Смоленск в 1605 году оказался в стороне от боевых операций только потому, что в нем польские интервенты не могли найти для себя социальной опоры. Колебания смоленского дворянства начались несколько позднее, во время царствования Василия Шуйского.

ГЛАВА VI

СМОЛЕНСК ВО ВТОРОМ ПЕРИОДЕ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Второй этап польской интервенции охватывает период почти в три года: с мая 1606 по июнь—июль 1609 года. В этом периоде необходимо различать три процесса, оказывавших взаимное влияние друг на друга и образовавших чрезвычайно сложное переплетение событий: первый процесс—это попытка поляков после провала авантюры с первым лже-Димитрием посадить на московский престол второго самозванца, а также попытка их подготовить себе новую социальную опору в Московском государстве; второй процесс — это расширение крестьянской войны и достижение ею своего высшего подъема, и третий процесс — это начало перехода крестьянской войны в широкое народное национально-освободительное движение против польских интервентов.

Ко всем этим трем процессам Смоленск имел прямое отношение, и поэтому его собственная роль во втором этапе польской интервенции была более активной, чем в первом.

Убийство лже-Димитрия 17 мая 1606 года и одновременно с этим истребление польских военных сил, находившихся в Москве и бывших опорой самозванца, опрокинуло польские планы заключения политической и религиозной унии с Россией. Польша осталась у разбитого корыта. Под обломками польского плана погибло около полутора тысяч поляков во главе со лже-Димитрием.

Переворот 17 мая 1606 года был крупной победой России над Польско-Литовским государством, одержан-

ной на улицах Москвы, и вопрос о том, какие силы произвели этот переворот, какие факты внешнего и внутреннего положения России вызвали его, — имеет большое значение для правильного понимания последующих событий.

Крупным фактом внешней политики России в то время являлись начатые в конце мая 1606 года официальные переговоры с Польшей о заключении военно-политического союза. Со стороны Польши переговоры вели послы Александр Гонсевский и Николай Олесницкий.

Но помимо официальных отношений, между лже-Димитрием и польским правительством существовали и неофициальные отношения, о которых русские бояре несомненно кое-что знали. Характер этих неофициальных отношений хорошо иллюстрируют тайные переговоры, которые вел Александр Гонсевский со лже-Димитрием еще в августе 1605 года. [1]

Прежде всего Александр Гонсевский решил тогда несколько припугнуть лже-Димитрия слухом, что Борис Годунов не умер, а бежал в Англию и ждет там удобного момента выступить против лже-Димитрия. Смысл этого сообщения сводился к тому, что лже-Димитрий не должен особенно задирать нос, так как имеется очень опасный противник, от которого его может спасти только польский король.

Это была удивительная эпоха, когда воскрешение мертвых сделалось излюбленным приемом дипломатов. Этот прием был ответом на не менее излюбленную тактику убивать своих политических противников. Убийство как главный инструмент политики породило и свою противоположность — политическое искусство воскрешать убитых в неограниченном количестве.

В августовских переговорах А. Гонсевский предъявил лже-Димитрию следующие требования: 1) оказать Польше помощь в борьбе со Швецией, 2) оплатить за службу тем польско-литовским отрядам, при помощи которых лже-Димитрий достиг престола, 3) уничтожить торговую исключительность Смоленска и предоставить польским купцам право беспошлинной

---

[1] „Собрание государственных грамот и договоров", ч. 2, № 96.

и свободной торговли в России, 4) принять назад в Россию и наградить братьев Хрипуновых и 5) сообщить, какие тайные переговоры вел виленский посадник Савостьян Ольшаница с Борисом Годуновым.

Лже-Димитрий обязался удовлетворить все требования А. Гонсевского. Это показывало, что неофициальным путем дело фактического подчинения России Польше при лже-Димитрии шло очень успешно. Но официальные переговоры в мае 1606 года показали, что московское боярство очень неохотно идет на уступки Польше. Однако бояре понимали, что раз царь на стороне Польши, то им будет трудно отстаивать свои интересы; они увидели ясную и неизбежную перспективу потери своего руководящего положения в стране. Единственным выходом для них мог быть только переворот: уничтожение лже-Димитрия и его польских военных сил.

Необходимость переворота диктовалась боярству и дворянству также и ясно надвигавшимся грозным призраком подъема крестьянской войны. Вместо того чтобы собирать силы для подавления мятежных крестьян и холопов, царь в угоду Польше готовил грандиозный поход против турок. Бояре знали, что дворянство очень неохотно идет в этот поход. Но сил одного боярства для совершения переворота было далеко недостаточно. Поднять же за собой народные массы бояре не могли, так как московский народ не стал бы драться с поляками во имя интересов боярства. Исаак Масса правильно замечал, что московский народ сам не прочь был пограбить своих бояр и богатых купцов.

Но откуда же взялась народная сила, совершившая переворот 17 мая?

Этой силой был московский народ, посадский мир, который сам двинулся против польских интервентов в защиту собственных интересов, но вовсе не интересов бояр и купцов. Бояре оказались наверху этого стихийного движения, как масло на поверхности воды, однако они ловко овладели движением и воспользовались в своих классовых интересах политическими результатами переворота.

Почему же восстал русский народ против поляков?

Об этом ясно говорят как сами польские, так и другие иностранные источники.

Прежде всего сами поляки писали: „Наши грубо обходились с русскими. Для обуздания своевольных у нас назначены судьи и предписаны правила, коих никто, однако, не исполнял“.[1] Поляки хозяйничали в России, как в оккупированной стране, и если против насильников не было никакой официальной защиты, то естественно, что русскому народу оставалось самому стать на защиту своего достоинства. Возмущение народа нарастало независимо от расчетов боярской политики. Близость катастрофы чувствовали и сами поляки, находившиеся в Москве. Надвигалось восстание народа против интервентов. „В ту же ночь (14 мая 1606 года по стар. стилю),— говорит один из польских источников,— русские бродили толпами по улицам (Москвы. — *В. М.*), обнаруживая свою злобу на поляков“.[2] 16 мая польские солдаты явились к Юрию Мнишку „и объявили, что опасность очевидна“. „Обнаруживались все признаки мятежа“.[3]

Поляки потом во всем обвиняли бояр во главе с Шуйским, но совершенно очевидно, что никакие бояре не могли бы внушить народу такую непримиримую ненависть к полякам, какую они сами вызвали своим отношением к русским. Поляки считали, что Россия у них в кармане, но русский народ думал иначе и решил просто раздавить зазнавшихся насильников.

Исаак Масса так изображает народное восстание: в 2 часа ночи 17 мая в Москве ударили в набат, и поляки сразу оказались осажденными в своих домах, они „были задержаны толпой, обложившей их дворы, чтобы грабить и убивать, и все поляки и люди в польском платье, застигнутые на улице, поплатились жизнью, и когда появился отряд польских всадников, его тотчас осадили и закинули улицы рогатками; а эти рогатки у них устроены на всех улицах, так что они с лошадьми не могли проехать, а где не было рогаток, тотчас набросали бревна, выломив их из мостовых, которые выложены там из бревен; и повсюду происходило великое избиение поляков... смятение было во всем городе.

[1] „Сказания современников о Димитрии Самозванце“, ч. 4, стр. 18.
[2] Там же, стр. 49.
[3] Там же, стр. 50.

Даже маленькие дети и юноши и все, кто только был в Москве, бежали с луками, стрелами, ружьями, топорами, саблями, копьями и дубинами, крича: „Бейте поляков, тащите все, что у них есть!".[1]

Нельзя думать, что такое мощное восстание, в котором приняли участие все от мала до велика, могло быть „сделано" Шуйским. На улицах Москвы шел ожесточенный бой народных масс с поляками. Это было настоящее сражение с осадой домов и с баррикадами на улицах. Победа над поляками далась не так легко. „Было убито полторы тысячи поляков и восемьсот московитов".[2]

Но пока народ расправлялся со своими врагами на улицах, бояре совершили дворцовый переворот, убили лже-Димитрия и его приспешников и захватили власть. Вот уже здесь социальный состав восставших был несколько иной. В захвате власти боярам помогли „по большей части московские дворяне и купцы, и многие из Новгорода, а также из Пскова и иных мест, задолго до того прибывшие тайно в Москву, чтобы совершить свое предприятие".[3]

Бой народа с поляками длился до полудня 17 мая. „После полудня вследствие просьб и уговоров бояр волнение было утишено, и простой народ был весьма доволен этими убийствами, ибо поляки были им врагами, и они прославляли эти деяния и выхваляли зачинщиков как ревновавших об отечестве и святыне московской".[4]

Боярам не хотелось очень далеко заходить в истреблении поляков, они опасались вызвать этим войну с Польшей и поэтому приняли меры к прекращению битвы.

Такую же картину переворота 17 мая рисуют нам и русские источники, а именно—разрядные записи за 1606 год. В них сообщается: „А литва и поляки в Московском государстве учали насилство делать: у торговых людей жен и дочерей имать силно, и по ночем ходить с саблями и людей побивать, и у храмов вере крестьянской и образом поругатца. И бояре и дворяне

[1] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии", стр. 137—138.
[2] Там же, стр. 142.
[3] Там же, стр. 138.
[4] Там же, стр. 142.

и всякие люди, видя такое насилство и беззаконие, съехався к Москве из городов и положив меж себя совет, того вора Ростригу Гришку Отрепьева убили маия в 15 день. И в те поры народ возмутился, черные люди литовских людей во многих местех Сендомирского и приятелей его пограбили и иных литовских людей побили до смерти, а лутчие люди в то время утекли на посолской двор; и оттого меж государств с Литвою и ссора учинилась“.[1]

В этом сообщении, записанном современником, говорится о трех фактах: 1) о насилии, чинимом поляками над русским народом, 2) о заговоре против правительства лже-Димитрия в кругах бояр, дворян и купцов и 3) о том, что как раз в ту пору и сам народ возмутился и черные люди побили литовских людей (т. е. поляков). Современник, как это ясно видно, совсем не смешивает восстания народа с заговором бояр, он не говорит, что заговор был причиной народного восстания, а указывает, что оба факта совершились в одно время.

Надо сказать определенно, что победа над польскими интервентами на улицах Москвы была одержана московским посадским миром, а бояре и дворяне только воспользовались результатами этой победы. Это хорошо поняло польское правительство и сделало соответствующие выводы при посылке второго самозванца в Россию.

Потерпев 17 мая поражение в Москве, оно не отступило от своих планов подчинения России и решило повторить опыт с самозванцем. Лже-Димитрия, как тогда было принято, воскресили из мертвых, т. е. объявили, что он не был убит, а чудесным образом спасся. Для нового кандидата на эту роль в Польше была разработана очень подробная инструкция, как надо действовать, чтобы второй раз избежать „17-го мая“.

Целый ряд пунктов этой инструкции очень интересен и показывает, что поляки все же сумели воспринять некоторые уроки истории, хотя далеко не все самые существенные.[2]

---

[1] „Чтения О. И. и Д. Р. за 1907 г., кн. 2, стр. 8.

[2] Инструкция приведена у С. Соловьева. См. его „Историю России“, т. 8, стр. 216—223.

Во-первых, поляки пришли к выводу, что не следует слишком озлоблять русский народ, что надо стараться привлекать его на свою сторону. „Надо остерегаться,—говорилось в инструкции,—чтобы не подать повода к новым заговорам... Как трудно без русских получить предостережение на случай бунта, крамолы и прочего... это изведано на опыте".

Во-вторых, поляки решили перенести столицу России из Москвы куда-нибудь поближе к границе (очевидно, имелся в виду Смоленск). В пользу этого приводились такие доводы: а) мир московский будет смирнее, так как он буйствует в присутствии государя и мало его уважает, б) государь будет в большей безопасности, так как в случае нужды легко будет получить помощь из Польши, в) если же все-таки назреет опасность переворота, то царю и царице легче будет бежать со своими драгоценностями в Польшу.

В-третьих, бояр и духовенство следует держать в некотором отдалении, „пусть остаются в домах своих и ждут приказа, когда явиться".

Этими мерами поляки думали уберечь второго самозванца от судьбы первого, вместе с тем очень ясно показали, что главной опасностью они считали московский посадский мир, т. е. считали его главной силой переворота 17 мая 1606 года.

После переворота власть оказалась в руках московской княжеско-боярской верхушки. Царем был избран боярин В. И. Шуйский.

Образование нового боярского правительства во главе с В. И. Шуйским обозначало: во-первых, решительный курс на подавление крестьянского и холопского движения, во-вторых, сохранение прежнего тяжелого положения служилой мелкоты южных уездов и, в-третьих, изменение курса внешней политики, переход от политики покровительства польским интервентам к старой политике игры на противоречиях между Польшей и Швецией.

В результате этого совершенно неизбежно было обострение крестьянской войны и возникновение оппозиционного движения в среде помещиков южных уездов Московского государства.

А вследствие роста противоречий между боярским

правительством и низшими и средними слоями служилого класса сужалась социальная опора правительства Шуйского, и его падение вследствие этого становилось неизбежным.

Но все эти противоречия развернулись не сразу. С первых же месяцев существования нового боярского правительства началось мощное движение крестьян, холопов и казаков на южных и юго-западных окраинах государства. Крестьянская война перешла в фазу своего высшего подъема.

Нет никаких оснований думать, что новый взрыв крестьянской войны был вызван переворотом 17 мая; скорее всего дело обстояло как раз наоборот, т. е. грозный призрак крестьянской войны, отчетливо обрисовавшийся на южных окраинах государства весной 1606 года, неспособность лже-Димитрия бороться против этой опасности и даже прямые заигрывания его с казачеством были одной из главных причин, побудивших московское боярство совершить переворот. Доказательство этого мы находим в описаниях иностранцев, бывших свидетелями переворота 17 мая. Так, например, Исаак Масса в своем „Кратком известии о Московии" приводит десять обвинений, выдвинутых против лже-Димитрия правительством Василия Шуйского. Среди них есть такой пункт: „В девятых, обвиняли его (Димитрия) в том, что он вызвал (появление) человека, который в крайней нужде мог оказать ему помощь, и он со множеством казаков явился на великой реке Волге, причиняя повсюду много вреда, грабя нагруженные товарами корабли, шедшие из Астрахани, и творя убытки на миллионы, и он выдавал себя за Петра Федоровича, незаконного сына царя Федора Ивановича".[1]

Трудно допустить, чтобы лже-Димитрий в действительности собирался опереться на самозванного царевича Петра. Восстание крестьян и казаков в Астрахани и на Волге, борьба их против правительства и имущих классов, разграбление торговых судов начались еще до 17 мая. Они явились новым этапом крестьянской войны, признаком ее нового подъема. Именно так эти события и были расценены в Москве. Исаак Масса сообщает, что

---

[1] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии", стр. 150.

„купцы, бывшие в Саратове, Самаре и других местах, претерпевая бедствия, блуждали по стране, и каждый бежал своей дорогой, и некоторые из них достигли Москвы...“. „Когда все эти вести дошли в Москву до слуха народа, страх и трепет обуял всех и каждый призывал на себя смерть“.[1] Совершенно очевидно, что имущие классы Москвы испугались не столько нового самозванца Петра и его терских казаков, сколько восстания крестьян и холопов—самой страшной для себя опасности. Поэтому обвинение лже-Димитрия в сношении с вождем восставших ясно говорит, что оно было выдвинуто господствующим классом.

После избрания царем В. И. Шуйского бояре и дворяне более уверенно смотрели на перспективы борьбы с крестьянством. Новый царь решительно взялся за подавление крестьянского восстания. Но если бы у Шуйского дела против крестьян пошли плохо, то ему угрожала бы участь лже-Димитрия. О том, что судьба нового царя была тесно связана с исходом борьбы против крестьян, можно убедиться из наблюдений современников. Так, задержанные в России поляки сообщали, что в период решительных столкновений с мятежниками „пронесся слух, что или царя изберут нового, или всеми силами ударят на неприятеля“.[2]

Военные поражения Шуйского приводили московское боярство в крайнее раздражение. „После того, — пишут поляки, — Болотников имел с Шуйским и другие стычки, в коих всегда оставался победителем. Раздраженные неудачею царя во всех предприятиях, пришли к нему 10 знатнейших бояр, изобразили бедствия его правления... и в заключение сказали, что одни явно ведут с ним войну, другие передаются неприятелю, третьи скрытно действуют заодно с врагами, верные же престолу остаются при нем не по любви или преданности, а в надежде спасти свое имущество и семейство“.[3]

Бесспорным в этих слухах следует признать только то, что борьба против восставших крестьян составляла главную заботу первых лет правления Шуйского. Отно-

---

[1] Там же, стр. 153—154.

[2] „Сказания современников о Димитрии Самозванце“, часть 4, стр. 92.

[3] Там же, стр. 101—102.

шение господствующего класса к В. И. Шуйскому складывалось в зависимости от результатов этой борьбы. Когда впоследствии правительство В. И. Шуйского было крайне ослаблено непрерывной войной, часть господствующего класса отвернулась от Шуйского и приняла ориентацию на союз с Польшей. Из двух сил, совершивших переворот 17 мая, только посадский мир остался непримиримым противником поляков, а верхушка господствующего класса через четыре года перекинулась на сторону Польши.

Это надо иметь в виду, чтобы правильно учесть исторический вес и значение крестьянской войны во внутреннем и внешнем положении России с 1606 по 1612 год.

Но если переворот 17 мая не вызвал нового подъема крестьянской войны, а сам был только следствием этого подъема, то зато не подлежит сомнению, что переворот вызвал возмущение низших слоев служилого класса против боярского правительства Василия Шуйского. „Как только узнали в Северщине и на Поле о смерти Самозванца, — пишет С. Платонов, — так тотчас отпали от Москвы Путивль и с ним другие Северские города, Ливны и Елец, а за ними и все Поле до Кром включительно. Немного позднее поднялись Заоцкие, Украинные и Рязанские места“.[1] Во всех этих городах восстали против боярского правительства именно недовольные им слои служилого класса. Автор „Нового летописца“ точно указывает, что возмущение начали дворяне и дети боярские, недовольные Василием Шуйским. „Царь же Василий, — говорится в летописи, — вскоре по воцарении своем, не помня своего обещания, начат мстити людем, которые ему грубиша; бояр и думных дьяков и стольников и дворян многих разосла по городом, по службам, а у иных у многих поместья и вотчины поотнима... Первое же зачало крови христианские, в Путимле городе князь Григорей Шаховской измени царю Василью со всем Путимлем и сказа путимцам, что царь Дмитрей жив есть, а живет в прикрыте: боитца изменников убивства. По том же Путимле измениша городы Монастырское, Чернигов, Стародуб, Новгородок“.[2] Движение этих городов было вызвано

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты“, стр. 243.
[2] „Полное собрание русских летописей“, т. XIV, стр. 70.

тем, что после переворота 17 мая помещики южных уездов возвратились к тому же положению, в каком они были в 1605 году перед походом лже-Димитрия на Москву. Хотя лже-Димитрия уже и не было в живых, но движение против московского правительства повторилось и притом во имя того же Димитрия. Для этой цели была сочинена легенда о его спасении.

Но борьба южного дворянства против правительства Шуйского не могла носить длительного и непримиримого характера, так как здесь сталкивались слои одного и того же класса, только не поделившие возможностей эксплоатации крестьянства. Поэтому как только обрисовалась смертельная угроза всему классу феодалов со стороны крестьянской войны, так южная дворянская оппозиция сейчас же примкнула к правительству Шуйского.

Крестьянская война с первых же шагов своего развития в 1606 году приняла форму блока крестьян с посадскими людьми, а также увлекла за собою и оппозиционные слои служилого класса. Чрезвычайно ценные сведения о социальном составе крестьянской армии, сформировавшейся под предводительством бывшего холопа князя А. Телятевского, Ивана Исаевича Болотникова, дает „Новый летописец". „Бысть в лето 7115 году, — сообщает летописец, — собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху украинские посацкие люди и стрельцы и казаки и начаша по городам воеводы имати и сажати по темницам. Бояр же своих домы разоряху и животы грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху. В них же бысть старейшим князь Андреев человек Андреевича Телятевского Ивашка Болотников, собрався со многими людьми и прииде под Кромы; и воеводы ж от Кром отоидоша".[1]

Летопись ясно говорит, что ядром революционной армии Болотникова были боярские люди, т. е. холопы и крестьяне, и что к ним пристали посадские люди украинных городов. Крестьянская армия не только зародилась как блок крестьян и мелких посадских, но в своем дальнейшем развитии она старалась расширить этот блок и вовлечь в него наиболее сильный посадский мир

---

[1] „Полное собрание русских летописей", т. XIV, стр. 71.

Москвы. Если бы московский посад примкнул к армии Болотникова, то и Шуйскому и московским боярам и московским купцам пришел бы конец. Московские правители это прекрасно понимали и писали об этом в своих грамотах после поражения Болотникова. В одной из них говорится следующее: „А ныне собрались украинных городов воры козаки и стрельцы и боярские холопи и мужики, а прибрали к себе в головы таких же воров: епифанка Истомку Пашкова да княж Андреева холопа Телятевского Ивашка Болотникова; многие городы смутя, церкви божии разорили, грабили, с образов оклады и престолы и евангилье обдирали, и образам божиим поругались и кололи и ногами топтали, наипаче (хуже. — *В. М.*) всяких иноверцев; и дворян, и детей боярских, и гостей и торговых всяких посадских людей побивали и жен и дочерей на блуд имали; и пришед под Москву стояли в Коломенском и умысля воровством, чтоб им на Москве всяких людей прельстити и смуту учинить по тому ж, как и в иных городах, и Москву выграбить и лучших людей побить“.[1]

Нам неизвестно содержание тех прокламаций, которые посылал Болотников московским посадским, но нарисованная в царской грамоте картина практических действий Болотникова ясно говорит, что Болотников мог обращаться со своими призывами только к низам посадского мира, только к „меньшим“ людям и предлагать им истреблять „лучших“ людей и завладевать их имуществом. Но ввиду того, что посадский мир еще не был резко диференцирован на рабочий люд и хозяев, „меньшие“ люди не имели своей особой организации, а призывы Болотникова не могли так скоро расколоть посад, то „меньшие“ люди не смогли оказать Болотникову быстрой помощи. Это и спасло московское правительство и „лучших“ людей.

Болотников, очевидно, стремился к установлению блока крестьян и холопов с посадскими ремесленниками под руководством крестьянства. Но крестьянство было крайне неорганизованной и неустойчивой силой, поэтому такой политический блок не мог дать крепкого общественного соединения. Значительно крепче получился блок

---

[1] „Собрание государственных грамот и договоров“, ч. 2, № 151.

крестьян и посадских несколько позднее (через три года), когда им пришлось выступить против польских интервентов, но в этом блоке руководство принадлежало посадскому миру и притом всему полностью, так как этот второй блок уже не выдвигал задач уничтожения „лучших“ людей и помещиков, а ставил единственную задачу — освобождение Руси от иностранных угнетателей.

Характерной особенностью крестьянской войны являлось то, что крестьянские войска по своим политическим взглядам были царистами, т. е. они шли за хорошего царя против помещиков, практически — за якобы спасшегося от смерти царевича Димитрия против царя Василия Шуйского и московских бояр. По этому признаку можно установить, что в Москве было много сторонников крестьянской армии. Исаак Масса пишет, что „вообще были две партии среди московитов: одни говорили и верили, что Димитрий жив..., а другие говорили, что он мертв...“.[1] Для идеологического воздействия на очень опасную первую партию московское правительство пошло на ловкий трюк: оно решило привезти из Углича тело Димитрия и объявить его святым; „царь долго советовался со всей московской думой, — пишет Исаак Масса, — как бы искоренить в народе пагубное верование и вздорное мнение, будто Димитрий еще жив, и, зрело обсудив и рассудив, почли за благо послать в Углич и там похоронить ребенка... и этого ребенка должны были снова выкопать... привезти в Москву и распустить слух, что от него совершаются чудеса...“.[2]

Этот факт ясно показывает, как велико было в то время обострение классовой борьбы, раз приходилось в самом срочном порядке придумывать нового святого и итти на самый наглый обман в организации „чудесных исцелений“. Духовные дипломаты орудовали по образцу дипломатов светских.

Когда армия Болотникова осенью 1606 года двинулась на Москву, то на пути к ней присоединились „мелкопоместные дети боярские украинных городов под предводительством Истомы Пашкова, дворяне и дети

---

1 *И. Масса.* „Краткое известие о Московии“, стр. 157.
2 Там же, стр. 160.

боярские „больших статей“ из Рязани с Сумбуловым и Ляпуновым во главе“.[1]

Такое широкое объединение революционной армии крестьянско-посадского блока не только с низами служилого класса, но даже и с его средними слоями не могло быть прочным, так как слишком различны были классовые интересы союзников. Крестьянско-холопское ядро армии стремилось уничтожить крепостное состояние крестьян и истребить землевладельцев-крепостников и рабовладельцев. Мелкое же и среднее дворянство стремилось только к реформам, к ограничению власти и привилегий княжеско-боярской верхушки.

Некоторое недоумение может вызвать присоединение к Болотникову дворян „больших статей“ из Рязани, но это недоумение быстро рассеивается, когда мы познакомимся с положением рязанского дворянства в те годы и сравним его с положением дворян более привилегированных уездов, например Смоленского, не говоря уже о Московском. Один исследователь истории Рязанского края так характеризовал общее состояние рязанского дворянства: „Характерной чертой всего вообще пограничного, в частности рязанского служилого класса должно считать преобладание низших разрядов в нем. Этой особенностью служилое сословие степной пограничной полосы ярко отличается от такого же центральных московских уездов“.[2] Если к низшим разрядам отнести всех помещиков с окладом в 100 четвертей и меньше, то в Смоленском уезде в 1606 году таких помещиков было только 33 человека вместе с новиками, т. е. всего около 3 проц. Следовательно, в Смоленском уезде преобладали высшие разряды служилых людей, в то время как в Рязанском крае было как раз наоборот. Затем для рязанских поместий и вотчин характерен был недостаток крестьян. Тот же исследователь по поводу Рязанского края пишет: „Отсутствие крестьянского элемента характерно почти для половины селений. Как обобщенное среднее на одного помещика, так и полное отсутствие его во многих

---

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты“, стр. 255.

[2] *П. Некрасов.* „Очерки по истории Рязанского края XVI в.“ Журн. М. Н. П. 1914 г. Март, стр. 295.

поместьях позволяют догадываться, что крестьянский труд не является основным фактором помещичьего сельскохозяйственного производства. Очевидно, в сельскохозяйственной эксплоатации земельного богатства большая часть черного труда выпадала на долю самих же помещиков".[1] Следовательно, типичной фигурой помещика в Рязанском крае был помещик, не имевший крестьян и обрабатывавший землю собственными руками, т. е. „служилый люд являлся вместе с тем и трудовым".[2]

Этого никак нельзя сказать, как мы видели, про помещиков Смоленского уезда; даже самый мелкий смоленский помещик несомненно имел крепостных крестьян. Поэтому нет ничего удивительного, что рязанские помещики в 1606 году примкнули к армии Болотникова, а смоленские помещики оказались ее ярыми врагами.

И крестьяне и рязанские помещики были недовольны сложившимися в начале XVII века порядками, но в то время как первые двинулись против московского правительства для завоевания себе свободы, вторые пошли против правительства для добывания себе необходимых в хозяйстве холопов и крестьян. Это основное противоречие и заставило рязанских помещиков очень быстро разорвать свой союз с крестьянской армией и перейти в стан ее врагов. Как известно, 15 ноября 1606 года рязанские дворяне и дети боярские под Москвой перешли на сторону Василия Шуйского.

Значительно дольше колебалась служилая мелкота, составлявшая отряд Истомы Пашкова, но в решительную минуту и она перешла на сторону Шуйского.

Впрочем, относительно Истомы Пашкова исторические источники противоречат друг другу. Так, „Новый летописец" утверждает: „Той же Истома Пашков, узнав свое согрешение, со всеми дворяны и з детми боярскими отъеха ко царю Василью к Москве, а те воры, боярские люди и казаки, бьющеся, отнюдь не обращахуся."[3] Известно, что „Новый летописец" был составлен около

---

[1] *П. Некрасов.* „Очерки по истории Рязанского края XVI в." Журн. М. Н. П. 1914 г. Март, стр. 301—302.

[2] Там же, стр. 312.

[3] „Полное собрание русских летописей", т. XIV, I-я полов., стр. 73.

1630 года, поэтому возможно, что его автор не располагал всеми необходимыми источниками. Официальные же государственные грамоты 1606 года утверждают, что Истома Пашков не сдался, а был взят в плен. Так, в одной из этих грамот сообщается: „Бояре наши и воеводы тех воров всех побили наголову, а Истому Пашкова да Митьку Беззубцева и многих атаманов и казаков живых поимали и к нам привели, а иные немногие воры с того бою утекли, побежали розными дорогами; а дворяне и дети боярские рязанцы и коширяне, туляне и коломничи, алексинцы, калужане, козмичи, мещане, лихвинцы, белевцы, медынцы, Ярославца Малого, боровичи, ружане и иные многие украинные городы нам добили челом и к нам все приехали“.[1]

Какая из этих двух версий правильна?

Несомненно, правильна вторая, так как грамота была написана всего семь дней спустя после описываемых в ней событий. Известно, что Истома Пашков был казнен, а действительно перешедший на сторону Шуйского Прокопий Ляпунов получил чин думного дворянина. Но, с другой стороны, социальный состав отряда Истомы Пашкова — служилая мелкота — говорит о полной вероятности измены ее Болотникову. Нам кажется, что здесь нельзя отождествлять вождей восставших (Истому Пашкова и Димитрия Беззубцева) со всей пестрой и разнокалиберной массой пошедших за ними служилых людей. Не случилось ли так, что когда украинские служилые люди решили „добить челом“ Шуйскому, то они предварительно арестовали своих вождей и выдали их Шуйскому. Из грамоты Шуйского не видно, был ли Истома Пашков пленен в бою или же он был захвачен изменническим путем. Последнее более вероятно, так как ближе соответствует психологии служилой мелкоты, поставленной между двух огней: московскими правительственными войсками и революционной армией крестьян и холопов.

Совсем другую позицию заняло смоленское дворянство. С самого начала движения Ив. Болотникова оно без всяких колебаний стало на защиту своих классовых интересов и двинулось против крестьянской армии Болот-

---

[1] „Собрание государственных грамот и договоров“, ч. II, № 151.

никова. Таким образом, на втором этапе развития польской интервенции Смоленск активно включился в гражданскую войну, и смоленское дворянство под Москвой боролось с Болотниковым за свои поместья и за власть над своими крестьянами и холопами.

Описывая поведение смоленских дворян в это время, летописец особенно подчеркивает их единодушие в борьбе против революционного крестьянства. Он пишет: „Во граде же Смоленске слышаху архиепискуп и воеводы и все ратные люди такую настоящую беду над Московским государством, что хотят те воры царя и бояр побити, и, возопивше единогласно, поидоша под Москву, выбрав себе старейшину Григория Полтева.[1] Идучи же, грады очистиша Дорогобуж и Вязьму.[2] Грады же многие, слышавше то, начаша к царю с повинными присылати. Рязанцы же градом всем от тех воров отъехаша и приехаша к Москве. Московские же люди сидяху в осаде и видяху божию милость, что резанцы к ним приидоша, а смольнян слышаху — наипаче укрепишася".[3]

Рассказ летописца дает возможность сделать заключение, что выступление смоленских дворян повлияло на позицию рязанских дворян и ускорило их переход на сторону Василия Шуйского. На своем пути к Москве смоленский отряд „очистил" города Дорогобуж и Вязьму, т. е. подавил в этих уездах крестьянское движение, чем поднял дух и у дворян других городов.

Как известно, армия Болотникова соединенными силами дворян Смоленского, Московского, Рязанского и других уездов была разбита и отступила от Москвы. Следовательно, смоленское дворянство в 1606 году выступило как наиболее реакционная часть русского дворянства, в самую критическую минуту спасшая московское боярское правительство от разгрома ее крестьянской армией. Эта политическая позиция смоленского дворянства была обусловлена его экономическим положением

---

[1] Григорий Полтев был одним из наиболее знатных смоленских дворян. В десятне 1606 г. он записан в „выборе".

[2] В Вязьме и Можайске действовали крестьянско-холопские отряды под предводительством Федора Берсеня. (См. „Чтения в О. И. и Д. Р." за 1907 г., кн. 2. „Разрядные записи", стр. 9).

[3] „Полное собрание русских летописей", т. XIV, первая половина, стр. 72.

и эта же позиция через два года сделала смоленских дворян политическими союзниками и опорой польских интервентов.

Вследствие этого огромное значение для исторического исследования получает изучение смоленской десятни 1606 года, которая дает нам представление об организации смоленского дворянства и показывает вместе с другими документальными источниками экономическую основу его политической позиции в 1606—1609 гг.

Смоленская десятня 1606 года до сих пор оставалась неопубликованной. Она находится в упоминавшихся нами рукописных сборниках, содержащих также и десятню „7082“ года. Список десятни, хранящийся в библиотеке Московского исторического музея, более полон, чем смоленский список. Десятня имеет следующий заголовок:

„Смоленск. Выбор. Выше статей. Государево царево и великого князя Василия Ивановича всея России жалованье емлют из четверти.

По государеве грамоте за приписью дьяка Истомы Карташева велено учинить оклад в 114 году за литовскую службу“.

В этом заголовке несколько неясна последняя фраза. За какую это „литовскую службу“ смоленские дворяне могли получить новые оклады в 7114 году? Новый год тогда начинался с 1 сентября. Следовательно, с июня по август 1606 года смоляне должны были получить награду за участие в каком-то походе против поляков, так как в то время под „литовской службой“ подразумевалась борьба с поляками. Но никакой такой борьбы в эти три месяца не было, а поэтому и не за что было смолянам давать новые оклады. Здесь естественно напрашивается предположение, что последняя фраза была приписана переписчиком десятни после 1606 года, и во всяком случае не ранее 1612 года, т. е. после смоленской осады, которая только и могла быть названа „литовской службой“. Сама же десятня должна быть отнесена к зиме 1606 года (т. е. к 7115 году), когда новые оклады могли быть даны только при подготовке похода смолян под Москву против Ив. Болотникова. Но назвать

этот поход „литовской службой“ в 1606 году, конечно, еще не могли. Если же десятня была составлена в 1606 году, то она дает возможность, кроме всего прочего, судить и о составе отряда Григория Полтева.

Десятня „114“ года состоит из двух неравных частей: первая включает имена 1093 смоленских дворян и детей боярских и устанавливает для них земельные оклады, а вторая часть содержит список 124 детей боярских „оставленных, которые служат осадную службу в Смоленску“. Эти 124 человека, повидимому, были детьми боярскими из каких-либо ближайших к Смоленску городов, например Дорогобужа, Рославля, Брянска и др., и были оставлены в Смоленске для усиления его гарнизона во время похода смоленских дворян под Москву. 1093 человека собственно смоленских дворян и детей боярских тоже относятся к двум группам: к поверстанным новыми окладами и жалованьем в 1606 году и к оставшимся с окладами и жалованьем верстанья 1605 года в царствование лже-Димитрия. Есть все основания предполагать, что первая группа участвовала в походе против Болотникова, а вторая оставалась в Смоленском уезде. Прежде чем определять состав той и другой группы, необходимо сначала ознакомиться с составом всей смоленской десятни. Она представлена нами в виде следующей таблицы (см. стр. 148):

Таблица показывает, что самый низкий оклад в 100 четвертей имели всего 27 городовых детей боярских и 6 новиков.[1] Следовательно, в Смоленском уезде совершенно отсутствовала проблема помещичьей мелкоты, которая была типична для южных уездов.

Десятня „114“ года сильно отличается от десятни „82“ года принципом распределения окладов в зависимости от чина. Десятня „82“ года резко отделяла чины один от другого ступенями окладов, а десятня „114“ года по окладам подтягивает верхушку дворовых к „выбору“, а верхушку городовых к дворовым. Таким образом, значение чинов несколько упало, дворовые и городовые значительно подняли свой экономический уровень. 170 человек городовых по окладам нисколько не отличались от дворовых, а 97 дворовых не отличались от „выбора“.

---

[1] „Новики“ — впервые поверстанные на службу молодые дворяне.

СОСТАВ СМОЛЕНСКОГО ДВОРЯНСТВА ПО ДЕСЯТНЕ 1606 ГОДА

Оклады в четвертях пашни	Выборные				Дворовые				Городовые				Архиепископские дети боярск.		Новики		Сотники		Служившие с отцовск. помест.	
	Число людей	Проц. к итогу	У них земли в окладе	Проц. к итогу	Число людей	Проц. к итогу	У них земли в окладе	Проц. к итогу	Число людей	Проц. к итогу	У них земли в окладе	Проц. к итогу	Число людей	У них земли в окладе	Число людей	У них земли в окладе	Число людей	У них земли в окладе	Число людей	Примечание
700	1	—	700	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
600	3	—	1 800	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
550	2	—	1 100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
500	29	—	14 500	—	97	—	48 500	—	5	—	2 500	—	—	—	—	—	2	1 000	—	—
450	—	—	—	—	81	—	36 450	—	45	—	20 250	—	—	—	—	—	6	2 700	—	—
400	—	—	—	—	39	—	15 600	—	110	—	44 000	—	10	4 000	—	—	3	1 200	—	—
350	—	—	—	—	—	—	—	—	119	—	41 650	—	26	9 100	—	—	1	350	—	—
300	—	—	—	—	—	—	—	—	119	—	35 700	—	9	2 700	66	19 800	—	—	—	—
250	—	—	—	—	—	—	—	—	74	—	18 500	—	4	1 000	36	9 000	—	—	—	—
200		—	—	—	—	—	—	—	74	—	14 800	—	—	—	20	4 000	—	—	—	—
150	—	—	—	—	—	—	—	—	49	—	7 350	—	2	300	15	2 250	—	—	—	—
100	—	—	—	—	—	—	—	—	27	—	2 700	—	—	—	6	600	—	—	—	—
Всего	35	3,2	18 100	5	217	20	100 550	27,7	622	58	187 450	51,7	51	17 100	143	35 650	12	5 250	13	—

Всего поверстано окладами 1080 человек. Размер их окладов = 364 100 четвертей.

Следовательно, смоленское дворянство развивалось главным образом в сторону усиления своего среднего и верхнего слоев с окладами от 300 до 500 четвертей и от 500 четвертей и выше. На эти слои приходилось 72 проц. всего числа помещиков, и несомненно они и определяли политическую линию всего смоленского дворянства. По своему политическому мировоззрению эта группа должна была представлять консервативную группу сторонников закрепощения крестьянства по польско-литовскому образцу.

Для определения состава отряда Григория Полтева необходимо подсчитать отдельно помещиков, поверстанных в 1606 году, и помещиков, поверстанных в 1605 году. К последним относятся 54 городовых сына боярских оклада в 400 четвертей, 51 сын боярский оклада 350 четвертей, 56—оклада 300 четвертей, 26—оклада 250 четвертей, 28—оклада 200 четвертей, 27—оклада 150 четвертей и 16—оклада 100 четвертей. Это составляло всего 258 человек, или 45 проц. от всего числа городовых с окладом от 400 до 100 четвертей. Эта группа детей боярских осталась для защиты Смоленска от всяких случайностей, в то время как остальные выступили против Ив. Болотникова.

Следовательно, в отряде Г. Полтева участвовал весь „выбор", участвовали все дворовые и 374 человека городовых с большим перевесом крупных окладов. Всего в отряде должно было находиться около 700 помещиков. Они должны были привести с собою полагавшееся по закону число вооруженных ратников. Считая, что пашни у смоленских помещиков было в среднем около 20 проц. от размера оклада, находим, что помещики должны были привести с собой 280—300 вооруженных ратников. Т. е. весь полтевский отряд насчитывал около 1000 вооруженных людей, помимо стрельцов, которые тоже вошли в отряд и дали, повидимому, также не менее 1000 человек. Смоленский отряд, численностью не менее 2000 человек, должен был представлять довольно внушительную военную силу, тем более, что это была наиболее консервативная часть смоленского дворянства, особенно враждебно настроенная против революционного крестьянства. Смоленский отряд сыграл крупную роль в разгроме армии Болотникова, недаром Григорий Полтев после победы получил чин думного дворянина.

Обратимся теперь к более детальному выяснению экономического положения смоленского дворянства.

Чины и оклады влияли на размер денежного жалованья помещиков, а размер их сельскохозяйственного производства определялся фактической дачей земли в поместье. Уже сама десятня дает одно точное указание о размере дачи. Так, например, новик 1606 года Д. И. Зубов должен был служить с отцовского поместья, с 320 четвертей земли. Следовательно, у Ив. Зубова имелось поместье в 320 четвертей, а оклад его был 500 четвертей. Поместье составляло 64 проц. от оклада. Можно думать, что и все дворяне из „выбора" имели дачи в 60—65 проц. от своих окладов.

Челобитные смоленских помещиков, поданные польскому королю Сигизмунду во время осады Смоленска, дают большое число указаний на фактические размеры дач.[1] Так, у А. К. Мощинцова оклад был 200 четвертей, а дача 60 четвертей (30 проц.), у Т. Ф. Румянцева оклад был 400 четвертей, а дача 50 четвертей (12,5 проц.), у И. А. Кушелева оклад 250 четвертей, дача 100 четвертей (40 проц.), у Ф. Жидовинова оклад 500 четвертей, а дача —170 четвертей (34 проц.), у Н. Обухова оклад 450 четвертей, дача 180 четвертей (40 проц.), у П. Степанова оклад 400 четвертей, дача 170 четвертей (42,5 проц.), у Е. Башмакова оклад 450 четвертей, дача 190 четвертей (42,5 проц.), у Г. Башмакова оклад 500 четвертей, дача 180 четвертей (36 проц.).

Приведенные примеры показывают, что средняя обеспеченность смоленских помещиков дачами составляла 34,9 проц. от окладов. Для округления мы можем взять среднюю норму дач в 35 проц. Эти 35 проц. включали пашню „живущую" и другие угодья. О размерах „живущей" пашни на частновладельческих землях имеются документальные данные для 1609 года. В этом году в августе месяце была составлена роспись о сборе даточных людей со Смоленского уезда для осадного времени.[2]

Роспись точно учитывала количество только помещичьей и церковной пашни и выражала это количество в сохах. Известно, что на разных категориях землевла-

---

[1] См. „Памятники обороны Смоленска" под ред. Ю. В. Готье, стр. 248—252.

[2] „Акты исторические", т. II, № 254.

дений соха как окладная единица была различного размера. Поэтому в разных волостях и станах Смоленского уезда сохи тоже были разные, колеблясь в пределах от 792 до 864 четвертей пашни в одном поле. Для определения среднего размера сох по волостям Смоленского уезда мы принимали среднюю величину сохи в 800 четвертей, так как таков был по документальным данным размер помещичьей сохи в Ивановском стане и, очевидно, в большинстве других станов. Роспись количества помещичьей и церковной пашни (архиепископская, дворцовая и монастырская пашня сюда не вошла), бывшей в Смоленском уезде в августе 1609 года, мы представляем в виде следующей таблицы:

Название стана и волости	Площадь пашни в четвертях	Число даточных людей	Средний размер сохи
1. Бережнянский стан	7 601	56	816
2. Свадицкая волость	2 058	15	800
3. Рудская „	1 189	13	816
4. Катынская, Каспльская и Порецкая волости	760	5	797
5. Мушковская волость	1 411	10	800
6. Щучейская „	2 455	15	864
7. Ветлицкая „	6 470	48	800
8. Вопецкий стан	3 490	26	792
9. Ратчинский „	4 769	36	800
10. Буйгородский „	6 840	51	800
11. Еленский „	4 615	34	804
12. Ивановский „	5 728	43	798[1]
13. Иванковский „	4 524	34	800
14. Дубровский „	4 932	37	800
15. Долгомосский „	2 610	19	800
16. Максимовский „	4 489	34	800
17. Молоховский „	4 142	31	800
Всего	68 683	507	805

[1] См. „Памятники обороны Смоленска", №№ 240 и 241.

Таким образом, всего помещичьей и церковной пашни (без архиепископской, монастырской и дворцовой) было 68 683 четверти. В этом числе находилось 5 сох пашни церковной земли (около 4000 четвертей).[1]

Без большой погрешности мы могли бы принять количество пашни на помещичьих землях в 65 000 четвертей в одном поле или 97 500 десятин в трех полях. По отношению к размеру окладов всех служилых людей без новиков 1606 года (из которых не все к 1609 году могли получить поместья) и без архиепископских детей боярских находим, что пашня в поместьях в среднем составляла 20,9 проц. от окладов.

Приблизительно такой же процент пашни показывают нам и другие документальные источники. Так, например, сохранился список даточных людей, взятых в 1609 году в Ратчинском стане.[2] В списке указывается, с чьих поместий был взят каждый даточный человек, а так как в Ратчинском стане один даточный приходился на 136 четвертей пашни, то отсюда легко при помощи десятни установить процентное отношение пашни к окладам. У 19 помещиков Ратчинского стана, оклады которых мы находим в десятне, пашня в среднем составляла 23 проц. оклада. Этот пример в достаточной степени подтверждает правильность полученного нами общего процентного отношения „живущей“ пашни к окладам у смоленских помещиков.

Смоленские помещики, по сравнению с помещиками южных уездов, находились в исключительно благоприятных условиях в отношении земельных дач. Не менее благоприятные условия были и в отношении обеспечения крестьянской рабочей силой. Доказательство этого мы находим в целом ряде документов, относящихся к 1609—11 гг. Так, например, сохранился отрывок описи[3] хлебных запасов у смоленских помещиков, находившихся в осажденном городе. В списке указано число взрослых крепостных „людей и жонок и девок“, принадлежавших каждому помещику и находившихся на его дворе. Этих крестьян помещики, очевидно, привели с собой из бли-

---

[1] Там же, № 228.
[2] Там же, № 257.
[3] Там же, № 246.

жайших своих поместий, чтобы не оставлять их в добычу польским панам. Нельзя сомневаться, что помещики захватили с собой далеко не всех своих крестьян. Некоторые помещики вовсе не успели привести с собой ни одного крестьянина,[1] поэтому список может дать только приблизительное представление о числе крепостных крестьян у помещиков. Список мы обработали в виде таблицы, а указания о размере окладов взяли из десятни „114" года.

Имя и фамилия помещика	Число крепостных мужчин и женщин (взрослых)	Оклад помещика в четвертях
1. Ив. Бор. Макшеев	35 чел.	700
2. Григ. Полтев	50 „	600
3. Матв. Корсаков	30 „	500
4. Куз. Доводчиков	10 „	500
5. Иван Петр. Ленин	100 у обоих вместе	у обоих по 500
6. Ив. Петр. Ленин		
7. Мих. Ив. Юрьев	20 чел.	500
8. Андр. Полтев	25 „	500
9. Ив. Дм. Бестужев	23 „	500
10. Мих. Бегичев	30 „	500
11. Ив. Полтев	20 „	500
12. Гр. Льв. Полтев	42 „	450
13. Тим. Доводчиков	7 „	450
14. Мих. Доводчиков	9 „	400
15. Мих. Сущов	11 „	400

Эта таблица, как и следовало ожидать, не дает строгой зависимости числа крепостных от величины оклада помещика, но все же и из нее видно, что помещики с окладом в 500 четвертей имели от 20 до 50 трудоспособных крепостных крестьян. Точных данных о числе крепостных у помещиков с низшими окладами (от 350 четвертей и ниже) документы нам не сохранили. Но и

[1] Там же, № 56.

приведенных данных, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы составить себе правильное представление об уровне благосостояния смоленских помещиков в начале XVII века. В этом отношении смоленское дворянство стояло довольно близко к московскому, и поэтому совершенно не случайно оно так быстро пришло на выручку последнего во время борьбы с крестьянской армией Ив. Болотникова.

Таким образом, документальные источники проливают яркий свет на причины той реакционной политической линии, которую сразу и без всяких колебаний заняло смоленское дворянство по отношению к крестьянскому движению 1606 года, причем сама десятня „114" года говорит, что заслуги смоленского дворянства перед своим классом были отмечены и признаны московским правительством.

Но те же самые причины привели и к тому, что в конце 1608 и начале 1609 года смоленское дворянство сделалось передовым отрядом новой социальной опоры польских интервентов. Приняв польскую ориентацию и перейдя в лагерь врагов своей родины, смоленское дворянство продолжало защищать те же самые классовые интересы, за которые оно боролось и под Москвой против Болотникова. Измена смоленских дворян, как и измена тушинских дворян, была обусловлена всем ходом классовой борьбы, главным звеном которой продолжала оставаться крестьянская война.

Мы уже указывали, что приход к власти боярского правительства Василия Шуйского обозначал политический курс на решительное подавление крестьянского и холопского движения. Действительно, борьба с крестьянской армией Болотникова сопровождалась неимоверными жестокостями московских войск: восставших крестьян, холопов и казаков уничтожали тысячами. После разгрома Болотникова под Москвой в руки московских властей попало до шести тысяч пленных мятежников. Исаак Масса так описывает судьбу этих пленных: „В Москве все темницы были полны, и сверх того многие жители московские должны были стеречь по два или по три пленника, и множество их было посажено в подвалы под большими палатами и приказами, так что было жалко смотреть на них, и были то по большей части казаки, прирож-

денные московиты, и чужеземцев среди них не было вовсе или было мало. Эти люди не долго пробыли в заточении, но каждую ночь в Москве их водили сотнями как агнцев на заклание, ставили в ряд и убивали дубиною по голове, словно быков, и тела спускали под лед в реку Яузу, творя так каждую ночь". [1]

Жестокой водяной казнью московское правительство думало навести ужас на всех мятежных крестьян и холопов, но оно достигло как раз обратного: мятежники всегда оказывали правительственным войскам упорное сопротивление и бились с отчаянной храбростью. „Нельзя поэтому удивляться, — пишет С. Платонов, — стойкости и отчаянному мужеству „воров": не ожидая себе пощады, „те злодеи воры упрямилися, что им померeть, а не сдаться". Они в случае поражения садились на пороховые бочки и зажигали их под собою; сидя в осаде, выдерживали великую нужду; получая обещание пощады, не верили ему и „билися на смерть, стреляя из ружья до тех мест, что у них зелья не стало".[2]

Взяв курс на беспощадное подавление революционного движения крестьян и холопов, боярское правительство Василия Шуйского всю свою бешеную злобу проявляло в жестокой расправе с пленными. В течение всего 1607 года пленных привозили в Москву и, по словам Исаака Массы, „всех виновных и невинных топили". [3] Этими же казнями было отмечено и начало 1608 года. „Эта водяная казнь, — пишет Масса, — столь ужасная, что ее нельзя представить и в мыслях, совершалась в Москве уже два года кряду, и все еще не было конца". [4] Но все это говорило лишь о крайнем обострении гражданской войны. Между прочим, общий ход событий показывал, что правительство Шуйского не располагало достаточными силами для окончательного подавления крестьянского движения. Оно, как и правительство лже-Димитрия, не могло успешно решить основной задачи своего класса, хотя и сделало ее главной целью своей внутренней политики.

---

1 *И. Масса.* „Краткое известие о Московии", стр. 163.
2 *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты", стр. 262.
3 *И. Масса.* „Краткое известие о Московии", стр. 168.
4 Там же, стр. 173.

Стоит только присмотреться к развитию событий в 1606 и 1607 гг., как становится очевидным, что в эти два года правительство Шуйского было занято только борьбой с крестьянским движением. Против крестьян были пущены в ход все средства, начиная с закона об уничтожении крестьянского выхода и кончая войной и жестокими карательными экспедициями, подвергавшими разгрому целые области, охваченные восстанием.

После разгрома армии Болотникова под Москвой правительство Шуйского проводит в марте 1607 года два указа: один — о холопах, другой — о крестьянах. Эти два указа внутренне были тесно связаны между собой. Первый указ, по словам С. Платонова, „был направлен против обычая держать „вольных холопов“ без явки их правительству и без формального укрепления. Мы знаем, — пишет С. Платонов, — что и раньше, при Борисе, шла борьба с этим обычаем, скрывавшим в частных дворах от глаз правительства великое множество гулящего люда“. [1] Следовательно, указ 1607 года о холопах имел в виду закрыть тот путь, которым помещичьи крестьяне могли избавляться от тягот помещичьей эксплоатации даже не убегая на Украйну, а переходя лишь в вольные холопы к другому землевладельцу.

А второй указ о крестьянах старался закрыть для них и все остальные пути ухода от своих помещиков. Этот указ устанавливал твердо начало крестьянской крепости: „крестьянин крепок тому, за кем он записан в писцовой книге; крестьянский выход впредь вовсе запрещается, и тот, кто принял чужого крестьянина, платит не только убытки прежнему владельцу вышедшего, но и высокий штраф, именно 10 рублей „на царя государя за то, что принял против уложения“. [2]

Этим указом правительство Шуйского становилось на тот путь закрепощения крестьянства, который в Польше и Литве был осуществлен уже в середине XVI века. Для сыска беглых крестьян был установлен пятнадцатилетний срок, причем, как и в Польском государстве, административные власти в уездах обязаны

---

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты“, стр. 266.
[2] Там же, стр. 268.

были сами разыскивать беглых крестьян и препровождать их прежним владельцам.

Следовательно, крестьянский вопрос правительством Шуйского был решен так, как этого хотело дворянство, т. е. основная масса средних землевладельцев. Правительство Шуйского отказалось дальше защищать требование крупных землевладельцев о сохранении права крестьянского выхода или, вернее, вывоза. Казалось, что двумя указами 1607 года о холопах и о крестьянах была, наконец, полностью осуществлена программа дворянства по вопросу о закрепощении крестьянства, и поэтому правительству Шуйского должна была быть обеспечена поддержка дворянства. Но 1607 год был годом высокого подъема крестьянской войны. Прежде чем привести оба указа в действие, правительство Шуйского должно было сначала подавить крестьянское восстание или, как тогда выражались, успокоить государство. И вот тут-то и решалась судьба правительства. Прочность правительства Шуйского и поддержка его дворянством зависели исключительно от его успехов в борьбе с крестьянским движением. Если бы правительство не справилось со своей задачей, то вполне естественно, что дворянство должно было перейти на сторону такой силы, которая в состоянии была бы „успокоить государство“.

Этой исторической логике следовало и смоленское дворянство. Поэтому, чтобы понять поведение смоленского дворянства в 1607—1609 гг., необходимо проанализировать ход борьбы правительства с крестьянским движением в 1607—1608 гг.

Поражение Болотникова под Москвой 2 декабря 1606 года вовсе не обозначало конца крестьянской войны. Болотников с десятитысячным отрядом отступил к Калуге, а другие отряды мятежной армии заняли целый ряд южных городов. В начале 1607 года „вся южная половина государства, кроме Смоленских и отчасти Рязанских мест, отказывалась повиноваться Москве“,— пишет С. Платонов. А так как крестьянская война всколыхнула и движение угнетенных национальностей Поволжья (например, вызвала восстание мордвы), то правительство Шуйского в 1607 году должно было сразу вести борьбу на двух фронтах — южном и восточном.

Оно посылало военные силы под Калугу, под Арзамас против мордвы, на Украйну и в Рязанскую землю, под Козельск и под Астрахань. Главный фронт был под Калугой. Здесь московские войска постигла сначала неудача, и они вынуждены были отступить от Калуги. Болотников после этого перешел в Тулу. Но с июня 1607 года перевес стал клониться в сторону Москвы. Московские войска захватывали мятежные области одну за другой и производили в них жесточайшую расправу над населением. „Целая треть государственной территории,— пишет С. Платонов,— отдана была на окончательное разорение и узаконенный грабеж“.[1]

Тула была взята московскими войсками 10 октября 1607 года. Вожди крестьянской армии Иван Болотников и Илейка Муромец (самозванный царевич Петр Федорович) были схвачены и казнены. Крестьянское движение было обезглавлено, но оно все же не было окончательно разбито. Это прекрасно понимали уже современники этих событий. Так, Исаак Масса писал: „Погибли два отважных воина и предводителя восстания. И царь, видя, что они снова стали побеждать, а между тем приближалась осень, удовольствовавшись малой победой, возвратился в Москву, оставив воевод и войско действовать против неприятеля; и в Москве и тех городах, что стояли за нее, полагали, что то была окончательная победа, но им не посчастливилось“.[2] Живые силы крестьянской армии были целы, они из-под Тулы ушли на юг и в Северские города и там положили начало новому движению против московского правительства. Об этом очень ярко и образно писал другой современник этих событий — автор „Иного сказания“. По его словам, ушедшие из-под Тулы мятежники „паки составиша рать и паки воздвигоша рать болши первыя, и вместо тишины дохнуша бурю, яже до облак воздымашеся, и многомятежными претяше дождьми, не водными пролитии, но кровными“.[3]

Вообще победа московского правительства над крестьянской армией под Тулой оказалась непрочной, правительство не довело до конца своей задачи.

---

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты“, стр. 260.
[2] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии“, изд. 1937, стр. 173.
[3] „Русск. историч. биб-ка“, т. XIII, стр. 115.

С. Платонов считал, что причиной этого была неспособность московского войска вести зимнюю кампанию, а также и недооценка Шуйским размеров новой опасности. Конечно, трудно установить главную причину неудачи, но совершенно бесспорным остается факт, что правительство Шуйского оказалось не в состоянии окончательно подавить крестьянскую опасность в 1608 году. Этот факт имел для правительства роковые последствия и в нем лежала главная причина позднейшего разлада между правительством и массами дворянства. Внутриполитическое положение в Московском государстве зимой 1607—1608 года сильно осложнилось новой активностью польских интервентов. Со времени переворота 17 мая 1606 года и до конца 1607 года, т. е. в наиболее острый период гражданской войны, поляки оставались в стороне от борьбы. Их пассивность объяснялась только тем, что польские паны не хотели и не могли выступать в роли союзника революционного крестьянства. Они ожидали развязки борьбы, и для них во всех отношениях было выгоднее выступить не в роли союзника, а в роли палача русского крестьянства. Эта позиция должна была привлечь на их сторону симпатии русского дворянства и дать польской интервенции новую и более прочную социальную базу в борьбе с московским правительством.

Но такая ясная перспектива открылась перед польским правительством только в конце 1608 года, а до этого времени инициативу в развертывании интервенции взяли в свои руки польские паны, решившие в 1607—08 гг. повторить опыт 1604—05 гг. Вообще во втором периоде развития польской интервенции образовалось двоецентрие: а) центр из польских панов с участием большого числа рокошан, действовавший с осени 1607 года и имевший кандидатом в цари второго самозванца, будущего Тушинского вора, и б) польский правительственный центр, действовавший с осени 1608 года с программой объединения России и Польши под властью королевского дома Сигизмунда III и с задачей отторжения от России западных территорий (в первую очередь Смоленска). Между обоими центрами были неизбежны некоторые противоречия, вызывавшиеся тем, что рокошане представляли собой оппозицию польскому королю в среде польской шляхты. Они летом 1607 года организовали

вооруженное восстание (рокош) против короля, но были разбиты правительственными войсками, вследствие чего некоторые из них, как, например, Лисовский, вынуждены были эмигрировать в Россию, где и присоединились ко второму лже-Димитрию.

Второй самозванец, подготовленный поляками, [1] появился на Северской украйне летом 1607 года. К нему очень быстро стали собираться польские силы. Польский автор „Истории ложного Димитрия" пишет: „Когда об нем разнеслась весть по нашим польским пограничным крепостям, когда он сам стал рассылать грамоты, приглашая к себе военных людей, то многие стали собираться около него".[2] По словам польского источника, новый самозванец к концу 1607 года располагал уже довольно крупными польскими силами: в сентябре к нему пришел с отрядом пан Будило, в октябре — запорожские казаки, в ноябре пришли с своими отрядами Самуил Тышкевич и Валавский, в декабре — Велегловский, Рудницкий, Хруслинский, Казимирский и Микулинский. В январе 1608 года пришли Тышкевич и Тупальский, а в марте прибыл с войском Роман Рожинский, сделавшийся главнокомандующим всех вооруженных сил нового лже-Димитрия. [3]

Новый самозванец со своей армией базировался в юго-западных и южных уездах Московского государства, т. е. там же, где и первый самозванец. Кроме польских войск, он располагал еще и русскими отрядами. Состав этих последних указывает, что польские интервенты по примеру 1605 года решили здесь опереться также на низшие слои служилого класса. В состав русских отрядов входили: а) мелкие служилые люди южных уездов (опора первого самозванца), б) казаки и в) остатки кре-

---

[1] Мартин Бер в своей „Летописи Московской" так описывает подготовку второго самозванца: „Друзья воеводы Сендомирского тотчас приступили к делу: сыскали в белорусском городе Соколе проворного молодца, именем Ивана, родом из России; он был учителем у какого-то священника и хорошо разумел язык русский и польский. Дав сему плуту роль Димитрия с нужными наставлениями, поляки отправили его в Путивль с паном Меховецким. Жители Путивля с радостью признали его Димитрием".

[2] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 124.

[3] Там же, стр. 124—130.

стьянской армии Болотникова.[1] То обстоятельство, что в составе войск второго лже-Димитрия могли находиться остатки крестьянской армии, вовсе еще не говорит о слиянии крестьянской войны и польской интервенции зимой 1607—08 года. Здесь можно говорить лишь о кратковременном и случайном соединении этих сил. Крестьянское движение не уничтожилось, а шло своими путями и представляло большую опасность не только для русских помещиков, но и для польской шляхты. Например, известно, что весной 1609 года в польских отрядах лже-Димитрия II произошло восстание польских и литовских крестьян настолько серьезное, что поляки вынуждены были организовать карательные отряды. „На весну (1609 г.), — пишет С. Соловьев, — взбунтовалась войсковая челядь, разосланная для сбора припасов, поставила сама себе ротмистров и полковников, ходила по волостям и грабила, а к господам своим в Тушино не хотела возвратиться; для укрощения бунтовщиков тушинцы должны были выслать целые роты“.[2]

Современные наблюдатели не смешивали крестьянского движения и польской интервенции, и движение второго самозванца они рассматривали не как продолжение крестьянской войны, а как выступление Польши против России. Так, Исаак Масса писал о зиме 1607—08 года: „Множество поляков наводнило землю, снова пришедшую в чрезвычайно бедственное состояние, подобное тому, которое было, когда Димитрий вступил в страну; да, точно такое же, так что не надо о том снова говорить подробно“.[3] „В Польше видя, что Московию легко завоевать, и желая ей отомстить... дозволили всем панам, кто пожелает, напасть на Московию, что и случилось. И Польша впервые объявила себя открытым врагом Москвы“.[4] Таким образом, второй этап польской интервенции был уже неприкрытым нападением польских панов на Московское государство. Цели интервенции были те же самые, что и в первом этапе, но только теперь уже поляки встретились с новым фактом, именно с большим ослаблением московского правитель-

---

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смоленска“, стр. 271—272.
[2] *С. Соловьев.* „История России“, изд. 2, стр. 271.
[3] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии“, стр. 173.
[4] Там же, стр. 172.

ства под ударами крестьянских армий. Крестьянское движение, как направленное против московского правительства, было для них выгодно, но как направленное в то же время и против всех помещиков, оно было для них очень опасно. Благодаря этому в тактике интервентов по отношению к крестьянам на первых порах заметна противоречивость. Мартин Бер сообщает, что в начале 1608 года, когда интервенты были заинтересованы в расширении числа своих приверженцев, они не прочь были прибегнуть и к демагогии. „Димитрий еще больше увеличил число приверженцев,— пишет Мартин Бер,— объявив в разных городах, что крестьяне, согласные присягнуть ему, могут присвоить земли господ своих, служивших Василию, и жениться на дочерях боярских, коих успеют захватить в поместьях“.[1] Но в этом едва ли была большая нужда, так как сами помещики охотно переходили на сторону польских интервентов. Что же заставляло русских дворян переходить на их сторону? Это, во-первых, пожалования новых поместий с крестьянами, а во-вторых, подавление крестьянского движения и установление нормальных условий для эксплоатации крестьянства, т. е. создание того, чего не могло дать правительство Шуйского. Обе причины измены русских были хорошо подмечены современниками. Так, например, о первой пишет Мартин Бер: „Многие князья, бояре и немцы, видя многочисленность поляков, уверились, что их привел истинный Димитрий, перешли к нему и в награду получили столько поместьев, сколько никогда прежде не имели; почему хотя впоследствии и увидели в мнимом царе обманщика, однакож не хотели его оставить“.[2] А о второй причине сообщает Исаак Масса. „Земли Северская и Комарицкая,— пишет он,— что на польской стороне, жили в мире и спокойствии; и там пахали и засевали поля, ни о чем не печалясь, предоставивши Московию самой себе“.[3]

Практическое осуществление польскими интервентами программы „успокоения государства“, т. е. усмирения мятежных крестьян и наделения дворян новыми

---

1 „Сказание современников о Димитрии Самозванце“, ч. 1, стр. 135.
2 Там же, стр. 134.
3 *И. Масса*. „Краткое известие о Московии“, стр. 176, изд. 1937 г.

землями с крепостным крестьянством очень быстро сделало русских дворян союзниками польских интервентов. Этому содействовали и военные успехи второго лже-Димитрия.

Зиму 1607—08 года самозванец со своими войсками провел в Орле, а с весны 1608 года он начал движение на Москву. 1 мая он разбил войско Д. И. Шуйского под Болховом и подошел к Москве со стороны Можайска, стремясь отрезать Москву от Смоленска. В июне 1608 года самозванец устроил свой лагерь в Тушине. Здесь его войско осенью 1608 года пополнилось отрядами Лисовского и Сапеги. С конца июня 1608 года московские дворяне в большом количестве стали переходить на сторону второго лже-Димитрия. Политика интервентов торжествовала над политикой правительства Шуйского. Дворянство покидало Шуйского. Царь терял свою опору. Автор „Иного сказания" очень метко охарактеризовал положение Василия Шуйского в это время: „Царь бо, не имый сокровища многа и другов храбрых, подобен есть орлу бесперу и не имущу клева и когтей". [1]

К концу 1608 года польские интервенты успели очень широко развернуть и показать практически свою программу по крестьянскому вопросу: к этому времени они превратились в злейших врагов и истязателей русского крестьянства, превзошедших в этом деле даже правительство Шуйского, так как поляки разоряли всех крестьян без разбора—как мятежных, так и мирных.

Об этом говорят многие документальные источники. Так, например, в челобитной гетману Сапеге жители Юрьева-Польского писали, что „достальные людишки, наши крестьянишка и людишка наши, от Литвы настращены и бегают по лесом, и сыскати их не мочно".[2] В письме думного дьяка Петра Третьякова гетману Сапеге сообщалось: „И как, государь, были в Шуе воры, и то село Васильевское выпустошили и крестьянишек высекли. И ныне, государь, ехал пан Самойла Корсак и крестьянишек ограбил...".[3] В челобитной крестьян села Иркова так описывались действия отрядов польских интервентов: „Приезжают, государь, к нам, сиротам твоим, в

---

[1] „Русск. историч. биб-ка, т. XIII, стр. 118.
[2] „Акты исторические", т. II, № 119.
[3] Там же, № 120

село Ирково многие твои государевы ратные загонные люди, и нас, сирот твоих, бьют и пытают разными пытками из денег, и животишка наши, лошади и быки и коровы и кабаны и овцы и всякую животину и платья поимали, и женишок наших дочеришок емлют на постелю сильно и позорят, а иные девки и жонки, со страсти, по лесу в нынешнюю зимнюю пору от стужи померли...".[1]

Эта тактика польских интервентов, соединенная с широким захватом земель польскими панами, а также с раздачей поместий русским дворянам, переходившим на их сторону, вызвала отпор со стороны русского крестьянства. Но крестьянство юго-западных и южных уездов — колыбели крестьянской войны — было уже „успокоено" польскими интервентами, поэтому движение против поляков охватило центральные и замосковные уезды. Крестьянская война стала переходить в новую фазу своего развития — в национально-освободительное движение народных масс. Мартин Бер очень хорошо очертил характер этого движения. Он писал: „В феврале, марте и апреле месяцах (1609 г.) вспыхнул бунт в северо-восточных пределах России: Вологда, Галич, Кострома, Романов, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск и Углич изменили Димитрию; со всех сторон являлись толпы необузданных крестьян, которые истребляли немцев и поляков с неимоверной злобою. Беда, если остервенится грубая чернь! Упаси, боже, от рук ее каждого честного воина! Причиною мятежа была наглость панибратов (польской шляхты. — *В. М*). Сии пришельцы, недовольные усердием народа, охотно дававшего им все нужное для продовольствия, грабили без милосердия бедных россиян, как будто неприятелей".[2] Из слов М. Бера ясно видно, что весной 1609 года началась настоящая крестьянская война против польских интервентов.

---

[1] Там же, № 121.

[2] „Сказание современников о Димитрии Самозванце." ч. II, стр. 150—151.

ГЛАВА VII

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОСАДСКО-КРЕСТЬЯНСКОГО БЛОКА В СМОЛЕНСКЕ

Довольно пространный анализ событий второго этапа польской интервенции с 1607 по начало 1609 года мы сделали для того, чтобы на этом фоне стала понятнее роль Смоленска в эти годы.

Начиная с разгрома Болотникова под Москвой и до конца 1608 года смоленское дворянство было на стороне правительства Шуйского. Указы правительства о крестьянах и борьба его с мятежным крестьянством как нельзя более соответствовали интересам смоленского дворянства. Следовательно, и в 1607 и в 1608 годах, как и в 1604 и 1605, польские интервенты не могли найти для себя в Смоленске социальной опоры, а поэтому были вынуждены снова итти на Москву старой дорогой через города юго-западной Украины.

Тот факт, что смоленское дворянство держалось единого фронта с московским дворянством на протяжении двух рассмотренных нами этапов (с 1604 по 1608 год), имеет большое значение для выяснения состава тех сил господствующего класса, которые в это время вели главную борьбу с крестьянским движением. Когда мы говорим о крестьянской войне 1606—1608 гг., то следует иметь в виду, что наиболее непримиримым и беспощадным врагом мятежных крестьян было московское и смоленское дворянство. Поэтому, когда московское дворянство, раздраженное неспособностью правительства Шуйского подавить крестьянское восстание и искавшее более твердой власти, стало с конца июня 1608 года открыто переходить ко второму лже-Димитрию, то

вполне естественно было ожидать, что и смоленское дворянство пойдет по тому же пути. Как показывают факты, смоленское дворянство действительно выбрало тот же путь, только по независящим от себя обстоятельствам оно не смогло осуществить его до конца. Зато смоленское дворянство опередило своих московских собратий в том, что оно сделало еще шаг вперед в направлении политического союза с польскими интервентами. С 1609 года смоленское дворянство сделалось социальной опорой второго центра польской интервенции (правительственного центра). И уже в 1610 году вслед за смоленскими дворянами ко второму центру пошли и дворяне московские.

Рассмотрим более подробно роль Смоленска с осени 1608 до лета 1609 года.

В то время, когда с приходом под Москву войск второго лже-Димитрия дворянство стало покидать Шуйского и частью переходить в Тушино, а частью разъезжаться по домам, когда Шуйский, по образному выражению летописца, превратился в орла бесперого, лишенного клюва и когтей, московское правительство обратилось за помощью в Смоленск. Первое требование такого рода было послано в Смоленск, очевидно, в начале июля 1608 года. В нем московское правительство предлагало смоленскому воеводе, в случае отсутствия угрозы Смоленску со стороны поляков, послать в Москву смоленских дворян, детей боярских и разных ратных людей под начальством присланного для этой цели в Смоленск московского воеводы Сем. Одадурова. Такой же приказ был направлен в Дорогобуж, Вязьму и Белый, чтобы дворяне и дети боярские этих городов, „попомнив бога и свои души и государево крестное целование, ехали бы к Москве со всею службою". [1] Но к сентябрю 1608 года Белый, Дорогобуж и Вязьма перешли на сторону тушинцев, [2] вследствие чего Смоленск оказался отрезанным от Москвы. При этом самому Смоленску едва ли могла угрожать какая-либо опасность со стороны Тушина, так как там не имели столько сил, чтобы сразу осаждать две сильнейших крепости — Москву и Смоленск. Но зато

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 2

[2] Там же № 3. „Акты исторические", т. II, № 93.

Смоленск мог нанести тушинцам сокрушительный удар с тыла. Учитывая выгодное тактическое положение Смоленска и побуждаемое тяжелой обстановкой, сложившейся в Москве, правительство Шуйского в октябре 1608 года послало в Смоленск на помощь Сем. Одадурову второго воеводу — Як. Барятинского, с приказом выслать немедленно к Москве „для избавления Московского государства“ „дворян и детей боярских смолнян, серпьян, брянчан, мещан и голову стрелецкого с стрельцы, и архиепискуплих и монастырских служак, и со вдов и с недорослей и с посаду даточных людей и всяких ратных людей“.[1] Несомненно, Смоленск мог бы выполнить этот приказ Шуйского, но, как сообщали царю смоленские воеводы 24 октября, „и дворяне и дети боярские и смоленские стрельцы нам, холопем твоим, отказали, что им на твою государеву службу, не очистя Смоленского уезда от воров и дорогобужан, к Москве итти не мочно“.[2]

Причина отказа, выдвинутая смоленскими дворянами, была несколько нелогична. Для того, чтобы очистить Смоленский уезд от „воров“ и польских отрядов, был только один правильный выход, это — разбить их главные силы в Тушинском лагере, т. е. надо было итти на помощь Москве, а не отсиживаться под Дорогобужем. Поэтому в отказе смоленских дворян можно видеть уже начало их колебаний. Однако в октябре и ноябре 1608 года они еще не приняли окончательного решения: стать ли им на сторону второго лже-Димитрия или же остаться с Шуйским. Но уже в декабре события показали, что смоленские дворяне и стрельцы склонились на сторону польских интервентов.

Случилось это при следующих обстоятельствах. 30 октября 1608 года против Дорогобужа выступил сильный отряд смолян. О его составе сообщалось в донесении смоленских воевод в Москву. „Отпустили мы,—писали воеводы,—из Смоленска твоих государевых воевод князя Якова Борятинского да Семена Одадурова к Дорогобужу октября в 30 числе, а с ними смолян и брянчан и серпьян дворян и детей боярских восмьсот человек, архиепископлих и монастырских служак и со вдов

---

1 „Памятники обороны Смоленска“, № 3.
2 Там же.

и с недорослей даточных сто тридцать семь человек, голову стрелецкого Федора Зубова, а с ним его приказу четыреста двадцать один человек стрельцов; всего тысяча триста пятьдесят человек ратных людей, дав стрельцом твоего государева жалованя по рублю да по подводе человеку, чтоб твоим государевым воеводам Дорогобуж от воров очистить к тебе к государю к Москве" [1].

Состав этого отряда представляет интерес во многих отношениях. Во-первых, он указывает, что решающую роль в нем играли смоленские дворяне и дети боярские. Брянчан и серпьян не могло быть более 100 человек, [2] следовательно, на долю смолян приходилось около 700 человек. А так как часть смоленских дворян в это время находилась в Москве (возможно, около 100 человек), то в самом Смоленске могло оставаться человек 250—300 дворян и детей боярских. Во-вторых, из состава отряда видно, что стрелецкий приказ насчитывал около 425—450 стрельцов, и что во главе приказов ставили влиятельных дворян (Федор Михайлович Зубов был дворянином из выбора и имел оклад в 500 четвертей). В-третьих, в этом походе стрельцы были поставлены в такие же условия, как и дети боярские,— они получали одинаковое с ними денежное жалованье [3] и были превращены в кавалерию (подводой в то время называлось верховая лошадь с седлом). В-четвертых, можно с большой степенью вероятности предположить, что отряд, посланный из Смоленска на помощь Москве вторично весной 1609 года, должен был быть такой же структуры и численности.

Смоленский отряд 11 ноября разбил поляков, находившихся в Дорогобуже, и захватил 120 пленных и трофеи. После победы отряд должен был двигаться дальше на Москву, но итти к Москве он не пожелал и на целый месяц задержался в Дорогобуже, а 14 декабря в Смоленске было получено сообщение, что „в Дорогобуже ратные люди издрогали, и многие дети боярские и стрельцы из Дорогобужа разбежались..." [4], т. е. к 14 декабря смо-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 4.
[2] Там же, см. стр. 184. (№ 241).
[3] Там же, см. № 52.
[4] „Акты исторические", т. II, № 140.

ленский отряд разложился, дворяне и стрельцы дезертировали и разбежались по домам.

Причиной этого послужила попытка представителей высшего и среднего слоя смоленского дворянства совершить переворот в Смоленске, захватить в нем власть в свои руки и перейти на сторону польских интервентов из Тушинского лагеря. Этот заговор очень подробно описан в донесении смоленского воеводы М. Б. Шеина в Москву 24 января 1609 года. История заговора такова. Бывший смоленский дворянин Иван Игнатьевич Зубов, который раньше служил в Смоленске или в выборе или в дворовых первой статьи и сохранил большое влияние и связи в Смоленске,[1] в конце ноября 1608 года приехал из Вологды в Тушино и, по его собственным словам, „был у Вора три дни и Вору крест целовал и у Вора напросился в Смоленск — смолян к крестному целованью приводити. И то деи Вору он, Иван, говорил, что его, Ивана Зубова, смолняне послушают, ко кресту всех приведет... И Вор деи его, Ивана, отпустил от себя в четвертый день и думным дворянином его написал".[2]

Твердая уверенность Ивана Зубова, что смоленские дворяне быстро перейдут на сторону польских интервентов, имела, повидимому, серьезные основания. Иван Зубов мог располагать точными данными о политическом настроении смоленских дворян. В помощь Ивану Зубову была придана целая группа агитаторов из смоленских дворян, захваченных в плен войсками лже-Димитрия II. Для того, чтобы всей группе придать общесословный характер, в нее, кроме дворян, введены были смоленские стрелец, пушкарь и посадский человек. Численный перевес в группе имели представители верхних и средних слоев смоленского дворянства, поэтому не может быть сомнения, что замысел Ивана Зубова вполне выражал интересы этих слоев, а стрелец, пушкарь и посадский были только декоративной стороной группы, рассчитанной на привлечение широких масс населения Смоленска.

---

[1] Два брата его — Алекс. Игн. Зубов и Матвей Игн. Зубов в десятне 1606 г. записаны дворянами первой статьи с окладом в 500 четвертей.

[2] „Акты исторические", т. II, № 140.

СОСТАВ ГРУППЫ ИВАНА ЗУБОВА

Имя и фамилия	Дворянский чин	Оклад в четвертях	Принадлежность к другим сословиям
1. Ив. Игн. Зубов	Думный дворянин	Неизв.	
2. Ив. Чихачев	Дворовый	500	
3. Ив. Бестужев	Выбор	500	
4. Конст. Шишкин	Дворовый	500	
5. Зам. Философов	Дворовый	500	
6. Дм. Зубов	Новик	Совместно с отцом [1]	
7. Алекс. Ефимьев	Дворовый	450	
8. Степ. Юрьев	Городовой	450	
9. Петр Зубов	Дворовый	400	
10. Рахм. Дернов	Арх. с. б.	350	
11. Дан. Обзшев	Городовой	300	
12. Ник. Веснин	Неизв.	Неизв.	
13. Сем. Бакин	Неизв.	Неизв.	
14. Моис. Иванков	Сословная принадлежность неизвестна.		
15. Левка Бунаков			
16. Моис. Никонков			
17. Бор. Алексеев			
18. Ив. Некрасов	—	—	Стрелец
19. Ив. Пищальников	—	—	Пушкарь
20. Сид. Бордуков	—	—	Посадский

Эта таблица имеет значение неоспоримого факта, точно и ясно говорящего, на какие слои смоленского дворянства опиралась политика измены родине, политика союза с польскими интервентами. В состав группы Ивана Зубова входили дворяне, начиная от высших окладов и до оклада в 300 четвертей включительно. По десятне „114“ года эти оклады охватывают 72 проц. всего смоленского дворянства. Политическая позиция осталь-

[1] Оклад отца—500 четвертей.

ных 28 проц., очевидно, была также сочувственной большинству, так как из-под Дорогобужа разбежались все дворяне и дети боярские и нет сведений о том, что дети боярские небольших окладов остались стойкими приверженцами Москвы. Десятня не дает нам возможности установить общественное положение только шести участников зубовской группы, но и по поводу их можно высказать более или менее вероятные предположения. Так, Ник. Веснин мог быть сыном только Григ. Федоровича Веснина, дворового с окладом в 450 четвертей, так как другого Веснина в Смоленске не было. Затем Сем. Бакин мог быть сыном К. А. Бакина или В. И. Бакина, городовых с окладом в 400 четвертей, или же Н. А. Бакина, тоже городового с окладом в 450 четвертей. Сословная принадлежность М. Иванкова, Л. Бунакова, М. Никонкова и Б. Алексеева точно неизвестна, но Л. Бунаков в 1610 году оказался в составе заговорщической группы кн. Вас. Морткина, следовательно, он все время был близок к смоленскому дворянству. Фамилии Бунаковых и Алексеевых были смоленскими дьяческими фамилиями. У дьяков, пушкарей, стрельцов были кое-какие общие интересы с дворянством, поэтому присоединение их к дворянству не представляет ничего удивительного. Более удивительно наличие в зубовской группе посадского. Здесь посадский Сидор Бордуков шел против интересов своего сословия, поэтому политической обработкой Сидора Бордукова занялся сам Иван Зубов. В донесении М. Б. Шеина сообщается: „Едучи дорогою, Иван Зубов его, Сидорка, укреплял, чтоб смоленских посадских людей ко кресту привести, а про дворян Иван Зубов ему, Сидорку, сказывал, что его, Ивана, дворяня и дети боярские послушают“.[1]

В предприятии Ивана Зубова в жертву дворянству приносились не только интересы крестьян, но и посадских людей. Иван Зубов ехал в Смоленск с программой ограбления посадского мира. М. Б. Шеин сообщал в своем донесении царю, что у Ивана Зубова имелись грамоты лже-Димитрия, в которых „велено Ивану... взяти у нас, холопей твоих, твоя государева денежная казна, а у смолнян, у посадских у торговых у всяких людей,

---

[1] „Акты исторические“, т. II, № 140.

животы их и товары взяв прислати Ивану к Вору ж в полки".[1]

Между дворянами и посадскими людьми издавна были крупные противоречия. Программа экспроприации посадских людей была совершенно ясной ставкой польских интервентов на привлечение к себе дворянского сословия. Таким образом, можно сказать, что интервенты пустили в ход два средства для того, чтобы сформировать себе новую опору из высших и средних слоев дворянства, а именно: первое средство — это политика террора по отношению к крестьянам, программа так называемого „успокоения" государства, и второе средство — ограбление посадского мира. Эта тактика польских интервентов привела к тому, что, с одной стороны, они действительно в дворянском сословии приобрели себе новую социальную опору, а с другой — к тому, что сначала в Смоленске, а потом и в других городах стал складываться боевой блок посадских и крестьян, направленный против польской интервенции.

В Смоленске он сложился не сразу. В конце 1608 года его еще не было, но уже ко времени заговора Ивана Зубова органы посадского самоуправления стали играть крупную роль в политической жизни Смоленска. Посадские старосты сделались помощниками воеводы по управлению городом. Оторванность Смоленска от Москвы неизбежно привела к тому, что власть воеводы и старост значительно вышла за пределы своих обычных рамок. К концу 1608 года посадский мир сумел получить в этом правительстве большое влияние, которое оттеснило влияние дворянского сословия; в посадском мире М. Б. Шеин нашел опору для своей антипольской политики после того, как симпатии смоленского дворянства стали клониться к союзу с польскими интервентами. Поэтому борьбу против изменнической группы Ивана Зубова М. Б. Шеин вел при поддержке посадского мира, а не дворян. Это видно из следующего места донесения М. Б. Шеина: „И мы, холопи твои, Ивана Зубова перед твоим государевым богомольцом перед архиепископом Сергием и перед посацкими людми

---

[1] Там же.

распрашивали...“.[1] Очевидно, смоленские воеводы, архиепископ и посадские старосты в конце 1608 года и составили правительство, державшееся антипольской позиции в противовес большей части дворянства. Изменники-дворяне должны были держать ответ именно перед воеводско-посадским правительством. Мероприятия нового правительства по отношению к изменникам говорят, однако, о том, что или смоленское правительство было недостаточно решительно в борьбе с изменниками, или же роль смоленского дворянства была еще настолько значительна, что правительство боялось прибегнуть к крутым мерам. Смоленские воеводы писали: „А Ивана, государь, Зубова за воровство и за смуту мы, холопи твои, велели посадить в тюрьму до твоего государева указу, а Ивана Бестужева с товарыщи, приведчи к крестному целованию, велели подавати на поруки с записми“.[2]

Но в подавлении зубовской измены большое значение получает не вопрос о репрессиях, а самый факт участия представителей посадского мира в борьбе с политикой дворян. Посадский мир с этого времени входит важнейшим фактором в политическую жизнь Смоленска.

После того как смоленский отряд под влиянием агитации Ивана Зубова разложился и перестал существовать, московские воеводы Яков Барятинский и Семен Одадуров ни с чем вернулись в Смоленск. Для удержания Дорогобужа туда немедленно же был направлен новый отряд из 232 человек смоленских и брянских дворян, остававшихся в Смоленске, и из 200 человек стрельцов.

Факт посылки нового отряда из дворян и стрельцов говорил о том, что в январе 1609 года власть воеводско-посадского правительства была настолько крепкой, что дворяне вынуждены были подчиняться его приказам. Следовательно, уже не дворяне, а посадский мир становился хозяином в городе и в уезде. Это — факт большого исторического значения. Он, с одной стороны, объясняет нам, почему смоленское дворянство не смогло

---

[1] Там же.
[2] Там же.

осуществить в 1608—09 годах своей программы перехода на сторону польских интервентов и экспроприации смоленских посадских людей, а с другой стороны указывает, что в конце второго периода польской интервенции городские сословия становились активной и крупной политической силой, возглавившей борьбу народных масс против польской интервенции. То, что происходило в Смоленске в конце 1608 и начале 1609 года, спустя некоторое время повторилось в более широком масштабе в замосковных городах.

Крайне интересна и характерна для политической линии смоленского дворянства судьба второго отряда, посланного под Дорогобуж. Этот отряд, численностью в 432 вооруженных ратника, в конце января 1609 года встретился под Дорогобужем с польским отрядом ротмистра Плюшки, разбил его на-голову и взял в плен самого ротмистра и 154 человека его отряда. Но дальше к Москве отряд итти отказался. Дворяне из отряда прислали в Смоленск челобитчиков всем „городом" и от всей рати заявили, что „им к Вязьме и к Москве без прибавочных людей от воров пройти не мочно".[1] Не дожидаясь ответа из Смоленска, „дворяне и дети боярские и стрельцы из Дорогобужа разъехались по поместьям, а иные в Смоленск".[2] Московским воеводам Барятинскому и Одадурову снова пришлось вернуться в Смоленск ни с чем. То-есть буквально повторилась история первого отряда. Становилось совершенно очевидным, что все смоленское дворянство отказывается итти на помощь Москве. Но в то же время у дворян не было сил для захвата власти в Смоленске и для открытого присоединения к тушинцам. После подавления заговора Ивана Зубова его сторонники, очевидно, не решались выступать открыто, так как победа московской партии (посадских во главе с М. Б. Шеиным) несомненно внесла расстройство в ряды дворян; дворянство внешне выражало верность московскому правительству, но это было только маневром, поэтому дворянам пришлось прибегнуть к тактике отговорок и оттяжек в исполнении приказа Москвы.

---

[1] Там же, т. II, № 152.
[2] Там же.

После распада второго отряда смоленские горожане и М. Б. Шеин в третий раз потребовали от дворян выступить на помощь к Москве. М. Б. Шеин писал в Москву: „И мы, холопи твои, дворян и детей боярских по твоему государеву указу перед твоим государевым богомолцем, перед архиепискупом Сергием и перед посацкими людми посылали их, что б они, помня бога и твое государево крестное целованье, шли к тебе к государю к Москве“.[1] Но дворяне к этому времени выдвинули новую отговорку: „И дворяне и дети боярские,— писал М. Б. Шеин,— всем городом нам, холопем твоим, отказали, что им из Смоленска до просухи к Москве итти не мочно“.[2] Дворянство в крайнем случае решило выждать событий до весны.

В тактике смоленских дворян есть одна, на первый взгляд загадочная, сторона: почему они, отказываясь итти на помощь Москве, т. е. отказываясь выступать против Тушинского лагеря, в то же время два раза выступали под Дорогобуж и оба раза разбивали польские отряды? В действительности здесь ничего загадочного не было. Разбивая польские отряды под Дорогобужем, смоленские дворяне просто давали по рукам тем польским панам, которые слишком близко подбирались к смоленским поместьям. В данном случае смоленские дворяне просто вставали на защиту своего добра против своевольных захватчиков, действовавших не в интересах дворянства, а в своих корыстных целях. Смоленское дворянство стремилось к заключению такого союза с польскими интервентами из Тушинского лагеря, чтобы, конечно, не потерять своих поместий, а, наоборот, сохранить и расширить их, а также усмирить бунтовавших крестьян. Поэтому походы под Дорогобуж следует рассматривать не как борьбу вообще против польских интервентов (причин для такой борьбы у дворян не было), а просто как наказание силою оружия слишком своевольных ротмистров, не желавших считаться с интересами союзников.

Таким образом, изучая события, происшедшие в Смоленске в конце 1608 и начале 1609 года, мы прихо-

---

[1] Там же.
[2] Там же.

дим к выводу, что они с большой ясностью раскрывали политическую позицию смоленского дворянства и смоленских горожан в отношении к польской интервенции. Дворянство показало себя сторонником союза с польскими интервентами, союза, направленного не только против интересов крестьян, но и против интересов горожан. Посадский же мир (горожане) показал себя новой политической силой, выступившей на борьбу против польских интервентов и против грабительских замыслов своего дворянства.

Но весной 1609 года развернулись новые события, которые, с одной стороны, представили в том же свете смоленское дворянство, а с другой стороны — показали враждебное отношение смоленского крестьянства к польским интервентам и послужили толчком к организации посадско-крестьянского оборонительного блока, сложившегося окончательно перед осадой Смоленска. Этими событиями явились набеги поляков на Смоленскую землю, организованные в 1609 году велижским старостой Александром Корвин-Гонсевским. Это были в то же время подготовительные действия к выступлению второго центра польской интервенции — самого польского правительства во главе с королем Сигизмундом III.

Набеги поляков начались еще с осени 1608 года. Первое известие о них относится к октябрю 1608 года. В это время смоленские воеводы узнали, что „пришел из-за рубежа, из Литвы с Велижа в Щучейскую волость велижский урядник Шиман Александров брат Гасевского, а с ним литовских людей 300 человек гайдуков и Щучейской волости землю отводят к Велижу вдоль на 70 верст, а поперег на 20 верст, а из Щучейской волости итти им в Порецкую волость“.[1]

Какую цель ставил себе Гонсевский, организуя набеги на приграничные северо-западные волости Смоленского уезда? Гетман Жолкевский в своих „Записках о Московской войне“ утверждает, что Гонсевский стремился к тому, чтобы Смоленск добровольно перешел на сторону польского короля.[2] Но для того, чтобы заста-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска“, № 5.

[2] „Записки гетмана Жолкевского о Московской войне“. Изд. Муханова, 1871 г., стр. 20.

вить добровольно сдаться полякам сильнейшую русскую крепость, нужно было добиться, по крайней мере, одного предварительного условия: или того, чтобы большинство защитников крепости перешло на сторону поляков и сделалось союзником польской интервенции, или же того, чтобы защитники поняли всю безнадежность своего положения. Для выполнения первой задачи поляки должны были подготовить себе в Смоленском уезде такую социальную опору, таких союзников, которые бы представляли собою решающую силу и воля которых определила бы волю всего остального населения уезда. А для выполнения второй задачи полякам казалось достаточным лишить Смоленск помощи со стороны Скопина-Шуйского и его шведских отрядов.

Действия Гонсевского имели в виду достижение одновременно обеих задач: они были и глубокой разведкой для отыскания союзников в Смоленской земле, и военно-тактическим маневром, имевшим целью перерезать северную коммуникацию Смоленска—дорогу на Белый и Торжок, связывавшую Смоленск с районом действия Скопина-Шуйского. О том, каких союзников искал и нашел Гонсевский в Смоленске, сообщает в своих „Записках" гетман Жолкевский. Перед походом на Смоленск Жолкевский виделся с королем Сигизмундом и спрашивал его, что слышно о Смоленске. Из ответа короля выяснилось, что „те, кои обнадеживали короля (несомненно Гонсевский и др.—*В. М.*), говорили, что пока его величество находится далеко, то боярам трудно отзываться в его пользу, но когда услышат, что король уже в московских границах, то они обнаружат свои желания и хорошее расположение к королю". [1] Под боярами подразумевались не московские бояре, а смоленские дворяне и дети боярские, так как разговор между королем и гетманом шел только о Смоленске, и поляки обычно боярами называли дворян и детей боярских. [2] Затем к смоленским дворянам надо отнести и указание Жолкевского, что Гонсевскому для осады Смоленска было обещано несколько сот людей конных и пеших. [3]

[1] „Записки Жолкевского", стр. 27.

[2] См., например, „Дневник похода Сигизмунда на Московское государство."

[3] „Записки Жолкевского", стр. 20.

Именно в этой помощи практически и должно было проявиться хорошее расположение смоленских дворян к королю.

О том, что поляки все свои расчеты строили на добровольной сдаче Смоленска, помимо Жолкевского, говорят и другие современники. Например Мартин Бер сообщает, что польский король хотел, чтобы Смоленск, исстари принадлежавший Польше, добровольно ему покорился.[1] Наши старые историки прекрасно знали об этом обстоятельстве. С. Соловьев писал, что „Сигизмунда уведомляли, что воевода смоленский Шеин и жители охотно сдадутся ему; король не хотел упускать такого удобного случая и двинулся к Смоленску, вопреки советам гетмана Жолкевского, который хотел вести войско в Северскую землю".[2] Но ни Соловьеву и ни другим историкам не было точно известно, на чем же поляки строили свои планы овладения Смоленском без боя.

Расчеты поляков на добровольную сдачу самой мощной в то время в России крепости должны были иметь достаточно серьезные основания, а иначе они должны были бы казаться наивными детскими мечтами, а не соображениями трезвых и опытных политиков. Но наши историки не могли знать тайных пружин польских желаний, так как незнание такого важного исторического источника, как смоленская десятня „114" года, не давало возможности расшифровать политическую позицию смоленских дворян, а благодаря этому осталось без внимания также и свидетельство гетмана Жолкевского. Для нас же теперь, если бы даже и не было свидетельства Жолкевского о тайном сговоре Гонсевского со смоленскими дворянами, уже одно поведение смоленских дворян осенью и зимой 1608 года, их участие в заговоре Ивана Зубова, их отказ итти на выручку Москве—являются вполне достаточным основанием для предположения, что поляки могли ставить ставку в Смоленске только на дворян, но ни в коем случае не на посадских и не на крестьян. Существование тайного сго-

---

[1] „Сказания современников о Димитрии Самозванце", ч. I, стр. 148.

[2] *С. Соловьев.* „История России", т. III, изд. 2, стр. 289.

вора между смоленскими дворянами и Гонсевским объясняет нам также и такое, на первый взгляд нелогичное, мероприятие смоленского воеводы Шеина, как спешная отсылка из Смоленска 21 мая 1609 года крупного дворянского отряда на помощь Москве. Раньше отсылка вспомогательного смоленского отряда была обусловлена отсутствием угрозы самому Смоленску со стороны Польши, а в начале 1609 года дело резко изменилось. 25 января 1609 года Шеин получил от своего разведчика из Польши предостережение: „А и теперь вы бережитеся, чтоб на вас тайно не пришли желнеры, бо мыслят урватца к Смоленску, чтобы здобыч взять“.[1] Если смоленский воевода и посадские могли и не знать о тайных связях своих дворян с Гонсевским, то у них были все основания не доверять дворянам, а поэтому они, естественно, предпочли в критическую минуту держать подальше от Смоленска таких „защитников“.

После получения тревожных вестей из Польши и даже во время нападений Гонсевского весной 1609 года на Смоленскую землю, ни смоленский воевода, ни посадский мир не просят московское правительство оставить им дворян для защиты города и волостей, а наоборот, принимают все меры к тому, чтобы дворянский отряд вышел к Москве как можно скорее.

Изучение набегов Гонсевского на Смоленскую землю в 1609 году дает новые и яркие доказательства существования тайного дворянско-польского блока в Смоленске, в противоположность тому резко враждебному отношению, которое встретили поляки со стороны смоленского крестьянства.

Мы уже указывали, что первое нападение Гонсевского произошло в октябре 1608 года. Известие о новом нападении относится к концу марта 1609 года. 25 марта польско-литовский отряд под предводительством Симона Гонсевского и русских изменников, смоленских дворян Ивана и Григория Кирилловичей Хрипуновых, напал на погост Плаи, Щучейской волости, захватил в плен попа и крестьян, находившихся в церкви, разграбил церковное имущество и имущество крестьян,[2] „а животы и статки

---

[1] „Акты исторические“, т. II, № 146.
[2] „Памятники обороны Смоленска“, № 6.

у крестьян все пограбили, и платья всякого и кузни и всякие подворенные рухляди на много поимали, а лошадей взяли пятьдесят, да три коровы, да пятнадцать быков и нетелей".[1] А за несколько дней перед этим, очевидно, те же самые бандиты, „пришед за рубеж в Смоленский уезд, в Щучейскую ж волость, и выграбили четыри деревни, и животы и статки поимали (т. е. захватили скот и вещи. — *В. М.*), и людей посекли (крестьян порубили. — *В. М.*), а иных в полон взяли".[2]

Такой же разгром крестьянских деревень в конце марта и начале апреля поляки учинили и в Порецкой волости. Везде повторялась одна и та же картина: поляки сжигали деревни и уничтожали то крестьянское имущество, которое не могли захватить с собой, а крестьян, не успевших скрыться в лесу, или убивали, или же уводили в плен.

Вот картина разорения трех деревень—Козыревой, Немытковой и Кондратовой—в Порецкой волости. Крестьяне этих трех деревень писали в челобитной: „Нас, бедных сирот твоих государевых, воевали да сожгли, государь, в трех деревнях пятнадцать дворов и на тех дворах сожгли и ржи и ярового всякого хлеба 1000 и 30 в смоленскую меру, да на тех же дворех сожено коров и всякой дробной животины пятьсот, да взяли наших животов в полон с тех же трех деревень пятьдесят лошадей да сорок коров дойных и быков, да выдроли, государь, семьдесят роев пчел... а мы государь, сироты твои государевы бедные воеванные, от тех литовских людей убежали на лесы и за реки с женишками и з детишками... Нам, бедным воеванным, жити негде, на тех пожженых деревнех жить немочна и похать неначем и твои государевы пошлины платить нечим...".[3]

В целом ряде других челобитных крестьяне изображали ту же картину неистовства и жестокости озверевших польских панов. „А нас, бедных сирот твоих государевых, секли на смерть и мучили всякими муками из денег", — писали крестьяне в одной челобитной. „Нас, сирот твоих государевых, воевали и били и секли и жи-

---

[1] „Акты исторические", № 186.
[2] Там же.
[3] „Памятники обороны Смоленска", № 7.

воты наши — лошади и коровы и всякую дробную животину и платя побрали, и дворы и гумна и клети с хлебом пожгли, и в хоромех всякоя посудя пожгли, из деняг мучили...“, сообщалось в другой челобитной, „...утопили в реку в Касплю жонку да девку, да поимали крестьянина Свиридка Тимофеева и вымучили пятнадцать рублев деняг...“, писалось в третьей челобитной и т. д.

Челобитные крестьян, донесения смоленских воевод и другие документы с разной степенью полноты рисуют одну и ту же тактику поляков по отношению к крестьянам смоленских волостей: поляки путем жестокостей, грабежей, убийств и поджогов старались терроризировать крестьян и заставить их „целовать крест“, т. е. присягать себе, а иногда силою заставляли присоединяться к своим отрядам. Документы сохранили нам несколько фактов подобного рода. О приемах польской „агитации“ дает представление следующее донесение начальника пограничной заставы Ив. Жидовинова: „Да пан же Олександро (Ал — др Гонсевский. — *В. М.*) присылал крестьян Велижского повета в Щучейскую волость к крестьяном с грозами а приказывает щучейским крестьяном: „живите за мною, не бойтеся, от нас войны вам не будет, а которые крестьяне Щучейской волости не имут за нами жити, и нам де их хлеб жати и их воевати и нигде им от моих литовских людей не избыти“. [1] То-есть крестьянам предлагалось признать власть поляков и за это им обещалась спокойная жизнь, в случае же отказа подчиниться польским властям, обещалось полное хозяйственное разорение и физическое уничтожение. И когда крестьяне, лишенные всякой помощи со стороны Смоленска и Москвы и прижатые к стене страшными угрозами польских панов, „целовали им крест“, то поляки старались расписать это, как добровольный переход крестьян на их сторону. Такими же методами поляки „вербовали“ крестьян в свои отряды. Крестьяне Щучейской волости рассказывали, что „как де воры литовские люди ходили в Порецкую волость воевать, и мы за литвою ходили для животов своих, а не для войны“, [2] т. е. под страхом смерти, а не добровольно. Сохранилось

---

[1] „Акты исторические“, т. II, № 246.
[2] Там же, № 353.

показание 42 крестьян Щучейской волости, данное под присягой, что „Яковец Анюткин, да Фетка Тележонок, да брат яго Фетка ж ходили с литовскими людми в Порецкую волость, а брали их неволею с татарами засеки просекати, ходили за саблею, а прежнего воровства их не было, с литовскими людьми не сходилися, и нам то слух и ведомо есть“.[1]

Но все такие случаи происходили только там, где крестьяне не имели никаких средств для вооруженной борьбы. Во всех же остальных случаях крестьяне оказывали сопротивление полякам. Так, например, крестьяне Порецкой волости после набега поляков под командой Ив. Хрипунова обратились к смоленским воеводам с просьбой разрешить им напасть на поляков и отбить у них свое имущество, а также просили у них военной помощи: „да пожалуйте, государи, нам на помощь бояр и стрельцов, сколько вы, государи, пожалуете“.[2] О развитии среди крестьян партизанского движения против поляков говорят факты снабжения крестьян боевыми припасами из Смоленска. Шеин посылал им свинец и порох. „Да на порецких на охочих людей,—писал Шеин начальнику заставы Ив. Жидовинову,—послано пуд зелья да пуд свинцу... И тебе бы зелья давати по вестем порецким людем, как почаешь приходу литовских людей...“.[3]

Такие же „охочие люди“ или, вернее, партизаны находились и в Щучейской волости. В июле 1609 года в этой волости произошло даже целое сражение между поляками и вооруженными крестьянами. Ив. Жидовинов сообщал в Смоленск: „был бой в Щучейской волости с литовскими людьми“.[4]

Мы считаем излишним приводить дальше новые факты, говорящие о непримиримо-враждебном отношении смоленских крестьян к польским интервентам. Набеги Гонсевского со всей очевидностью показали смоленским крестьянам, что польские паны — это самые свирепые угнетатели и палачи русского народа, и что под их владычеством крестьян ждут неисчислимые беды и несчастья.

---

1 „Памятники обороны Смоленска“, № 38.
2 „Акты исторические“, т. II, № 188.
3 Там же, № 209 (VI).
4 Там же, т. II, № 246.

Вот это и заставило смоленских крестьян подняться против наглых иностранных захватчиков и прибегнуть к наиболее доступной им форме борьбы — к партизанским действиям. Так на северо-западных границах Смоленской земли началась борьба крестьян против иноземных поработителей; так крестьянская война стала перерастать в национально-освободительное движение крестьянских масс против польских интервентов. Но одних крестьянских сил для этой борьбы было, конечно, совершенно недостаточно.

О том, что здесь происходил процесс перерастания именно крестьянской войны в народное освободительное движение, говорят отношения между смоленскими крестьянами и их помещиками. Смоленские помещики содействовали польской агрессии, поэтому смоленским крестьянам фактически приходилось бороться на два фронта: и против польских интервентов и против своих помещиков. О позиции смоленских дворян мы узнаем из целого ряда документальных источников.

Во-первых, смоленские дворяне были прямыми пособниками польских интервентов: они избивали и даже убивали тех крестьян, которые приходили к смоленскому воеводе с вестями о положении дел на границе (о замыслах польских панов, о передвижениях их отрядов и т. д.). Например щучейские крестьяне заявляли в мае 1609 года начальнику заставы Ив. Жидовинову: „Не смеям ходить в Смоленск к государеву боярину, бояр, своих помещиков, опасаясь. Имают нас по дорогам и в Смоленску по вулицам, до государева баярина не допускают и побивают на смерть. Да как Иван Башмаков приходил в Сщючейскую волость и племянник его Филон Григоряв сын убил мужика добра на смерть“.[1] Иван Иванович Башмаков был начальником пограничной заставы. Он принадлежал к выборным дворянам и имел оклад в 500 четвертей, т. е. был представителем верхнего слоя смоленского дворянства. Из слов щучейских крестьян необходимо сделать вывод, что племянник Башмакова убил мужика именно за то, что тот доносил о действи-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска“, № 26. Филон Григорьев Башмаков имел оклад в 400 четв., в десятне он по ошибке переписчика назван Филатом. См. № 433.

ях поляков смоленскому воеводе.[1] Между тем, застава предназначалась для обороны Смоленской земли и смоленских крестьян от набегов поляков, поэтому убийство крестьянина на заставе являлось открытой поддержкой польских бандитов. Такие убийства, очевидно, были настолько частым явлением, что потребовался строгий приказ смоленского воеводы, запрещавший помещикам убивать своих крестьян за их противодействие польским завоевателям. М. Б. Шеин писал крестьянам Щучейской волости: „И как к вам ся грамота придет, и вы бы в Смоленеск с вестями и для своих дел ходили, государю царю и великому князю Василью Ивановичю всея Русии служили и прямили по прежнему; а к литовским людем бы за рубеж вам не ходити. А помещиком вашим о том заказано накрепко, чтоб вас однолично напрасно не имали, и не били, и не грабили, и насилства вам ни в чем никакого не чинили“.[2] Уже одно существование такого приказа является неопровержимым доказательством того, что действительно помещики прибегали и к убийствам, и к грабежу, и к всевозможным насилиям над смоленскими крестьянами только за то, что те помогали смоленским властям вести борьбу с польскими бандитами. Следовательно, здесь происходила борьба не только помещиков и крестьян, но и двух политических партий: сторонников и противников польской интервенции, предателей и защитников родины.

Попутно с этим нельзя не обратить внимание на то, что во главе польских налетчиков был поставлен не только Симон Гонсевский, брат велижского старосты А. Гонсевского, но и русские дворяне-эмигранты братья Хрипуновы. Эти Хрипуновы еще в 1604 году играли какую-то крупную роль в подготовке первого лже-Димитрия. По поводу Хрипуновых проф. А. Савич пишет: „В особом свете выступают перед нами братья-эмигранты Хрипуновы. Они оказали какую-то существенную услугу Польско-Литовскому государству, за что Лев Сапега считает необходимым их наградить“.[3] Не может быть сомнения

---

[1] И Григорий и Иван Башмаковы имели поместья и крестьян в Щучейской волости. См. „Памятники обороны Смоленска“, № 13.

[2] „Акты исторические“, т. II. № 217.

[3] *А. Савич.* „Польская интервенция начала XVII века в оценке Покровского“. Журн. „Историк-марксист“, кн. I, 1938 г.

в том, что Лев Сапега и А. Гонсевский использовали Хрипуновых и в 1609 году для не менее важной и ответственной задачи, а именно — для установления связи со смоленским дворянством и для подготовки добровольного перехода Смоленска на сторону поляков, так как Хрипуновы до эмиграции были крупными смоленскими помещиками.[1]

Во-вторых, документальные источники говорят, что смоленские дворяне прибегали к формам скрытой помощи польским интервентам, а именно: стоя на заставах, грабили крестьян, отказывались выполнять приказы смоленского командования, дезертировали с застав и т. д. В той же самой заставе Ивана Башмакова 30 человек детей боярских в апреле 1609 года совершили набег на деревню Залинево и ограбили крестьян этой деревни.[2]

В этом случае, как и в случаях убийства и избиения крестьян помещиками, воевода М. Б. Шеин стал на сторону крестьян и обещал дать им защиту против дворян. Он писал начальнику заставы: „И тебе б приказать к старостам и к целовальником и ко всем крстьяном: которых крестьян дворяня и дети боярские или их люди грабили, или какое насильство им чинили, и те б крестьяня ехали в Смоленск, сыск им и оборона будет в Смоленске“.[3]

Таким образом, набеги Гонсевского способствовали более четкой и ясной размежевке классовых сил в Смоленском уезде. Эти набеги ставили целью не только захват смоленской территории, но главным образом разгром и истребление крестьянства. Антикрестьянское острее набегов было ясно для всех. Вот эта-то позиция польских интервентов и послужила базой для установления негласного политического блока со смоленским дворянством. У смоленских дворян, как мы знаем, на первом плане стояли задачи подавления сопротивления крестьян и холопов, или, как тогда выражались, задачи „успокоения государства“.

Вполне понятно, что защиту Смоленской земли от польских панов смоленские дворяне рассматривали не

1 „Памятники обороны Смоленска“, №№ 270 и 271.
2 Там же, № 16.
3 „Акты исторические“, т. II, № 200.

как свое кровное дело, а как дело крестьянское, а поэтому они всемерно саботировали его: не являлись на службу на заставы, отказывались выполнять приказы начальников застав и смоленских воевод, грабили крестьян и т. д. Обо всем этом мы узнаем, знакомясь с составом и действиями пограничных застав, находившихся в Щучейской и Порецкой волостях летом 1609 года. Сами по себе заставы не имели не только большого, но и вообще сколько-нибудь заметного военного значения, и наш интерес к ним вызывается исключительно тем, что в их действиях, как в капле воды, отразились отношения между двумя основными классами Смоленского уезда — помещиками и крестьянами.

Документы сохранили сведения о трех заставах: о заставе Василия Румянцева (дворовый, оклад 500 четвертей), о заставе Ивана Жидовинова (городовой, оклад 450 четвертей) и о заставе Ив. Ив. Башмакова (выбор, оклад 500 четвертей), Гавр. Афон. Чебышева (чин и оклад неизвестны) и Дм. Федор. Дементьева (дворовый, оклад 500 четвертей).

Застава Вас. Румянцева находилась в Щучейской волости в течение двух месяцев (с середины марта по середину мая 1609 года). Вас. Румянцев прибыл в Щучейскую волость 15 марта с наказом „быти в Щучейской волости на заставе по всему литовскому рубежу". Застава имела своей задачей охрану границы от вторжения польских отрядов. Для этой цели она силами крестьян производила в лесу по границе засеки, на дорогах и тропинках, шедших к границе, ставила сторожевое охранение из крестьян и, кроме того, в месте расположения самой заставы собирала крестьян окружающих деревень в качестве боевой силы. Сама застава В. Румянцева была крайне немногочисленна:[1] кроме его самого она состояла всего из пяти человек детей боярских, принадлежавших к низшим служилым статьям. Таким образом, сама дворянская застава собственно не несла охраны границы, а возлагала это тяжелое и опасное дело на плечи крестьян. В условиях мирной обстановки пригра-

[1] Кроме В. Румянцева в заставе были: Я. С. Острецов (новик), Онофр. Теплышев (городовой, 200 четв.,) Григорий Кубаров (городов., 150 четв.), Клим Кубаров (городов., 250 четв.,), Петр Кожин (городов., 100 четв.).

ничные крестьяне, очевидно, выполняли беспрекословно эту повинность. Так, до набега Симона Гонсевского 25 марта В. Румянцев сообщал в Смоленск, что он благополучно „по литовскому рубежу по дорогам и по стишкам (по тропинкам) сторожи поставил и подымных людей собрав поставил на заставе в деревни в Щукине...“ [1] Но во время налетов польских вооруженных отрядов положение менялось. Слабо вооруженные или вовсе безоружные крестьяне, конечно, не представляли собою никакой боевой силы, поэтому граница в сущности оставалась не защищенной, как и сами крестьяне обычно становились жертвами хорошо вооруженных польских налетчиков. При набегах поляков крестьяне разбегались с заставы и со сторожевых постов, а кто не успевал этого сделать—платился жизнью. Поэтому при участившихся польских набегах крестьяне стали отказываться ходить в сторожевое охранение и на заставу, и В. Румянцев в конце марта и в апреле доносил в Смоленск, что поляки „старожей (со) старожи разогнали с рубежа и мужики разбежалися по лесам от литовских людей...“, что „люди разбежались все от литовских людей и мне стаяти не с кем“; [2] „а Щучейской волости крестьян нет,—писал В. Румянцев,—стоять мне не с кем, подымные государева наказу не слушают, ко мне на заставу и на сторожу не идут, а мне на рубеж на литовский итит не с ким и на сторожи ставить некого...“. [3]

Отказ крестьян итти на заставы и в сторожевое охранение вызывался исключительно тем, что при существовавшей в то время в Смоленском уезде системе обороны границы крестьяне полностью отдавались в жертву польским бандитам. Само дворянство не желало защищать ни границы, ни крестьян. После набега Симона Гонсевского все дети боярские из заставы В. Румянцева сразу же дезертировали, и на заставе осталось только 100 человек крестьян. В донесении В. Румянцева сообщалось: „а дети боярские от меня разъехались с заставы, а стоит со мною Щучевской волости один десяток Репшевской сто человек и вы мне о том как укажете“. [4]

---

[1] „Памятники обороны Смоленска“, № 11.

[2] Там же.

[3] Там же, № 14.

[4] Там же.

Так и все остальные случаи отказа крестьян итти на заставы, о которых приходится читать в донесениях других начальников застав, были вызваны вовсе не сочувствием крестьян польским интервентам, не изменой крестьян своей родине, а их нежеланием итти в ловушку, устроенную помещиками. Заставы не обороняли, а губили крестьян, между тем крестьяне требовали от правительства действительной защиты. Порецкие крестьяне писали в челобитной царю В. И. Шуйскому: „Покажи, государь, милость... дай к нам в Порецкую волость ратных людей стрельцов и не вели, государь, нас бедных выдать, чтоб нас твои государевы недруги литовские люди не извоевали, чтоб нам, сиротам твоим, от литовских людей покиня животишки, статки и хлеб в земли пахоной покиня, вконец не погинуть. Да нас же, сирот твоих, государевы заставники Иван Юряв сын Жидовинов поставил по всем сторожем з дыма по человеку, и нам, государь, сиротам твоим от литовских людей однем неким уберечися, и хлебишкам нашим на поли не жатым пропасть".[1]

Эта челобитная совершенно правильно указывала царю, что установившийся в Смоленском уезде порядок обороны границы не защищает крестьян, а выдает их с головой польским бандитам, что крестьяне своими силами не могут уберечься от неприятеля, что сложившаяся на границе обстановка обрекает крестьян на разорение и гибель. Следовательно, в состоянии и действиях пограничных застав ярко проявилась противоречивость интересов помещиков и крестьян; стало очевидным, что дворянские заставы не могли быть защитой для крестьян, а дезертирство дворян с пограничной службы показывало, что дворяне не хотели защищать от поляков также и своего государства.

Точно такое же положение было и на другой заставе, Ивана Жидовинова. Застава Ивана Жидовинова была образована в Порецкой волости 6 мая 1609 года, после того как смоленские воеводы узнали о готовящемся набеге на Порецкую волость. Иван Жидовинов должен был силами крестьян „засеки засечь от литовского рубежа по дорогам и по стежкам, от Велижа и

[1] Там же, № 33.

от Сурожа засеки, и беречи по засекам, чтоб литовские люди в Порецкую волость войною не приходили и государевых волостей не извоевали"[1].

Таким образом, опять вся работа по укреплению и обороне границы падала на плечи крестьян. Они должны были собственными силами отражать нападения польских отрядов. И здесь так же, как и на заставе В. Румянцева, силы оказывались чересчур неравными, крестьяне по сути дела оставались беззащитными, и первое же нападение поляков грозило разгромом заставы и уничтожением крестьянских деревень. Прекрасно понимая это, порецкие крестьяне потребовали от Ив. Жидовинова военной защиты: „да они ж, государь, — писал Ив. Жидовинов смоленскому воеводе,—били челом об ратных людех о стрельцох: нам де без стрельцов засеки засекать и мостов разметывать не мочно"[2]. В ответ на это требование крестьян М. Б. Шеин послал 13 мая в Порецкую волость сотню смоленских стрельцов. Только после этого крестьяне стали аккуратно нести пограничную службу и Ив. Жидовинов доложил в Смоленск: „а мы стоим с стрельцами и с волостными людьми беспрестанно, день и нощь, а вести приходят к нам почасту".[3]

Но стрельцы находились в Порецкой волости всего около полутора месяцев. 25 июля по приказанию М. Б. Шеина они были отправлены назад в Смоленск. Уход стрельцов немедленно же отразился на отношении крестьян к сторожевой службе. В донесениях Ив. Жидовинова после этого сразу появляются жалобы на недостаток людей на сторожевых заставах. Так, например, 22 августа Ив. Жидовинов сообщает, что он просил у крестьян „подымных[4] людей и самопальников" для охраны границы, но „крестьяне подымных людей и самопальников не дали, только дали на все двенадцать сторож с выти по человеку, и на сторожех сторожей не по многу и против литовских людей уберечися и стоять не с ким". „...И мне, государь, всего уберечи одному не мочна, а я, государи, болен и детей боярских са мною

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 209 (I).
[2] Там же, № 209 (III).
[3] Там же, № 209 (VIII).
[4] „Подымный" — значит взятый „с дыма", со двора.

один Борис Лесков и тот слеп, а Донила Лучинцов у вас у Смоленску"[1].

Таким образом, и судьба заставы Ив. Жидовинова показывает, что крестьяне отказывались нести пограничную службу вовсе не из сочувствия к полякам, а просто потому, что они видели всю безнадежность противостоять только своими силами польским отрядам. Крестьяне понимали, что без помощи стрельцов или детей боярских они будут истреблены в любом столкновении с поляками. Однако крестьяне не хотели подчиняться полякам и продолжали требовать у смоленских воевод стрелецких отрядов для обороны. Челобитные об этом посылали из Щучейской и из Порецкой волостей.[2] Особенно интересна челобитная щучейских крестьян. Они пишут, что собственными силами им „от литовских людей не отбаранитца...". Обращаясь к воеводам, они просят: „Государи, умилостивитеся! Велите бедным свет видеть, дайте нам в Щучейскую воласть сына боярского дворенина добра да стрельцов для крепости, штобы у нас было в воласти збивати подымных людей к засекам и на сторожу. А не будет, государи, вашего жалованя, не дадите нам в Щучейскую в воласть сына боярского и стрельцов, и нам, государи, вконец погинути. А нас, государи, литовские люди отогнали от дворов и от хлебов, от ржи, и от яри, и мы, государи, бродим по лесом, друг друга не ведаем...".[3]

Эта челобитная не оставляет больше никаких сомнений в существовании непримиримо-враждебного отношения смоленских крестьян к польским интервентам. Крестьяне лишь там вынуждены были признавать польское владычество, где они не только сами оказывались совершенно бессильными, но и где они теряли всякую надежду на помощь из Смоленска. Но даже и в таких случаях крестьяне часто бросали свои дворы и поля и уходили в Смоленск в осаду. Крестьянство стремилось укрыться от поляков за стенами Смоленской крепости. Вот в этом-то движении крестьян, вытекавшем из их упорной борьбы с польскими интервентами, и заложены были основы для посадско-крестьянского оборонитель-

---

1 „Акты исторические", т. II, № 353.
2 Там же, №№ 33, 34.
3 Там же, № 34.

ного блока. Указание на уход крестьян в Смоленск в осаду имеется в одном из донесений Ив. Жидовинова. Он приводил следующую причину, по которой крестьяне не шли на заставу: „И на заставу в Порецкую волость не идут, а сказывают, к нам де по селам и по волостям из города присланы наказы, а велена де нам возитца в горад для осаднова времяни...“.[1]

Несколько слов следует сказать и о заставе Ив. Башмакова, Гавр. Чебышева и Дм. Дементьева. Она, в отличие от двух других застав, представляла собою довольно крупный отряд, состоявший из двух сотен дворян и детей боярских и из сотни монастырских и архиерейских служек. Задача заставы заключалась в отражении польских набегов. В Порецкой волости застава находилась уже в начале апреля 1609 года. Но, как можно судить по документальным данным, застава продержалась только до конца апреля. В это время ее остатки были отозваны в Смоленск. Застава развалилась сама собой вследствие дезертирства дворян, детей боярских и служек. О состоянии воинской дисциплины на заставе и об отношениях между дворянами и крестьянами красноречиво говорит следующее место из донесения Ив. Башмакова смоленскому воеводе: „Да дворяне, государь, и дети боярские многие стали по деревням версты по две и по три, и по семи, а к нам на городище не едут; и крестьяня, государь, к нам приходят на них бити челом и мы им говорим, чтобы они не грабили и к нам стоять поехали (иные, государь, по деревням грабят); и того, государь, грабежу нам сыскать не уметь, потому что иные и не ведаем, в которой деревне стоят. А с нами, государь, на городище стоят дворяне немногие“.[2] Ив. Башмаков к своему донесению прилагал список 57 дворян, которые были в „нетях“, т. е. дезертировали. То же самое было и с монастырскими служками. Так, в сотне Дм. Дементьева должно было находиться 82 человека монастырских служек, но уже 13 апреля их осталось всего 28 человек, а остальные были в „нетях“.[3]

---

1 „Памятники обороны Смоленска“ № 32.
2 „Акты исторические“, т. II, № 353.
3 „Памятники обороны Смоленска“, № 17.

Из двух остальных сотен часть дворян была оставлена для сопровождения до границы посланцев А. Гонсевского и смоленского дворянина Андрея Дедевшина, направлявшегося для переговоров с А. Гонсевским в Велиж, а остальные дворяне вместе со служками должны были возвратиться в Смоленск. По поводу той и другой части И. Башмаков доносил в Смоленск, что те дети боярские, „которые осталися за выбором и те, государь, дети боярские нас не послушали, литовских гонцов провожати не паехали, и я, государь, посылал тех детей боярских, которые са мною в выбаре, провожать до рубежа; а которые, государь, дворяня и дети боярские оставлены са мною, збежали...“.[1]

Пример заставы И. Башмакова очень убедительно доказывает, что смоленские дворяне не желали защищать Смоленской земли от польских интервентов, а если вспомнить, что именно на заставе Башмакова был убит крестьянин за доставку сведений смоленскому воеводе, то существование тайного сговора между смоленскими дворянами (во всяком случае частью их) и А. Гонсевским не подлежит сомнению.

Анализируя источники о набегах Гонсевского, мы стремились прежде всего вскрыть позицию крестьянства и дворян по отношению к польским интервентам и пришли к выводу, что в лице смоленских дворян поляки нашли себе союзников, которые, однако, действовали пока скрыто, так как не имели сил для открытого выступления,[2] но зато со стороны крестьян поляки встретили упорное сопротивление, ставшее зародышем посадско-крестьянского блока и будущего народного освободительного движения. Свое господство в оккупированных волостях Смоленского уезда поляки могли поддерживать только политикой жесточайшего террора, убийств, неслыханных грабежей и насилий над крестьянским населением. Но это была лишь одна сторона операций Гонсевского. Другая их сторона заключалась в том, что они были прелюдией к вторжению крупной польской армии в Смоленскую землю, они были прелюдией к третьему этапу польской интервенции.

---

[1] Там же, № 22.

[2] На что указывал и гетман Жолкевский в своих „Записках“.

Посмотрим, к чему стремился Гонсевский, подготовляя вторжение польской армии. Во-первых, как мы видели, он нащупал социальную опору для этого вторжения, во-вторых, он захватил часть территории Смоленского уезда и создал угрозу его северным дорогам, в третьих, Гонсевский проявил большую дипломатическую активность.

Просматривая сообщения о набегах Гонсевского, можно сделать следующее заключение о размерах захваченной им территории. В начале апреля 1609 года он захватил часть Порецкой волости по реку Половью и Касплю до сурожской границы (с 22 деревнями).[1] В начале июля Гонсевский двинулся под Торопец, а оттуда собирался итти на Белый,[2] так как 12 июня смоляне захватили Белый, бывший до того времени в руках у тушинцев. В конце августа Гонсевский захватил всю Щучейскую волость и, повидимому, также всю Порецкую волость.[3]

Из этого видно, что Гонсевскому не удалось перерезать северную коммуникацию Смоленска. Таким образом, Гонсевский не решил полностью ни одной из задач по обеспечению добровольной сдачи Смоленска польской армии. Он, во-первых, хотя и нашел себе союзников в Смоленске, но таких, которые не были решающей силой в Смоленске и не могли сдать города полякам; во-вторых, он не сумел полностью изолировать Смоленск и не смог перерезать бельской дороги. Еще слабее были успехи Гонсевского в дипломатической области. Гонсевский имел задачу вступить в переговоры со смоленским воеводой М. Б. Шеиным, во время которых он должен был, очевидно, склонить воеводу к добровольной сдаче города. Зацепка для начала переговоров была сделана оршанским старостой Андреем Сапегой, который 10 апреля[4] 1609 года писал М. Б. Шеину, что король поручил А. И. Гонсевскому встретиться со смоленским воеводой на велижском рубеже и „спорозуметися о том, як бы посланнику его королевские милости з листы безпечно и свободно пройти албо проехать, и о иных

---

1 „Акты исторические", т. II, № 188 (I).
2 Там же, № 246.
3 „Памятники обороны Смоленска", № 39.
4 10 апреля по старому стилю и 20—по новому.

добрых потребных делах разговоритися".[1] А 11 апреля уже сам А. И. Гонсевский писал М. Б. Шеину, ссылаясь на письмо А. Сапеги: „и как съезд промеж нас будет, и даст бог большим делом уговор учинить, ино в ту пору и про рубежные дела мочно нам и самим сыск в правду учинить и дело на мере поставить".[2]

Переговоры о сдаче Смоленска здесь прикрыты дипломатическим намеком на переговоры о „большом деле", но смоленский воевода несомненно догадывался об истинном значении этого намека и о цели съезда. Из второго письма Гонсевского от 6 мая[3] видно, что в конце апреля М. Б. Шеин обещал выслать своего представителя на съезд в Велиж, а из документов заставы И. И. Башмакова известно, что в качестве такого представителя М. Б. Шеин собирался послать А. Ив. Дедевшина. Но этого намерения М. Б. Шеин не выполнил и А. И. Дедевшина на съезд не послал. Свой отказ вступить в переговоры сам М. Б. Шеин объяснял тем, что поляки незаконно нарушили перемирие и напали на русскую землю. В своем письме, повидимому к А. Сапеге, М. Б. Шеин сообщал: „и яз по твоему писму на договор к Олександру Гасевскому не послал никого, потому что после посолского договору и укрепления полские и литовские люди и по ся места в государя нашего государстве кров крестьянскую проливают и землю государя нашего пустошат".[4]

В этом деле обращает на себя внимание выбор М. Б. Шеиным А. И. Дедевшина в качестве полномочного представителя для ведения переговоров с А. Гонсевским. Историческая легенда изображает А. И. Дедевшина изменником, перебежавшим во время осады Смоленска к полякам и предавшим крепость. Теперь мы имеем некоторую возможность проверить легенду и установить, что̀ в ней истина, а что́ — художественный вымысел. Истинным в легенде является только то, что А. И. Дедевшин принадлежал к группе дворян-изменников, но вымышлено его бегство из осажденной крепо-

---

1 „Акты исторические", т. II, № 192.
2 Там же, т. II, № 194 (I).
3 Там же (II).
4 „Памятники обороны Смоленска", № 23.

сти, так как во время осады Смоленска до января 1610 года А. И. Дедевшин был воеводой в г. Белом.[1] Сторонником польских интервентов А. И. Дедевшин должен был стать по своему общественному положению (он был в выборе с окладом в 600 четвертей), а изменником он себя показал во время осады Белого. Он подготовлял сдачу полякам этой крепости, развернув среди посадских агитацию в пользу поляков, в то время как бельские дворяне во главе с ним еще до сдачи крепости заявили себя верноподданными короля. За сдачу Белого польский король в 1610 году наградил А. И. Дедевшина обширными поместьями.

Самый факт выбора А. И. Дедевшина для ведения переговоров в Велиже, а потом посылка его воеводой в г. Белый говорят о том, что даже после дворянского заговора во главе с Ив. Зубовым М. Б. Шеин вынужден был считаться с полонофильской группой смоленских дворян и, очевидно, вынужден был даже итти на некоторые уступки этой группе. Крупнейшей уступкой М. Б. Шеина надо считать не только выбор А. И. Дедевшина в качестве своего дипломатического представителя, но главным образом его первоначальное намерение вступить в переговоры с А. Гонсевским. Об этом намерении мы узнаем из письма М. Б. Шеина Ивану Башмакову 14 апреля,[2] а уже 2 мая М. Б. Шеин отклонил переговоры с А. Гонсевским до тех пор, пока все польские и литовские отряды не будут выведены из Московского государства. Характерно то, что в своей отписке царю 26 апреля[3] М. Б. Шеин совсем замалчивает свое первоначальное намерение начать переговоры с Гонсевским, а просто пишет: „На Велижской рубеж для съезду мы, холопи твои, из Смоленска без твоего государева указу никого не послали...". Следовательно, с 14 по 26 апреля в правящих кругах Смоленска шла борьба вокруг вопроса: участвовать или не участвовать в переговорах с Гонсевским. В этой борьбе победила антипольская сторона, к которой примыкал М. Б. Шеин.

Переговоры с А. Гонсевским, конечно, не могли со-

---

1 „Акты исторические", т. II, № 243.
2 Там же, т. II, № 188—IV.
3 Там же, № 231.

стояться, раз предварительным условием их М. Б. Шеин поставил вывод всех польских войск из русской земли, прекращение новых нападений и выполнение поляками условий мирного договора. Эти требования были изложены М. Б. Шеиным в двух письмах к Гонсевскому 2 и 27 мая 1609 г.[1] Эти письма представляют интерес в том отношении, что в них отвергается польская официальная версия о непричастности польского правительства к набегам своевольных панов, и на польское правительство возлагается ответственность за действия польско-литовских отрядов, которые русскую землю „пустошат и кровь крестьянскую проливают".

Письма показывают, что М. Б. Шеин прекрасно разбирался в политической обстановке и видел подлинные пружины, приводившие в движение фигуры разных самозванцев. Шеин писал: „Князь Роман Ружинский, князь Адам Вишневетцкой и иные паны и ротмистры со многими польскими и литовскими людми водят с собою вора, называючи тем же имянем, как прежний вор рострига назывался царевичем Димитрием, и государя нашего землю пустошат и кровь хрестьянскую проливают".[2]

М. Б. Шеин требовал, чтобы польский король вывел из Московского государства всех польских и литовских людей, пробравшихся туда „воинским и воровским обычаем", чтобы польскому королю „вору и иным таким ворам не верити и за них не вступатись, и людми и казною и иным никаким вспоможеньем не помогати".[3]

Письма характеризуют М. Б. Шеина как умного политика, раскусившего тайные замыслы польского правительства и решительно ставшего на защиту своей родины. А. Гонсевский не имел успеха в своей дипломатической деятельности только потому, что он в лице М. Б. Шеина встретил такого политического противника, затянуть которого на свою сторону не удалось ни Гонсевским, ни Сапегам.

Эта стойкость М. Б. Шеина в борьбе против поляков, особенно проявившаяся в двухлетней героической обороне Смоленска, придает фигуре М. Б. Шеина большой исторический интерес. Род Шеиных Павлов-Сильванский

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 207 и № 219—II.
[2] Там же, № 207.
[3] Там же.

относит к знатным московским родам второго разряда, ставя его в ряду с родами Романовых, Годуновых, Басмановых и др.[1] Следовательно, М. Б. Шеин был представителем московской княжеско-боярской верхушки.

О служебной карьере М. Б. Шеина до его воеводства в Смоленске сохранились некоторые документальные данные, однако настолько краткие, что дают возможность лишь приблизительно судить о его политическом облике.

В 1604 году М. Б. Шеин был воеводой в большом полку, стоявшем на южной украйне под Мценском.[2] В 1605 году он находился уже в армии, посланной Борисом Годуновым против лже-Димитрия.[3] В бою под Добрыничами (20 января 1605 г.) М. Б. Шеин спас жизнь главного воеводы Ф. И. Мстиславского. Очевидно за это геройство М. Б. Шеин и был послан в Москву с радостным известием о победе над неприятелем. Исаак Масса сообщает об этом событии и называет М. Б. Шеина молодым дворянином.[4] Это значит, что М. Б. Шеину в 1605 году могло быть лет 30—35.

За отличие под Добрыничами Борис Годунов произвел М. Б. Шеина в чин окольничего и послал воеводой в Новгород-Северский, вместо князя И. В. Голицына.[5] В царствование лже-Димитрия I М. Б. Шеин назначается воеводой в передовой полк в Ливнах.[6] Там М. Б. Шеин находился во время переворота 17 мая 1606 года и все лето 1606 года и там же он был застигнут крестьянским восстанием под предводительством И. Болотникова. Вместе с другими боярами и дворянами ему пришлось оттуда спасаться бегством. „А с Ливен Михайло Борисович Шеин утек душею да телом, а животы ево и дворянские пограбили“.[7]

Когда В. И. Шуйский формировал армию против

---

[1] *Н. Павлов-Сильванский.* „Государственные служилые люди“, стр. 318.

[2] „Чтения И. О. И. и Д. Р.“ за 1907 г., кн. 2, „Разрядные записи за Смутное время“, стр. 27.

[3] Там же, стр. 3.

[4] *И. Масса.* „Краткое известие о Московии“, стр. 90.

[5] „Чтения И. О. и Д. Р.“ за 1907 г., кн. 2, стр. 3.

[6] Там же, стр. 7.

[7] Там же, стр. 8.

Болотникова, осадившего Москву, то назначил Шеина воеводой передового полка.[1] Большой интерес представляет состав воевод этой армии. В грозный час, когда решалась судьба не только царя Шуйского, но и всего боярско-дворянского класса, воеводы были назначены „без мест", т. е. без местничества по родовитости. В передовом полку воеводами были: князь И. И. Шуйский, кн. И. В. Голицын и окольничий М. Б. Шеин; в другом полку воеводами были: кн. М. В. Скопин-Шуйский, кн. А. В. Голицын и кн. Б. П. Татев. Оба князя Шуйских несомненно были полномочными представителями интересов царя Шуйского. На пять князей-воевод приходился один окольничий М. Б. Шеин. Конечно, М. Б. Шеин не мог тягаться родовитостью со знатнейшими князьями Шуйскими и Голицыными, поэтому понадобилось объявить службу „без мест", и, следовательно, М. Б. Шеин мог попасть в воеводы только за свои военные способности, которые в данную минуту имели большее значение, чем родовитость.

После разгрома И. Болотникова под Москвой М. Б. Шеин принимает участие в осаде Тулы, и из-под Тулы уже он получает в 1608 году назначение первым воеводой в Смоленск.[2] Это назначение было крупным политическим выдвижением М. Б. Шеина. В Смоленске решалась судьба Москвы и всей страны. И опять-таки надо отметить, что только личная военная одаренность М. Б. Шеина могла сыграть здесь решающую роль.

Что же можно сказать по этим биографическим данным о политической физиономии М. Б. Шеина?

Молодым человеком начал он свою военную карьеру при Борисе Годунове, был выдвиженцем Бориса и в силу этого не мог принадлежать к клике Шуйских, противников Годунова. При лже-Димитрии и В. И. Шуйском он мог получать высокие назначения опять-таки не в силу своей родовитости или особой близости к Шуйским, а только за личные военные заслуги.

После того как М. Б. Шеину пришлось „душой да телом" спасаться от крестьян под Ливнами, после того как ему пришлось громить их под Москвой и Тулой,—

---

[1] Там же, стр. 10.

[2] Чтения И. О. и Д. Р. за 1907 г., кн. 2, стр. 12.

никак нельзя предполагать лично у Шеина большой симпатии к крестьянскому движению. Следовательно, когда мы видим в смоленском Шеине сторонника крестьянства, то эта политическая линия диктовалась М. Б. Шеину не его личными симпатиями, а интересами смоленского посадского мира.

Что же заставило М. Б. Шеина примкнуть к смоленскому посадскому миру, а не к дворянству, и занять, следовательно, антипольскую позицию? Во-первых, его социальное положение крупного землевладельца-боярина, сторонника аристократического господства, а не дворянской демократии; во-вторых, его стремление найти в соответствии с этим антидворянскую социальную опору, особенно после того как события отрезали Смоленск от Москвы; в-третьих, его близкие личные связи с князьями Голицыными, противниками Польши, что показала судьба Голицыных в Москве в 1611 году.

Все эти причины повели к тому, что Шеин примкнул к верхушке смоленского посадского мира и сделался поэтому народным воеводой, как впоследствии и князь Д. М. Пожарский сделался воеводой сначала нижегородского посадского мира, а потом посадского мира всех замосковных городов.

Известную роль в политической гибкости М. Б. Шеина сыграла и его молодость, подвижность взглядов, отсутствие традиционной боярской косности, четырехлетнее непрерывное пребывание в войсках, большое личное мужество и бесстрашие, уменье командовать войсками, отсутствие личной связи с лидерами смоленского дворянства, большая энергия и вкус к большим политическим делам.

Мы уже отметили, что личные связи соединяли М. Б. Шеина не с кругами В. И. Шуйского, а с кругами князей Голицыных, политических противников В. И. Шуйского, один из представителей которых, князь Василий Васильевич, был претендентом на московский престол. Особенно тесные дружеские связи соединяли М. Б. Шеина с князем Андреем Вас. Голицыным. Об этом говорит письмо М. Б. Шеина, написанное им в первый месяц осады Смоленска. „Государю моему, князю Ондрею Васильевичу, — читаем в письме, — великого твоево жалованья искатель Михалец Шеин челом бьет...Да будет, государь Ондрей Васильевич, мне в осаде случится за бога да за госуда-

ря смерть, и тебе б, государю моему, пожаловать меня во всем простить; а яз тебе, государю своему, много челом бью".[1]

О близости М. Б. Шеина с Голицыными прекрасно осведомлены были и поляки и придавали этому факту большое значение. Между прочим, упорство в обороне Смоленска они приписывали злобе и упрямству М. Б. Шеина, который будто бы действовал по наущению Василия Голицына.[2] О связи М. Б. Шеина с Голицыными говорит и дневник похода Сигизмунда III на Московское государство[3] и протокол допроса М. Б. Шеина во время пытки, которой он подвергся после взятия Смоленска поляками.[4]

Главная причина упорства в обороне Смоленска заключалась, конечно, не в М. Б. Шеине, а в посадских и крестьянских массах Смоленска, но зато личная политическая позиция М. Б. Шеина обусловливала прочную связь его с посадско-крестьянским блоком Смоленска. Готовность смоленских дворян перекинуться на сторону тушинцев зимой 1608—09 года, их отказ итти на выручку Москвы и их изменническая тактика во время набегов Гонсевского — несомненно ясно показывали Шеину, что смоленское дворянство является крайне опасной силой в Смоленске. Эту опасность следовало тем или иным путем обезвредить. Крупным шагом в этом направлении, как было сказано выше, была посылка большого отряда смоленских дворян на помощь Скопину-Шуйскому в конце мая 1609 года, т. е. уже в то время, когда ясно обозначилась угроза нападения поляков на Смоленск. Нам точно не известен состав этого отряда, но все косвенные данные говорят за то, что он был не меньше отряда, сформированного в октябре 1608 года. Следовательно, можно думать, что в самом Смоленске ко времени осады оставалось около 250 смоленских дворян.[5]

М. Б. Шеин через своих разведчиков в Польше располагал довольно точными сведениями о подго-

[1] „Акты исторические", т. II. № 268.
[2] Сборник И. Р. И. О., том 142, стр. 396.
[3] „Русская историческая биб-ка", т. I, стр. 706.
[4] *С. Соловьев.* „История России", т. VIII стр. 425. Изд. 2.
[5] По наиболее полному списку дворян, сидевших в осаде, числилось 214 человек. (См. „Памятники обороны Смоленска", № 261).

товке нападения на Смоленск и поэтому стал готовить город к осаде еще в июле 1609 года. Об этом говорит уже упоминавшееся нами распоряжение Шеина крестьянам о том, чтобы они ехали в Смоленск в осаду, а также отзыв 25 июля назад в Смоленск стрелецкой сотни, находившейся в Порецкой волости. Таким образом, в июле и августе 1609 года Смоленск стал готовиться к отражению польской армии. Начинался третий этап польской интервенции в России, в котором уже совершенно открыто на сцену выступило польское правительство с целью захвата России, а в решительную борьбу с ним вступили прежде всего смоленские крестьянские и посадские массы. Борьба за Смоленск становилась главным фокусом борьбы против польской интервенции, борьбы народных масс за родину, за ее политическую независимость.

ГЛАВА VIII

ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОЙ АРМИИ И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СМОЛЕНСКЕ

Третий этап польской интервенции охватывает период с июля — августа 1609 года, т. е. с начала движения армии польского короля Сигизмунда III на Московское государство, и до конца октября 1612 года, — до момента изгнания поляков из Москвы.

Главными силами, боровшимися на этом этапе, были, с одной стороны, польские и казачьи армии из обоих центров интервенции (правительственный центр и тушинское „рыцарство"), а с другой стороны — войска московского правительства и широкие массы русских посадских и крестьян, восставших на защиту своей родины. Но борьба этих двух главных сил осложнялась внутренними противоречиями в каждом лагере. В лагере интервентов давали себя чувствовать противоречия между правящей княжеско-панской верхушкой и оппозицией из рокошан, которых было много среди тушинского „рыцарства". Эти противоречия несколько мешали консолидации сил интервентов. В русском лагере основным противоречием продолжало оставаться противоречие между землевладельцами и крестьянами. Дворянство готово было итти на сговор с врагами родины, лишь бы только сохранить, а где возможно, то и приумножить свои поместья и, самое главное, подавить сопротивление крестьян и холопов. От ослабевавшего правительства В. Шуйского дворяне переходили сначала на сторону тушинского „рыцарства", а потом и польского короля Сигизмунда III и королевича Владислава. Дворяне при этом руководились одним соображением: „Лучше слу-

жить королевичу, — говорили они, — чем быть побитыми от своих холопей и в вечной работе у них мучиться".[1] Изменническая позиция дворянства сильно осложняла борьбу с интервентами.

Княжеско-боярская верхушка разделилась на четыре группы: группу приверженцев В. Шуйского, группу сторонников Ф. Романова, группу сторонников князей Голицыных и группу, перешедшую прямо на службу к польскому королю. Все эти группы боролись за власть в стране и искали себе союзников как среди дворянства, так и среди интервентов и даже в посадско-крестьянских массах.

Были известного рода противоречия и внутри посадско-крестьянского блока. В „Крестьянской войне в Германии" Энгельс писал, что крестьяне „служили предметом эксплоатации для всех..."; „все официальные сословия государства жили, ведь, на счет крестьян". Противоречия между верхним слоем посадских и народными массами были одной из причин поражения смоленского посадско-крестьянского блока и падения Смоленска.

В начале 1611 года чрезвычайно сложный переплет борьбы осложнился еще тем, что дворянство, обманутое польским правительством и разочаровавшееся в своем союзнике, подняло против него борьбу, стараясь опереться на народные массы. Но из этой попытки ничего не вышло, так как первое дворянско-казачье-крестьянское подмосковное ополчение распалось из-за непримиримости противоречий между дворянством и крестьянством. Дворянству после этого пришлось примкнуть к посадско-крестьянскому блоку замосковных городов во главе с Нижним, и только такое сочетание сил оказалось в состоянии опрокинуть польских интервентов.

В течение почти двух лет (до июня 1611 года) Смоленск являлся центром борьбы против главных сил польской интервенции. Поэтому на изучении этого этапа мы и сосредоточим свое главное внимание.

---

[1] *С. Соловьев.* „История России", т. VIII, изд. 2, стр. 341.

Подготовительный период к третьему этапу польской интервенции начался набегами Гонсевского на Смоленскую землю, т. е. еще с октября 1608 года. Организация нового похода на Московское государство с целью подчинения его Польше и с целью отторжения от него Смоленской и Северской земли горячо поддерживалась группой польских панов во главе с Сапегами и Гонсевскими, лично заинтересованными в захвате Смоленской земли. Интересы этих панов совпадали с интересами польского правительства, а поэтому организация похода шла довольно быстро.

Для чего же польскому правительству понадобилось организовать второй поход и вступить в открытую войну с Россией, если под Москвой в Тушинском лагере уже находилось около 40 000 польского войска под знаменами второго лже-Димитрия и польских кондотьеров? Чтобы разобраться в этом вопросе, надо сначала ознакомиться с составом и тактикой тушинского центра польской интервенции. По своему составу тушинское „рыцарство" было далеко не однородным. Проф. А. Савич пишет: „польско-литовские тушинцы состояли, по крайней мере, из трех групп. Это прежде всего военные авантюристы, вроде Ружинского, Вишневецкого и т. п., жаждавшие добычи, наград и почестей. Позднее сюда прибыли бывшие рокошане, оппозиционные королю Млоцкий, Зборовский и Выламовский. Наконец, здесь были и верноподданные Сигизмунда, например Ян Сапега, проводившие свою политику, совпадавшую и с политикой и с интересами Речи Посполитой".[1] Однако следует заметить, что даже действия верноподданного Яна Сапеги не всегда соответствовали планам короля и не всегда клонились к королевской выгоде. Своей тактикой Сапега больше напоминал кондотьера, служившего только во имя личной выгоды, чем командира королевских войск. Если тушинская политическая среда способна была даже самого Яна Сапегу сделать независимым от короля, то что же говорить об остальных тушинских панах, большинство которых принадлежало к оппозиционным кругам и которые, по словам Льва Сапеги, собирались после возведения на

---

[1] *А. Савич.* „Польская интервенция начала XVII века", журн. „Историк-марксист", кн. I за 1938 г., стр. 94.

московский престол второго лже-Димитрия месяца через два—три короновать его в Кракове. Вообще в образовании тушинского центра польской интервенции сказались все типические особенности внутриполитического положения Польско-Литовского государства: крупная политическая роль шляхты, противоречия в ее среде, устройство и характер войска. Удачная война приносила польской шляхте быстрое обогащение. Особенно привлекательна была для нее экспедиция в Россию. Она сулила „рыцарству" деньги, земли, крепостных крестьян и положение правящей верхушки, т. е. как раз то, чего нехватало многим шляхтичам у себя на родине. Поэтому, когда польское правительство подготовило второго самозванца и выпустило его на историческую сцену, то ему не пришлось особенно беспокоиться насчет необходимых для него боевых сил. Они быстро нашлись из среды тех панов и шляхтичей, которым тесно жилось на своей родине. Естественно, что к самозванцу особенно охотно пошли рокошане. Однако это обстоятельство как раз и создало для польского правительства причины для новых беспокойств.

Если бы тушинское „рыцарство" завладело Москвой и посадило на престол второго самозванца, то все материальные богатства покоренной России оказались бы в руках „рыцарства" и оно само превратилось бы в правящий слой, т. е. под боком у польско-литовской знати выросла бы новая, не менее могущественная, знать из вчерашних польских оппозиционеров, с которыми польскому правительству теперь пришлось бы серьезно считаться. Но воспоминание о недавнем рокоше было еще очень свежо в памяти правительства и короля, и им, конечно, не хотелось переживать его еще раз в увеличенном масштабе. Это и побудило польское правительство вырвать инициативу интервенции из рук неблагонадежного „рыцарства" и поставить его в те же рамки, в каких оно находилось у себя на родине. Другими словами, организация королевского похода на Московское государство, с одной стороны, вызывалась необходимостью нанести решительный удар Москве в момент ее наибольшей слабости, а с другой — была следствием внутренней борьбы между польско-литовской знатью и „рыцарством".

В соответствии с этим организаторы королевского

похода поставили перед собой следующие цели: 1) объединить Польско-Литовское и Московское государства под властью короля Сигизмунда, что дало бы возможность правящей верхушке Польско-Литовского государства распространить свою власть и на Московское государство и оттеснить на задний план тушинское „рыцарство“, 2) перетянуть на свою сторону русское дворянство, так как без такой социальной опоры внутри Московского государства интервенция не имела бы шансов на быструю и прочную победу, 3) подчинить тушинское „рыцарство“ командованию королевской ставки и сравнять его по положению с рядовой шляхтой королевской армии.

Скоро нашелся и формальный предлог для открытой войны против России, это — заключение Шуйским в конце февраля 1609 года оборонительно-наступательного союза со Швецией. Но здесь важно отметить, что русско-шведский договор состоялся уже после того, как в Польше созрело решение итти вторым походом на Москву.

Выяснение характера противоречий между тушинским „рыцарством“ и польским правительством имеет большое значение для понимания многих событий, совершавшихся под Москвой и под Смоленском на третьем этапе польской интервенции; а так как эти противоречия в известной мере подрывали силы польских интервентов, то историческая роль их становится еще более значительной. Довольно полные сведения о них имеются в целом ряде дошедших до нас документов.

Большой интерес в этом отношении представляет декларация тушинского посольства, оглашенная им на сейме в январе 1609 года. Несомненно, что еще до сейма „рыцарству“ стали известны замыслы короля и некоторых сенаторов о втором походе на Москву, и поэтому посольству было поручено высказать мнение „рыцарства“ по поводу этих замыслов. Декларация имела целью доказать нецелесообразность второго похода, и с дипломатической точки зрения она была составлена довольно искусно. Она начиналась с изъявления преданности „рыцарства“ польскому королю, т. е. прежде всего она старалась отвести обвинение в политической неблагонадежности и в оппозиционности. В декларации заявлялось: „Рыцарство вашего величества... униженно просит вас ничего дурного не подозревать в нас и смотреть на нас,

как на ваших верных подданных и честных сынов государств ваших...".[1] Следовательно, установлению нормальных отношений между правительством и тушинскими „рыцарями" мешали какие-то сепаратистские стремления тушинцев, вызывавшие основательное недоверие и подозрения со стороны правительства. Но кроме словесного заявления „рыцарство" не давало никаких реальных гарантий своей верности, а старалось лишь показать те выгоды, которые получало само правительство в случае успеха тушинского предприятия. Крайне важно, что первой выгодой „рыцарство" считало избавление правительства от опасностей внутреннего мятежа. Декларация заявляла: „Государства вашего величества, теперь уже умиротворенные, тогда пылали пламенем внутреннего разногласия и без большого вреда не могли бы вынести присутствия столь великого сборища из рыцарства...".[2]

Это заявление раскрывает еще одну причину, толкнувшую Польшу на интервенцию в России. Польша не только стремилась сделать Россию послушным орудием в своей внешней политике, не только старалась округлить свои владения за счет Смоленской и Северской земель, не только мечтала о новых поместьях с толпами рабов для своих панов, но и старалась войной с Россией отвлечь опасность внутреннего взрыва, вывести мятежную часть шляхты из польских пределов и истощить ее в борьбе с внешним противником. Таким образом, организуя интервенцию в России, Польша в ряду прочих задач думала ослабить одно из своих внутренних противоречий. Что дело обстояло именно так, говорят и другие источники. Так, например, один из активнейших организаторов похода на Москву — Лев Сапега развивал перед королем такую мысль: „Большая часть шляхты могла бы испоместиться в Москве, вследствие чего Речь Посполитая могла бы быть безопаснее от бунтов, ибо причина восстания — бедность граждан".[3]

Однако план размещения в Московском государстве безземельной и малоземельной шляхты (которой, оказывается, было много не только в Московском, но и в Польско-Литовском государстве), был не так прост. Он,

[1] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 145.
[2] Там же, стр. 146.
[3] *С. Соловьев.* „История России", т. VIII, изд. 2, стр. 360.

помимо всего прочего, требовал одного важного политического условия, это — чтобы шляхта продолжала оставаться в полном подчинении польскому правительству и не делала бы попыток сама превратиться в правящий слой. Это понимал, например, даже некий Отоевский, автор интересного письма, приведенного еще Соловьевым. „Я вам объявляю, — писал 12 декабря 1608 года Отоевский, — что на будущем сейме постановят такое решение: видя легкоумие и непостоянство московских людей, которым ни в чем верить нельзя, надобно разорить шляхту (русских бояр и дворян. — *В. М.*) и купцов и развести в Подолию или в другие дальние места, а на их место посадить из наших земель добрых людей, на которых бы можно было в нужное время положиться". [1]

И вот, спрашивается, могло ли польское правительство полностью положиться на тушинское „рыцарство"? Все факты говорили о том, что правительство не доверяло „рыцарству". Вот это-то и показывает нам, почему вопрос о доверии получил тогда такое большое политическое значение, что декларация тушинцев прямо и начинала с него.

Продолжая перечисление крупных выгод для правительства, тушинцы на втором месте поставили такой факт: „Без всяких издержек со стороны вашего величества и Речи Посполитой, — говорилось в декларации, — мы при божьей помощи собственными нашими средствами... того гордого врага, который всегда был пугалом для нашего отечества, мы, почти севши на хребты, принудили к тому, что они теперь, устрашенные нами, бьют вашему величеству челом". [2]

В этом заявлении было очень много шляхетского бахвальства; оно еще могло иметь некоторый смысл по отношению к русскому дворянству, но зато было совершенно лживо по отношению к народным массам России. Народ вовсе не был устрашен польскими бандитами и совсем не собирался бить им челом, а наоборот, готовил силы для решительной борьбы с ними.

Тушинское „рыцарство" отстаивало своего претендента на московский престол против кандидатуры поль-

---

[1] Там же, стр. 289.

[2] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 147—148.

ского короля и стремилось убедить сейм в полной прочности и надежности будущего государственного союза. „А тот,—заявляло „рыцарство“,—которого они (русские дворяне. — *В. М.*) теперь носят на руках, которого мы выдвигаем на престол московский нашею кровью и издержками, через посла своего обещает со своей стороны вашему величеству и всей Речи Посполитой — нашей матери — вечную приязнь и верную, твердую любовь“.[1] Таким образом, на сейме „рыцарство“ противопоставило свой план государственного союза между Россией и Польшей плану династической унии по образцу польско-литовской, подготовлявшейся королем и целым рядом крупных магнатов. Сейм склонился в пользу плана династической унии, сулившего больше выгод, хотя и более трудного для выполнения. Тушинское посольство со своей декларацией встретило очень холодный прием на сейме. Польский современник сообщает, что „войско („рыцарство“) не получило надлежащего ответа“[2] и что ему вместо ответа было дано частное письмо короля с обещанием прислать послов. Этим самым польское правительство показало, что оно не признает за „рыцарством“ права на политическое равенство с собою и предлагает ему занять место подчиненной силы. А посол лже-Димитрия встретил такое пренебрежение к себе, что уехал, не будучи даже выслушан.

Для более полной характеристики взаимоотношений тушинского „рыцарства“ и королевского правительства следует привести еще рассказ польского современника о том, как подействовала на тушинское войско весть, что армия Сигизмунда (в сентябре 1609 г.) выступила против Московского государства. В это время один из тушинских отрядов осаждал Калязин, в котором заперлись шведы и немцы из войск Скопина-Шуйского. „Через несколько дней,—повествует современник,—они бы (тушинцы — *В. М.*) добыли их. Немцы уже от одного голода должны были бы погибнуть... Но из нашего лагеря от гетмана пришло известие, что его величество король приближается к московским границам, поэтому наше рыцарство не желало дальше добывать Скопина с нем-

---

[1] Там же, стр. 148.
[2] Там же, т. I, стр. 150.

цами и пришло в лагерь. Оно стало опасаться, чтобы его труд, которому оно отдавалось в течение нескольких лет, не обратился со вступлением короля в ничто. С того времени войско перестало работать и слушаться".[1]

Все приведенные нами факты достаточно убедительно показывают, что осложнение внутренних противоречий заставляло польское правительство очень торопиться с организацией нового похода на Москву и что борьба в среде самой польско-литовской шляхты раскалывала и этим самым ослабляла силы интервентов.

О подготовлявшемся новом походе на Московское государство и о взаимоотношениях между польским правительством и тушинским „рыцарством" смоленский воевода своевременно осведомлялся через своих разведчиков в Польше. Так, например, еще в январе 1609 года один разведчик сообщал: „...Ино кажут, што скоро после сойму (што топерь ужо зачалсе тому три недели), то мают именно итти с королевичем на царство Московское; а ужо людей ратных при королевичю собралосе осмнадцать тысячей конного копейника, а иные желнери уже у Борисове, семнадцать сот, што я их и сам иных видел...". „Ино сказали мне именно, што под весну мают итти под Смоленск и на Москву с королевичем".[2]

Но подготовительные операции Гонсевского в Смоленской земле заняли, как мы видели, всю весну и лето 1609 года, и поэтому поход начался только осенью. Довольно точно сообщали разведчики и о дипломатических переговорах тушинцев с польским правительством. Так, например, было сообщено, что „послы от жолнырей (имеются в виду послы от тушинского „рыцарства" — *В. М.*) короля и панов рад просили, штобы королевича на царство Московское не слали, и сказываючи им так: иж мы деи при Димитрее царику поприсегнули при нем головы покласть, хотя и против своей братьи...".[3]

Известно, что по поводу признания лже-Димитрия II польским правительством усердно хлопотал Юрий Мнишек. Разведчики смоленского воеводы сумели осветить и этот вопрос. Один из них писал: „Воевода Сан-

---

1 Там же, стр. 159—160.
2 „Акты исторические", т. II, № 146 (IV).
3 Там же, № 174. (I).

дамирской на сейме королю от царя от Дмитрея присягнул в том, што мает вернуть и болши отдать Смоленск и землю Северскую".[1] А несколько позднее сообщалось: „Сендомирской просил у короля людей и король ему людей не дал...".[2] Как известно из других источников, старания Юрия Мнишка действительно остались такими же безрезультатными, как и старания тушинского посольства.

Вообще следует отметить, что осведомительный аппарат М. Б. Шеина за польским рубежом работал довольно неплохо, и польский король никак не мог рассчитывать на внезапность своего нападения на Смоленск. Как показывают документы, М. Б. Шеин уже за месяц до появления польских войск принял все необходимые меры предосторожности.

Сбор польских войск к походу начался после январского сейма 1609 года. Дневник похода польского короля на Московское государство открывает первую запись 5 сентября (нов. стиля). В этот день штаб королевской армии находился в Орше. По приложенному к дневнику списку частей и отрядов армии она насчитывала всего около 12 500 человек (из которых было приблизительно 7800 человек конницы и 4700 — пехоты). К сожалению, список не дает возможности с абсолютной точностью установить состав польских войск по родам оружия, а между тем эти данные очень важны для того, чтобы судить о плане кампании Сигизмунда. Пехота состояла из 3540 польско-литовских пехотинцев и из 1130 человек наемных немцев под начальством пана Вайера. Кавалерия была очень разнообразна по составу. В ней было 1659 казаков, 3000 разного рода кавалеристов (пятигорцев, конных рейтар, татар, волонтеров и т. д.) и 2050 человек польских гусар (тяжелая конница). К кавалерии относились также и 7 квартных рот общей численностью в 1050 человек. В армии находилось крайне незначительное количество артиллерии. По показаниям пленного немца, захваченного смолянами 23 сентября (стар. стиля) 1609 года, у поляков было всего тридцать пушек и из их числа только четыре

---

[1] Там же, т. II, № 174 (II).
[2] Там же, № 201.

осадных орудия.[1] С такой артиллерией нечего было и думать об овладении сильнейшей смоленской крепостью, располагавшей 170 пушками.[2]

Состав польских войск по родам оружия говорит нам, что Сигизмунд выступил в поход с армией, состоявшей на 62 проц. из кавалерии (род войск, вовсе не приспособленный для осады крепостей) и имевшей небольшое количество легкой артиллерии, пригодной только для маневренной полевой войны или для осады очень слабых крепостей. Это обстоятельство дает нам возможность довольно основательно утверждать, что осада Смоленска не входила в план кампании Сигизмунда и что в расчет была положена добровольная сдача Смоленска. Убеждают нас в этом и первые действия польского командования под Смоленском, когда выяснилось, что расчеты на добровольную сдачу провалились. В своих „Записках" гетман Жолкевский сообщает, что когда необходимость осады стала очевидной, то гетман созвал у себя военный совет, на котором „спрашивали мнения всякого, кто только мог понимать что-нибудь, каким образом брать крепости".[3] Следовательно, никакого заранее разработанного плана осады Смоленска у поляков не было и такой план приходилось составлять наспех, привлекая к этому делу всех, кто только мог сколько-нибудь понимать в нем.

Уже в самом начале осады поляки почувствовали острый недостаток в артиллерии и, по словам Маскевича, вынуждены были доставлять осадные орудия из Риги. Вся тяжесть осады Смоленска, естественно, выпала на долю немецкой пехоты, наиболее подготовленной к этому делу. Про нее Маскевич пишет: „впоследствии она большею частью погибла не столько от оружия неприятельского, сколько от трудов военных".[4]

Таким образом, все говорит о том, что в армии Сигизмунда недоставало таких родов оружия, которые были совершенно необходимы для осады крепостей; следовательно, при организации армии вовсе не преду-

---

[1] Там же, № 262.

[2] *С. Соловьев.* „История России", т. VIII, изд. 2, стр. 427.

[3] „Записки гетмана Жолкевского", стр. 31.

[4] „Сказания современников о Димитрии Самозванце", т. V, стр. 17—18.

сматривалась осада Смоленска. Поэтому единодушные показания современников о надежде поляков на добровольную сдачу Смоленска не были фантазией, а указывали на существование какой-то реальной базы для таких, на первый взгляд очень смелых, надежд. Не лишним будет также припомнить, что и сам польский король представлял себе московский поход в виде кратковременной и легкой военной прогулки. Маскевич пишет, что на январском сейме (1609 г.) „король по совету некоторых сенаторов предлагал воевать с Москвою, говоря: стоит только обнажить саблю, чтобы кончить войну".[1] С этой целью „король прибыл под Смоленск с войском блистательным и красивым...".[2] Внешняя парадность и эффектность как раз и требовалась планом кампании, представлявшейся польскому командованию скорее в виде внушительной военной демонстрации, но вовсе не в виде долгой, изнурительной и дорого стоящей войны. А все это приводит нас к одному очень важному выводу, что поляки все свои надежды могли строить только в расчете на поддержку и сочувствие смоленского дворянства, от которого они имели, повидимому, какие-то гарантии или во всяком случае твердые обещания.

Однако расчеты поляков оказались все же ошибочными, несмотря на всю их внешнюю убедительность и основательность. Поляки жестоко просчитались, во-первых, в политической силе своих союзников — смоленских и московских дворян, а во-вторых, они также просчитались и в силе сопротивления народных масс — посадских и крестьян. Поляки не могли заранее учесть политической позиции смоленских горожан, не могли взвесить силы патриотизма русского народа и его ненависти к чужеземным угнетателям. Строя свою тактику исключительно на привлечении к себе симпатий русского дворянства, поляки этим самым создали себе страшных врагов в лице посадских и крестьян, которые неоднократно совместно выступали против дворян в крестьянской войне 1604—1608 гг. В Смоленске поляки совершенно неожиданно для себя натолкнулись на упорное сопротивление народной посадско-крестьянской армии, и

---

[1] „Сказания современников о Димитрии Самозванце", т. V, стр. 15.
[2] Там же, стр. 16.

только под стенами Смоленска они поняли, какого нового врага они встретили на Русской земле. Поэтому стремление во что бы то ни стало разбить эту новую силу сделалось главной задачей Сигизмунда. Следствием этого и явилось его упорное сидение под Смоленском, вопреки якобы очевидной выгоде итти прямо на Москву, не обращая внимания на Смоленск. Сигизмунд сделал ошибку не в том, что задержался на два года под Смоленском и истощил там свою армию, а в том, что он не учел (но он и не мог учесть) освободительного движения народных масс, взявших в свои руки борьбу за Смоленск, а вместе с тем и борьбу за целостность и независимость своего государства.

Теперь познакомимся с тем, как Смоленск подготовился к встрече польских войск, как была организована армия обороны Смоленска и что представляло собою образовавшееся в Смоленске временное правительство.

Еще в первой половине июля 1609 года М. Б. Шеин получил от своих разведчиков сообщение, что „короля чают под Смоленск к спасову дни, а не будет к спасову дни, и король будет подлинно под Смоленск к оспожину дни".[1] В действительности же передовые части польской армии подошли к Смоленску 16 сентября (по старому стилю, а по новому — 26 сентября) 1609 года. Но уже за месяц до этого, а именно 18—20 августа, М. Б. Шеин приказал „Смоленского уезда с станов и с волостей и с дворянских и детей боярских поместей и с вотчин и с церковных земель[2] собрати даточных людей для осадного времени с сохи по 6 человек с пищальми и с топоры".[3]

Сохранился текст приказа М. Б. Шеина о сборе даточных людей. Он не только говорит о числе мобилизованных крестьян, но и является единственным документом, свидетельствующим о размерах пахотной земли, бывшей во владении помещиков и церквей всего Смо-

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 254.

[2] На долю церквей приходилось 5 сох пашни, что давало 30 даточных людей. (См. „Памятники обороны Смоленска", № 228).

[3] Следует обратить внимание, что приказ касался только помещичьих и церковных земель, а по дворцовым, монастырским и архиепископским землям были особые приказы.

ленского уезда. Операция сбора даточных людей заключалась в том, что в каждый стан и в каждую волость посылался сын боярский вместе с подьячим, которые на месте устанавливали порядок выделения помещиками и церквами вооруженных крестьян в соответствии с количеством находившейся у этих владельцев пашни. Представление о приказе дает, например, такой пункт его: „В Ивановской стан отпущен Кузьма Повадин да с ним подьячей Федор Сергеев; велено ему собрати с того стану даточных людей с семи сох с полчетью и с тридцати с дву четьи с осьминою пашни 43 человеки с пищальми и с топоры“.[1]

Всего с Ивановского стана требовалось собрать 43 человека. Но поместий в стане было значительно больше, поэтому практически один даточный крестьянин выставлялся не одним, а несколькими помещиками. Как эту операцию проделывал тот же сборщик Повадин, говорит следующий документ: „Спис с росписи лета 7117 года (1609 г.) августа в 22 день. По государеву цареву и великого князя Василия Ивановича всея Русии указу сборщик Нил Повадин взял даточнова пешева человека с пищалю да с топором Ивановского стану сотника стрелецкого с Посникова поместья Пятова сына Пикина с пятидесят четвертей. А по государеву указу довелося взять даточной пешей человек со ста с тридцати с трех чети, и в то число придал им тех же сошак того ж Ивановского стану розных боярских Ивана да Богдана да Елизаря Михайловых детей Воронкова двадцать чети Тимофея Афонасьева сына Кушелева двадцать восмь четвертей, Василя да Андакима Боскаковых тритцать три чети с третником и всего за ними в том даточнова вопче сто тридцать одна четь“.[2] Эта выписка из росписи показывает, во-первых, что в Ивановском стане один даточный человек брался со 133 четвертей, т. е. соха была равна 798 четвертям (1197 десятинам) пахотной земли, и во-вторых, что даточный человек хотя и был взят с поместья Постника Пикина (50 четвертей пашни), но, повидимому, и остальные три поместья (в 20, 28 и 33 четверти) в каком-то виде также

---

1 „Акты исторические“, т. II, № 254.
2 „Памятники обороны Смоленска“, № 41.

участвовали в выделении даточного человека и несли соответственную часть расходов. Для нас все эти детали имеют значительную ценность в том отношении, что они показывают, во-первых, что даточных людей выставляли помещики, а не крестьяне, а во-вторых, что помимо обязательного выставления одного вооруженного ратника на коне со 100 четвертей пашни по закону 1555 года, в исключительных случаях помещики обязаны были давать и второго пешего ратника со 133 четвертей пашни. Поэтому естественно предположить, что помещики не очень-то охотно выполняли дополнительную повинность. Действительно, некоторые помещики увиливали от выставления даточных людей. Так, например, один документ сообщает: „Да его ж Федорова збору Жидовинова, которые не дали даточных людей: Михаила Тимофеева сына Шестакова человек, Микиты Озеренского человек" и т. д.[1] Т. е. в сборный из крестьян отряд Федора Жидовинова не дали даточных людей: М. Т. Шестаков — одного человека, Н. Озеренский — одного человека и т. д. Всего в отряд Жидовинова помещики не дали 18 вооруженных крестьян, да в отряд Ивана Голенищева не дали тоже 18 человек. Таким образом, приказ М. Б. Шеина о сборе даточных людей смоленские помещики полностью не выполнили. Из дошедших до нас документов (вполне возможно, отрывочных и неполных) видно, что помещики выполнили задание всего только на 49,5 проц. Эти документы представляют собою списки даточных людей, находившихся в Смоленске в резервных отрядах под командованием Ив. Битяговского, Фед. Кокошкина и Ив. Жидовинова.[2] Список даточных людей по станам и волостям мы представляем в виде следующей таблицы (см. стр. 217):

Эта таблица показывает, что помещики Рудской волости и Ивановского стана правительственное задание выполнили полностью, помещики Свадицкой и Мушковской волостей, Ратчинского и Долгомосского станов были близки к выполнению задания, но не подлежит сомнению, как показывает уже цитированный нами документ № 49, что часть помещиков все же не выпол-

---

[1] Там же, № 49.
[2] Там же, №№ 257, 258 и 259.

Название стана или волости	Число присланных даточных	Проц. выполнения задания
1. Бережнянский стан	35	62,5
2. Свадицкая волость	14	93,3
3. Рудская "	13	100,0
4. Катынская, Каспльская и Порецкая волости	3	60,0
5. Мушковская волость	8	80,0
6. Ветлицкая "	20	41,7
7. Вопецкий стан	9	34,6
8. Буйгородский стан	29	56,9
9. Ратчинский "	34	94,4
10. Ивановский "	43	100,0
11. Дубровский "	4	10,8
12. Долгомосский "	14	73,7
13. Максимовский "	10	29,4
Всего	236	49,5

нила задания смоленского правительства. Однако мы не можем сказать с уверенностью, что помещики не дали народной армии Смоленска именно 241 вооруженного крестьянина. Дошедшие до нас списки даточных людей отрывочны, и можно думать, что цифра невыполнения была несколько ниже. Но так или иначе, а все же невыполнение некоторыми помещиками приказа М. Б. Шеина было фактом. Большой интерес представляет вопрос, какие же разряды помещиков не выставили даточных людей. Сохранился один, к сожалению тоже отрывочный, список, в котором перечислены 35 помещиков, не выставивших даточных людей.[1] Среди них при помощи десятни 1606 года мы можем определить общественное положение 28 помещиков. Распределяя их по окладам и по трем группам: крупных (от 500 четвертей и выше),

[1] Там же, № 49.

средних (от 300 до 450 четвертей) и мелких (ниже 300 четвертей) помещиков, получаем следующую очень интересную таблицу:

Размеры окладов в четвертях пашни	Число помещиков, не давших вооруженных крестьян	Процент по группам
500	5	14,3
450	3	54,2
400	4	
350	7	
300	5	
250	2	11,4
200	1	
150	1	
Не выяснено	7	20,1
Всего	35	100,0

Эта таблица дает ответ, какие слои помещиков не представили в народную армию Смоленска вооруженных крестьян. Получается довольно неожиданный ответ: оказывается, не представили даточных людей главным образом крупные и средние помещики. Если допустить, что мелкие помещики по своей бедности не могли вооружить и снарядить даточного крестьянина, то по отношению к средним и крупным помещикам такое допущение отпадает, а между тем доля этих помещиков равна 68,5 проц. Несомненно, здесь действовали какие-то иные причины.

Эти причины лежали в области взаимоотношений между крестьянами и помещиками. При обострении этих отношений крестьяне могли и не дать помещику своего ратника. Следовательно, факт непредставления помещиком даточного человека в таком случае говорил бы не об уклонении помещика от выполнения приказа, а о враждебном отношении к нему крепостных крестьян. Сле-

довательно, такой факт был бы только показателем обострения классовой борьбы в деревне, признаком начала крестьянского движения.

Как раз это и было причиной того, что многие смоленские помещики, и притом больше всего крупные и средние, не смогли выставить положенного количества даточных людей. Сохранились документальные свидетельства того, что перед осадой крестьяне этих помещиков отказывались им повиноваться. Именно так освещает положение письмо помещицы А. И. Нееловой, написанное ею своему сыну Д. Ф. Неелову, находившемуся в Москве. Письмо было послано из Смоленска четыре недели спустя после начала осады, т. е. в конце октября (по стар. стилю) 1609 года. Д. Ф. Неелов принадлежал к средним смоленским помещикам (дворовый, оклад 450 четвертей). В письме сообщалось: „А мы живем в Смоленску в городи, а рожь у тебя в поли посеели в пору, а еровое в поли дал бог добро. А крестьяне меня не слушают, хлеба ко мне в город не везут; и даточной на нас человек сошной написан к городу для осадного времени, и оне мне человека в город не пришлют (не присылают. — *В. М.*), и мне в городе всегда позор от детей боярских от розсыльщиков, и я живу хоронясь“ (т. е. скрываясь от рассыльщиков. — *В. М.*).[1] Следовательно, крестьяне Д. Ф. Неелова перестали подчиняться своему помещику и отказывались не только выставить даточного человека, но даже и везти хлеб помещику. Крестьяне понемногу начинали сами раскрепощаться, как это было в годы крестьянской войны.

Подобного же рода случай произошел и в поместьи брата вышеназванного помещика — у М. Ф. Неелова. Случай описан в письме жены М. Ф. Неелова. В письме говорится: „А хлеба, государь, нынешнего с обеих поместий ярового ничего не увезли — воры не дали, а и ржи, государь, посеяли девять четвертей в Худкове, а в Лоеве две четверти... А Тимоха наш человек из осады от меня сбежал, а прежа того бежал от меня, и пришед ко мне выкрал конь голубой да кобылицу, и мы его на двори у задних ворот изымали с лошедми; посадила

[1] „Дополнения к актам историческим“, изд. Археогр. ком., т. I, № 231.

было его в жит(ни)цу, и вскоре мы побежали в осад(у) и без меня люди и крестьяне его опростали (освободили. — *В. М.*), а он им верился (т. е. договорился с ними. — *В. М.*); и он бежал из осады, снес кое што платья обиходного".[1]

Под „ворами" в этом письме надо понимать не поляков (помещица выбралась из деревни еще до их прихода), а взбунтовавшихся крестьян, не давших помещице увезти с собою хлеб. Бегство холопа Тимохи тоже очень характерный факт. Сначала Тимоха хотел бежать в деревне на помещичьих лошадях, но был пойман помещицей и посажен в хлебный амбар. После отъезда помещицы холопы и крестьяне освободили его. Затем Тимоха опять очутился у помещицы в городе, и уже тут ему удалось кое-что захватить с собой.

М. Ф. Неелова в десятне нет, поэтому мы не знаем его оклада, но судя по тому, что он засевал озимого на своей запашке целых одиннадцать четвертей, он был, повидимому, не ниже, как средним помещиком.

Отказ крестьян повиноваться своим помещикам, прямое противодействие их помещикам при вывозе хлеба, бегство холопов — вот с какими фактами встретились смоленские помещики перед осадой. И не удивительно, что помещикам померещился в этом настоящий крестьянский бунт. Правильно понимая опасность, помещики, однако, сделали неправильный вывод, что крестьяне в польских панах увидели своих избавителей от крепостной неволи. В действительности же крестьяне, конечно, пользовались всяким случаем для того, чтобы избавиться от своего помещика; но польский пан для крестьянина был еще более опасным врагом, поэтому-то смоленские крестьяне и вступили в упорную борьбу с поляками.

Точка зрения перепуганных смоленских помещиков, очевидно, была довольно распространенной в Смоленске в первые дни его осады, и благодаря этому она и отразилась в одном историческом источнике, который до сих пор сбивал всех историков в оценке позиции смоленских крестьян по отношению к полякам. Этим документом является челобитная смоленских жителей,

[1] Там же, № 231.

написанная царю В. Шуйскому 9 октября 1609 года Челобитная, как можно думать, была обращением к царю городского совета, образованного из представителей всех слоев городского населения. В ней горожане сообщали, что 5 октября „литовский король со своими радными паны прислал к нам, сиротам твоим, листы, чтобы мы, твоя государева сирота, были под его королевскою рукою...".[1] Т. е. польский король предлагал смоленским посадским людям перейти на его сторону и сдать Смоленск польской армии. На это предложение горожане ответили, что они готовы скорее „все помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклонитьца".[2] Сообщая об этом в своей челобитной, горожане дальше пишут: „А из уезду, государь, волостные крестьяне в осаду в город не пошли и даточных людей не дали, а король их прельщает волностью. А ратных, государь, людей здесь у нас в Смоленску мало, а литовской король стоит под Смоленском со многими литовскими и с неметцкими людми, а промышляют над городом всяким злым умышленьем и подкопы".[3] Челобитная заканчивалась просьбою о присылке военной помощи. Цитированные нами слова челобитной о волостных крестьянах как раз и вводили до сих пор историков в заблуждение и служили источником для вольной и невольной клеветы на смоленское крестьянство. Попробуем, однако, разобраться в этих словах. Во-первых, если некоторым помещикам крестьяне и не дали даточных людей, то это вовсе не обозначало, что крестьяне перешли на сторону поляков, а обозначало только, что крестьяне перестали повиноваться этим помещикам. Таким образом, надо признать, что слова челобитной извращали действительность.

Во-вторых, в такой же степени неправильным было и утверждение, что крестьяне не пошли в осаду. Многочисленные документальные памятники обороны Смоленска показывают, что в осаду пришло большое количество крестьян из разных волостей и станов Смоленского уезда. Самим горожанам лучше всех было известно, сколько в Смоленске находилось беженцев-крестьян, и если в

1 „Акты исторические", т. II, № 267.
2 Там же.
3 Там же.

своей челобитной они решились написать явную неправду, то, повидимому, ими руководили какие-то особые соображения.

В-третьих, совершенно нелепым было утверждение челобитной, что крестьяне в осаду не пошли и даточных людей не дали только потому, что „король их прельщает волностью“. Сами посадские несомненно хорошо знали и о кровавом терроре Гонсевского по отношению к щучейским и порецким крестьянам, и о захвате в плен польскими панами смоленских крестьян,[1] и об отправке их в Литву и Польшу для работы в панских имениях, и о враждебном отношении крестьян к польским панам. Что ж в таком случае заставило смоленских горожан прибегнуть к вымыслу в своей челобитной? Мы можем здесь высказать только предположение, что в первые дни осады посадские люди, очевидно, находились под влиянием панических слухов, принесенных в осаду дворянами, да и сами посадские еще не были твердо уверены в прочности своего вооруженного блока с крестьянами, а во-вторых, — что самое главное, — горожане не могли рассчитывать на своих дворян и детей боярских и решили выставить самый убедительный довод для просьбы о помощи из Москвы. Имея в стенах крепости, с одной стороны, ненадежных дворян и детей боярских, а с другой — еще не проверенных в боях вооруженных даточных и крестьян, горожане на первых порах чувствовали себя не очень уверенно в предстоящей схватке с польской армией, а поэтому естественно, что в своей челобитной они расписали положение мрачными красками и даже использовали пущенные дворянством слухи о ненадежности смоленских крестьян.

Однако самым интересным в поклепе на крестьян является его политическая тенденция. Основательно припугнуть правительство Василия Шуйского можно было, конечно, только наиболее страшной для него опасностью, и надо признать, что в своей челобитной горожане ловко выдвинули страшный призрак крестьянской войны да еще в

---

[1] Так, например, в дневнике похода польского короля под 15 сентября (5 сент. ст. стиля) 1609 г. есть следующая запись: „Получено известие, что наши из отряда придворного литовского подскарбия вторглись в пределы Смоленские и вывели оттуда множество пленных“. (См. „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 434).

союзе с польскими интервентами. Он мог существовать только в воображении дворян, перепуганных фактами отказа крестьян повиноваться своим помещикам. Это, конечно, не исключало того, что, где это было возможно, польское правительство непрочь было прибегнуть к демагогии и к обману русского крестьянства. Есть указание в дневнике похода польского короля, что когда Сигизмунд узнал о том, что польские паны захватили в плен и вывели в Литву и Польшу множество смоленских крестьян, он остался весьма недоволен такой слишком прямолинейной и откровенной тактикой своих панов, сорвавших тонко задуманный план обмана крестьян. „Король очень негодовал на это, — пишется в дневнике, — потому что русские люди, особенно большая часть хлопства, согласились уже было сдаться".[1] Из этих слов дневника можно сделать вывод, что польское правительство не хотело сразу обнаруживать перед русскими крестьянами своих подлинных намерений и стремилось завладеть Смоленской землей с наименьшими для себя потерями, но алчность панов перепутала все карты в игре.

Вполне возможно, что где-нибудь среди смоленских крестьян действительно велась польскими агентами демагогическая агитация, и возможно, что она тоже послужила смоленским помещикам еще одним отправным пунктом для обвинения своих крестьян.

Так, по нашему мнению, должно быть объяснено происхождение знаменитого места в челобитной смоленских жителей, вводившего в заблуждение многих историков и служившего одним из источников для совершенно ошибочных представлений о тактике крестьян в годы польской интервенции. В дополнение к сказанному мы хотим обратить внимание еще на одно обстоятельство. Челобитная смоленского совета была отправлена в Москву одновременно с донесением М. Б. Шеина об осаде Смоленска[2] (челобитную и донесение везли одни и те же лица). Очевидно, тогда же и с теми же людьми было отправлено также донесение смоленского архиепископа царю[3] и патриарху Гермогену,[4] от-

---

[1] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 434.
[2] „Акты исторические" т. II, № 266.
[3] Там же, № 264.
[4] „Памятники обороны Смоленска", № 50.

писка смоленских старост стрелецкому голове Фед. Мих. Зубову и еще одно сообщение об осаде Смоленска, написанное, как видно, смоленскими купцами, оставшимися в осаде, смоленским же купцам, находившимся в Москве. Воевода в своем донесении ни слова не говорит о недостатке военных сил в Смоленске и не просит у Шуйского помощи; ничего не сообщает он также и о политической позиции смоленских крестьян, а между тем блок крестьянства и польских интервентов был бы таким крупным политическим событием, о котором М. Б. Шеин никогда бы не умолчал в донесении правительству. Точно также в отписке земских старост Ф. М. Зубову ничего не сказано относительно неявки крестьян, хотя именно здесь упоминание об этом было бы уместно и необходимо. Ничего не говорится о позиции крестьян ни в письмах смоленских купцов, ни в донесениях смоленского архиепископа. Первые просто сообщают, что „оборониться некем, ратных немного, а из города не дадут и выглянуть“,[1] а архиепископ просит патриарха: „Буди печальник, что б нам государь царь пожаловал помощи подал, как ему государю бог известит“.[2] Никак нельзя допустить, чтобы о таком крупном политическом событии, как изменническая позиция смоленских крестьян, умолчали пять донесений из шести (особенно донесения воеводы и архиепископа), написанные в одно время и по одному и тому же поводу. Поэтому не остается никаких сомнений в том, что ложное сообщение смоленских горожан было, с одной стороны, дипломатическим приемом, рассчитанным на запугивание московского правительства, с другой — оно явилось отражением панических страхов, циркулировавших в помещичьей среде, а с третьей — отражало неуверенность горожан перед лицом противоречий внутри самой армии защитников, именно противоречий между дворянством и посадскими.

Теперь перейдем к ознакомлению с организацией смоленской народной армии обороны. Сила сопротивления этой армии, ее стойкость и упорство зависели исключительно от ее классового состава и организацион-

---

[1] „Акты исторические“ т. II, № 265.

[2] „Памятники обороны Смоленска“, № 50.

ного устройства. Документальные источники дают нам довольно полные сведения как о классовом составе, так и об организации армии, и подтверждают, что единственно правильным названием ее будет название народной армии, так как по своему составу она была на четыре пятых посадско-крестьянской, а организация ее обеспечивала руководство и контроль со стороны посадского мира.

Начнем с выяснения состава и численности крестьянской части армии. По дошедшим до нас отрывочным документальным данным, в Смоленске было 236 даточных человек, вооруженных пищалями и боевыми топорами.[1] Эти даточные были выставлены только помещиками. На долю церквей, кроме того, приходилось еще 30 человек даточных.[2] Но кроме помещичьих и церковных земель, даточные люди были взяты также с архиепископских, монастырских и дворцовых земель. Число этих даточных равнялось 302.[3] По тому времени это была хорошо вооруженная пехота, поэтому даточные крестьяне вошли в состав резервных отрядов Ивана Битяговского, Григория (а не Федора, как ошибочно указано в списке) Кокошкина и Ивана Жидовинова.

Но кроме даточных людей в Смоленске было много крестьян-беженцев, которые также были введены в состав армии обороны и были распределены по различным участкам старой и новой крепостной стены. Сохранился отрывок „росписи сбежим крестьянам, которые стоят у городской стены от Крылошевского моста до Молоховских ворот".[4] Здесь крестьяне были распределены следующим образом: „от Крылошевского мосту по старой по деревенной стене по Житной двор и у каменной у городовой стены по Богословскую башню всего 197 человек"[5], затем у „городовой стены и против стены во дворех от Богословской башни по Молоховские ворота... всего 182 человека".[6] Т. е. на протяжении двух третей стены было расположено 379 крестьян. Надо полагать, что и

[1] Там же, №№ 257, 258 и 259.
[2] Там же, № 228.
[3] Там же.
[4] Там же, № 238.
[5] Там же.
[6] Там же.

на остальном участке стены было не менее 150 крестьян. Таким образом, у крепостной стены в помощь 380 посадским, несшим непрерывную караульную службу, на самой стене размещено было около 530—550 крестьян. Вполне возможно, что они предназначались для различных вспомогательных работ.

Затем крестьяне были размещены у смоленских пушкарей. Сохранилась роспись сбора этих крестьян, зарегистрировавшая 114 крестьян.[1] Несомненно, сбор производился для военных надобностей, но точное предназначение его неизвестно. Наконец, есть еще один документ, отметивший „боярских людей збежих крестьян 226 человек".[2] Эти крестьяне находились в осадных домах своих помещиков и, повидимому, тоже несли военную службу. Во всяком случае даже отрывочный список отметил среди них 170 человек „служивых".

Если мы подытожим одни только документальные данные о числе крестьян, входивших в состав армии обороны, то и тогда получаем 1381 человека, из которых хорошо вооруженных (пищалями и топорами) было 568 (даточные люди). В действительности же число крестьян в армии было значительно больше, и без большой погрешности его можно считать не менее 1500 человек.

Теперь познакомимся с посадской частью смоленской армии. Основным источником по этому вопросу является „Роспись смоленского гарнизона по башням",[3] составленная 28 августа 1609 года (т. е. спустя 8 дней после приказа о сборе даточных людей и за 19 дней до прихода поляков под Смоленск). В росписи указано, что „всего по городу, по воротам и по башням и по стене, 39 человек дворян и детей боярских да с ними посадцких торговых людей 48 человек, а с ними у наряду (при артиллерии. — *В. М.*) подъемных и стенных людей с ружьем посадцких всяких людей и Загороденские слободы слобожан и Смоленского яму охотников 1852 человека".[4] Т. е. всего посадских людей (ремесленников и торговых) на стене и на башнях было 1910 человек.

---

[1] Там же, № 239.
[2] Там же, № 243.
[3] Там же, № 232 и „Акты исторические", т. II, № 259.
[4] „Памятники обороны Смоленска", № 232.

Но кроме этой основной силы, в Смоленске было еще несколько посадских отрядов. Так, список горожан, оставшихся сверх „осадной росписи“,[1] указывает, что монастырских и архиепископских слобожан, мобилизованных в армию, было 290 человек. Затем в Смоленске находились посадские люди из Вязьмы—304 человека и посадские из Дорогобужа—281 человек.[2] Смоленский посадский мир во время осады представлял собою, таким образом, нечто вроде союза городов.

В итоге по документальным источникам получается, что посадская часть смоленской армии состояла из 2785 бойцов.

В состав смоленской армии входили также дворяне, дети боярские, стрельцы и пушкари. Это — служилая, или регулярная часть армии.

Дворянская (дворяне и дети боярские) часть армии состояла из смоленских, дорогобужских, вяземских, брянских, почепских и серпейских дворян. По отрывочным спискам,[3] в Смоленске находилось местных смоленских дворян 114 человек (вместе с неверстанными новиками и неслужилыми), а служилых из них всего 158 человек. Но в действительности же дворян служилых, повидимому, было около 200—250 человек. Такое предположение можно сделать на основании того, что численность отряда смоленских дворян, посланных с Як. Барятинским 21 мая 1609 года на помощь Скопину-Шуйскому,[4] была, очевидно, близка к численности отряда, посланного 30 октября 1608 года под Дорогобуж, т. е. 700—800 человек. Дорогобужских, вяземских, рославльских и почепских дворян в Смоленске было человек 200 и брянчан с серпьянами всего 100 человек.[5]

Всего, таким образом, в смоленской армии находилось около 500—550 дворян разных городов.

О смоленских стрельцах в документах имеются следующие сведения. В списке стрельцов, составленном в марте 1610 года, перечислены стрельцы трех сотен. Так

---

[1] Там же, № 233.
[2] Там же.
[3] Там же, № 261.
[4] „Акты исторические“, т. II, № 232.
[5] „Памятники обороны Смоленска“, № 241.

как список не полон, то можно думать, что в осажденном Смоленске остался целый стрелецкий приказ (400 стрельцов). Два смоленских стрелецких приказа (Федора Зубова и Василия Чихачева)[1] вошли в состав отряда Як. Барятинского, а еще один приказ (Ивана Оболешева)[2] находился в то время в Москве. В Смоленске от приказов Фед. Зубова и Вас. Чихачева осталось 97 стрельцов, но так как у этих стрельцов не было пищалей, то стрельцами их можно считать лишь по общественному положению.

Пушкарей в Смоленске было всего 37 человек.[3]

Теперь мы можем дать общую картину классового (или иначе — сословного) состава народной армии Смоленска в следующей таблице:

Часть армии по сословной принадлежности	Численность	Процент к итогу
1. Крестьяне	1 500 чел.	28,1
2. Посадские	2 785 „	52,2
3. Дворяне	550 „	10,3
4. Стрельцы и пушкари . . .	500 „	9,4
Всего	5 335 чел.	100,0

Посадско-крестьянская часть армии составляла 80,3 проц., а дворянско-приборная всего 19,7 проц. Вот этот состав и дает нам право называть смоленскую армию народной армией обороны.

Сведения о составе армии Смоленска, извлеченные нами из документальных источников, в общем подтверждаются и показаниями русских пленных, захваченных поляками в разное время осады. Так, например, еще 11 сентября 1609 года один пленный сообщил полякам, что „в Смоленске годных к бою только 200 бояр и 300 стрельцов“.[4] Этот пленный, очевидно, имел в виду только

[1] Там же, № 228.
[2] Там же, № 161.
[3] Там же, № 228.
[4] „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 433.

смоленских дворян и стрельцов, причем он несколько уменьшил их численность. 26 сентября 1609 года поляки в стычке захватили несколько смоленских стрельцов и последние сообщили, что в Смоленске „мало имеют людей, годных к бою, — имеют лишь 500 стрельцов; пушек имеют довольно, но некому стрелять“.[1] Эти пленные довольно точно показали численность одних стрельцов. Наконец, 29 июня 1610 года поляки захватили в плен какого-то смоленского дворянина, который будто бы командовал посадскими людьми и крестьянами. В польском источнике записано: „Этот боярин начальствует над посадскими людьми и над чернью, о которых он сообщил такие сведения: бояр 500, стрельцов 500, посадских людей из купечества 2000, черни только 1000“.[2] Из всех русских пленных этот дворянин мог располагать наиболее точными сведениями, поэтому его показания заслуживают большого внимания. Из них мы узнаем не только численность и состав смоленской армии после 9 месяцев обороны, но и можем исчислить процент потерь в рядах осажденных. Вся армия за 9 месяцев потеряла 1335 бойцов, т. е. 25 проц. состава. Наибольшая тяжесть борьбы обрушилась на плечи крестьянско-посадской части армии: она в общем итоге потеряла 1285 бойцов, т. е. 30 проц. своего состава, в то время как дворянско-стрелецкая часть потеряла всего 50 человек, т. е. 4,8 проц. своего состава. А к концу осады от крестьянской части армии почти ничего не осталось: крестьяне и холопы вымерли, повидимому, процентов на 90. Об этом красноречиво говорит челобитная смоленского дворянина Федора Ивановича Климова (городовой, оклад 250 четвертей), поданная им в 1611 году в Смоленске на имя верховной власти в виде протеста против требований смоленского командования. Ввиду большого интереса этого документа приведем его полностью: „Московского государства боярам и всей земли бьет челом холоп ваш Федко Иванов сын Климов. Как, государи, по греху нашему учинилбся осад Смоленска, и крестьяне мои в осаде всякую государеву службу служили, да все помирли и людишко помирли; а приписано помистейца отца моего к Василью

[1] Там же, стр. 441.
[2] Там же, стр. 614.

Чихочова и правят на мне людей в слухи, а мне дать некого, и наймовать нечем, людей и крестьян нет. Смилуйтеся, государи, велите указ свой государев учинить велите дать на милость, чтоб я, холоп ваш государев, без отца в нынешней осаде на правеже из деловца (из-за рабочего. — *В. М.*) в слухи не умер. Государи, смилуйтеся, пожалуйте".[1]

Из этого документа видно, что крестьяне в осаде ставились на самые тяжелые и опасные работы: они ходили „в слухи", т. е. они рыли под стеной подземные ходы для того, чтобы подслушивать неприятельские подкопы, и они же в этих „слухах" несли дежурства, подвергая себя постоянной опасности быть взорванными неприятельскими минами или быть заживо погребенными под землей.

Данные о потерях ясно показывают, что дворянско-стрелецкая часть армии находилась в более благоприятных условиях, чем посадско-крестьянская. Это вполне понятно, так как преобладание народных масс в составе армии не меняло еще существовавшего общественного строя; посадско-крестьянский оборонительный блок не совершил социальной революции и общественные места классов остались без изменения. Это произошло потому, что руководящая роль в блоке была в руках посадского мира, а верховное командование в руках боярина М. Б. Шеина.

Но несмотря на это, смоленская армия по своему характеру была подлинно народной. Это особенно ярко сказалось в ее организации. Огромный интерес в этом отношении представляет „осадная роспись", уже упоминавшаяся нами. „Осадная роспись" показывает, как была организована оборона крепостной стены — центрального звена всей системы обороны. Сохранившиеся варианты „росписи" свидетельствуют, что главной ее задачей было вручить оборону стены и командование ее гарнизоном посадскому миру. Так, по первому варианту на каждую крепостную башню и на прилегающее к ней прясло назначались три командира из посадских. „Роспись" начиналась так: „Ворота Фроловские, а быти на них и на прясле по Семенскую башню быти посадским людем Луке

[1] „Русск. историч. биб-ка", т. II, стр. 705.

Горбачеву, Григорью Горохову, Филипу Станковского".[1] Фроловские ворота представляли собою главные ворота крепости, обращенные к Днепру, поэтому командование ими вручалось посадскому старосте Луке Горбачеву, вторым командиром на башне назначался Григорий Горохов, а командиром прясла — Филипп Станковский. Так, можно думать, распределялись обязанности между тремя посадскими командирами. При такой организации командования вся стена полностью была бы в распоряжении посадского мира. Нет необходимости доказывать, что такой проект организации командования мог исходить только из земской избы (органа посадского сословного управления). Но посадские не смогли отстоять своих требований; второй вариант „росписи" предусматривал уже назначение на башню „головы" из дворян, помимо трех командиров из посадских, и, наконец, в окончательном, третьем варианте число посадских командиров было значительно сокращено. На Фроловских воротах, например, „головой" был назначен Никифор Ефимьев (выбор, оклад 500 четвертей), должности трех посадских на этих воротах были сохранены, но на других воротах, помимо дворянского „головы", было оставлено только по два посадских командира, а на башнях без ворот назначался один дворянин и один посадский. Существование трех вариантов „росписи", отразившее на себе борьбу дворян и посадских за командные места, говорит о том, что дворянство перед осадой было еще такой силой, с которой приходилось считаться посадскому миру и даже итти на некоторые уступки. В третьем варианте „росписи" уступка посадских выразилась в том, что вместо полновластного командования гарнизоном стены, посадский мир оставил за собой контроль над дворянскими „головами" и создал нечто вроде института посадских комиссаров при дворянских командирах. Причем на башнях, имевших более крупное значение, контроль был сильнее (три или два посадских комиссара), а на обыкновенных башнях ограничивались одним посадским комиссаром.

Следует признать, что даже и при третьем варианте „росписи" посадский мир вполне обеспечил себе кон-

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 231.

троль над дворянскими командирами, и это было несомненно крупной победой смоленских горожан, в значительной мере обезопасивших свой город от дворянской измены. А что изменники среди дворянских командиров башен действительно были, показывает случай с командиром Фроловской башни Никифором Ефимьевым, который в 1610 году был посажен в тюрьму. Документ, из которого мы узнаем об этом, не оставляет сомнений в том, что Н. Ефимьев был заключен в тюрьму по политическим мотивам.[1]

Назначение дворянских голов на башнях было вместе с тем и известным успехом дворян, но сам выбор голов несомненно находился в руках М. Б. Шеина, который в этой операции мог провести определенную политическую линию. При помощи десятни мы можем установить общественное положение 25 голов из смоленских дворян, затем имеются сведения о семи головах из дворян других городов, и только общественное положение шести голов остается неизвестным. Распределение голов из смоленских дворян по чинам и окладам дает следующую картину:

Чин помещика	Оклад	Число голов	В процентах
1. Выбор	550	1	Крупные дворяне 16
»	500	1	
2. Дворовые	500	2	
»	450	3	Средние дворяне 76
»	400	1	
3. Городовые	450	6	
»	400	3	
»	350	3	
»	300	3	
»	250	2	Мелкие дворяне 8
Всего	—	25	100

[1] Там же, № 193.

Кроме этого, в составе голов находились: три брянских дворянина, два дорогобужских дворянина, один вяземский дворянин и один дорогобужский приказный.

Анализ таблицы наталкивает нас на следующие выводы: 1) выбор командных голов был сделан не по чинам и окладам, а, очевидно, только по мотивам личной политической благонадежности дворян; 2) среди голов преобладали помещики, принадлежавшие к средним окладам и к чину городовых, т. е. это были люди из неродовитых и сравнительно небогатых кругов господствующего класса. Ориентация М. Б. Шеина на такой слой помещиков весьма характерна и говорит о том, что наиболее резкие разногласия у него были, очевидно, с верхним слоем смоленских дворян. Добавка в число голов брянчан, дорогобужан и вязьмичей свидетельствует о том, что оборона Смоленска рассматривалась не как исключительно смоленское дело, а как общее дело западных русских городов.

Представляет интерес и организация командования другими частями смоленской народной армии. Весь гарнизон крепостной стены делился на две части: одна часть его, по 10 человек на башню и прясло (всего 380 чел.), несла постоянный караул днем и ночью, а другая часть (1482 чел.) в это время находилась в резерве под общим командованием Григория Кокошкина (дворовый, оклад 500 четвертей) и Ивана Жидовинова (городовой, оклад 450 четвертей). Хотя оба эти командира и имели крупные оклады, но несомненно выбор их был сделан также по мотивам политическим. Ив. Жидовинов был в 1609 году начальником пограничной заставы и проявил себя верным сторонником московского и смоленского правительства, так же зарекомендовал себя и Григорий Кокошкин, будучи начальником отряда под Белой и под Дорогобужем в августе — сентябре 1608 года. Помимо резерва И. Жидовинова и Г. Кокошкина, существовал еще второй резервный отряд под командованием Ив. Битяговского (дворовый, оклад 500 четвертей). О политической деятельности И. Битяговского никаких сведений не сохранилось.

Следующим крайне важным моментом в организации смоленской народной армии является состав гарнизона крепостной стены и состав артиллеристов в башнях (пушкарей и затинщиков). О нем мы узнаем из „осадной

росписи“ и из росписи артиллерии и пушкарей. Гарнизон стены был сформирован исключительно из посадских ремесленников. Для примера возьмем из росписи сведения о гарнизоне одной из башен. „Башня четвероугольная, третья[1] от Молоховских ворот, что к Копытцким воротам; и по городу по стене по Копытцкие ворота ведати Истоме Соколову да посадцкому человеку Ивану Светиле Рыжку; к наряду на подъем по городу по стене Воскресенской сотни Онаньи Белянинова посадцких людей и их детей и племянников 47 человек, и из того числа 10 человек стояти на башне и на стене, а 37 человек быти в остроге з Григорьем Кокошкиным да с Иваном Жидовиновым“.[2] Следовательно, защитниками башни и прилегающего к ней участка стены (прясла), а также прислугой у орудий („к наряду на поворот и подъем“) были посадские Воскресенской сотни. Сохранился список всех посадских, бывших под командой сотника Анания Семеновича Белянинова. В качестве младших командиров у А. С. Белянинова состояли: один пятидесятник и четыре десятника.

Познакомимся более детально с составом беляниновского отряда, так как он типичен и для всех других посадских отрядов. В отряде находились посадские шестнадцати профессий: хлебников—2, иконников—1, плотников—2, сапожников—1, шапочников—1, оладейников—1, понамарей—1, пуговичников—1, портных—1, калачников—1, дворников—3, рукавичников—1, батраков у посадских—2, лучников—1, сусленников—1, масленников—1. Неизвестна профессия только 20 посадских из отряда Белянинова. Следовательно, рядовыми бойцами главного корпуса смоленской народной армии (мы бы сказали: гвардейского корпуса народной армии) были посадские ремесленники. Вооружение у бойцов беляниновского отряда было собственное и состояло из 24 самопалов, 15 бердышей и 4 рогатин. Большое количество огнестрельного оружия говорит, с одной стороны, о высоком уровне вооружения смоленской народной армии, а с другой — о довольно значительном уровне экономического благосостояния смоленских ремесленников, так как огнестрель-

[1] Это—башня Бублейка; она сохранилась до настоящего времени.
[2] „Памятники обороны Смоленска“, № 232.

Четырехугольная башня (ныне Бублейка), в которой во время осады находился отряд Анания Белянинова.

Копытецкая башня. Дальше видна башня Бублейка.

ное оружие в то время было очень дорогим. Судя по отряду А. С. Белянинова, народная армия на 56 проц. была вооружена огнестрельным оружием и лишь на 44 проц. холодным (бердыши, рогатины, копья). Это дает понять, какой мощной боевой силой была смоленская армия, защищенная лучшей по тому времени каменной крепостью и оборонявшая свой собственный город и семейства.

Но кроме ручного огнестрельного оружия, смоленская армия располагала довольно мощной крепостной артиллерией. В башне, в которой находился отряд А. С. Белянинова, было следующее количество артиллерии: „В подошвенном бою 2 пищали затинные (пушки сравнительно небольших калибров. — *В. М.*), а к ним затинщики Ивашко скорняк да Дружинка седельник. В среднем бою выше того пищаль сороковая... пушкарь к ней Жданко Остафьев сын Торачечник, да туто ж затинная пищаль, к ней затинщик Никонко портной мастер. В верхнем бою пищаль сороковая... пушкарь к ней Михалко сапожник“.[1] Из этих данных важно отметить, что из пяти пушкарей только один был военным профессионалом, а четверо были простыми ремесленниками (скорняк, седельник, портной и сапожник). Следовательно, и артиллерия, как и пехота, была по своему составу чисто народной. Осада показала, что посадские ремесленники оказались не только отличными бойцами, но и хорошими артиллеристами. Таким образом, недостаток профессионалов-артиллеристов для народной армии был скорее плюсом, а не минусом.

Изучение состава, организации и вооружения народной армии Смоленска, особенно ее посадско-крестьянской части, показывает, что ее основой были отряды трудящихся города и деревни, которым в одинаковой мере был ненавистен гнет польско-литовских панов; что посадские в организации командования поставили дворян под контроль своих представителей; что это была прекрасно вооруженная армия, делавшаяся в сочетании с мощной крепостью непреодолимой силой, которую не могла бы сломить сразу не только польская, но и любая западно-европейская армия того времени. Таким образом,

[1] Там же, № 229.

Смоленск оказался очень крепким орехом, о который и обломали себе зубы польские паны. Поэтому совершенно неправильно утверждение М. Н. Покровского, что Смоленск держался долго только благодаря тому, что „осада его велась очень вяло и неудачно“.[1] В действительности же осада Смоленска была крайне трудна, так как он стал буквально неприступным благодаря тому, что его оборону взяли в свои руки посадское правительство и посадско-крестьянские массы. Народная армия Смоленска так и не была побеждена поляками; она была процентов на 80 уничтожена болезнями и голодом, а затем сильно ослаблена внутриклассовой борьбой и особенно предательской тактикой дворянства.

Для того, чтобы нам дальше правильнее ориентироваться в обстановке обороны Смоленска, во внешней и внутренней политике временного смоленского правительства и во внутренней борьбе среди самих защитников Смоленска, — следует в кратких чертах ознакомиться с положением различных сословий Смоленского уезда, за исключением помещичьего сословия, с которым мы знакомы уже из десятни 1606 года.

В XVI и начале XVII века Смоленск принадлежал к числу наиболее значительных русских городов после Москвы. „В городе до польской осады 1609 года, — пишет В. О. Ключевский, — было около 8000 домов;[2] но разорение, какое потерпел он во время этой осады, было так велико, что еще при Мейерберге он представлял одни развалины“.[3]

Общая численность городского населения Смоленска была, очевидно, около 40 000—45 000 человек. Да во время осады общее число беженцев крестьян и дворянских семей с своими крепостными и холопами должно было быть не меньше 10 000 человек. Таким образом, общая численность населения Смоленска во время осады дости-

---

[1] *М. Покровский.* „Русская история“, т. II, стр. 58, изд. 6.

[2] В этом числе должно было быть около 1000 осадных дворов смоленских помещиков. Осадные дворы в мирное время обычно стояли пустые или же в них жили дворники.

[3] *В. Ключевский.* „Сказания иностранцев о Московском государстве“, стр. 245.

гала, повидимому, 50 000—55 000 человек. Вся эта людская махина сосредоточилась внутри каменной крепости, вследствие чего создалась огромная жилищная теснота, что при недостатке воды и топлива порождало самые благоприятные условия для развития эпидемий.

Численность посадского населения можно определить только приблизительно, исходя из численности дворов смоленского посада (всего 6000 дворов).[1] Можно думать, что все посадское население Смоленска составляло 30 000—35 000 человек, т. е. 75—80 проц. от общей численности городского населения. В состав посадского населения мы включили только ремесленников и купцов. Специально выделить купеческую верхушку нет возможности, так как документы сохранили только крайне отрывочные сведения о смоленских купцах. Предполагаемая нами численность посадского населения в Смоленске довольно вероятна. В этом убеждает нас сравнение Смоленска с Тулой конца XVI века (и Тула и Смоленск были пограничными городами).[2] В Туле того времени все посадское население составляло 70 проц. от числа всех жителей города. Из этих 70 проц. на долю торговцев приходилось 44 проц., а на долю ремесленников —26 проц. А так как Смоленск превосходил Тулу в смысле экономического развития, то общий процент его посадских, очевидно, был не ниже 75—80. К сожалению, в этом вопросе мы пока не можем выйти из области более или менее вероятных предположений.

Вообще же надо сказать, что для того времени Смоленск был очень крупным городом, с широко развитым ремесленным производством и большой торговлей. Ключевский пишет, что „Кобенцелю Смоленск показался величиной с Рим; здания в нем все деревянные, кроме соборного храма в крепости на горе“. По величине торговых оборотов Смоленск стоял на четвертом месте после Москвы. Смоленск платил 8000 руб. в год торговых пошлин, в то время как Нижний-Новгород платил всего 7000 руб.[3]

---

[1] Считая на каждый посадский двор по 5—6 человек (членов семьи).

[2] *Г. Белоцерковский.* „Тула и Тульский уезд в XVI и XVI, веках“. стр. 73.

[3] *В. Ключевский.* „Сказания иностранцев“, стр. 102.

Это обстоятельство делает понятным, почему посадский мир Смоленска оказался сильнее своего дворянства и определял направление внешней и внутренней политики М. Б. Шеина. Свою внешнюю торговлю Смоленск вел предметами земледелия, скотоводства, пчеловодства и охотничьих промыслов, а внутренняя торговля, помимо этого, производилась, очевидно, и товарами ремесленного производства. О характере и разнообразии ремесленного производства говорят профессии бойцов посадской армии. В списках посадских людей [1] только двух сотен — Воскресенской и Везовенской (всего 477 человек) имеются указания на профессию 167 посадских (35 проц.). Всего можно насчитать по этим спискам 40 профессий, из них 38 являются подлинно ремесленными специальностями, а две скорее говорят о классовом положении, не обязательно связанном с определенной профессией. Эти две профессии следующие: дворники дворянских осадных дворов (23 человека) и батраки — наемные рабочие у посадских (три человека). Чисто ремесленные специальности в порядке их распространенности можно расположить следующим образом:

1. Сапожники	16	чел.	20. Оладейники	2	чел.
2. Прасолы [2]	13	„	21. Седельники	2	„
3. Масленики	13	„	22. Рыболовы	2	„
4. Хлебники	12	„	23. Оловяничники	1	„
5. Кузнецы	11	„	24. Гребенщики	1	„
6. Портные	7	„	25. Ножевники	1	„
7. Плотники	7	„	26. Гречневичники	1	„
8. Калачники	6	„	27. Блинники	1	„
9. Шапочники	6	„	28. Обручечники	1	„
10. Пастухи	4	„	29. Подошевники	1	„
11. Солодовники	4	„	30. Скорняки	1	„
12. Извозчики	3	„	31. Кожевники	1	„
13. Иконники	3	„	32. Пирожники	1	„
14. Деревяничники	3	„	33. Мыльники	1	„
15. Рукавичники	3	„	34. Коновалы	1	„
16. Скоморохи	2	„	35. Мучники	1	„
17. Пуговичники	2	„	36. Золотари	1	„
18. Мясники	2	„	37. Кирпичники	1	„
19. Сусленики	2	„	38. Дегтяри	1	„

[1] „Памятники обороны Смоленска" № 234, 235.
[2] Прасолами в то время назывались засольщики рыбы.

Большое количество дворников объясняется большим числом находившихся в Смоленске дворянских осадных дворов. Дворниками становились выходцы из различных сословий, но в большинстве случаев — из посадского сословия. Дворничество было одним из видов найма. Г. М. Белоцерковский считает, что „поступая в дворники, посадский человек мог стать в зависимое положение от дворовладельца, но мог оставаться и совершенно свободным“.[1] Во всяком случае большинство дворников — это вчерашние посадские ремесленники.

Наличие батраков у посадских ремесленников говорит о появлении наемных рабочих если и не внутри ремесленного производства, то во всяком случае в сельском хозяйстве ремесленника.

Выше мы дали перечень ремесленных профессий в Смоленске 1609 года по степени их распространенности. Перечень говорит о большом разнообразии ремесленного производства. Но для того, чтобы сделать более наглядным строение этого производства, распределим ремесленников по следующим группам производства:

Виды ремесла	Число ремесленников	Процент
1. Изготовление предметов питания	60	35,9
2. Кожевенное производство и изделия из кожи	21	12,5
3. Изготовление одежды и принадлежн. к ней	18	10,8
4. Обработка железа и изделия из металлов	14	8,4
5. Обработка дерева	13	7,8
6. Остальные виды ремесла	11	6,6
7. Неквалифиц. наемные работники	30	18,0
Всего	167	100,0

Бросается в глаза большой удельный вес пищевого производства. (Такое же явление, между прочим, наблюдалось и в Туле в конце XVI века; там на долю этого

[1] *Г. Белоцерковский.* „Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв“, стр. 140

вида производства падало 33 проц.)[1] Невольно возникает вопрос: неужели город сбывал в деревню главным образом продукты питания? Этого, конечно, быть не могло. Главным потребителем предметов пищевого производства был сам город, вернее, его ремесленное население, которое в большинстве своем не имело в достаточных размерах собственного сельского хозяйства.

Оценивая развитие ремесла в Смоленске с точки зрения обмена между городом и деревней, можно сделать заключение, что деревня везла в город хлеб, мясо, кожи, сало, масло, шерсть, лен, воск, мед, лес и получала оттуда выделанную кожу и кожаные изделия, одежду всех видов, железо, металлические изделия и сельхозорудия (топоры, серпы, сошники, ножи и проч.), а также деревянные изделия (деревянную посуду, колеса, телеги, сани и проч.).

Разнообразие и большое развитие ремесла говорит об очень оживленной экономической связи между городом и деревней, между посадскими людьми и крестьянством. А это не могло не повлиять и на образование политического оборонительного блока крестьян и горожан в годы польского нашествия, тем более, что этот блок диктовался и временным совпадением классовых интересов крестьян и горожан.

Познакомимся теперь с положением крестьян Смоленского уезда в 1609 году. Пользуясь материалами о сборе даточных людей в 1609 году,[2] мы можем с большой точностью определить размеры различных видов земледелия в Смоленском уезде.[3] Документы о сборе даточных людей показывают нам лишь размеры пахотной земли, но это обстоятельство, с другой стороны, позволяет нам, хотя и очень приблизительно, определить численность крестьянского населения в Смоленском уезде в том же 1609 году.

Данные о землевладении и крестьянском населении Смоленского уезда 1609 года:

---

[1] *Г. Белоцерковский.* „Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв.", стр. 72.

[2] „Акты исторические", т. II, № 254 и „Памятники обороны Смоленска", № 228.

[3] Средний размер сохи как на помещичьих, так и на монастырских и прочих землях мы берем в 800 четвертей, или 1200 десятин пашни.

Вид землевладения	Общая площадь пашни		Численность крестьянских	
	в четвертях	в десятинах	дворов[1]	жителей в них[1]
1. Помещичьи земли	65 000	97 500	19 500	97 000
2. Архиепископские и монастырские земли	24 000	36 000	7 200	36 000
3. Дворцовые земли	15 360	23 040	4 600	23 000
4. Церковные земли	4 000	6 000	1 200	6 000
Всего . .	108 360	162 540	32 500	162 000

Процентное отношение между различными видами землевладения по этой таблице следующее: помещичьи земли — 60 проц., архиепископские и монастырские — 22 проц., дворцовые земли — 14 проц. и церковные земли — 4 проц. Следовательно, на шее смоленского крестьянства сидело три эксплоататора: помещики, духовенство и царь. Резко преобладало помещичье землевладение, и можно сказать, что главным хозяином деревни был помещик. Поэтому вполне понятно, что на него и делали ставку польские паны.

Затем, судя по числу крестьянских дворов, следует сказать, что Смоленский уезд до польского нашествия в 1609 году был довольно плотно заселенным. Предполагаемое нами число крестьянских дворов (32 500) несомненно самое минимальное, так как запашка на один двор в 5 десятин — это довольно значительная запашка. (В центральных уездах средняя запашка на один двор в конце XVI века составляла 3—4,5 десятины). О большой степени вероятия предположенного нами числа крестьянских дворов можно судить из сопоставления его с числом дворов, находившихся на той же территории Смоленского уезда в 1762—64 гг., т. е. через 150 лет с небольшим.

[1] Для определения численности дворов мы полагали на один двор в среднем 5 десятин пашни. Для определения численности крестьянского населения мы считали в среднем по 5 чел. вместе с детьми на один двор.

Один документальный источник[1] показывает, что в 1762—64 гг. в Смоленском уезде (границы которого тогда почти совпадали с границами 1609 года) числилось 24700 крестьянских дворов (без Рудского стана, в котором было 2—3000 дворов), т. е. после польского господства число крестьянских дворов в Смоленском уезде уменьшилось на 15—18 проц.

Такое уменьшение крестьянского населения вполне вероятно, и когда мы это признаем, то для нас становится совершенно ясным, что предположенная нами для 1609 года цифра крестьянских дворов не только не преувеличена, но скорее даже преуменьшена.

О материальном уровне жизни смоленских крестьян говорят их челобитные, написанные в 1609 году по поводу грабежей и насилий, чинившихся бандами Гонсевского. В челобитных перечисляется уничтоженное бандитами имущество и иногда приводится его общая стоимость. Пользуясь сведениями о рыночных ценах того времени (они почерпнуты нами из документальных источников, относящихся к Смоленскому уезду конца XVII и начала XVIII века),[2] мы имеем возможность убедиться в полной добросовестности оценки крестьянами своего имущества и также можем составить довольно точное представление об уровне благосостояния как помещичьих, так и дворцовых (государевых) крестьян.

В челобитной крестьян помещика Федора Веснина (городовой, оклад 350 четвертей) из Порецкой волости деревни Оретово пишется, что бандиты сожгли в деревне одиннадцать дворов и в них имущества на 230 рублей.[3] Для более наглядного представления об уровне жизни крестьян и о размерах постигшего их бедствия приведем стоимость имущества по существовавшей тог-

---

[1] Этим источником является хранящаяся в Смоленском историческом музее рукопись Ивана Брынкина, имеющая следующий заголовок (передаем его в некотором сокращении): „Ведомость, колико в Смоленском уезде... имееться приходских церквей и о протчем, сочиненной на 1762 год", а в этом „протчем" указано число приходских дворов по всем селам станов Смоленского уезда.

[2] Такими источниками являются приходо-расходные книги Болдинского Дорогобужского монастыря (См. „Русск. историч. биб-ка", т. 37). Для каждого предмета хозяйственного обихода нами взяты средние рыночные цены.

[3] „Памятники обороны Смоленска", № 8 (III).

да средней рыночной цене (за исключением хлеба и построек). В одиннадцати дворах дер. Оретовой было сожжено и разграблено:

А. Средств и орудий производства:

1)	12 лошадей общей ценою		16 руб.
2)	15 коров "		18 руб. 6 алтын
3)	37 топоров "		4 руб. 16 алтын
4)	30 сошников "		2 руб. 24 алтына
5)	43 косы "		3 руб. 30 алтын
6)	150 серпов "	(около)	4 руб. 18 алтын
7)	11 дворов и гумен "	(около)	19 руб.
8)	175 четвертей ярового хлеба общей ценою		21 руб.
			Всего 89 руб. 28 алтын

Б. Предметов потребления:

1)	43 сермяги общей ценою	15 руб. 21 алтын
2)	70 зипунов сермяжных "	25 руб. 15 алтын
3)	15 шуб женских "	11 руб. 12 алтын
4)	230 арш. сукна "	7 руб. 9 алтын
5)	12 портищ овчин. (т. е. 60 штук овчин) "	4 руб. 18 алтын
6)	225 рубах льняных "	13 руб. 21 алтын
7)	270 рубах посконных "	16 руб. 12 алтын
8)	225 арш. тонкого полотна "	4 руб.
9)	150 порток "	9 руб.
10)	73 поневы "	4 руб. 14 алтын
11)	175 четвертей озимого хлеба "	28 руб. 12 алтын
		Всего 140 руб. 02 алтына

Но сами крестьяне оценивали свои домашние вещи и одежду немного ниже их средней рыночной стоимости, очевидно, делая скидку на их поношенность. Это видно из того, что цена ржи получается несколько ниже рыночной (5,4 алтына вместо обычных в то время 6—8 алтын за четверть), а также стоимость 11 дворов и 11 гумен в действительности была, очевидно, несколько выше 19 рублей. Но это не имеет существенного значения. Вообще следует сказать, что челобитные оценивали крестьянское имущество с величайшей добросовестностью, и исследователь может вполне доверять этим документам.

Средняя стоимость имущества одного крестьянского двора у помещичьих крестьян Порецкой волости была равна 20 рублям. Жизненный уровень дворцовых (государственных) крестьян был значительно выше. Об этом свидетельствует челобитная дворцовых крестьян деревень Козыревой, Немытковой и Кондратовой той же Порецкой волости. В пятнадцати дворах этих трех деревень было сожжено и разграблено:

А. Средств и орудий производства:

1)	50 лошадей общей ценою		66 руб. 22 алтына
2)	40 коров дойных	"	48 руб. 16 алтын
3)	500 шт. мелкого скота	"	45 руб. 15 алтын
4)	70 колод пчел	"	28 руб.
5)	120 топоров	"	14 руб. 18 алтын
6)	100 сошников	"	9 руб. 3 алтына
7)	300 кос	"	27 руб. 19 алтын
8)	600 серпов	"	18 руб. 6 алтын
9)	515 четвертей ярового хлеба	"	78 руб.
10)	15 дворов и гумен	"	26 руб.
		Всего	362 руб.

Б. Предметов потребления:

1)	35 кафтанов и однорядок общ. ценою		35 руб.
2)	30 шуб женских	"	22 руб. 24 алтына
3)	80 сермяг	"	29 руб. 3 алтына
4)	130 зипунов сермяжных	"	47 руб. 9 алтын
5)	45 кафтанов бараньих	"	34 руб. 3 алтына
6)	225 рубах льняных	"	22 руб. 24 алтына
7)	400 рубах посконных	"	18 руб. 6 алтын
8)	230 порток льнян. и поск.	"	10 руб. 15 алтын
9)	500 арш. сукна	"	15 руб. 5 алтын
10)	60 сапог	"	5 руб. 15 алтын
11)	515 четвертей озимого хлеба	"	84 руб.
		Всего	299 руб. 5 алтын

Средняя стоимость имущества одного крестьянского двора у дворцовых крестьян равнялась 44 рублям, т. е. вдвое превышала среднюю стоимость имущества у помещичьих крестьян. У дворцовых крестьян, кроме того, и соотношение между средствами производства и предме-

тами потребления было более благоприятно, чем у помещичьих крестьян. Если принять за 100 проц. стоимость всего имущества как в том, так и в другом крестьянском дворе, то средства и орудия производства у дворцового крестьянина составляли 60 проц., а у помещичьего крестьянина всего только 39 проц.

Конечно, не все дворцовые крестьяне жили так зажиточно, как крестьяне Порецкой волости. В этой волости и в соседней Щучейской благодаря их отдаленности от уездного центра создались довольно благоприятные условия для крестьянского хозяйства. Например, начальник пограничной заставы Ив. Жидовинов в мае 1609 года в 10 верстах от дер. Бороды, Порецкой волости нашел в лесу роспашь, обрабатывавшуюся крестьянами. „А эта роспашь стала среди лесу, — сообщал в Смоленск Ив. Жидовинов, — а в государевом писменом окладе нет, пашют мужики безданно“... „А в роспаши стоит изба, да три овина, и анбары и житницы и хлеб молоченой и не молоченой“.[1] Лесная глушь давала возможность крестьянам скрывать от правительственного глаза довольно значительные площади пахотной земли и не платить с них податей.

Сопоставление материального уровня жизни дворцовых и помещичьих крестьян наглядно показывает, что помещики (и монастыри) вдвое сильнее эксплоатировали своих крестьян, чем государь; поэтому особенно не приходится удивляться, что крестьяне того времени по своим политическим взглядам были царистами, т. е. шли за хорошего царя против помещиков. Причиной этого была не только отсталость политического сознания крестьян, не только неспособность их разобраться в классовой природе царской власти, но и наглядные факты более благоприятных условий жизни на землях царя по сравнению с жизнью на помещичьих землях.

Естественно, что Смоленский уезд рисовался польско-литовским панам в виде земли обетованной, с богатыми перспективами для грабежа и эксплоатации крестьян. Поэтому нет ничего удивительного, что многие крупные паны, как например Сапеги, Гонсевские и др., были очень горячими сторонниками и даже вдохнови-

---

[1] „Акты исторические“, т. II, № 209 (V).

телями захвата Смоленской земли. Но польским агрессорам не удалось захватить Смоленскую землю в том виде, в каком она рисовалась их воображению. Расчеты на добровольную сдачу крестьян и посадских провалились. Двухлетняя жестокая и кровопролитная война превратила Смоленскую обетованную землю в пустыню (в ней „не осталось ни овцы, ни быка, ни коровы, ни теленка“), уничтожила 80 000 человек крестьянского и посадского населения (т. е. 40 проц. от всего числа деревенского и городского населения Смоленского уезда), превратила большой, цветущий город, величиной с Рим, в груду развалин. Смоленский народ пожертвовал собой и своим достоянием за спасение родины, и поляки, захватив Смоленскую землю, не получили того, чего они искали.

Мы видели, что архиепископское, монастырское и церковное землевладение по своим размерам занимало второе место в Смоленском уезде и составляло около половины (43 проц.) от всего помещичьего землевладения. Вследствие этого понятно, что смоленский архиепископ как глава духовенства и один из крупнейших землевладельцев имел большой политический вес в Смоленске. Для исторического исследования очень важно установить, куда склонялась его политическая линия в борьбе с поляками — к дворянству или к горожанам. Положение его было противоречиво: как феодальный землевладелец он, естественно, ближе стоял к дворянской позиции, хотя между ним и дворянством было некоторое расхождение интересов, присущее расхождению между крупным привилегированным и средним землевладением. Но, с другой стороны, как глава православного духовенства он, в случае установления господства поляков в Смоленском уезде, должен был бы уступить свое место или униатскому или католическому епископу, т. е. лишиться власти и владений. Несмотря на то, что поляки обещали сохранить в неприкосновенности церковную иерархию и землевладение, смоленский архиепископ был не настолько глуп, чтобы верить полякам на слово, без надлежащих гарантий. Это обстоятельство должно было склонять архиепископа на сторону горожан. Все факты говорят о том, что позиция архиепископа Сергия была полна колебаний; он всегда старался

действовать в пользу той стороны, которая была сильнее в данный момент, поэтому он то предлагал сдать город полякам, то предлагал защищать его. Но духовенство рангом пониже, вплоть до попов, примыкало к позициям дворянства и держалось польской ориентации. Об этом свидетельствуют очень яркие факты, имевшие место во время осады. В самом Смоленске архиепископ и монастыри имели обширные владения и имели под своим влиянием большое количество посадских, живших на этих землях. Так, в документах упоминаются следующие посадские слободы Смоленска: Архиепископская, Авраамиевского монастыря, Спасского монастыря, Архангельского монастыря, Петровского монастыря, Покровского монастыря и Троицкого монастыря.[1] Слободы были довольно значительны. Самой крупной из них была Архиепископская, из которой было мобилизовано в армию обороны 178 человек. Эти посадские, как и посадские из монастырских слобод, входили в особый резервный отряд Ив. Битяговского, находившийся в Крылошевском конце крепости. С перечисленных выше монастырских слобод в армию было мобилизовано 112 посадских, а вместе с Архиепископской слободой всего 290 вооруженных посадских. Это составляло 16 проц. того количества бойцов, которое выставил остальной посадский мир для обороны всей стены.

Во всяком случае источники довольно убедительно говорят, что архиепископ и духовенство имели очень крепкие позиции как в уезде, так и в самом городе, и это обстоятельство должно было сильно осложнять внутриполитическую борьбу в Смоленске, так как архиепископ содействовал то одной, то другой из борющихся сторон.

Знакомясь с положением различных сословий в Смоленском уезде и в самом городе Смоленске в 1609 году, нельзя не обратить внимание и на такие особенности социально-экономических отношений, которые рисуют нам этот город не только как чисто феодальный, но и с признаками зарождения новых, именно буржуазных общественных отношений. Прежде всего следует отметить многочисленные случаи найма людей с различными

---

[1] „Памятники обороны Смоленска“, № 233.

целями: нанимались профессионалы-ремесленники на работу, нанимались разные лица для отбывания воинской повинности за состоятельных посадских, нанимались батраки и т. д. Выдающимся случаем найма огромного по тому времени количества рабочих является наем каменщиков, кирпичников и прочих ремесленников на постройку крепостной стены. К сожалению, мы до сих пор еще не знаем подробностей этого чрезвычайно интересного дела. Наем батраков мы уже отмечали раньше. Нанимались на разные работы и крестьяне, находившиеся в осажденном Смоленске. Так, например, крестьянин Куземко Авдокимов показывал, что он сначала жил (по найму) у портного мастера, потом он нанимался сторожем в саду, а после того он нанимался землекопом в „слухи“[1] (подземные ходы за стеной). Часто встречались такие случаи, когда мобилизованные в армию посадские нанимали вместо себя других лиц для несения караула на стене. Вот, например, отрывки следственных дел: „... И тот посадцкой человек Олфимка Сусленик роспрашиван, а в роспросе сказал, что он того мужика сее ночи на город нанял и прежде деи сего тот Федька Иванов за нево на город хаживал...“

„...И боярин и воеводы Степана роспрашивали, давно ли Исаков сиделец на город наймитов наймует и хто ему наймовать поволил. И Степан сказал, что он в том виноват, велел наймывать он, Степан, по его Первушкину челобитью, а наймует де он с неделю. И Первушка сыскан, а в роспросе сказал, что он виноват, наймывал по вся дни. И Первушка бит батоги".[3]

С такими случаями найма смоленское правительство вело борьбу. Первушка был бит батогами в январе 1610 года, т. е. еще при начале осады, но потом правительство, как видно из документов, отступило перед силой нового обычая и перестало карать за такой наем. Так, например, в апреле 1610 года правительству стало известно, что один крестьянин „наймывался у Богдашки Дехтерева дневать две недели, а в иных наймывался во всю зиму... у дву и у трех, и за дву и за трех стаивал, да и ны-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска," № 167.
[2] Там же, № 111.
[3] Там же, № 109.

не за посадцкого человека за Ваньку Колачника да за Опару деревенской детина стоит".[1] Наказания по этому делу не последовало.

Эти случаи найма показывают, что под влиянием новых экономических отношений в Смоленске начинали складываться и новые взгляды на гражданские обязанности. Смоленский посадский, как истый буржуа последующих веков, считал, что за деньги можно все купить и что ничего предосудительного нет в том, что он нанял за себя в караул человека за деньги. Зарождение элементов буржуазных отношений в Смоленске начала XVII века говорит о том, что этот город относился к числу наиболее передовых городов Русской земли.

Здесь следует заметить, что наем рабочей силы в начале XVII века существенно отличался от капиталистического найма; несмотря на то, что рабочий нанимался добровольно, он вместе с тем часто давал „запись", обязывавшую его работать определенный срок, раньше которого рабочий не имел права уйти от своего хозяина.

Наконец, в связи с изучением положения различных сословий в Смоленске перед осадой огромное значение получает и вопрос о смоленском правительстве. Зная состав правительства и его социальную опору, мы получим возможность правильно понять внутреннюю и внешнюю политику смоленского правительства во время осады.

Однако вопрос о составе и форме смоленского правительства представляет большие трудности для исследования.

Во-первых, вообще говорить о существовании смоленского правительства можно лишь в том смысле, что в условиях полной изоляции от Москвы, созданной польской осадой, смолянам приходилось самостоятельно решать крупнейшие государственные вопросы из области внешней и внутренней политики и для этого пришлось создать высший правительственный орган. Во-вторых, этот высший орган государственной власти был временным и с формальной стороны незаконным, вследствие чего не осталось никаких документальных следов его

[1] Там же, № 126.

государственной работы, за исключением одного обращения к царю.

Первый крупный вопрос, вызвавший необходимость создания этого органа, был вопрос о судьбе расположенного вне стены городского посада в случае осады Смоленска поляками. Интересы обороны требовали уничтожения посада, в котором, по свидетельству польского источника, было до 6000 домов,[1] т. е. который был средоточием всей торгово-промышленной деятельности Смоленска. Для решения этого вопроса в Смоленске был образован совет в составе воевод и представителей посадского мира. По приговору этого совета городской посад был зажжен вечером 19 сентября 1609 года (29 сентября по нов. стилю), т. е. на третий день после появления польских передовых частей под стенами Смоленска. Один из активных участников обороны, посадский Василий Денисович Колоколов, сообщает в своем письме о причине уничтожения посада. „А в Смоленске,— пишет он,— мы дворы свои все пожгли на посаде, потому что нашего изможенья в остроге не стало стоять". О существовании особого общепосадского совета говорит следующее место из письма смоленского архиепископа царю В. Шуйскому: „И боярин твой государев и воеводы, Михайла Борисович Шеин с товарищи, приговоря с смольняны со всякими людьми, смоленские посады велели выжечи для приступу литовского короля".[3] Если бы вопрос решался обычными органами управления — воеводской и посадской избами (т. е. органом административной власти и органом сословного управления), то письмо должно было бы говорить о приговоре воевод и посадских старост, а не „смольнян всяких людей". Совершенно очевидно, что для решения вопроса о добровольном уничтожении целого большого города необходимо было знать мнение всех смоленских горожан, всего посадского народа, а для этого необходимо было созвать городской совет широкого состава, нечто вроде городского веча или городского земского собора. Мы сейчас уже не говорим о содержании са-

[1] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 446.

[2] „Акты исторические", т. II, № 354. (Острог — деревянное укрепление).

[3] Там же, № 264.

мого решения посадского совета, как акте высокого патриотизма, когда 30 000 горожан для спасения родины добровольно соглашаются на уничтожение всего своего хозяйства (в этом акте, пожалуй, больше героизма, чем в денежных пожертвованиях нижегородцев в 1611 г.), а говорим только о той организационной форме, в которой смоленские горожане выражали свою волю и решали крупнейшие политические вопросы. Этой формой был общепосадский или городской совет с представителями от всех слоев посадского населения.

Вскоре этому совету пришлось решать крупный общегосударственный вопрос об отношении к предложению польского короля сдать город без боя и признать его власть. Своим решением об уничтожении посада горожане уже предрешили свой ответ на предложение короля, но мнение других сословий еще не было известно. В этом случае городской совет был дополнен представителями других сословий и вообще всех „жилецких людей". О составе совета находим указание в обращении совета к царю 9 октября 1609 года. „Мы, твоя государева сирота,— говорится в обращении,— посоветовав с твоим государевым богомольцом, преосвященным Сергием архиепископом смоленским, да с твоим государевым бояриным и воеводы, с Михайлом Борисовичем Шеиным, да со князем Петром Ивановичем Горчаковым, да с дьяком с Никоном Олексеевым, и с служилыми людьми, и с стрельцы и пушкари, и со всякими жилецкими людьми, литовскому королю и радным паном отказали...".[1]

Из этих слов обращения ясно видно, что политическая инициатива была в руках посадского ядра совета, очевидно самой многочисленной и влиятельной его части. В обращении подчеркнуто: „мы посоветовав...", т. е. мы, посадские, пригласили на совет архиепископа, воевод, представителей от служилых людей, от стрельцов и пушкарей и от жилецких людей.

Таков был верховный орган власти в осажденном Смоленске. Его исполнительными органами были воеводская изба (управление воеводы и штаб главнокомандующего армией обороны) и земская, или посадская изба во

---

[1] Там же, № 267.

главе с двумя старостами — Лукой Горбачевым и Юрием Огопьяновым (купец).

Воевода М. Б. Шеин сразу примкнул к городскому совету, стал проводником его политической линии, сделался подлинным воеводой народной армии, за что и заслужил от смоленских дворян кличку второго Болотникова.[1] Именно эта политическая база и сделала М. Б. Шеина народным героем, а когда М. Б. Шеин, нося славу героического защитника Смоленска, через 20 лет попробовал выступить в самостоятельной роли полководца, то, не имея поддержки в народных массах, не имея за своей спиной верховного органа народной власти, позорно провалился при осаде того же самого Смоленска, который он когда-то блестяще защищал. Здесь кстати сказать, что М. Б. Шеин все же не был твердокаменным сторонником посадского мира, у Шеина были колебания. Имеются три показания смоленских пленных,[2] которые утверждали, что в июне, июле и сентябре 1610 года М. Б. Шеин склонен был сдать город полякам, но этому решительно воспротивился посадский мир (т. е. городской совет). Эти известия следует считать вполне достоверными, так как между знатным и крупным землевладельцем, каким был М. Б. Шеин, и смоленскими горожанами не могло быть абсолютного совпадения интересов, и в тяжелые минуты в М. Б. Шеине сказывался крупный феодал-землевладелец. Но смоленский городской мир был настолько мощной политической и экономической силой, что, несмотря на некоторые разногласия, Шеин подчинялся городскому совету и выполнял его волю.

Благодаря тому, что М. Б. Шеин присоединился к политической позиции смоленских горожан, воеводская изба во время осады превратилась в центральный орган административной и судебной власти, и городскому совету не было необходимости создавать какой-то свой особый орган власти. Поэтому воеводская и земская организации действовали в полном согласии. Это видно из следующего места в письме посадского Василия Денисова

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 193.

[2] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 603, 633 и 672.

(Колоколова),[1] написанном им в Москву 8 октября 1609 года (стар. стиля): „А в город король пишет прелестные грамоты почасту, а по городу биет безотступно, — сообщает Василий Денисов. — И мне с торговыми людьми сход был под стеною, по боярской присылки и по мирской; и я им, не маня, отказал без опасу, и они после того и пущи стали по городу бити и по хоромом“.[2] Из письма Василия Денисова видно, что он вместе с представителями смоленских торговых людей по поручению воеводы и посадского мира („по боярской присылки и по мирской“) вел переговоры с польскими парламентерами под стеной города („сход был под стеною“). В этих переговорах Василий Денисов как глава смоленской делегации наотрез и без дипломатических уверток отказался сдать город полякам („я им, не маня, отказал без опасу“). В ответ на это поляки усилили обстрел города.

Мы везде называли верховный орган власти в осажденном Смоленске городским советом, но не объясняли, почему мы приняли такое название. Теперь мы считаем необходимым объяснить происхождение этого термина. Мы исходим из факта несомненного сходства по форме и тождества по классовому содержанию движения горожан Смоленска в 1609—11 гг. и горожан Нижнего в 1611—12 гг. Разница здесь была только в том, что смоляне были зачинателями (в этом их величайшая заслуга перед историей), а нижегородцы — продолжателями движения. Между тем, в исторической литературе, посвященной нижегородскому движению, верховный орган временного правительства Нижнего назван именно городским советом. Например, в исследовании П. Любомирова пишется: „В тревожных обстоятельствах смуты в Нижнем создался и занял руководящее положение городской совет из представителей всех слоев населения с воеводами во главе“.[3] (Как и в Смоленске, скажем от себя.— *В. М.*). „На заседании совета представители посада, так сказать, официально познакомили воевод и представи-

---

[1] Вас. Денис. Колоколов был выделен для проверки ночной службы посадского резерва. См. „Памятники обороны Смоленска“, № 236.

[2] „Акты исторические“ II, № 354.

[3] *П. Любомиров.* „Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг.“. Журн. мин. нар. пр.—1913 г., март, стр. 146.

телей духовенства и служилых людей с намерением посадских".[1] (Буквально, как в Смоленске.—*В. М.*). „Решение посада при силе и значении его в Нижнем было в сущности уже почти решением города. Но для успеха предприятия очень ценным должно было быть добровольное присоединение остальных сограждан.[2] (Именно это же хотелось бы сказать нам и по поводу Смоленска.— *В. М.*).

П. Любомиров пишет, что в Нижнем инициаторами дела были посадские, причем он ссылается при этом на свидетельства Симона Азарьина, Болтина и Пожарского. То же самое происходимо и в Смоленске, причем мы сошлемся на слова самих дворян, находившихся в осажденном Смоленске. Эти дворяне утверждали, что Шеин в осаду „сел на смерть с посадскими, а королю и королевичу (креста) не целуют...".[3]

Но изучая организацию и состав народной армии Смоленска, исследуя содержание и направление политики смоленского правительства, мы должны сказать, что это правительство точнее было бы назвать правительством посадско-крестьянского блока, несмотря на то, что крестьяне и не могли быть представлены в этом правительстве. Посадско-крестьянский блок мы понимаем, как совпадение классовых интересов посадских и крестьян и их совместную вооруженную борьбу против общих классовых врагов как внешних, так и внутренних. Посадско-крестьянский блок объективно существовал в Смоленске, хотя сам городской совет и воевода М. Б. Шеин часто действовали во вред этому блоку. Но зато классовую природу блока очень хорошо понимали смоленские дворяне, называя Шеина Болотниковым и заявляя, что „им в осаде не сидеть и за мужиков не битца".[4]

Однако более подробно эту сторону политической борьбы Смоленска мы осветим при изучении хода смоленской обороны в 1609—11 гг. и классовой борьбы внутри осажденного Смоленска.

Большой интерес представляет вопрос, имел ли смоленский посадско-крестьянский блок какую-либо политическую программу, была ли выработана общая политичес-

---

[1] Там же, стр. 147.
[2] Там же, стр. 146.
[3] „Памятники обороны Смоленска" № 202.
[4] Там же, № 195.

кая платформа и общая точка зрения на борьбу с польскими интервентами, осаждавшими город? Политической платформы в современном понимании защитники Смоленска не выработали, но зато у них существовал текст присяги, который практически заменял политическую платформу, так как ставил совершенно точные политические задачи. Присягу принимали все бойцы народной армии,[1] дворяне и стрельцы, и по дошедшим до нас поручным записям видно, что для разных сословий текст присяги имел не одинаковое содержание. Вот образец присяги для крестьян: „...государю своему не изменить, в Литву не въезжать и земли в Литву не отводить, и что услышим из Литвы каковы вести и те нам вести государю и государевым боярам и воеводам и дьякам и головам и всяким ратным московским людем сказывати в правду, и над ратными людьми подвоху никакова не учинить, и литовским людем и изменником в Литву вестей никаких не носити и не сказывати никоторыми делы, и добра вором литовским людем не хотети, и бояр своих, за кем хто живет, слушати, и во всем государю своему царю... добра хотети и прямити и с Литвою битца до смерти“.[2]

Присяга была программой борьбы с поляками и русскими изменниками, как с врагами родины, она призывала „с литвою битца до смерти“ и в то же время она стояла за сохранение существовавшего государственного и социального строя: „государю добра хотети и прямити“ и „бояр (дворян. — *В. М.*) своих, за кем хто живет, слушати“. Здесь смоленское правительство не делало крестьянам никаких уступок за счет дворянства, но зато оно призывало их к борьбе против польских панов, союзников смоленских помещиков, следовательно, правительство было против нового, гораздо более тяжкого закабаления крестьян; защита М. Б. Шеиным крестьян от грабежей и насилий помещиков летом 1609 года практически показывала крестьянам, что они в Смоленске могут найти управу на своих помещиков. Все это содействовало образованию посадско-крестьянского блока в Смоленске.

Присяга для посадских была значительно короче.

---

1 „Памятники обороны Смоленска“, № 264.
2 Там же, № 58.

Присягающий обязывался „живучи в городе в осаде сидеть и на сторожу на стену и в слухи ходити, и государю царю... не изменити, з города со стены не скинутца и с литовскими людьми не ссылатца, государю не изменять“.[1] На посадских возлагалась самая важная и самая ответственная задача — оборона стены. Присяга от посадского требовала, собственно, только двух условий: соблюдения воинской дисциплины и сохранения политической верности.

Присяга для дворян требовала от них не только соблюдения политической верности вообще, но и требовала не прибегать к таким определенным видам враждебных и предательских действий, которые, очевидно, практиковались дворянами. Дворянин обязывался „сидеть в Смоленску в осаде и государю царю... не изменить ни в чем, з города не зкинутца и с воры и с литовскими людьми не знатца и не зсылатца ни в чом, и сидя в осаде, никоторых смутных слов не затевати и в городе не зажечь, никого со стены к литовским людем не отсылати...“. Следовательно, смоленское правительство именно от дворян ожидало не только случаев дезертирства и сношений с врагом, но и посылки в польский лагерь специальных лиц, враждебной агитации среди жителей города и прямых диверсий в виде поджогов города. И действительно, как показывают документы, дворянство прибегало ко всем этим враждебным действиям.

Наконец, текст присяги для стрельцов рисует нам этих служилых людей не столько военными специалистами, сколько коммерческими людьми, падкими на разные темные и доходные предприятия. Стрелец обязывался „жить... во осаде в городе в Смоленску и живучи... ни красть и не воровать, и корчмы и бляднн не держать, и татиною и разбойною всякою рухледью не промышлять и никоим воровством не воровать, и долой со стены за город к королю и к литовским и к неметцким людем не скинутца, и вестей никаких не сносить и хитрости и лиха московского государства боярам и воеводам и всей земли никакова не вчинити...“.[3]

Вообще содержание присяги показывает, что она в

---

[1] Там же, № 121.
[2] Там же, № 159.
[3] Там же, № 227.

то время была не просто клятвой вообще, а программой очень конкретных политических действий, которые присягавший обязывался делать или не делать, и которые учитывали важнейшие особенности экономической и политической позиции каждого сословия. Приведенные нами тексты присяг и заменяли собою то, что мы назвали бы политической платформой в нашем смысле слова.

Таким образом, можно сказать, что смоленское правительство, вырабатывая тексты присяги для сословий, формировало политическое сознание защитников крепости и осуществляло своеобразное политическое обеспечение обороны Смоленска.

ГЛАВА IX

НАПАДЕНИЕ ИНТЕРВЕНТОВ НА СМОЛЕНСК

Оборона Смоленска от полчищ Сигизмунда III, как мы уже неоднократно указывали, имела не только местное, чисто смоленское значение, она была не домашним делом смоленских посадских и крестьян, но была общегосударственным, общероссийским делом. Под стенами Смоленска в 1609—11 гг. решалась судьба России: быть ли ей самостоятельным государством или превратиться в придаток Речи Посполитой.

Для России польская интервенция вообще не представляла бы большой опасности, так как Россия была значительно сильнее Польши, если бы на стороне поляков не оказалось русское дворянство. Дворянство, как мы знаем, было сильно напугано крестьянской войной, поэтому оно охотно пошло навстречу предложениям поляков помочь „успокоению государства“, т. е. помочь подавлению революционного движения крестьянских и холопских масс. При этом дворяне совершенно не считались с тем, что они становились предателями своей родины, что они за „успокоение“ государства отдавали политическую самостоятельность государства. Узкий классовый интерес у дворян брал верх над патриотизмом и показывал, что дворянство стало врагом народа и предавало его интересы польским панам. Кроме этого, дворянство (в особенности это относится к московскому и смоленскому дворянству) совершенно открыто проявило необыкновенную алчность и готово было за прибавку поместья продать свою совесть кому угодно. Поляки ловко воспользовались этой чертой русских дворян и буквально покупали их за грамоты на поместья. В 1610—11 гг. подкуп дворян принял прямо грандиозные размеры; нача-

лась невиданная еще в истории спекуляция поместьями. Канцелярия польского короля под Смоленском превратилась в своеобразную биржу, где вместо процентных бумаг продавались грамоты на поместья, а платой было предательство родины, и чем подлее был предатель, тем выгоднее складывалось для него дело.

Но если крестьянская война бросила русских дворян в объятия польских панов, то борьба русского народа против польско-литовских интервентов явилась по сути дела продолжением крестьянской войны, только уже в новой форме,— форме оборонительного посадско-крестьянского блока.

В этой новой борьбе народ победил, но только плодами его победы воспользовалось то же самое дворянство, которое предавало его интересы. Русскому крестьянству после этого пришлось ждать целых три столетия для того, чтобы, слив свою войну против помещиков и капиталистов с пролетарской революцией, снова победить внутренних врагов и иностранных интервентов и на этот раз уже прочно воспользоваться плодами своей победы.

Так как смоленская оборона имела общегосударственное значение, то ее следует изучать в связи с поворотными моментами в развитии польской интервенции в России. Таких поворотных рубежей мы видим три: первый — соглашение тушинского (вернее — части московского) дворянства с польским королем (договор 4 (14) февраля 1610 года), второй — соглашение московского боярства и всего остального дворянства с польским королем (договор 17 (27) августа 1610 года) и, наконец, третий — это движение замосковных городов во главе с Нижним, подхватившее знамя борьбы за родину, выпавшее из рук геройски погибших защитников Смоленска. Поэтому смоленскую оборону мы будем рассматривать по этапам: первый этап—с начала осады и до середины февраля 1610 года, второй — с середины февраля до конца августа 1610 года, и третий — с конца августа до падения Смоленска. Важнейшими источниками для изучения обороны Смоленска являются: „Памятники обороны Смоленска“[1] (так называемые Ску-Клостерские акты) и

[1] Изданные под этим названием Ю. Готье в 1912 г.

„Поход польского короля в Москву 1609 г.“ [1] Ценнейшим комментарием к первому источнику служит смоленская десятня 1606 года. Она знакомит нас с общественным положением большого числа лиц, упоминаемых в „Памятниках обороны“. Благодаря этому перед нами раскрывается классовая подоплека очень многих событий, которые без такого комментария до сих пор не были по-настоящему поняты историками. В этом, помимо всего прочего, заключается крупное научное значение смоленской десятни. Таким образом, десятня служит третьим важным источником при изучении обороны Смоленска.

Что представляют собою два первых источника?

„Памятники обороны Смоленска“ в основном представляют собою делопроизводство смоленской воеводской избы (воеводского управления) с начала сентября 1609 года по май 1611 года; кроме этого, здесь имеется довольно значительная переписка с начальниками пограничных застав и крестьянами Щучейской и Порецкой волостей, относящаяся к первой половине 1609 года, встречаются и другие документы, вплоть до частной переписки смоленских дворян. Делопроизводство воеводской избы своим содержанием знакомит нас с разнообразными функциями этого органа управления. Оказывается, воеводская изба прежде всего являлась штабом главнокомандующего смоленской народной армией. В делопроизводстве имеются документы, касающиеся таких сторон деятельности штаба, как оперативные указания, разведывательная работа, политическая работа (следственные материалы и борьба против врагов смоленского правительства и командования), военно-хозяйственные мероприятия и учет кадров армии. Затем воеводская изба была судебным и следственным органом, была органом административного управления, ведала вопросами продовольствия, жилищными делами и вопросами общественного порядка в городе. Интересно, что полицейские функции были сосредоточены в земской избе и роль городской полиции выполняли выборные посадские.[2]

---

[1] Дневник похода Сигизмунда III, опубликованный в „Русской историч. биб-ке“, т. I.

[2] См., например, „Акты исторические“, т. II, № 260.

Обращает на себя внимание отсутствие в делопроизводстве воеводской избы дипломатической переписки за годы осады. Дипломатическая переписка с поляками до начала осады велась М. Б. Шеиным через свое управление (приказ), а в годы осады, несмотря на то, что дипломатические переговоры с королевской ставкой велись неоднократно, никаких следов о них в делопроизводстве воеводского управления не осталось. Напрашивается предположение, что переговоры с поляками во время осады сосредоточены были в руках городского совета. Но, конечно, это только одно предположение, не опирающееся пока ни на какое прочное доказательство.

Второй источник—описание „Похода его королевского величества в Москву 1609 года"—представляет собою дневник осады Смоленска, писавшийся в штабе польского короля. Автором дневника не мог быть ни один из видных военачальников польской армии, а какое-то специально выделенное для этой цели лицо. Дневник начинается 5 сентября 1609 года (по новому стилю) и обрывается на 7 января 1611 года.

Сама идея ведения дневника похода и выбор для этой цели особого лица, которому был разрешен доступ к оперативным и дипломатическим делам королевского штаба, несомненно имели целью прославление польского короля в стиле какого-нибудь Александра Македонского, покоряющего варваров. Имелось в виду, повидимому, показать варварство, дикость и трусость русских в противовес якобы доблести и культурности поляков. Все это очень ясно обнаруживается из тенденциозного содержания дневника. Но в действительности, несмотря на тенденциозность автора, получилось довольно верное изображение жестокости и варварства самих поляков, безо всякого оправдания разорявших и истреблявших мирный русский народ, коварства политики польского короля, предательства русских дворян и бояр и героизма русского народа, защищавшего свою родную землю, хотя за эти качества русский народ в дневнике и назван был грубым, медвежьим и упрямым народом. Дневник, очевидно, должен был служить автору только исходным материалом для сочинения героической эпопеи, поэтому сама регистрация фактов в днев-

нике производилась довольно точно. Параллельное изучение обоих источников дает довольно полную картину обороны и осады Смоленска.

Систематические записи в дневнике начинаются с 5 сентября (нов. стиля) 1609 года, и уже 6 сентября автор заносит сообщение о коварном приеме, практиковавшемся польским правительством во все время интервенции. Для того, чтобы усыпить бдительность смолян и застать их врасплох, приказано было „оршанскому городничему написать к жителям Смоленска письмо, в котором он должен был объявить им, что это вторжение в пределы смоленские случилось без ведома его королевского величества и гетмана, что это сделали своевольные украинские люди, и должен обещать, что они будут подвергнуты за это ответственности“.[1] Т. е. когда передовые части королевской армии уже ворвались в Смоленскую землю, а сзади с главными силами двигался сам король, этот же самый король делал невинное лицо и писал, что не имеет никакого отношения к своевольным людям и даже готов наказать их. Но смоленская разведка работала не плохо, Смоленск знал о движении короля, и поэтому М. Б. Шеин на письмо оршанского старосты ответил требованием, чтобы „король остановил пролитие христианской крови и вывел и то войско, с которым идет, и то, которое находится при Димитрии“.[2] Этим самым М. Б. Шеин, как и раньше, давал понять польскому королю, что он считает его подлинным организатором всех нападений поляков на Россию, под каким бы флагом они ни производились—под флагом ли самозванного Димитрия или под флагом своевольных панов. Как мы знаем, полякам не удалось захватить смолян врасплох. Еще за месяц до вторжения королевской армии М. Б. Шеин и посадский мир организовали народную армию обороны и этим самым приготовили королю такой сюрприз, который в конце концов и решил судьбу королевского похода. Польская героическая эпопея так и осталась ненаписанной, а в назидание потомкам сохранился только один дневник королевского похода.

---

1 „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 431—432.
2 Там же, стр. 433.

Выше сообщалось, что одновременно с организацией армии обороны в Смоленск съезжались в осаду не только дворянские семьи со своими холопами, но и крестьяне как из ближних, так и из отдаленных волостей, например из Дубровенского стана, Вопецкой волости (или стана), Максимовского стана, Ратчинского стана, Молоховского стана и Катынской волости. А кроме этого, из ряда волостей, которых нет в известной нам „росписи даточных людей", а именно: из Крохоткинской волости, Есенской волости, Бабаницкой волости, Богородицкой волости, Тресвятской волости, Болтутинской волости и Ноговицынской волости.[1] В ночь с 19 на 20 сентября смоляне сожгли свой посад и все заперлись в крепости.

Польская армия расположилась под стенами Смоленска тремя укрепленными лагерями. С западной стороны на левом берегу Днепра в днепровской долине и на прилегающих к ней высотах (до юго-западного угла крепости у Копытецких ворот) находился обширный и укрепленный лагерь короля и гетмана. На этом участке действовала немецкая пехота. С северной стороны, за Днепром, на пепелище городского посада, был укрепленный лагерь панов Потоцких. Оба лагеря имели артиллерию. С восточной стороны крепости расположился казачий лагерь и полк пана Вайера, а с южной стороны военного лагеря не было, но зато пространство между королевским и казачьим лагерем охранялось сильной стражей.

Маскевич довольно точно указывает численность польской армии. Он пишет: „всего считалось 12 000, кроме пехоты, татар литовских и казаков запорожских".[2] Казаков запорожских, по словам Маскевича, было 10 000 человек. Следовательно, армия осаждающих достигала 22 000 человек, тогда как армия обороняющихся была в четыре раза меньше.

Одновременно со Смоленском началась осада г. Белого польско-казачьим отрядом под начальством велижского старосты А. Корвин-Гонсевского.

Осадив Смоленск, поляки захватили и все деревни вокруг Смоленска на большом протяжении. По словам

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 238 и № 239.

[2] „Сказания современников о Димитрии Самозванце", ч. V, стр. 16.

Маскевича, „пахолики (вооруженные слуги польских панов) жили в них безопасно, а крестьяне возили в лагерь съестные припасы“. Об этом же сообщается и в письме одного смоленского дворянина, Леонтия Юр. Алтуфьева: „А в деревнишке все люди и животина побраны, живут литовские люди, хлеб молотят“.[1]

Поляки захватывали деревни и крестьян тех помещиков, которые ушли в осаду в Смоленск, но помещики, переходившие на сторону короля, получали от него охранные грамоты на свои владения и на крестьян. Примером этого может служить охранная грамота, выданная польским королем дорогобужскому помещику Т. Д. Засецкому (его брат находился в осажденном Смоленске).

В грамоте говорилось, что Т. Д. Засецкого, „который сам добровольно под оборону нашу поддался, при маетностях его (при владениях его.—*В. М.*)... и при всяком добытку его домовом заховуем...“.[2] Дальше в грамоте приказывалось „гетману, полковникам, ротмистрам, поручником, ездным и пешим, также казаком и всему рыцарству...“, чтобы они не причиняли Засецкому никаких отягощений и никакого убытку под страхом наказания. Т. Д. Засецкий, конечно, не один перешел в подданство к польскому королю, а в январе 1610 года к королю перешли все дорогобужские помещики, оставшиеся в своих поместьях после ухода из Дорогобужа войск тушинского „рыцарства“. Такой коллективный переход привлек к себе внимание и автора дневника. Под 17 января 1610 года (нов. стиля) он записал: „Несколько бояр из Дорогобужской волости ударили челом его королевскому величеству и просили, чтобы и другим позволено было прийти. Одному из них приказано ехать за теми, которые от царя пошли к Калуге, и привести их к крестному целованию на имя короля“.[3] Следовательно, 17 января к королю явилась только делегация от дорогобужского дворянства для заключения формального соглашения. Дорогобужские помещики, очевидно, влились в армию Сигизмунда, так как в дневнике сообщается, что начальствовать над ними было поручено двум полякам (Шахов-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска“, № 56.
[2] „Акты Зап. России“, т. IV, № 183.
[3] „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 517.

скому и Кернозицкому). Несомненно, все эти помещики получили охранные грамоты на свои поместья, но полностью сохранился текст только одной из них, выданной Т. Д. Засецкому 22 февраля 1610 года, т. е. больше месяца спустя после перехода Т. Д. Засецкого к полякам.

Записи в польских документах, производившиеся при закреплении за русскими помещиками их прежних поместий и вотчин, очевидно, всегда сопровождались выдачей охранных грамот, обозначавших в то же время и включение помещика на польскую службу.

Документальные данные о переходе смоленских помещиков на службу к польскому королю имеются, начиная только с 30 марта (нов. стиля) 1610 года и вплоть до конца 1610 года.[1] Как показывает пример дорогобужан, эти данные несомненно не полные. Переход смоленских помещиков к польскому королю начался, очевидно, сразу же после вступления польских войск в Смоленский уезд, но только данных об этом не сохранилось. Перешли к полякам в этот момент, конечно, только те помещики, которые уклонились от участия в отряде, пошедшем на помощь Скопину-Шуйскому под начальством Барятинского, и уклонились также от явки в Смоленск в осаду. Выдержать такую открыто изменническую позицию с мая по сентябрь 1609 года и не быть привлеченным за это к ответственности, грозившей потерей поместья и тюремным заключением, могли только исключительно ловкие изменники. Поэтому случаи перехода к польскому королю смоленских помещиков с сентября 1609 по март 1610 года, вероятно, были очень немногочисленны, вследствие чего они и не обратили на себя внимания автора дневника.

Как же встретили смоленские крестьяне вторжение польской армии? Все документальные источники говорят, что крестьяне встретили поляков враждебно; повторилось в более широком масштабе то же самое, что мы наблюдали во время набегов Гонсевского на Щучейскую и Порецкую волости. Много крестьян ушло под защиту стен смоленской крепости и влилось в состав народной армии, некоторые крестьяне уже во время

---

1 „Акты Зап. России“, т. IV, стр. 320—427.

осады пробирались в Смоленск, множество крестьян бросило свои дома и ушло со скотом и хлебом в глухие леса, часть крестьян образовала партизанские отряды и нападала на польских солдат, а часть крестьян осталась на местах. Полякам очень хотелось расписать дело так, что будто бы смоленское крестьянство встретило их с радостью. Автор дневника похода усиленно искал такие случаи, и что же он заносил в дневник? 19 сентября 1609 года записано: „Представлено пять русских, которые пришли от мира и просили смиловиться над ними, обещали целовать крест и доставлять продовольствие, но чтобы их не мучили и не жгли“.[1] Затем 23 сентября записано, что в Красном польские войска застали сто человек „русской черни, которые умоляли помиловать их и заявляли готовность целовать крест и доставлять продовольствие, но чтобы король не предавал их своеволию солдат“.[2] Т. е. часть смоленских крестьян соглашалась доставлять полякам продовольствие только под угрозой пыток, грабежей, насилий и смерти. Но и таких крестьян было, очевидно, не очень много, так как полякам в поисках продовольствия пришлось сразу же начать охоту за ушедшими в лес крестьянами. Подробное описание этой охоты с очень любопытными бытовыми чертами мы находим у Маскевича. „Когда король подступил к Смоленску,— пишет он,—окрестные жители бежали в леса с домашним скотом и образами, на коих полагали всю надежду. Но как наши, отыскивая в лесах съестные припасы, настигли там русских и отняли у них скот, то они, разгневавшись на свои образа, повесили их для позора на деревьях вверх ногами, приговаривая: „мы вам молимся, а вы нас от литвы не оборонили“.[3] Смоленское крестьянство оказалось совершенно беззащитным перед лицом вооруженного до зубов врага, поэтому единственное спасение оно видело в бегстве, но, как показывает рассказ Маскевича, и это его не выручало. Сведения об уходе крестьян от поляков в большом числе встречаются в „Памятниках обороны Смоленска“. Приведем некоторые из них. 6 ноября 1609 года в осажден-

---

[1] „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 436.

[2] Там же, стр. 439.

[3] „Сказания современников о Димитрии Самозванце“, ч. V, стр. 23—24.

ный Смоленск пробрались крестьяне Максимовского стана „Тимошка Митяев, да Васька Петров, да Жданка Федоров, а сказали, как деи пришли к ним литовские люди и они де от литовских людей бегали по лесу и жили в лесу“.[1] 18 ноября 1609 года также через линию польских войск пробрались в Смоленск крестьяне Вопецкой волости „Ивашко Семенов да Федька Кузьмин, а сказали, были деи они в Смоленском уезде, бегали от литовских людей по лесом и его деи Ивашку литовские люди на Филипова заговеина изъемали и привели его в Вопецкую же волость в деревню Доманежи к пану Вишневетцкому. И был деи он в той деревни одну ночь и ис той деревни ушол на другой день в тот же лес, где жили, и сыскал он тут Федьку Кузьмина и с тем Федьком шли из того лесу в Смоленск три дни...“.[2]

В осажденный Смоленск пробирались не только крестьяне, но и крестьянки. Так, например, 8 ноября 1609 года „вышла из полону (из плена) Покрова пречистые богородицы крестьянка Марица Ларионова с сыном своим с Марком а сказала, взяли деи ее литовские люди в лесу и привели ее к Михаилу-на-ветру и была она у литовских людей недели с четыре...“.[3] Таких случаев было очень много, и они настолько убедительно говорят о характере отношения смоленских крестьян к польским интервентам, что, как говорится, комментарии излишни.

О партизанском движении смоленских крестьян осенью 1609 года говорят как русские, так и польские источники. Перебежавший в осажденный Смоленск бельский крестьянин сообщил, что „в Щучье щученские мужики побили литовских людей человек с полтораста“.[4] Это могло случиться, судя по документу, в конце сентября или в начале октября 1609 года. Из этого сообщения следует сделать вывод, что крестьяне Щучейской волости, захваченной еще летом бандами Гонсевского, сумели сорганизовать такой сильный партизанский отряд, что нанесли полякам большой урон.

---

1 „Памятники обороны Смоленска“, № 68.
2 Там же, № 79.
3 Там же, № 72.
4 Там же, № 71.

О партизанском движении сообщает и автор дневника королевского похода. Под 1 ноября (нов. стиля) 1609 года он пишет: „Того же дня пришло известие, что Скопин-Шуйский послал из своего войска 30 бояр собирать разбежавшихся по лесам людей и с ними ловить и бить наши пикеты. Из этих бояр один — некий Треска — собрал 3000 хлопства и, нападая из лесу, убил 40 пахоликов маршала и 10 казаков краковского кастеляна“.[1] Это свидетельство польского источника чрезвычайно важно. Его можно заподозреть в преувеличении разве только численности партизанского отряда (как известно, у страха глаза велики, и 300 человек крестьян напуганным полякам могли показаться отрядом в три тысячи человек), но все остальное в сообщении не может вызвать сомнения.

Сообщение дневника показывает нам Скопина-Шуйского в новом свете и говорит о нем не только как о талантливом полководце, но и как о крупном политике, правильно оценившем враждебное отношение крестьян к полякам, догадавшемся дать крестьянской массе организаторов для формирования партизанских отрядов, попытавшемся опереться на крестьянство и решившем захватить в клещи польскую армию, направив на нее с фронта наемные немецко-шведские полки, а с тыла партизанские отряды. Осуществление такого плана представляло смертельную опасность для поляков, и поэтому становится понятным, почему поляки так ненавидели и боялись молодого русского полководца. О том значении, какое придавали поляки Скопину-Шуйскому, свидетельствует, между прочим, крайняя тщательность записей в дневнике королевского похода всех сведений о Скопине-Шуйском, поступавших в королевский лагерь, а сообщение о смерти Скопина автор дневника описал со всеми слышанными им подробностями. Скопин-Шуйский удачно догадался использовать вражду крестьян к польским панам и сделать крестьянство своим союзником. Но если бы даже Скопин не был отравлен, то едва ли бы он смог осуществить свою замечательную идею дворянско-крестьянского союза. Союз с крестьянами, как мы видели на примере Смоленска и как могли бы убе-

---

[1] „Русск. историч. биб-ка“, т. 1, стр. 470—471.

диться на примере замосковных городов, удалось осуществить только горожанам, посадскому миру.

Горожане в то время представляли будущее страны, в городах уже зарождались новые экономические отношения, города располагали большими материальными и людскими ресурсами, городские ремесленники были потенциальными естественными союзниками крестьян, поэтому, несмотря на противоречия между „лучшими" посадскими людьми и „меньшими" людьми, союз городов и крестьянства базировался на довольно прочном основании. Примкнувшие к этому союзу талантливые полководцы М. Б. Шеин и Д. М. Пожарский сделались народными героями, но не менее талантливый полководец Прокофий Ляпунов, примкнувший к реакционным силам и пытавшийся осуществить утопическую мечту о дворянско-крестьянском союзе, даже трагической смертью своей как бы подчеркнул невыполнимость своих планов. Скопин-Шуйский тоже старался придерживаться союза с горожанами, но главным образом он имел целью использовать силы одного интервента против сил другого интервента; это предприятие в сущности провалилось. От союза со Швецией Россия не выиграла, а много проиграла.

Рассмотрим теперь ход боевых операций и положение оборонявшихся в первый этап осады, т. е. с середины сентября (стар. стиля) 1609 года по конец февраля 1610 года.

„На третий день по прибытии к Смоленску король с гетманом и сенаторами, — пишет Маскевич, — обозревал местоположение крепости, изыскивая способы обложить ее войском так, чтобы подвоз съестных припасов и сообщение между отрядами не были затруднительны... Осажденные, видя, что наши уже копают шанцы и располагаются надолго, сами зажгли посады и все убрались в крепость. Число их простиралось до 70 000 человек".[1]

[1] „Сказания современников о Димитрии Самозванце", часть V, стр. 81. Маскевич сильно преувеличил число жителей.

Поляки окружили крепость сплошным кольцом, подвоз продовольствия и топлива в крепость прекратился, и город с пятидесятитысячным населением оказался отрезанным от внешнего мира. Посадско-крестьянский мир Смоленска начал героическую борьбу против польско-литовских интервентов. Посадские и крестьяне отстаивали свои жизненные интересы, а вместе с этим они отстаивали и политическую независимость своей родины, так как только в национально-освободительной борьбе народных масс были воедино слиты эти две политические задачи. Борьба же господствующего класса за свои интересы неизбежно вела к подчинению России польско-литовским интервентам. Таким образом, внутренние противоречия между народом и господствующим классом России определили и размежевку сил в вопросах внешней политики и в борьбе за власть в стране. Сформировались два противоположных политических мировоззрения, сущность которых можно было бы выразить следующим образом: или вместе с народом (посадскими и крестьянами) против польско-литовских интервентов и собственных изменников из дворян и духовенства за политическую независимость родины, или же вместе с дворянами и духовенством и в союзе с польско-литовскими интервентами против собственного народа за подавление крестьянской войны, за усиление эксплоатации народных масс, не считаясь с потерей политической независимости России.

Между этими двумя крайними мировоззрениями были и промежуточные (например политическая позиция известного Прокофия Ляпунова), которые именно в силу своей промежуточности и не могли победить. Надо, однако, иметь в виду, что мировоззрение национально-освободительной партии не ставило задач освобождения крестьян от помещичьей эксплоатации, так как силы крестьянской войны к 1609 году были уже основательно подорваны, а зародыши новых общественных отношений проходили еще стадию внутриутробного развития. Благодаря этому победа прогрессивных национально-освободительных сил не могла привести к социальному перевороту и ни о какой революции в начале XVII века в России говорить не приходится. Но, несмотря на это, все же победу национально-освободительного движения

в 1612 году никак нельзя изображать в виде торжества реакции, как это делал М. Н. Покровский. Реакционное дворянство снова захватило власть в свои руки уже после победы национально-освободительного движения, в результате компромисса между верхами дворянства и лидерами посадско-крестьянского блока замосковных городов.

Вся сложность героической борьбы народных масс Смоленска во главе со своим посадским правительством заключалась в том, что приходилось не только обороняться против внешнего врага, охватившего крепость огненным кольцом, но и бороться против его агентуры внутри города, против подрывной и изменнической деятельности смоленского дворянства и духовенства.

Поляки начали активную осаду крепости со штурма в ночь на 5 октября (или на 25 сентября по старому стилю) 1609 года. Польское командование решило атаковать крепость с двух сторон: с запада, со стороны королевского лагеря, действовала артиллерия и немецкая пехота, а с востока — венгерская пехота и полк Вайера должны были взорвать петардами двое ворот и ворваться в город. Несмотря на то, что петарда разрушила Авраамиевские ворота, наступление было отбито со всех сторон.

В ночь на 6 октября немецкая пехота повторила атаку и захватила Пятницкий острог (деревянное укрепление перед крепостью). В следующую ночь поляки атаковали Фроловские и Пятницкие ворота, но были отброшены. Таким образом, трехдневный штурм оказался неудачным, и поляки после этого перешли к ожесточенной артиллерийской бомбардировке. Артиллерийские батареи были поставлены со стороны королевского лагеря и за Днепром. Стрельба из орудий была настолько интенсивной, что в осадных пушках наметились расколы и пушки выбыли из строя.

14 октября (нов. стиля) поляки предложили осажденным вступить в переговоры. Смоляне отвечали согласием, и поляки на время переговоров прекратили бомбардировку. С польской стороны переговоры вел Богдан Велижанин, а со стороны Смоленска, как можно думать, выступала делегация торговых людей во главе с Василием Денисовым (см. стр. 253). Действительно, из русских источников видно, что поляки обратились с предложением

сдать город ко всем сословиям Смоленска, т. е. практически вели переговоры не с одним воеводой, а с городским советом.

15 октября (нов. стиля) Богдан Велижанин изложил совету официальную версию о причинах королевского похода на Московское государство. По его словам, король явился только „успокоить“ государство и взять его под свою защиту, поэтому жители Смоленска должны были встретить короля благодарностью, а не „грубостью и упрямством“.

Но так как формула „успокоения“ Московского государства силами польской армии имела для разных классов разное политическое значение (для дворян и духовенства — подавление крестьянской войны, для посадских и крестьян — разорение деревень и городов и усиление политического гнета и эксплоатации, для польских панов — удобное оправдание для захвата Московского государства), то естественно, что эта формула не могла служить базой для соглашения между смоленским правительством и польским королем. Смоляне, по рассказу польского дневника, попотчивав Богдана Велижанина водкой, ответили, что они благодарят короля за внимание, но ничего хорошего для себя не видят в его предложении сдать город, поэтому пусть король делает, что может, а они будут выполнять свой долг.

Этот спокойный и мужественный ответ смоленских горожан привел поляков в бешенство. Автор дневника королевского похода разразился такой тирадой по адресу смолян: „И так этот грубый народ отнял у нас два дня. После этого пришлось уже обратиться к другим средствам“.[1] Но у поляков выбор других средств борьбы был крайне ограничен. Из материальных средств, помимо артиллерии, они могли использовать лишь минную войну, а из идеологических средств — только агитацию среди защитников Смоленска, или открытым путем через убеждение караула стены, или же тайным путем через своих сторонников в осажденном Смоленске. Перед польским правительством выросла перспектива затяжной войны, поэтому оно приняло меры к концентрации польских вооруженных сил и к вовлече-

[1] „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 462.

ПЛАН ОСАДЫ СМОЛЕНСКА В 1609—1611 ГОДАХ

ЭКСПЛИКАЦИЯ

- Стан [укрепленный лагерь].
- К — Стан короля Сигизмунда III.
- „ Ж „ — Стан гетмана Жолкевского.
- „ С „ — Первоначальный стан Льва Сапеги.
- „ $С_1$ „ — Последующий стан Льва Сапеги.
- „ Д „ — Стан Дорогостайского.
- „ В „ — Станы Людвига Вайера (1-й и 2-й).
- В — Шанцы с батареями Л. Вайера.
- „ ЗК „ — Стан Запорожских казаков.
- „ Пр „ — Стан Премышского.
- „ П „ — Стан Потоцких.
- Стан кавалерийских отрядов.
- Шанцы.
- Туры.
- Взорванная, вместе с частью стены, башня.
- В — Операции с петардами Л. Вайера.
- Н — Операции с петардами Новодворского.
- Траншеи.
- Галлерея подкопа.

нию в свою орбиту польских отрядов, группировавшихся вокруг Тушина.

Но точно также и к осажденным в Смоленске тянулись силы, враждебные польскому правительству, не только из деревень Смоленского уезда, но даже и из-за рубежа, из угнетенной польскими панами Белоруссии (например оборона Смоленска встречала поддержку горожан Вильны и Полоцка, а возможно — и других городов Литвы).

В октябре и ноябре 1609 года, только по дошедшим до нас документальным данным, в Смоленск пробрались с риском для жизни 22 крестьянина и одна крестьянка. Этот факт важен в том отношении, что он свидетельствует о существовании крепких связей между городом и крестьянством. Еще более поразительны факты перехода белорусских и литовских крестьян из королевской армии в осажденный Смоленск. В русских документах записано показание одного польского гайдука, который „ноября в 4-й день (по стар. стилю) вышел на государево царево... имя из литовских полков“.[1] Польский источник также отмечает несколько таких случаев. Например, под 4 марта 1610 года в дневнике похода записано: „Усмотрен гайдук, желавший передаться в крепость. Когда он сознался в своем намерении, то был повешен“.[2] Под 1 мая имеется такая запись: „Один гайдук хотел передаться в крепость, но когда он пробирался тайком к стенам ее, то немцы заметили его и схватили... Он и на пытках ни в чем не сознался, однако на страх другим приказано его повесить“.[3] Но эта зверская расправа не могла удержать белорусских крестьян. 20 сентября 1610 года в Смоленск снова перебежал „из литовских табор литвин... в распросе сказал: „зовут деи его Павликом, Гаврилов сын, Сендамирского повету, а служил деи он у шляхтича у пана Мошенского“.[4] Забитый своим паном белорусский крестьянин сочувствовал освободительной борьбе русских крестьян и переходил на их сторону. Эти факты важны не своей численностью, а проявлением солидарности угнетенных народов.

---

1 „Памятники обороны Смоленска“, № 64.
2 „Русск. историч биб-ка“, стр 547.
3 Там же, т. I, стр. 578.
4 „Акты исторические“, т. II, № 295.

Существует любопытное указание проф. М. Кояловича: „Когда Сигизмунд III шел к Смоленску в 1609 году..., то виленские мещане-братчики послали в Смоленск предостережение, чтобы русские знали, чего ожидать от польского короля, который хочет властвовать и в Восточной России; а когда Сигизмунд подошел к Смоленску и требовал сдачи, то поляки увидели на стенах крепости и некоторых мещан западно-русских".[1] Мы не находим подтверждения этого факта в смоленских памятниках, но зато в польском источнике есть указание на то, что уже во время осады в Смоленск проник полоцкий купец, который, повидимому, уговаривал осажденных держаться, обещая им, что король скоро вынужден будет уйти из-под Смоленска.[2] Такую же пропаганду вели купцы из белорусских городов и в Москве. Автор дневника похода пишет: „Он (Доморацкий) получил известие, что наши купцы — злодейская Русь — сказали миру и духовенству русских, что король хочет наступить на их веру и церкви, поэтому пусть они не склоняются на его сторону".[3] Несомненно, не один полоцкий купец разоблачал перед смоленскими горожанами замыслы короля. Поляки в этой пропаганде видели одну из крупных причин упорства смоленских жителей. Автор дневника похода сделал такой вывод: „Портят дело больше всего те, которые передаются в крепость и говорят, что король скоро уедет из-под Смоленска".[4]

---

1 *М. Коялович.* „Чтения по истории Западной России", стр. 223.
2 „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 499.
3 Там же, стр. 512.
4 Там же, стр. 566.

ГЛАВА X

СОЮЗ ИНТЕРВЕНТОВ С РУССКИМ ДВОРЯНСТВОМ И БОЯРСТВОМ

Все эти факты показывают, что оборона Смоленска была не только борьбой русского народа за независимость своей родины, но с ней связывали свои надежды и угнетенные панами и шляхтой горожане литовских городов, и в особенности — страдавшее от национального гнета белорусское население литовских областей. Поэтому борьба за Смоленск была подлинно народной национально-освободительной борьбой.

Став лицом к лицу с этим фактом и испытав в первые дни штурма прочность смоленской стены и силу смоленской народной армии, польское командование сделало правильный вывод, что без объединения сил всех польских войск, находившихся на территории России, добиться успеха будет невозможно. Но так как и этих сил было не так уж много, то поляки вторым не менее важным делом считали привлечение на свою сторону русского дворянства. Здесь очень важно отметить, что польскому правительству значительно легче было договориться с русскими дворянами, чем с тушинским „рыцарством". И это очень понятно, так как дворяне видели в короле и его армии своего союзника, а тушинская шляхта видела в нем своего соперника по дележу шкуры еще не убитого медведя. Как легко поляки вербовали на свою сторону русских дворян, показывает случай со смоленским дворянином Григорием Мешаевым.

Григорий Мешаев, архиепископский сын боярский, был послан из Смоленска в Москву с донесениями от

М. Б. Шеина и городского совета.[1] Поляки 24 октября (нов. стиля) поймали Григория Мешаева и 29 октября послали его под стены Смоленска для уговаривания осажденных. В дневнике похода сообщается: „К вечеру наши выслали на ближайшие шанцы на переговоры с русскими пленного боярина, пойманного с письмами. Находясь в шанцах, он громко начал убеждать их ударить челом королю, представляя им разные и великие опасности от их упорства". Когда же смоляне оказались равнодушны к его призывам, то „он старался еще больше убеждать их, говорил, и Шуйский не пришлет помощи, потому что не может, и войско короля велико и будет пустошить уволоки их".[2]

Поведение Григория Мешаева было очень типично для позиции смоленского дворянства. Дворяне из кожи лезли вон, стараясь услужить своим новым господам, но все их старания оказывались тщетными; дворянство не имело силы, как не имели ее в достаточной степени и сами польские интервенты.

Переговоры польского короля с тушинским „рыцарством" находились в тесной связи с той обстановкой, которая складывалась под Смоленском. Спустя 13 дней после неудачных переговоров со смолянами польское правительство назначило посольство к тушинскому „рыцарству" в составе Збаражского, Вайера, Скумина и Доморацкого. Посольство еще не успело выехать, как были получены известия об организации Скопиным-Шуйским партизанских отрядов из смоленских крестьян и об успешных действиях этих отрядов. „Полученные известия, — пишется в дневнике похода, — заставили увеличить число послов"[3] и, по всей вероятности, заставили поторопиться с отсылкой их в Тушино. Создавалась угроза, что Скопин-Шуйский будет бить польские войска по частям, поэтому неотложно требовалось объединение польских сил.

Однако еще до отсылки послов польское правительство столкнулось с враждебной по отношению к себе тактикой лидеров тушинского „рыцарства". Те тоже

---

[1] „Акты исторические", т. II, №№ 266, 267 и 268.
[2] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 468.
[3] Там же, стр. 471

стремились к объединению польских сил, но под эгидой Ружинского (гетмана тушинского войска), с тем чтобы добиваться покорения Московского государства для себя, а не для короля и панов рады. О методах агитации тушинцев убедительно говорит следующая запись в дневнике похода: к королю явился делегат от запорожских казаков, осаждавших Белый, с жалобой на Ружинского, который „грозит сажать их на кол за то, что они не хотели итти на службу к Димитрию“.[1] В Тушине была составлена с целью объединения сил конфедерация, в которую, между прочим, отказался войти Сапега, осаждавший Троицкий монастырь. От объединенного тушинского „рыцарства“ к королю было направлено посольство с просьбою, чтоб он „вышел из Московского государства и не мешал их предприятию“.[2]

Тушинское посольство явилось под Смоленск 23 ноября (нов. стиля) 1609 года. Автор дневника похода пишет, что встречено оно было „дурно и с едкими насмешками“. Перед польским правительством встала задача разложить конфедерацию изнутри и перетянуть „рыцарство“ на свою сторону. Для такого плана были достаточные основания: во-первых, отказ Сапеги войти в конфедерацию усиливал позиции короля, во-вторых, тушинские пахолики отказывались присоединиться к политической позиции своих „рыцарей“, а в-третьих, что очень важно, королю были обеспечены симпатии русских тушинцев, т. е. значительной части московского дворянства.

Королевское посольство прибыло в Тушино только 14 декабря (нов. стиля) 1609 года.

Как же за это время шли дела под Смоленском и в самом Смоленске? Уже в начале ноября (по нов. стилю) осажденные стали испытывать недостаток в продовольствии, топливе и воде. Цены на хлеб быстро подымались. Недостаток питания, топлива и питьевой воды, при крайней скученности населения крепости, послужил причиной развития эпидемических заболеваний. Поэтому продовольствие, топливо и вода стали главной заботой смоленского правительства и его командования. Оно

---

[1] Там же, стр. 498.
[2] *С. Соловьев.* „История России“, т. VIII, стр. 296, изд. 2.

организует вылазки из крепости к Днепру за водой и дровами, а когда вылазки оказались не очень эффективными, то смоляне начали рыть глубокий ров от крепости к реке.

Второй заботой смоленского командования было укрепление воинской дисциплины среди непривычной к ней посадской армии и установление порядка осадного времени среди гражданского населения.

Третьей заботой командования была борьба против враждебной агитации и предательских действий внутри крепости.

Вопрос о воинской дисциплине был жизненным вопросом для осажденной крепости. Вообще армии тех времен не отличались высокой дисциплинированностью. Достаточно вспомнить воинскую дисциплину (или, вернее, полное ее отсутствие) на смоленских пограничных заставах в 1609 году. Такое состояние дисциплины было бы крайне гибельно для смоленской народной армии. Поэтому командование крепости решило установить самую суровую воинскую дисциплину, еще невиданную в дворянских армиях. 7 ноября (по стар. стилю) М. Б. Шеин отдал приказ „посадцким старостам велети прокликати бирючю по всем торжком и по кресцом и по всем слободкам и по улицам, что те люди, которым по росписи велено быти на городе (на стене.— *В. М.*) со всяким боем, и те б люди стояли все сполна по своим местом со своим боем безотступно с великим бережением по смотру, а ково по росписи на городе не будет, и тому быти казнену смертью".[1] Этот приказ буквально революционизировал тогдашние воинские порядки, и вполне понятно, что он мог быть продиктован только интересами посадского мира, но никак не дворянства. Другое дело, что само смоленское правительство не имело достаточно средств для обеспечения строгого выполнения своего приказа. Выше было указано, что правительство вынуждено было отступить перед силою обычая нанимать за себя человека для отбывания воинских обязанностей. Но здесь важно то, что приказ о дисциплине как раз соответствовал духу народной армии, основанной на всеобщей личной воинской повинности смоленских

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 65.

горожан. Смоленск создавал армию нового типа, соответствовавшую новым общественным отношениям. Этот опыт имел большое историческое значение.

О борьбе смоленского правительства с враждебной агитацией имеются крайне отрывочные сведения, главным образом в дневнике королевского похода. Под 1 ноября 1609 года в дневнике сообщается, что М. Б. Шеин приказал схватить и пытать одного дворянина, бывшего сотником (очевидно, стрелецким), за то, что тот высказывал мысль о необходимости сдачи города. На пытке сотник будто бы был замучен и умер. Это сообщение вполне правдоподобно, так как агитация за сдачу крепости была нарушением присяги и должна была караться, как измена родине. Но смоленское правительство не могло предупредить и парализовать все виды и случаи подрывной работы изменников. А дневник королевского похода показывает, что эта работа велась систематически. В Смоленске действовал какой-то подпольный центр польских сторонников, который регулярно через своих агентов сообщал польскому королю о всех крупных мероприятиях смоленского командования. В этом можно убедиться, проследив содержание донесений этих агентов. Так, например, 3 ноября (нов. стиля) 1609 года к полякам перебежал стрелец, который сообщил, что осажденные готовят вылазку, чтобы таким путем кого-нибудь послать к Шуйскому. Предупрежденные шпионом поляки приготовились к отражению вылазки, и последняя успеха не имела. 19 ноября новый перебежчик принес сообщение, что к Шуйскому посланы гонцы. Поляки немедленно снарядили за гонцами погоню. 30 ноября перебежчик из смоленских дворян сообщил о готовящейся вылазке. 10 декабря перебежчик-стрелец сообщил, что осажденные вырыли ров к реке за водой. И, наконец, под 16 декабря 1609 года в дневнике есть такая запись: „Стрельцы передаются нам каждый день, убегая царской казни".[1] Очевидно, автор имел в виду время с 10 по 16 декабря. Этому факту можно дать лишь такое объяснение, что, очевидно, в эти дни смоленское правительство раскрыло изменническую организацию среди стрельцов или их начальников, и замешанным в этом деле стрельцам приш-

1 „Русск. историч. биб-ка", стр. 495.

лось убегать от царской казни. Ни за что другое стрельцов казнить не могли.

По составу агентов, перебрасывавшихся к полякам, можно думать, что изменнический центр в Смоленске был дворянско-стрелецким. Дворяне, стрельцы и духовенство составляли в Смоленске реакционный антинародный блок сторонников польского господства и являлись добровольной агентурой поляков, их классовыми союзниками.

Изменники оказались и среди командиров крепостных башен. Так, под 11 февраля 1610 года в дневнике королевского похода записано, что смоленский „воевода, заметив, что Афанасий по стенам что-то устрояет в пользу короля, приказал бросить его в тюрьму".[1] Неизвестно, о каком Афанасии здесь идет речь, но следует думать, что это лицо обладало какой-то командной властью, раз оно могло что-то устраивать на стене. Вполне возможно, что именно в это время был арестован командир Фроловской башни Никифор Ефимьев, который летом 1610 года сидел в смоленской тюрьме.

Мероприятия смоленского правительства по урегулированию продовольственных затруднений относятся уже к концу первого этапа осады, а именно к концу февраля 1610 года. Автор дневника похода очень тщательно отмечал все сведения о нарастании продовольственных затруднений в Смоленске, но только к 14 января 1610 года относится запись о начавшемся в Смоленске голоде. „Из крепости передался, — пишется в дневнике, — один русский, который говорит, что в крепости и в войске большой голод".[2] Но, судя по смоленским документам, в крепости в это время еще не было настоящего голода. Некоторая часть населения, явившаяся в осаду без хлебных запасов, возможно, уже голодала, но это еще не было широким явлением. Общим явлением в городе была дороговизна на предметы продовольствия и развившаяся на этой почве спекуляция. Вот против этого-то зла и были направлены мероприятия смоленского правительства.

Сохранилось два приказа М. Б. Шеина по урегулированию торговли хлебом, отданные 20 и 23 февраля

---

[1] Там же, т. 1, стр. 537.
[2] Там же, стр. 515.

1610 года (по стар. стилю). Первый приказ запрещал покупку хлеба в запас, булочникам и калачникам разрешалось покупать в день не более четверика муки, запрещалась бесконтрольная торговля хлебом по дворам и устанавливалось одно определенное место покупки и продажи хлеба у Днепровских ворот под контролем таможенного головы Василия Туренина и его целовальников (присяжных чиновников). Второй приказ имел следующее содержание: „Велети бирючю кликати не по один день по всем торгом и по слободам и по всем улицам и по переулкам, чтоб смольняне посадцкие и всякие люди хлеба на вскуп (в запас для торговли. — *В. М.)* не закупали и хлебом для корысти не торговали и по подворьям бы хлеба нихто не продавал и нихто ни у кого не купил, а у которых у смольнян у походцких (у пришедших в осаду. — *В. М.*) и у всяких людей хлеб свой есть, и те б люди хлеба не покупали ж, а купили б хлеб нужные (нуждающиеся. -- *В. М.*). А которые люди хлебники и калачники и они б хлеба много не закупали ж, а купили б на день по четверику смоленскому, будет на который день печь, а осьминами и четвертми не закупали“.[1] За нарушение приказа полагалась торговая казнь (битье кнутом на торговой площади) и конфискация хлеба.

Судя по содержанию этих приказов, можно сделать вывод, что в феврале 1610 года в Смоленске голода еще не было. Хлеб можно было купить, хотя и по высокой цене, на базарной площади у Днепровских (Фроловских) ворот. Производилось также ремесленное хлебопечение и торговля хлебными изделиями (калачами и проч.). Нормальная торгово-промышленная деятельность города еще не замерла, а только несколько сузилась и подверглась регламентации.

Оба приказа М. Б. Шеина, не нарушая сложившихся в городе товарных отношений, были продиктованы, несомненно, интересами основной массы ремесленников, стремившихся ограничить алчность богатых дворян и купцов. Приказы М. Б. Шеина, во-первых, обеспечивали возможность существования ремесленного хлебопечения и занятых в нем ремесленников, во-вторых, давали возмож-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска“, № 122.

ность и другим ремесленникам покупать хлеб на рынке, в-третьих, пресекали тенденции крупных купцов и богатых дворян скупать хлеб для спекуляции. Таким образом, приказы обеспечивали интересы массового ремесленного производителя и массового потребителя. Здесь оставалась необеспеченной только та крестьянская беднота, которая пришла в осаду без достаточных запасов хлеба и без денег на его покупку на базаре. С ростом дороговизны усиливалось бедственное положение этой группы крестьян, и это было одной из причин, которые подтачивали изнутри прочность посадско-крестьянского блока.

Среди смоленских документов есть один, ярко рисующий тяжелое положение таких крестьян, создавшееся уже к началу января 1610 года. Крепостной крестьянин помещика Т. Доводчикова, П. М. Оладья, был привлечен к ответственности за то, что его сын будто бы сбежал из города. На суде выяснилось, что П. М. Оладья со всей семьей жил в землянке и сыновья его кормились только милостыней; „а кормились по миру, не вместе хаживали“, и поэтому семья не знала, куда делся один из сыновей.[1]

Таково было положение в Смоленске в первый период осады (с момента ее начала до марта 1610 года).

В то время, когда польское правительство искало путей и средств к объединению всех польских военных сил под руководством королевской ставки, враждебные действия польской армии против Смоленска развивались своим чередом. Из различных средств борьбы поляки применяли артиллерийский обстрел, минную войну и открытую агитацию. Из всех этих средств большой интерес представляет последнее, так как оно ярко показывает, на какие социальные элементы делали ставку поляки для морального и политического разложения осажденных.

Выше был приведен случай со смоленским дворянином Григорием Мешаевым. Поляки и в дальнейшем старались практиковать такие же приемы агитации.

13 ноября (нов. стиля) 1609 года поляки выставили из шанцев брата игумена смоленского Троицкого монастыря и еще какого-то пленного (надо полагать — дворя-

[1] „Памятники обороны Смоленска“, № 102.

нина). „Эти пленные,— сообщает дневник похода,— долго убеждали русских, бывших на стене крепости, сдаться, но напрасно. После долгой перебранки корчемными словами, разошлись. Затем русские стали необычайно часто стрелять". [1]

Через пять дней поляки решили послать того же самого брата игумена в крепость, но смоляне отказались разговаривать с ним.[2] В начале декабря к польскому командованию явился какой-то смоленский поп с предложением, „чтобы король дал письмо к архиепископу, воеводам, стрельцам и к миру. Он готов итти даже на мучение, но будет говорить и убеждать их не противиться воле божией и сдаться, не увеличивать более в земле разорения и кровопролития. Для большей крепости он оставляет у гетмана своего сына". [3] Поп выражал классовые интересы всего смоленского духовенства так же, как и брат троицкого игумена, но только по поведению попа видно, что это был „идейный" сторонник союза с панской Польшей; за эту идею он даже готов был принять мученическую смерть. Этот факт чрезвычайно интересен, так как он ярко вскрывает политическую позицию духовенства, показывает зависимость его политических идей от его классового положения и говорит, что духовенство еще 300 лет тому назад было враждебно народу. Дальнейшая судьба попа показала, что смоленские трудящиеся уже и в то время были не очень вежливы с изменниками, хотя бы они и прикрывались божественной маской. По польским сведениям, поп в Смоленске был подвергнут пытке и, очевидно, посажен в тюрьму.

Все эти случаи дают нам возможность сделать вывод, что смоленские дворяне и попы были агентами панской Польши. К этому антинародному блоку легко примыкали и стрельцы, выполняя разные его шпионские поручения. Все это показывает нам знакомство с первым этапом осады Смоленска.

В плане борьбы польско-литовских интервентов против Московского государства огромное значение имело объединение польских сил под одним руководством, т. е.

---

[1] „Русск. историч. биб-ка", т. 1, стр. 480.
[2] Там же, стр. 483.
[3] Там же, стр. 491.

установление одного центра интервенции в лагере под Смоленском. Это событие следует считать переломным моментом и в ходе осады Смоленска, так как с ним связана была некоторая передвижка в соотношении классовых сил; после этого значительно возросли силы антинародного блока.

Выше было сказано, что королевские послы прибыли в Тушино 14 декабря (нов. стиля) 1609 года.[1] Для подкрепления предложений короля, в качестве „веского аргумента" послы располагали крупной боевой силой, почти целой армией по тогдашним условиям. Дневник королевского похода сообщает, что при послах находилось 3800 человек пехоты и 400 отборных копейщиков.

Предложения короля сводились к тому, чтобы тушинское „рыцарство" влилось в его армию и подчинилось общему командованию на тех же условиях, на которых служила в этой армии и остальная шляхта. Для тушинцев это обозначало навсегда проститься с перспективой играть роль правящего слоя в Московском государстве и уступить эту роль крупным магнатам Польши и Литвы.

В политическом отношении это сводило на-нет все „труды" тушинского „рыцарства" по укреплению своей власти в Московском государстве. Этим и объясняется то упорство, с каким „рыцарство" отстаивало свое положение, становившееся с каждым днем все безнадежнее. Особенно безнадежным оно стало после того, как московское дворянство, собравшееся в Тушине, стало отходить от „рыцарства" и примыкать—сначала тайком, а потом и открыто—к польскому королю. Переговоры королевского посольства в Тушине главным образом и сводились к борьбе с политическими притязаниями „рыцарства" и к борьбе за его союзника — московское дворянство.

Предложение короля раскололо тушинских поляков на две части — на сторонников и на противников короля. Сторонниками короля были знатнейшие шляхтичи, а противники принадлежали к мелкой шляхте, имевшей достаточные основания быть недовольной своим положением на родине. Переговоры носили очень бурный ха-

[1] Или 17 декабря, по другому польскому источнику.

рактер, но пыл борьбы умерялся тем, что над обеими сторонами нависла одинаково страшная для них угроза — наступление армии Скопина-Шуйского. Под давлением этой опасности спорящие шли на взаимные уступки. Дневник королевского похода так оценивал положение обеих сторон: „Хотя там (у тушинцев. — *В. М.*) едва ли не каждый ротмистр высчитывает, что выслужил сто тысяч, но видя, что невозможно это получить, и видя ослабевшие свои силы, потому что Скопин берет над ними верх, они дешевле оценивают свою прошедшую службу“. [1] По этой же причине и королевский лагерь был очень осторожен в оценках будущего: „Хотя бы наши послы и пришли к соглашению с ними (тушинцами. — *В. М.*), — пишется в дневнике, — и если бы нам передались и те русские, которые держатся там того человека (самозванца), то и тогда мы еще не кончим дела, а придется нам силою оружия побивать Скопина и заключать с Шуйским основательный договор“. [2]

В переговорах королевских послов с тушинцами не так интересно содержание происходившего между ними торга, как интересно классовое положение крайней оппозиционной группы „рыцарства“ и роль московского дворянства. Автор дневника такими чертами рисует оппозиционеров: „Только уже после многих споров г. Бучинский добился, что его стали слушать, и стал нападать на тех, которые поднимали бунты, — это пахолики, портные, сапожники, забравшиеся на службу в число товарищей, а таких там не мало“. [3] Следовательно, пахолики и низшие слои шляхты разошлись во взглядах со знатным рыцарством, но так как оппозиционеры составляли большинство, то с их требованиями приходилось считаться и польскому правительству. Однако правительство шло на некоторые уступки неискренно, тая коварный замысел в удобную минуту физически истребить свою оппозицию. Автор дневника так рассуждает по этому поводу: „В виду того, что войско (тушинское. — *В. М.*) разделилось, и в виду усиления Скопина, нельзя было иначе поступать, но есть надежда и средства иначе уст-

---

[1] „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 502.
[2] Там же, стр. 502—503.
[3] Там же, стр. 522—523.

роить дело, а те подонки, которые теперь заправляют делами, можно будет уничтожить". [1]

Значительно легче и скорее королевские послы сумели договориться с московскими дворянами, находившимися в Тушине. Дворянство искало для себя твердой опоры в деле „успокоения государства", т. е. в деле подавления крестьянского и холопского движения. Грозный призрак не утихавшей крестьянской войны снова встал во весь свой рост перед московским дворянством в конце 1609 года. В то время под Москвой появился во главе крестьянских и холопских масс крестьянин Салков. Дворянство не могло не вспомнить по этому поводу и Болотникова. „Да тут же собрался хатунский мужик именем Салков,— сообщает летописец,— а с ним собрались многие русские воры, от нево же наипаче утеснение великое бысть". [2]

Вполне понятно, что внутренняя грызня среди польско-литовских интервентов, между крупным панством королевского лагеря и мелким „рыцарством" тушинского лагеря дворянству не нравилось, и оно, просоединившись к наиболее сильной королевской стороне, принимало меры к примирению обоих лагерей.

Эта позиция московского дворянства очень подробно освещена в дневнике королевского похода. Автор дневника пишет: „Есть множество русских (в Тушине.— *В. М.*), которые желают, чтобы мы пришли с собою к соглашению, и готовы итти туда, куда пойдет польское войско, потому что они разбиваются на разные партии и в самой Москве русским стало ненавистно правление Шуйского". [3] Точная формулировка политических взглядов этих кругов дворянства дана была несколько позднее (именно 26 января 1612 года) в грамоте временного московского правительства, написанной в Ярославль. В грамоте писалось: „Да и то сами же можете себе рассудити и мы вам то объявляем же: (если) только не великим государем, наяснейшим Жигимонтом, королем польским и великим князем литовским, и сыном его великим государем нашим царем и великим князем Владиславом

[1] Там же, стр. 527—528

[2] „Полное собрание русской летописи", т. XIV, ч. I, стр. 93.

[3] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 512.

Жигимонтовичем всея Руси Московское государство усмирити и кровь крестьянская уняти, чем же кровь крестьянскую в Московском государстве можем уняти? Без их государские милости никакими обычаи в Московском государстве кровь крестьянская литись и Московское государство пустошитися не престанет, им великим государем Московского государства никак никому не поступыватца, то вам подлинно объявляем...". „А мы, их все государской милости подданные, учнем жити в их государском жалованье, в покое и в тишине по прежнему". [1]

Здесь не имеет никакого значения то, что эти мысли высказаны были через два года после переговоров в Тушине. Авторы грамоты в 1612 году продолжали политику тушинского дворянства и высказывали то, что последнее думало в январе 1610 года. Тушинское дворянство не видело никакой другой силы, кроме польских интервентов, которая бы могла помочь дворянству выбраться из тревог и опасностей так долго затянувшейся гражданской войны. Уже несколько лет дворянство билось над вопросом, когда же „учнем жити... в покое и тишине по прежнему", в течение нескольких лет дворяне жили в страхе от крестьянских волнений, когда, по словам летописца, „пострадахом и убьени быхом ни от неверных, но от своих раб и крестьян поругаеми и убиваеми", [2] и вот напуганное и обессиленное дворянство, не видевшее вокруг себя твердой антикрестьянской власти, решило опереться на силы польско-литовских интервентов.

По словам дневника, в Тушине „русские явно начали высказывать свою расположенность к королю". Автор дневника не пожалел красок для изображения тех чувств, которые испытывали московские дворяне, когда узнали, что „король готов взять их под свою защиту". „Русские сильно радовались и многие плакали,[3] — пишется в дневнике.— Начиная с патриарха (Филарета Романова.— *В. М.)*, все с благодарностью приняли грамоты, целовали подпись короля и хвалили Речь Посполитую, что послала им

[1] Сборник И. Р. И. О., т. 142, стр. 296—297.
[2] „Русск. историч. биб-ка", т. II, стр. 524.
[3] „Было радости и плачу досыть между Москвой".

время замирения“. [1] Так сентиментально и чувствительно к слезам оказалось московское дворянство, когда дело коснулось спасения собственной шкуры и поместий. Тогда же многие дворяне записались в верноподданные польского короля: „Частным образом многие из них целовали крест на имя короля“, [2]—сообщает дневник.

Такой политический поворот московского дворянства сильно ослабил позиции тушинского „рыцарства“; теряя своего союзника, „рыцарство“ теряло и твердую почву под ногами. Это сразу же сказалось на позиции „рыцарства“ по отношению к королевским предложениям. „Войско тоже возвратилось к благоразумию,—пишется в дневнике,— все обещают быть верными и доброжелательными его королевскому величеству и отправляют к королю послов с некоторыми требованиями“. [3]

Таким образом, Тушинский лагерь в конце января 1610 года раскололся на две силы: московское дворянство и польское „рыцарство“. Под влиянием поворота дворян оппозиционность „рыцарства“ по отношению к королю стала быстро линять. Обе силы вступили в самостоятельные переговоры с польским правительстом. Русские дворяне в конце января 1610 года послали под Смоленск свое посольство в составе М. Г. и И. М. Салтыковых-Морозовых, князя В. М. Масальского и дьяков И. Т. Грамотина и Ив. Чичерина, а „рыцарство“ послало свое посольство в составе Хросинского, Стаборовского, Яйковскго, Стравинского, Войцковского, Дворжицкого, Павловского и Пепловского. Посольство дворян, принявших все условия короля, сразу получило перевес над „рыцарским“ посольством во время переговоров под Смоленском.

Перейдя на службу к новому хозяину, дворяне уже мало считались со своими прежними союзниками, и во время переговоров с королем они, очевидно, ущемляли их интересы. Это возмущало посольство тушинского „рыцарства“. Дневник рассказывает, что „эти послы пришли к русским боярам и стали угрожать им и обещали отомстить, если не получат от короля благопо-

---

[1] „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 525.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 525—526.

лучного ответа".[1] Русские послы под такой угрозой вынуждены были отстаивать и интересы своих вчерашних друзей. „Русские, передав сенаторам, что против них враждуют послы от тушинского „рыцарства", просили, чтобы король дал этим послам милостивый ответ. Сенаторы охотно согласились сделать это".[2]

Результатом переговоров под Смоленском польского правительства с дворянскими и „рыцарскими" послами явился знаменитый договор 4 (14) февраля 1610 года. Это был договор русского дворянства (точнее — московского) с польским королем; но если принять во внимание обстановку, в которой протекали переговоры, то безошибочно можно предположить, что в условиях этого договора нашли косвенное отражение и интересы тушинского „рыцарства". Однако анализ этой стороны договора не входит в нашу задачу. К договору 4 (14) февраля мы подходим лишь с точки зрения того нового, что он вносил во внутриполитическую обстановку в России.

Являясь изложением политической платформы верхов русского дворянства, договор устанавливал следующие важнейшие политические положения:[3]

а) Польская интервенция признавалась законной силой, призванной „успокоить государство"; эта легализация итервенции превращала сопротивление ей в антигосударственный акт, вследствие чего в программу „успокоения государства" входило не только подавление движения крестьян и холопов против помещиков, но и подавление борьбы народа против польско-литовских поработителей.

б) Между Польшей, Литвой и Россией образовывался военный и оборонительный союз под гегемонией Польши; Россия входила в династическую унию с Польшей, но получала в цари королевича Владислава только после „успокоения" страны силами карательных отрядов Сигизмунда III.

в) В приграничных русских городах власть должна была оставаться в руках поляков до „доскональиого успокоения государства".

---

[1] Там же, т. I, стр. 39.
[2] Там же, стр. 540.
[3] Сборник И. Р. И. О., т. 142, стр. 69—73.

г) В России выход крестьян от помещиков запрещался окончательно; запрещался также переход русских крестьян из Литвы и Польши в Россию и наоборот.

д) Холопы должны были служить своим господам по-старому, т. е. как это было до крестьянской войны.

Вот то новое в области политики и взаимоотношения классов, что устанавливал договор 4 (14) февраля. Пункты договора о незыблемости церковного и помещичьего землевладения, о незыблемости прав и привилегий господствующего класса были не новостью, а тем старым, за что боролось русское дворянство и духовенство. Общий смысл договора сводился к тому, что за сохранение своих вотчин и поместий, за возможность усиления эксплоатации крестьянства, за сохранение своих сословных и политических привилегий, т. е. за возможность жить „в покое и в тишине по-прежнему" дворянство соглашалось пожертвовать политической независимостью России, уступить врагу западные земли (Северскую и Смоленскую) и отдать свой народ в эксплоатацию польско-литовским панам. Во всяком случае программа получилась ясной и откровенной; предательство родины за узкоклассовый интерес оказалось знаменем русского дворянства в 1610 году. Если смотреть на ход событий с этой стороны, то надо сказать, что смоленское дворянство еще раньше московского стало на этот путь, только делало оно это нелегально. Договор же 4 (14) февраля развязал руки дворянству, и оно после этого стало открыто переходить на сторону польского короля, так как именно в силу договора 4 (14) февраля предательство родины стало политической добродетелью, а борьба за родину была приравнена к государственному преступлению.

Но все дело заключалось в том, что ни у поляков, ни у русских дворян не было силы превратить договор 4 (14) февраля в основной закон России, не было силы навязать этот закон народу. Страна защищалась и против интервентов и против изменнической политики своего господствующего класса, и надо сказать, что в 1610 году во главе этого народного движения стоял именно смоленский посадско-крестьянский блок, приковавший к себе главные силы польской армии.

Заключение договора 4 (14) февраля следует считать

переломным этапом в ходе обороны Смоленска в том смысле, что с этого момента изменялось политическое значение борьбы смоленских народных масс: они теперь вели борьбу уже не только против поляков, но и против открытого союза части русского дворянства с поляками, вели борьбу против февральского договора.

Этот договор должен был поднять дух смоленских дворян, они получали в нем юридическое оправдание своей предательской деятельности, и вследствие этого должна была обостриться внутренняя борьба в Смоленске. Действительно все это наблюдается во втором этапе осады Смоленска—от марта до сентября 1610 года, т. е. до заключения 17 (27) августа второго договора с поляками.

Кроме того, договор 4 (14) февраля положил начало пересмотра помещичьего землевладения. По смыслу договора польский король становился верховным распорядителем всего земельного фонда Московского государства. Помещики, во-первых, должны были получить у короля санкцию на владение своими вотчинами и поместьями, а во-вторых, перед ними открывался широкий простор для получения новых пожалований за „верную службу“ королю, т. е. за измену родине. В руках Сигизмунда III земельные пожалования превращались в очень мощное орудие, которое позволяло ему крепко привязать к себе большое количество русского дворянства. Королевская канцелярия под Смоленском (главным руководителем которой, повидимому, был Лев Сапега)[1] превратилась в своеобразную земельную биржу. „Под Смоленском король Сигизмунд жалует ничем не стесняясь, — пишет Л. М. Сухотин, — ни нормами окладов, ни составом жалуемых земель: там, под Смоленском, наряду с крупными пожалованиями выморочных и изменничьих земель щедро раздаются и дворцовые и черные земли“.[2] Под „изменничьими“ землями подразумевались земли дворян и бояр или остававшихся еще на стороне В. И. Шуйского, или же примкнувших к народному движению в Смоленске, в Нижнем и в других замосковных городах.

---

[1] *Л. Сухотин*. „Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе“, стр. XIV.

[2] Там же, стр. XXVII.

Надо заметить, что прежде всего огромные земельные пожалования получили лидеры тушинского дворянства, заключавшие договор 4 (14) февраля. За ними пошли и дворяне всех других уездов. Совершенно естественно, что большой процент новых верноподданных польского короля составили смоленские дворяне. Например, из 808 земельных пожалований польского короля, приведенных в „Актах Западной России" (том IV), 183 пожалования, или 22,6 проц. приходится на долю смоленских дворян. (В 183 пожалованиях перечислено 207 смоленских помещиков, или 19 проц. от всего числа их по десятне 1606 г.). „Реестр листов, выданных из-под Смоленска,— пишет Л. Сухотин, — в том виде, в каком он напечатан в „А. З. Р.", не полон".[1] Поэтому точными сведениями о числе смоленских дворян, перешедших на службу к королю, мы не располагаем, но некоторые существенные стороны этого дела все же могут быть установлены.

В переходе смоленских дворян на службу к польскому королю во втором этапе осады Смоленска (с февраля по август включительно 1610 года) намечаются два периода: с февраля по июль и второй — с июля по август включительно (по нов. стилю). По сохранившимся документальным источникам, с февраля по июль к польскому королю перешло на службу всего девять смоленских дворян. Незначительность этой цифры объясняется тем, что самый переход к полякам был сопряжен для смоленских помещиков с большими объективными трудностями, несмотря на все их субъективное расположение к королю. Сидевшим в смоленской осаде помещикам не так-то легко было перекинуться к полякам, так как они должны были считаться и с судьбой оставшейся в городе семьи, и с трудностями побега, и с слабостью сил самих поляков (заключение договора 4 (14) февраля еще не обозначало захвата всей России). Большинство же смоленских помещиков, как известно, ушло из Смоленска в 1609 году с Як. Барятинским на помощь Скопину-Шуйскому и в 1610 году находилось, вероятно, в Москве, а следовательно, было связано московской политической обстановкой. Поэтому, кто же из смоленских помещиков до июля 1610 года мог перейти

---

[1] Там же, стр. XXXIII.

к Сигизмунду? Можно предположить, что, во-первых, к нему могли перейти помещики-дезертиры из Смоленска, которым нечего было терять в осажденном Смоленске (например молодежь, еще не верстанная поместьями), а во-вторых, помещики, остававшиеся вне осады.

Действительно, среди названных выше девяти смоленских помещиков пятеро не числились в десятне 1606 года (Константин Головачев, Тим. Ив. Аксенов, Ив. Ив. Неелов, Мих. Иевл. Сухотин и Ив. Фефелов), а остальные принадлежали к мелким статьям, так, например, Арт. Дм. Сухотин имел оклад 300 четвертей, Нев. Дм. Самарин имел такой же оклад, Бор. Вас. Поздняков имел оклад 250 четвертей и Петр Кожин — 100 четвертей.

Двое из этих дворян, несмотря на всю свою незнатность, сумели добиться у короля очень крупных пожалований; следовательно, они сумели оказать польскому правительству какие-то крупные услуги. Так, например, Конст. Головачев, о личных владениях которого ничего не известно, получил поместья[1] Павла Головачева (выбор, оклад 500 четвертей), Лаврентия Башмакова, Ивана Верещагина (городовой, оклад 400 четвертей), Андрея Головачева (дворовый, оклад 500 четвертей) и Ив. Афон. Башмакова (дворовый, оклад 500 четвертей). Это было головокружительным выдвижением для совершенно незначительного смоленского дворянина. Но ведь вопрос заключался в том, что удержать за собой все эти поместья Конст. Головачев мог только при условии полной победы поляков над Московским государством. Поэтому естественно, что К. Головачев и подобные ему становились верными слугами польского правительства и всеми силами содействовали его успехам.

То же самое было и с Арт. Дм. Сухотиным. Имея оклад всего в 300 четвертей и владея поместьем в 50 четвертей,[2] этот ловкий помещик сумел сохранить и свое поместье и получить еще в прибавку[3] поместья Елизария Руднева (городовой, оклад 350 четвертей) и бывшие поместья Афон. Баскакова (городовой, оклад 400 четвертей). Смоленский дворянин Тим. Ив. Аксенов,[4] раньше,

---

[1] „Акты Западной России", т. IV, стр. 329.
[2] Там же стр. 332.
[3] Там же, стр. 337 и 342.
[4] Там же, стр. 332.

очевидно, еще не верстанный поместьем, получил дачу в 200 четвертей, т. е. такую, какую в обычных условиях мог получить лишь дворянин крупной статьи.

Приведенные примеры говорят о том, что переход смоленских помещиков на сторону польского короля сулил им большие выгоды, но только при условии укрепления польского владычества в России. Решительное слово в этом смысле должна была сказать обстановка под Москвой. Победа Жолкевского под Клушиным над армией Шуйского (4 июля по нов. стилю 1610 г.) была тем переломным моментом, который окончательно убедил смоленских и московских дворян в прочности польских позиций и побудил их в большом числе смело переходить на польскую сторону. За время от Клушинской битвы до августовского договора на службу к польскому королю перешло[1] 52 смоленских помещика. Эти помещики могли приехать только из-под Москвы. (Например, еще до Клушинской битвы около двадцати смоленских дворян отправились из Москвы к польскому королю, но по дороге их забрали с собою поляки, ехавшие в Калугу).[2] Общественное положение многих из 52 дворян можно определить по десятне 1606 года. Приводим сведения о них в следующей таблице:

Размер земельного оклада в четвертях	Число помещиков, перешедших к королю
600	1
500	12
450	11
400	4
350	3
300	2
200	4
Неверстанных и поверстанных после 1606 г.	15
Всего . .	52

[1] Там же, стр. 337–346.
[2] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 591.

На основании этой таблицы можно сделать заключение, что после Клушинской битвы к польскому королю из Москвы стали отъезжать по преимуществу крупные и средние помещики. Причем довольно любопытна следующая деталь: до середины августа смоленские помещики берут у польского правительства главным образом право на владение своими прежними поместьями, а с середины августа (по нов. стилю) помещики, как правило, начинают выпрашивать и чужие поместья. Это, повидимому, вызывалось тем, что с середины августа 1610 года смоленские помещики были уже совершенно твердо уверены в прочности польского господства в России. Такая политическая обстановка, сложившаяся за стенами осажденного Смоленска, не могла не повлиять на настроение помещиков, сидевших в смоленской осаде. Уже заранее можно было бы сказать, что оживление их предательской и подрывной работы должно было произойти в июле—августе 1610 года. Знакомство со смоленскими документами как раз и подтверждает это предположение. Однако детальное изучение внутренней борьбы в Смоленске в августе 1610 года следует пока отодвинуть в сторону, а предварительно необходимо ознакомиться с ходом осады с марта по август.

Период с марта по конец июля (нов. стиля) 1610 года в ходе осады Смоленска был временем сравнительного затишья. Осаждавшие убедились, что без сильной осадной артиллерии невозможно причинить сколько-нибудь существенных повреждений крепости; минная война тоже не давала успехов, так как осажденные посредством „слухов“ (подземных ходов с наружной стороны крепости) обнаруживали польские подкопы и взрывали их контрминами. Только в конце мая 1610 года поляки получили из Риги осадную артиллерию,[1] однако к усиленной бомбардировке крепости они приступили только с 28 июля.[2]

Но за это время поляки сумели добиться значительных успехов на второстепенных фронтах. Так, 13 апреля А. Гонсевский взял г. Белый. Эта небольшая крепость имела весьма важное значение для Смоленска вследствие

---

[1] Там же, стр. 592.
[2] Там же, стр. 637.

того, что она прикрывала дорогу на среднюю Волгу, откуда могла быть оказана Смоленску помощь войсками Скопина-Шуйского. На обстоятельствах падения г. Белого следует несколько остановиться, так как его судьба показывала, к чему мог привести перевес дворянства над посадским миром.

В Белом происходила та же борьба между посадским миром и дворянами, какая шла и в Смоленске. Разница была только в том, что посадский мир Белого оказался слабее своих дворян. В то время как в Смоленске дворяне не смели и головы поднять, а вели только чрезвычайно законспирированную шпионскую работу,— в Белом дворянство чувствовало себя свободнее. Но в Белом перед дворянами встала другая опасность: они не решались сдаваться полякам, так как боялись зверств казаков, осаждавших крепость. Дворяне хотели получить гарантию личной безопасности и поэтому послали к Гонсевскому своего представителя. С этим бельским послом Гонсевский прибыл к польскому королю 21 января 1610 года для установления общих условий перехода белян на сторону поляков. Кто же был этот посол из Белого? Дневник похода короля не называет его имени, но можно догадаться по позднейшей записи дневника, что это был бельский воевода.[1] Значит, это был Андрей Иванович Дедевшин.

Это дает возможность внести некоторые коррективы в историческую легенду об Андрее Дедевшине. Дедевшин, оказывается, действительно бежал к полякам, но бежал не из Смоленска (откуда он уехал еще в июне 1609 г.), а из Белого (где был воеводой); Дедевшин действительно предал полякам, но не Смоленск, а Белый, и для своего предательства воспользовался не слабым местом в стене, а слабым местом в рядах защитников, перетянув на сторону поляков бельских дворян.

Прибыв 21 января вместе с А. Гонсевским к королю, бельский воевода изъявил ему свое верноподданничество и в качестве представителя бельского дворянства сообщил, что „русские просят, чтобы казаки и другие польские люди не глумились над ними; чтобы король объ-

---

[1] „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 540. (Здесь в дневнике сообщается о вторичном приезде бельского представителя к королю).

явил, что могут безопасно притти к нему, и чтобы прислал к границе Белой приставов, с которыми бы можно было безопасно приходить к нему".[1] Из этой просьбы ясно видно, что бельские дворяне хлопотали о безопасности своих побегов из осажденной крепости; они боялись попасть в лапы казаков и разных польских бандитов, которые бы не посчитались с тем, что они сдаются на имя короля. Дальше в дневнике сообщается, что „он (бельский представитель) обещал потянуть за собою к королю многих бояр (дворян), которые искренно будут служить ему".[2] Такое обещание мог дать именно воевода. От короля „он получил надлежащий ответ и универсалы с объявлением королевской милости". [3]

Но несмотря на предательство дворян, бельская крепость держалась еще три месяца, так как посадские упорно защищались. О ходе осады дает представление запись в дневнике королевского похода 18 февраля (нов. стиля). Дневник сообщает, что под Смоленск приехал „один боярин (дворянин), который был воеводой в Белой (т. е. опять приехал А. И. Дедевшин. — *В. М.*). Будучи в нашем лагере под Белой, он убеждал русских, сидящих в крепости, сдаться и припоминал им, что когда он был у них воеводой, то они заодно с ним желали иметь государем королевича". [4] Действительно, А. Дедевшину удалось было втянуть осажденных в переговоры, но налаживавшееся с большим трудом дело было внезапно сорвано дикой выходкой пьяного казака, ни с того ни с сего зарубившего одного из участников бельской делегации, вышедшей для переговоров. В связи с этим А. Дедевшин и приехал второй раз к королю требовать управы на своевольных казаков. Польский гетман приказал отрубить этому казаку голову на глазах у осажденных, чтобы этим самым склонить их к продолжению переговоров.

Бельская крепость была взята только 13 апреля 1610 года. По польским данным, из 16 000 человек, находившихся в ней в осаде, к апрелю осталось всего 4000 защитников. К сдаче „побудили их, по словам днев-

---

1 „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 519.
2 Там же, стр. 519 - 520.
3 Там же, стр. 520.
4 Там же, стр. 540—541.

ника, отчасти голод и нужда, отчасти убеждения некоторых русских бояр (дворян.—*В. М.*), заявивших королю свое верноподданничество".[1]

Следовательно, причинами, вызвавшими падение Белого, были: во-первых, голод, а во-вторых, измена дворян, организованная самим воеводой.

Предательство А. И. Дедевшина было щедро вознаграждено польским королем. 15 августа 1610 года ему было пожаловано из чужих поместий „в Буйгородском стану, в Свадицкой волости и в инших станах" девятнадцать деревень, два починка и одно село.[2] Кроме того, надо думать, за А. И. Дедевшиным сохранились и его прежние поместья и вотчины.

Но падение Белого еще не сломило воли бельских посадских и крестьян к борьбе. Мы ничего не знаем о существовании посадско-крестьянского блока в осажденном Белом, но зато хорошо знаем о существовании этого блока после падения Белого, поэтому можно предполагать, что посадско-крестьянский блок существовал и во время осады. 7 июня (нов. стиля) немецко-шведский отряд Шуйского атаковал Белый и засевших в нем поляков и казаков. Бельские посадские организовали заговор против поляков и вошли в связь с немецким отрядом. Но о существовании заговора поляков предупредили сами же пленные немцы; поляки приняли все меры против заговорщиков, и атака города не удалась. Подобно посадским, в союзе с немцами против поляков были и бельские крестьяне. Об этом мы узнаем из дневника королевского похода, который сообщает о расправе, учиненной поляками над бельскими посадскими и крестьянами. „Тех русских, которые знали об измене,—пишется в дневнике,—велижский староста (А. Гонсевский.—*В. М.*) приказал бросить в тюрьму до королевского решения. Казаки жестоко стали побивать по деревням простых русских крестьян за то, что, когда пришло войско Шуйского, то те стали возить ему продовольствие и обещали дать по три рубля для уплаты жалования немецкой пехоте".[3]

---

[1] Там же, стр. 569.
[2] „Акты Зап. России", т. IV, стр. 342.
[3] „Русск. историч. биб-ка", т. I, стр. 599.

Это — еще один из огромного количества примеров, неопровержимо доказывающих существование в Смоленском уезде единого посадско-крестьянского фронта против польских интервентов. В Белом в небольшом размере проявились те же особенности народного освободительного движения, которое в широком масштабе мы наблюдали в самом Смоленске.

Выше было уже сказано, что с марта по конец июля поляки не предпринимали против Смоленска крупных военных операций. Падение Белого ухудшило и без того трудное положение Смоленска. У смолян теперь оставалась только одна надежда на помощь из Москвы. Но с этой стороны путь для московских войск был очень тяжел, так как прежде чем дойти до Смоленска, им пришлось бы брать две крепости: Вязьму и Дорогобуж, а затем давать бой главным силам Сигизмунда III. В полевой же войне армия Сигизмунда, обладая многочисленной и хорошо вооруженной конницей, представляла несомненно более крупную силу, чем в позиционной войне. Поэтому поход на выручку Смоленска в военном отношении представлял для правительства Шуйского необыкновенно трудную задачу. Наступательная война для Шуйского при тогдашних условиях была невозможна. Вследствие этого Смоленск мог рассчитывать только на свои собственные силы, а силы его таяли с каждым днем.

ГЛАВА XI

ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА В СМОЛЕНСКЕ И ЕГО ПАДЕНИЕ

Уже на втором этапе обороны для смоленского правительства решающим вопросом стал вопрос продовольственный. В феврале 1610 года, как мы знаем, правительство отдало приказ о регулировании хлебной торговли, а в конце марта оно приступило к переписи хлебных запасов у населения. Сохранились частично описи хлебных запасов у стрельцов, дворян, крестьян и посадских.[1] Это мероприятие говорит о большой предусмотрительности смоленского правительства и правильном подходе его к продовольственному делу. Надвигался голод, но при сосредоточении руководства продовольственным делом в руках правительства, при установлении действительной нуждаемости каждой семьи в хлебе, при использовании частновладельческих и государственных запасов хлеба — с голодом еще можно было бороться. И смоленское правительство действительно сумело бороться с ним больше года. Эта борьба представляет собою одну из интереснейших страниц в обороне Смоленска и заслуживает того, чтобы ее рассмотреть более подробно.

Перепись запасов хлеба у крестьян и посадских, находившихся на постое у смоленских стрельцов (причем крестьян было значительно больше, чем посадских), выявила следующую картину:[2]

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", №№ 242, 243, 244, 245, 246.

[2] Мы считали, что четверть = 160 фнт., осьмина = 80 фнт. и четверик = 20 фнт. (Эти меры приблизительны).

Наличный запас хлеба на одного едока (в фунтах)	Число едоков (взрослых и детей)	Процент к итогу
Без хлеба	22	2,2
Около 1 фунта	27	2,7
„ 2 фунтов	36	3,5
От 2 до 3 „	98	9,5
„ 3 до 5 „	107	10,3
„ 5 до 6 „	186	18,0
„ 6 до 10 „	258	25,0
„ 10 до 20 „	143	13,8
„ 20 до 30 „	108	10,3
„ 30 до 50 „	32	3,2
„ 50 до 80 „	7	0,7
Около 160 фунтов	5	0,5
„ 260 фунтов	3	0,3
Всего	1 032	100,0

Перепись показала, что в конце марта 1610 года в крепости голода еще не было, так как только 2,2 проц. крестьян не имели вовсе хлеба. Но зато через месяц, т. е. к концу апреля, без хлеба должно было остаться около 70 проц. крестьян, а это обозначало наступление голода среди крестьянской части населения крепости.

Обеспеченность хлебом среди посадских была значительно выше. 27 июля (по стар. стилю) 1610 года было зарегистрировано только 150 семейств посадских, совсем не имевших хлеба.[1] Это могло составить от 2 до 3 проц. ко всей численности посадского населения. 17 августа 1610 года среди посадских было уже 222 семейства бесхлебных,[2] т. е. за каких-нибудь 10 дней число бесхлебных увеличилось на 50 проц., но в общей массе это еще не давало большого количества голодных посадских.

Наиболее обеспечены хлебом были дворяне и стрельцы.

Среди смоленских дворян во втором этапе обороны не имели хлеба только 59 семейств.[3] (В составленном по этому поводу списке записано 73 семейства, однако четыр-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 248.
[2] Там же, № 50.
[3] Там же № 263.

надцати из них в хлебе было отказано). Но среди смоленских дворян были и такие, которые обладали очень большими запасами хлеба.

Какова же была политика смоленского правительства в продовольственном вопросе, как снабжалось хлебом население осажденного города?

Документы дают нам возможность ответить на этот вопрос с достаточной полнотой.

Регулярно снабжались хлебом, получая „государево хлебное жалованье", во-первых, дворяне из других городов (Вязьмы, Дорогобужа, Брянска, Серпейска и др.), у которых, естественно, не могло быть своего хлеба, а во-вторых,— смоленские стрельцы. С сентября по декабрь 1609 года дорогобужские дворяне, например, получали хлеб три раза[1] (очевидно, раз в месяц). Хлебный паек был неодинаков для военнослужащего дворянина и для члена его семьи.

Военнослужащему отпускалось в месяц по осьмине,[2] т. е. по 60 фунтов, а членам семьи и холопам по полъосьмины (по 30 фунтов).[3] Такой паек отпускался дворянам вплоть до мая 1611 года,[4] причем рожь выдавалась постоянно только на военнослужащих, а на остальных членов семьи и холопов иногда выдавался овес (во всяком случае так было в сентябре 1610 года) по 30 фунтов на человека в месяц.[5]

Дворяне (вяземские, брянские, дорогобужские и проч.) получали хлеб или из государственных житниц, или же им раздавался хлеб, конфискованный у дворян, обвиненных в государственной измене и посаженных в тюрьму.[6] Норма выдачи оставалась прежней, т. е. для военнослужащего в месяц осьмина (60 фунт.), а для члена семьи и холопа полъосьмины. Смоленские же дворяне, не имевшие хлеба, получали его или из житниц тех смоленских дворян, у которых были большие хлебные запасы,[7] или же из государственных резервов.

---

[1] Там же, № 263.
[2] Там же, стр. 184.
[3] Раздаточная государева четверть равнялась 3 пудам (2 осьмины).
[4] „Памятники обороны Смоленска", стр. 185.
[5] Там же, № 256.
[6] Там же, № 251.
[7] Там же, № 263.

Таким образом, документальные источники дают нам возможность утверждать, что за все время осады дворяне в Смоленске были вполне обеспечены хлебом и голода не испытывали. Приблизительно в таком же положении находились и стрельцы. Мартовская перепись показала, что у всех стрельцов имелся хлеб в размере „государева жалования", а у некоторых даже „жалованья с два".[1] Кроме того, известно, что 13 сентября 1610 года стрельцам было выдано хлебное жалованье из архиепископских житниц в таком размере: пятидесятнику по три чети (360 фунтов. — *В. М.*), десятнику по три чети без полъосьмины (330 фунтов.— *В. М.*), рядовым стрельцам по две чети с осьминою (300 фунтов — *В. М.*), „а давати в государеву в казенную меру по имянным книгам всем налицо..."[2] Как можно предполагать, это было месячное жалованье, которое выдавалось не по едокам, а в зависимости от служебного положения стрельца и в размере, несколько превышавшем потребительскую норму семьи стрельца.

Следовательно, стрельцы были обеспечены хлебом не хуже дворян и тоже не голодали во время осады.

Несколько хуже дело обстояло с посадскими. Посадские, не имевшие хлеба, также получали его из государственных резервов, но паек у них был меньше и не для всех посадских одинаков. Смоленские посадские получали, например, по осьмине ржи на семью,[3] а вяземские и дорогобужские „посадские люди мелкие" получали всего по 15 фунтов ржи.[4]

Таким образом, посадское население при отсутствии собственного хлеба должно было влачить полуголодное, а иногда и голодное существование. Но так как процент бесхлебных посадских, очевидно, был не очень высок, то посадский мир на втором этапе обороны еще не переживал больших мук голода.

Совсем в другом положении оказались крестьяне.

Помещики получали хлеб только на своих холопов, а крестьяне должны были кормиться своим хлебом. Ког-

---

[1] Там же, стр. 187.
[2] Там же, № 162.
[3] Там же, № 250.
[4] Там же № 252.

да же крестьянин съедал свои запасы, то ни помещик, ни смоленское правительство хлеба ему не давали. Нет ни прямых, ни косвенных указаний на то, чтобы смоленское правительство снабжало хлебом голодных крестьян. Как же питались бесхлебные крестьяне? Об этом красноречиво говорят документы переписи населения. Например, сообщается, что у стрельца Гришки Чернова „стоялщиков два мужика, а хлеба у них нет ничево, корметца меж двор“,[1] или „у стрельца Алешки Скоморохова... стоялщиков у него один мужик и хлеб покупает с торгу“.[2] Т. е. бесхлебным крестьянам и посадским приходилось или нищенствовать, или же, если были средства, покупать хлеб на рынке.

Поэтому, оценивая продовольственную политику смоленского правительства, необходимо признать, что она была узко-сословной. Господствовавшие сословия этой политикой были вполне защищены от голода, но народные массы голодали. Если этого нельзя утверждать по отношению ко всем посадским, то в отношении крестьян приходится сказать, что к концу второго этапа осады (к концу августа 1610 года) не меньше трех четвертей их по-настоящему голодали.

В продовольственной политике смоленского правительства проявилась классовая природа его руководителей. Несмотря на то, что вся тяжесть обороны Смоленска лежала главным образом на посадско-крестьянских массах, несмотря на то, что истощение и гибель от голода и болезней посадских и крестьян равносильны были крушению всей системы обороны, боярин М. Б. Шеин и смоленские купцы, стоявшие во главе правительства, не хотели приравнять крестьян даже к мелким посадским и отказывали им в праве на получение казенного пайка хлеба. Между тем, хлеба в осажденном Смоленске было достаточно. По словам гетмана Жолкевского, поляки, взяв Смоленск, нашли там большое количество продовольствия.

Несомненно, что антинародная линия смоленского правительства в продовольственной политике подрывала основы посадско-крестьянского блока и неизбежно вела

---

1 Там же, стр. 187.
2 Там же, стр. 191.

к его поражению. Это была одна из самых крупных причин падения Смоленска. Она указывает, что люди, ставшие во главе смоленских народных масс, не могли быть последовательными защитниками интересов крестьян и ремесленников, и своей тактикой они вели к гибели то дело, за которое сами же боролись. У крестьян и ремесленников в то время, конечно, не могло быть такого классового союзника, который бы последовательно защищал их интересы.

Антинародная продовольственная политика сразу же дала свои плоды. Оставшиеся без хлеба крестьяне вынуждены были бежать из города. Во втором этапе осады случаи бегства были сравнительно редки, но в третьем этапе (с сентября 1610 года) они стали очень частым явлением. Чрезвычайно характерно дело одного крестьянина, намеревавшегося 26 апреля 1610 года уйти из города. „И тот Офонасьев крестьянин Ступишина Микулка Василев, — говорится в документе воеводской избы, — в роспросе сказал, что он в том виноват, говорил ему то спроста, чтоб ему из города вытить вон и побывать у себя в деревне, и взяв в деревне деньги, которые ухоронены, да опять бы ему притти в город“. [1] Этот случай говорит о том, что крестьянину без денег в городе приходилось туго; выход был или в нищенстве, или в бегстве в деревню, или в переходе в холопы.

Таким образом, бегство крестьян из осажденной крепости имело совершенно иные причины, чем бегство дворян или стрельцов. Крестьянин бежал от голодной смерти, а дворянин и стрелец бежали как шпионы и изменники. Следовательно, причиной бегства крестьян и посадских была только антинародная продовольственная политика смоленского правительства.

По отношению к крестьянам правительство и не могло держаться иной линии, так как оно не могло пойти против своей классовой природы, но это нисколько не влияло на его отношение к польским интервентам. Смоленское правительство продолжало вести непримиримую борьбу с ними и сурово подавляло всякие проявления враждебной агитации в городе. Некоторый интерес представляет следующий случай. 28 апреля 1610 года кре-

[1] Там же, № 135.

стьянин Юрий Максимов донес на монастырского служку Третьяка Иванова, что тот будто бы высказывался против обороны Смоленска. Призванный на допрос монастырский служка признался, что он действительно говорил на стене, что „смольняне заупрямились, а новгородцы де и псковичи давно бы сдались, а слышал де он про то в прошлом в 117 году (в 1609 г.) у брянченина сына боярского..., да и то де он говорил, что Смоленск вознесся до небес, а ныне и пропадет, а больше де он того ничего не говаривал. И боярин и воеводы того мужика велели бить кнутом нещадно, и тот мужик кнутом бит нещадно“. [1]

В этом эпизоде необходимо подчеркнуть то, что, во-первых, источником враждебной агитации была дворянская среда, находившая для себя сочувствующих в классово-родственных монастырских кругах, а во-вторых, что именно крестьянин оказался бдительным и разоблачил вражескую выходку.

В течение весны и лета 1610 года поляки неоднократно принимались различными средствами склонять смолян к сдаче крепости. Так, еще в апреле прибывший к королю касимовский хан совместно с русскими дворянами, находившимися в то время при короле, написал осажденным письмо с предложением сдать город. „Русские вышли из ворот, — пишется в королевском дневнике, — приняли письма и попотчивали барабанщика медом; затем они строго запретили ему приходить с подобными письмами“. [2]

Поляки пытались использовать для возобновления переговоров и захват Белого и смерть Скопина-Шуйского, но ничего не выходило.

После Клушинской битвы в королевский лагерь с гетманом Жолкевским приехало много смоленских дворян. Надо сказать, что смоленские и брянские дворяне (из отряда Барятинского) вели в Москве особенно активную агитацию за союз с Польшей. [3] Эти дворяне, перейдя на сторону польского короля, сразу же решили

---

[1] Там же, № 137.

[2] „Русск. историч. биб-ка“, т. I, стр. 573.

[3] Проф. *А. Савич*. „Польская интервенция начала XVII в.“ Журн. „Историк-марксист“, № 1, 1938 г., стр. 105.

выслужиться перед новым хозяином. Автор королевского дневника об этом пишет так: „Находящиеся при короле русские бояре выслали знатнейших из среды себя под крепость на беседу с осажденными“. [1] Словесные уговоры потом были подкреплены письменными убеждениями, но осажденные остались попрежнему непреклонны. 28 июля (по нов. стилю) польское командование послало в Смоленск ультимативное требование. „Когда настал день, — пишется в дневнике, — то наши отправили в крепость письмо с окончательным увещанием, чтобы перестали упорствовать и через три часа дали ответ; но воевода отверг это письмо и не хотел его принять“. [2]

После этого поляки начали бомбардировку западной стороны крепости из вновь установленных батарей. К вечеру в подвергнутой обстрелу четырехугольной башне был сделан пролом. 29 июля на рассвете поляки пошли на штурм разрушенной башни, но были отбиты. В этот же день артиллерия поляков рядом с разбитой башней проделала в стене двухсаженный пролом. Новый штурм башни и пролома в стене оказался таким же неудачным.

На протяжении весны и лета 1610 года тайная изменническая организация в Смоленске продолжала свою работу и регулярно перебрасывала через стену шпионов, сообщавших полякам самые важные для них сведения. Так, 4 апреля (нов. стиля) к полякам перебежал стрелец, предупредивший их, что „портят дело больше всего те, которые передаются в крепость и говорят, что король скоро уйдет из-под Смоленска“.[3] Здесь, очевидно, имелись в виду купцы из белорусских городов, проникавшие в Смоленск и поддерживавшие дух осажденных.

3 июня (нов. стиля) новый шпион пришел с таким же предупреждением. „Говорит он также, что осажденные получают от наших всякие известия и мы сами виноваты, что они держатся так долго“,[4]—записал по этому поводу автор королевского дневника. Поляки усилили наблюдение и 16 июня поймали купца, который хотел передаться в крепость.[5]

---

[1] „Русск. историч. биб-ка“ т. I, стр. 634.
[2] Там же, стр. 637.
[3] Там же, стр. 566.
[4] Там же, стр. 594.
[5] Там же, стр. 602.

Все шпионы, приходившие из крепости к полякам, давали крайне преувеличенные сведения о голоде и эпидемиях среди осажденных. В этой умышленной лжи, очевидно, был свой расчет смоленского изменнического центра поднять энергию осаждавших и побудить их к более решительным действиям. Крупным событием на этом фронте была переброска 8 августа (нов. стиля) сразу двух шпионов из смоленских дворян. Автор дневника, по своему обыкновению, не называет их имен, но зато о них говорят смоленские источники, откуда мы и узнаем все подробности дела.

Оказывается, через пять дней после бегства этих шпионов смоленское правительство напало на след тайного шпионского центра. Не имея точного представления о характере открытой им организации, правительство сначала ограничилось только тем, что дало на поруки пятерых смоленских дворян: Петра Башмакова (дворовый, оклад 450 четвертей), Якова Головачева (оклад неизвестен), Михаила Румянцева (городовой, оклад 400 четвертей), Богдана Озеренского (архиепископский сын боярский, оклад 350 четвертей) и Леонтия Бунакова (оклад неизвестен, бывший участник изменнической организации Ивана Зубова).[1]

Расследование дела скоро открыло новых участников шпионского центра: Дениса Шушерина (городовой, оклад 400 четвертей), Богдана Тихонова (дворовый, оклад 450 четвертей), Ивана Макшеева (выбор, оклад 700 четвертей), Никифора Бестужева (дворовый, оклад 500 четвертей) и жену князя Василия Морткина.

Перебежавшими к полякам шпионами оказались: князь Василий Морткин[2] (архиепископский сын боярский, оклад 400 четвертей) и Михаил Суцев (городовой, оклад 400 четвертей).[3]

Шпионский центр представлял собою, таким образом, объединение верхов правительственного дворянства и дворянства смоленского архиепископа. Наиболее крупными фигурами в нем были: со стороны первых Иван

---

[1] „Памятники обороны Смоленска“, № 149.

[2] В десятне он неправильно назван Мордвиновым.

[3] „Памятники обороны Смоленска“ № 158 и 159.

Макшеев,[1] а со стороны вторых—князь Василий Морткин.[2]

По размерам окладов заговорщики распределялись так:

с окладом	в 700	четвертей	. . . 1
„	в 500	„	. . . 1
„	в 450	„	. . . 2
„	в 400	„	. . . 4
„	в 350	„	. . . 1

Здесь невольно напрашивается предположение: если во главе шпионского центра, действовавшего почти в течение целого года, стояли самые крупные представители светского и духовного дворянства, то неужели в него не были вовлечены официальные главы того и другого, т. е. воевода М. Б. Шеин и архиепископ смоленский Сергий? Не вели ли и они двурушнической политики по отношению к городскому совету? Судя по тому, что М. Б. Шеин не был лично связан со смоленским дворянством, а был лишь наместником московского правительства, затем судя по тому озлоблению, которое он вызывал среди смоленских дворян и среди поляков, надо думать, что М. Б. Шеин, хотя, возможно, и колебался, но всегда честно боролся за линию посадского мира. Другое дело—архиепископ Сергий. В одном документе есть указание, что посаженные в тюрьму за измену смоленские дворяне прибегали к заступничеству Сергия и просили его ходатайства перед М. Б. Шеиным об облегчении своей участи.[3] Кроме того, сам М. Б. Шеин на пытке (после падения Смоленска) показывал, что Сергий предлагал сдать город полякам.[4] Автор „Нового летописца“ прямо называет смоленского архиепископа сторонником польского короля. „В Смоленске ж, — пишет он, — воевода боярин Михайло Борисович Шеин сидяще крепко, никако ж ни на что не прельстися, а с архиепископом бяше в розни для того, что архиепископ хотяще город здати королю“.[5] Летописец не-

---

[1] Имел самый высокий оклад для Смоленска.

[2] Также имел самый высокий оклад среди архиепископских дворян.

[3] „Памятники обороны Смоленска“, № 193.

[4] *С. Соловьев.* „История России“, т. VIII, стр. 425.

[5] „Полное собрание русских летописей“, т. XIV, первая полов., стр. 103.

сомненно записал уже прочно установившееся мнение современников о политической позиции смоленского архиепископа.

Следствие над привлеченными к ответственности изменниками показало, что, во-первых, „князя Василья Морткина да Михалку Сущева отпустили к королю в табары они все...“, а во-вторых, „как-деи они князя Василия и Михалка Сущева отпустили и с ними приказывали, а велели промышлять над городом приступом, а приступать велели большим приступом к Крылашев(ским воротам)...“.[1]

Т. е. посланные к полякам кн. Морткин и Сущев были не просто рядовыми шпионами, а полномочными послами от объединенного смоленского дворянства, требовавшего от поляков более энергичных действий, в частности требовавшего организации большого приступа к Крылошевской башне.[2] Можно догадываться, что смоленское дворянство обещало полякам и некоторую помощь изнутри крепости.

Таковы были замыслы заговорщиков. Девятерых из них смоленское правительство посадило в тюрьму, а двух отдало на поруки. Но правительство, несмотря на применение пыток, сумело найти только небольшую часть заговора, а несколько десятков заговорщиков остались нераскрытыми. О масштабе заговора, о цели и тактике заговорщиков дает исчерпывающие сведения дневник похода польского короля. В виду исключительного интереса, который представляют эти сведения, приведем их с возможной полнотой:

„8 (августа 1610 г.). Ночью передалось двое боярских детей, которые показали следующее: многие бояре (дворяне. — *В. М.*) и многие из простого народа сильно желают сдаться королю; одни лишь купцы не хотят этого и хлопочут, чтобы осажденные не разъединялись, поэтому те не осмеливаются гласно заявить своего желания. Они ожидают (дворяне. — *В. М.*), когда с другой стороны будут устроены шанцы и сделан будет пролом, тогда желающие сдаться смелее восстанут против упор-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска“, № 158.

[2] Т. е. с сев.-восточной стороны города, а поляки вели приступ главным образом с западной стороны.

ных. Говорят они также, что *несколько десятков* (!) боярских детей знали об их намерении бежать из крепости и сами хотят бежать".[1] Дальше изменники сообщали точные данные об оборонных мероприятиях народной армии и рекомендовали делать приступ сразу в двух местах, „если же,— говорили они,— приступ будет сделан на одно место, у пролома, то осажденные могут защищаться и дать отпор".[2]

Это омерзительнейшее предательство своего народа, подталкивавшее и направлявшее руку польских убийц, одновременно говорило о глубине и непримиримости противоречий между дворянством и посадско-крестьянским блоком Смоленска. С этой стороны показания изменников представляют большой интерес.

Прежде всего они утверждали, что сильно желают сдаться полякам дворяне и многие из простого народа. Относительно дворян, конечно, никаких сомнений быть не может, но относительно простого народа их утверждение должно быть принято с большими ограничениями. К желавшим сдаться можно отнести лишь те слои посадских и крестьян, которые благодаря неправильной продовольственной политике в начале августа сидели без хлеба.

Затем, по их словам, не хотели сдаваться лишь одни купцы. Это утверждение тоже требует некоторых поправок. Во-первых, сам автор дневника вообще все посадское население русских городов называл купцами,[3] поэтому под купцами надо понимать и собственно купцов и посадских ремесленников, т. е. весь посадский мир. Во-вторых, вполне возможно рассматривать смоленских купцов как главных организаторов и вождей посадско-крестьянского блока, но одни вожди без масс, как известно, ничего сделать не могут.

Дальше, очень важно указание изменников, что главари смоленской обороны хлопотали, чтобы осажденные не разъединялись. Это только подтверждает существование в Смоленске народного блока. А сообщение, что смоленские дворяне „не осмеливаются гласно заявить

---

[1] „Русск. историч. биб-ка," т. 1, стр. 646.
[2] Там же, стр. 647.
[3] См., например, „Русск. историч. биб-ка", т. 1, стр. 614 и 667.

своего желания", говорило о силе смоленского правительства, опиравшегося на народные массы, говорило о его непреклонной антипольской политике.

Из остальных показаний изменников очень важно то, что дворяне, во-первых, возлагали большие надежды на польский приступ и думали во время него начать вооруженное восстание в городе, а во-вторых, что в дворянский заговор было втянуто несколько десятков дворян. Следовательно, и после расправы с главарями шпионский центр в Смоленске уцелел. Действительно, с его деятельностью мы столкнемся еще и на последнем этапе обороны Смоленска.

Подталкиваемые смоленскими дворянами, поляки стали готовиться к решительному штурму крепости.

Приступ был назначен через двенадцать дней, на 20 августа. Но тут с поляками случился неожиданный конфуз: польская рядовая шляхта отказалась итти на приступ. По словам дневника, „когда пришло время итти на приступ, то во многих ротах взбунтовались товарищи (шляхтичи. — *В. М.*) и не хотели сойти с коней",[1] т. е. не хотели из кавалерии превращаться в пехоту. Оказывается, что и в королевской армии, как и в Тушинском лагере, давали себя чувствовать противоречия между мелкой шляхтой, „рыцарством" и крупными панами. На все просьбы брацлавского воеводы, литовского маршала и других влиятельных лиц „рыцарство" ответило категорическим отказом. „Ничто не действовало на „рыцарство",—пишется в королевском дневнике.—„Наконец, сам брацлавский воевода с сенаторами стали ездить от одной роты к другой и умолять всеми святыми, чтобы уважили волю короля и настоятельную нужду. Столь сильные и настойчивые убеждения победили, наконец, упорство, „рыцарство" сошло с коней и пошло к шанцам, но так как уже было позднее время и неприятель был на-стороже, то пришлось оставить дело и потерять этот день".[2]

Надо сказать, что приступ не удался и на другой день. Несмотря на то, что на штурм крепости были брошены казаки, немецкая и венгерская пехота и поль-

---

[1] „Русская историч. биб-ка", т. I, стр. 654.
[2] Там же, стр. 655.

ские гусары, осаждавшие „должны были опять отступить..., ничего не сделав и не без вреда для себя“. [1]

Таким образом, итог борьбы на втором этапе осады Смоленска показал, что смоленские изменники из духовных и светских дворян не имели силы осуществить свое предательство, а польские интервенты не имели силы взять город штурмом. И даже соединенные силы дворян и поляков не могли сломить героического упорства смоленской народной армии.

Наступал третий этап борьбы за Смоленск, принесший существенные изменения как во внешней, так и во внутренней обстановке борьбы.

Политическая обстановка вне Смоленска изменилась в связи с заключением гетманом Жолкевским после Клушинской битвы двух договоров: договора с кн. Елецким и Григ. Валуевым в Царево-Займище 25 июня (5 июля) и договора с московским боярством 17 (27) августа 1610 года. Оба договора в своей основе содержали те же самые положения, которые входили и в договор 4 (14) февраля, и с этой стороны они свидетельствовали лишь о расширении социальной опоры польской интервенции. Теперь уже кроме тушинского дворянства поляки приобретали себе союзников и среди московской княжеско-боярской верхушки. Польша достигла очень крупных дипломатических успехов. Господствующий класс Московского государства принял главные требования польского правительства; оставалось только договориться по поводу некоторых пунктов „записи“ Жолкевского. „Запись эта,—сообщается в дневнике королевского похода,—всем понравилась; только касательно некоторых пунктов существует разногласие, которое русские улаживают с гетманом и отправляют к королю послов“. [2]

Однако на пути осуществления договора 17 (27) августа стояло одно крупное препятствие, которое дипломатическим путем не могли устранить ни поляки и ни московское боярское правительство, созданное после свержения Василия Шуйского 17 (27) июля 1610 года. Этим препятствием была борьба посадско-крестьянской народной армии за Смоленск. Как после заключения феврали-

---

[1] Там же, стр. 657.
[2] Там же, стр. 661.

ского договора оборона Смоленска оказалась борьбой против этого договора и поддерживавших его сил, так и после заключения июльского и августовского договоров оборона Смоленска явилась борьбой посадско-крестьянских масс против соглашения господствующего класса с интервентами. Борьба смоленской народной армии сводила на-нет значение всех трех договоров. С другой стороны, поражение Смоленска также привело бы к аннулированию договоров, так как польское правительство не преминуло бы навязать России более тяжелые условия капитуляции. Таким образом, борьба за Смоленск сделалась главным узлом всей политической и военной борьбы на третьем этапе польской интервенции.

Сломить Смоленск во что бы то ни стало и какими угодно средствами, дипломатическими или военными, — вот какую задачу поставило перед собой польское правительство. Этой задаче была подчинена также вся дипломатическая и военная деятельность гетмана Жолкевского. Разбив московскую армию под Клушиным, Жолкевский спас армию Сигизмунда под Смоленском. Заключая договор с кн. Елецким и Григ. Валуевым, Жолкевский прежде всего думал о Смоленске, так как те уступки, которые он делал в этом договоре смоленским помещикам, ясно указывают, что Жолкевский рассчитывал использовать этих помещиков против защитников Смоленска. В договоре было обещано: „А как, даст бог, добьет челом государю наияснейшему королевичу Владиславу Жигимонтовичу город Смоленск, и Жигимонту, королю польскому и великому князю литовскому, итти от Смоленска прочь со всеми ратными польскими и литовскими людьми, и порухи и насильства на посаде и в уезде никакие не сделать и поместья и вотчины смольяном... очистити, и городом всем рубежным быти к Московскому государству по прежнему“. [1]

Жолкевский здесь ловко использовал интересы смоленских дворян. Смоленские дворяне в это время были озабочены двумя самыми жизненными для себя вопросами: во-первых, установлением твердой власти, которая могла бы подавить всякое неповиновение и своевольство крестьян и холопов (а для этого они не ви-

---

[1] „Сборник И. Р. И. О.“, т. 142, стр. 90.

дели лучшего пути, как установление союза с Польшей), а во-вторых, они были озабочены скорейшим освобождением своих поместий от польских войск и скорейшим восстановлением своего хозяйства, а для этого надо было заставить Смоленск как можно скорее капитулировать.

Таким образом, своим первым договором Жолкевский нашел в лице смоленских дворян, бывших под Москвой, самых горячих сторонников сдачи Смоленска королю. Конечно, польское правительство никогда бы в действительности не вывело свои войска из Смоленского уезда (их можно было только выбить оттуда), и поэтому договор Жолкевского был лишь дипломатической хитростью, но зато он давал возможность использовать смоленское дворянство в самый важный момент.

О политических и экономических соображениях, руководивших смоленскими помещиками, бывшими под Москвой, дают возможность судить письма их жен и матерей из Смоленска. Выше приводились выдержки из этих писем, рисовавшие неповиновение крестьян и холопов, но в такой же мере неутешительны были сведения относительно хозяйства. Так, жена Т. Г. Головачева (дворовый, оклад 450 четвертей) писала: „А рожь у тебя, государя, посеяли, а семена покупали, а купила на два рубля; а своей ржи не жала, потому что нечово было жать, а еровая, государь, в поли середнея, а мы в город поехали о Семени дни и при мне ерового ни одного овина не молачивали“. [1] Жена Я. О. Тухачевского сообщала: „А слух до нас доходит, что у наших поместях паны поседи“. [2] Жена М. Ф. Неелова писала об этом же: „А в поместьях наших животы наши и статки (имущество.— *В. М.*), и люди и крестьяне все пойманы“ [3] (т. е. захвачены поляками.— *В. М.*). Вот где лежал источник той большой энергии, которую проявили смоленские дворяне под Москвой при переговорах с Жолкевским и под Смоленском при уговаривании осажденных сдать крепость.

Пункт о Смоленске вошел также и в договор 17 (27) августа, но тут Жолкевский брал на себя только

---

1 „Дополнения к актам историческим“, т. 1, № 231.
2 Там же, № 231.
3 Там же.

обязательство просить короля снять осаду. „А про Смоленск мне гетману, — говорилось в договоре, — бити челом и отписати к королю его милости, штоб по Смоленску бити не велел и тесноты б ниякое городу чынити не велел".[1] Это не значило, что дипломатическая активность Жолкевского по поводу смоленского вопроса понизилась, скорее наоборот, но только переговоры о Смоленске велись больше закулисным путем, и результатом их явилось письменное и словесное приказание главы московского правительства Ф. И. Мстиславского смоленскому воеводе М. Б. Шеину о немедленной сдаче крепости. Приказание, очевидно, было написано или в последних числах августа, или в начале сентября (по нов. стилю), так как 5 сентября специальные послы Ф. И. Мстиславского были уже под Смоленском. В королевском дневнике записано: „С тем же посланным от гетмана (от Жолкевского. — *В. М.*) приехали трое бояр (дворян. — *В. М.*) с посольством в Смоленск — с письменным и словесным приказанием воеводе от князя Мстиславского покориться и бить королю челом".[2] 7 сентября (по нов. стилю) московские дворяне с приказанием Ф. И. Мстиславского явились в Смоленск. Так начался для осажденных третий этап обороны.

Надо полагать, что если бы воевода М. Б. Шеин был в Смоленске полновластным хозяином, то он бы выполнил приказание и сдал крепость, но над воеводой стояло еще смоленское городское правительство, бывшее по форме всесословным советом, а по существу представлявшее власть горожан, опиравшуюся на посадско-крестьянское ядро смоленской армии. В ответ на приказание Ф. И. Мстиславского смоленское правительство предложило полякам начать переговоры и для этой цели прислало делегацию из шести представителей от всех сословий,[3] т. е. правительство выступило как всесословный орган. Смоленское посольство, не беря на себя никаких обязательств, потребовало снять осаду и отвести войска от крепости. На это польские сенаторы ответили, что смоляне „с давних времен принадлежали к госу

[1] „Сборник И. Р. И. О.", т. 142, стр. 100.
[2] „Русск. историч. биб-ка", т. 1, стр. 663.
[3] Там же, стр. 664.

дарствам короля и есть и были собственными подданными короля, поэтому им следует просить о помиловании, а не вымышлять таких вещей, о которых нельзя даже подумать, а не то, чтобы их дозволить",[1] т. е. поляки требовали от смолян полной и безусловной капитуляции, как от побежденного в бою противника. Но смоленский народ не был разбит, наоборот, во всех штурмах крепости были биты поляки. Естественно, что переговоры ни к чему не привели. Тянулись они с 10 сентября по 23 сентября (по нов. стилю). В последний день переговоров имеется такая запись в королевском дневнике: „Русские опять выехали на переговоры, но так как они не привезли ничего нового, то наши выбраннили их и приказали им не являться в лагерь с такими предложениями под угрозою лишения жизни".[2]

Угроза смоленским послам смертью говорила лишь о крайнем раздражении польских панов и о том, что кроме угроз у них не было реальных средств воздействия на осажденных.

Судя по записям дневника, позиция смоленского правительства во время переговоров сводилась к согласию присягнуть Владиславу вслед за Москвой, но с условием немедленного вывода польских войск из пределов Смоленского уезда и сохранения неприкосновенности западных границ Московского государства. (Эти же условия в основном смоленское правительство повторило и в марте 1611 года). Т. е., по мысли смоленского правительства, Россия только принимает на опустевший престол Владислава, но сохраняет всю свою политическую самостоятельность и восстанавливает положение, бывшее до польской интервенции. Это было совсем не то, чего хотели поляки и их дворянские прислужники в Тушине, в Москве и в самом Смоленске.

Польские „доброхоты" в самом Смоленске создали сильную оппозицию смоленскому правительству. Во время переговоров с поляками в Смоленске шла острая борьба двух партий: народной и дворянской.

Смоленское правительство старалось опереться на народные массы. По сведениям королевского дневника,

---

[1] Там же, стр. 665.
[2] Там же, стр. 672.

„осажденные собирались на общую думу“, [1] т. е. созывали нечто вроде городского земского собора. О подробностях внутриполитической борьбы в Смоленске поляков прекрасно информировали перебежчики из дворян. „Ночью того числа (14 сентября),—записано в дневнике,—передались три боярина, которые сказали, что между осажденными великое разногласие. Бояре..., стрельцы..., духовенство и воеводы стоят за то, чтобы сдаться на имя короля и говорят, что им все равно—быть ли под властью короля или его сына...; а посадские люди, т. е. купцы, [2] в числе которых есть много зажиточных, богатых, никак не хотят отложиться от столицы, а желают целовать крест королевичу, как это сделала столица“. [3]

Перебежчики совершенно точно описали расстановку классовых сил в осажденном Смоленске, только автор дневника неточно расшифровал понятие посадские люди, отнеся их всех к купцам и забыв совершенно о ремесленниках, составлявших народную гвардию обороны. Приходится верить словам перебежчиков и о позиции М. Б. Шеина. Несомненно, в такую критическую минуту, когда столпы московского боярства приказывают ему сдать крепость, М. Б. Шеин мог колебаться. Но М. Б. Шеин служил смоленскому посадскому миру—и служил честно. Когда городской совет уполномочил его вести переговоры с литовским канцлером 16 сентября, М. Б. Шеин изложил канцлеру только точку зрения посадского мира. В королевском дневнике записано: „Воевода никак не соглашался отделиться от главы-столицы и отложил окончательные переговоры до приезда великих послов“. [4]

30 сентября, спустя неделю после разрыва переговоров, поляки послали в Смоленск ультиматум, в котором они угрожали обеим партиям Смоленска, стремясь к тому, чтобы дворяне энергичней нажали на посадских и заставили их сдаться.

Вот как королевский дневник излагает содержание ультиматума: „Посланы в Смоленск универсалы, чтобы

---

[1] Там же, стр. 667.
[2] Автор дневника всех посадских считает купцами.
[3] „Русск. историч. биб-ка“, стр. 667.
[4] Там же, стр. 667—658

не медлили со сдачей крепости, и если не сдадутся в течение трех дней, то все их (дворян.—*В. М.*) имения будут розданы другим боярам, которые вверили себя милости короля, и потом уже не будет никакого помилования. Имения (имущество. — *В. М.*) посадских людей тоже будут конфискованы и сами они будут казнены смертью".[1]

Надо думать, что при взятии Смоленска в июле 1611 года поляки привели все эти угрозы в исполнение, особенно в отношении посадских, но в сентябре 1610 года угрозы не произвели никакого впечатления на смоленское правительство. Оно осталось мужественным и непреклонным и готовилось ко второй тяжелой зиме. В сентябре, октябре и ноябре 1610 года (по нов. стилю) поляки не предпринимали против крепости крупных военных действий, а больше надеялись на внутреннее разложение осажденных. За эти три месяца в Смоленске остро давали себя чувствовать два вопроса: недостаток продовольствия, перешедший в голод среди крестьян и части посадских, и борьба между посадским миром и дворянством.

К хлебным затруднениям прибавились затруднения с солью. Уже летом 1610 года стал ощущаться недостаток соли; поднялись цены и началась спекуляция солью. 14 августа смоленский воевода отдал приказ об установлении твердой рыночной цены на соль. Превышение цены каралось наказанием кнутом и конфискацией соли и имущества. В приказе говорилось, „чтоб смолняня посадцкие люди и стрельцы и пушкари и затинщики и воротники и ямщики и чернцы и всякие смоленские люди и всех городов всякие люди соль продавали берковец десят рублев, а пуд по рублю, а болши б тое цены всякие люди соли не продавали. А хто смолняня и всех городов всякие люди, которые солью торгуют, учнут соль продавати сверх тое цены, и у тех людей соль и животы их возмут все на государя царя..., да им же быти казненным торговою казнью".[2]

Этот приказ, как и приказ, нормировавший торговлю хлебом, несомненно был продиктован интересами широ-

---

[1] Там же, стр. 675.
[2] „Памятники обороны Смоленска", № 154.

ких потребительских масс посадских и крестьян, которые не могли платить высоких цен за соль. В мирных условиях в те годы пуд соли стоил пять алтын (15 копеек); следовательно, даже твердая государственная цена на соль в августе 1610 года была в шесть с половиной раз выше нормальной. Нечего и говорить о том, что спекулятивные цены на соль были еще выше. Так, например, в сентябре 1610 года в Смоленске одна селедка по спекулятивной цене стоила 1 алтын, в то время как в мирное время она стоила всего 0,13 копейки, т. е. селедки вздорожали в 23 раза. Но при снабжении солью неимущих правительство проводило такую же узко-сословную политику, как и при раздаче хлеба.

Сохранились документы о раздаче соли только дворянам; стрельцы, очевидно, получали соль при раздаче им „государева жалованья". Дворянам соль выдавалась еженедельно, причем на члена дворянской семьи отпускалось по полфунта (по гривенке) соли на человека (по 48 золотников), а на холопа отпускалось только 12 золотников.[1] О раздаче соли посадским и крестьянам никаких документов не сохранилось, и надо думать, что она им не раздавалась вовсе. В начале ноября (по стар. стилю) правительство решило учесть все запасы соли у торгующих ею людей. Был отдан приказ „переписати во всем городе у посадцких у всяких людей, у пушкарей, и у воротников, и у затинщиков, и в монастырех у игумнов, и у попов, и у дьяконов и у всяких людей, хто солью торгует, и сколько у кого соли мехов или пудов, да тое перепись принести к боярину и воеводам"..., „а переписывати их и сыскивати посадцкими людми у всяких людей имянно, сколько у кого соли мехов или пудов...".[2]

Целью переписи запасов соли, также как и запасов хлеба, было намерение правительства национализировать крупные запасы соли у частных лиц, оставить необходимое количество ее владельцу, а остальное пустить в раздачу, как это было сделано с крупными запасами

---

[1] См. „Памятники обороны Смоленска", № 262. Гривенка, как мера веса, равнялась полуфунту, или 48 золотникам.

[2] „Памятники обороны Смоленска", № 185. (Характерно, что перепись соли была поручена посадским людям).

хлеба у смоленских дворян. Имеются документальные доказательства таких действий правительства. Так, например, 13 ноября произведена была выемка 10 пудов соли у пушкаря Кондр. Федорова.[1]

Но в 1611 году правительство отказалось от национализации соли, а перешло к принудительному выкупу соли по новой повышенной твердой цене, по 2 руб. 40 коп. за пуд. Например, в одном документе воеводской избы записано:... „а велели соль у того человека выняти. И Ратман принес в лукошке соль, а по весу соли пуд. И тое соль по приказу боярина и воевод Иван Жидовинов раздал по списку детем боярским смольнянам, а деньги отданы за гривенку по алтыну того крестьянина жене". [2] Соль выкупалась в принудительном порядке не только у крестьян и посадских, но и у дворян. Например, у жены дворянина Ф. З. Нелюбова было обнаружено 23 фунта соли; 5 фунтов оставили „боярыне", а остальная соль „по приказу боярина и воевод роздана смольняном по списку, а роздал Иван Жидовинов". [3]

Из приведенных фактов видно, что твердая цена на соль в начале 1611 года превышала уже в 16 раз цену мирного времени. Случаи же спекулятивной торговли солью показывают, что цена ее в январе 1611 года доходила тогда до 40 копеек за гривенку, т. е. поднялась в 213 раз выше цены мирного времени.

Действия смоленского правительства по снабжению населения солью (как и хлебом) представляют интерес в двух отношениях: во-первых, правительство проявило замечательную предусмотрительность и хозяйственность, оно не очень считалось с частным интересом, когда речь шла об интересах больших групп населения; а во-вторых, оно не проявляло заботы о голодающих народных массах и в первую голову старалось оградить от голода дворян. Это не могло не действовать разлагающе на настроение народных масс. Народные массы, подлинные защитники крепости, голодали, а дворяне, духовенство и стрельцы — самые ярые противники обороны, враги народа — были обеспечены хлебом и солью.

---

[1] Там же, № 191.
[2] Там же, № 211.
[3] Там же.

Продовольственная политика смоленского правительства несомненно была результатом политического компромисса посадского мира, пошедшего навстречу требованиям дворянства. В этом и заключалась коренная слабость политической позиции посадско-крестьянского блока. Сурово расправляясь с дворянами в случаях их прямой измены, смоленское правительство оставило, однако, незыблемыми все сословные привилегии дворян. Это говорило еще о неразвитости и крайней классовой молодости только что нарождавшегося русского бюргерства. Подняв народ на защиту родины и достигнув величайших успехов в деле организации обороны Смоленска, горожане дальше не пошли, они не осмелились поднять руку на сословные привилегии дворян, и благодаря этому все крупные политические завоевания горожан, достигнутые ими в союзе с крестьянством, достались в конце концов дворянству. Этого нельзя видеть на примере Смоленска, потому что он был захвачен поляками, но зато можно видеть на примере национально-освободительного движения замосковных городов во главе с посадским миром Нижнего. Характерной особенностью третьего этапа обороны было то, что в нем с особой силой сказались результаты продовольственной политики смоленского правительства. Начиная с сентября 1610 года, с каждым месяцем все нарастали случаи бегства из крепости крестьян и посадских. Народ бежал от голодной смерти.

Например, 13 сентября (по стар. стилю) скинулись со стены двое посадских вязьмичей. Их жены и дети умерли в осаде, а сами они решили бежать от такой же участи. За это оставшийся в Смоленске брат бежавших был посажен в тюрьму.[1]

27 октября из сотни Данилы Коноплева сразу сбежало пять человек.[2]

В ноябре особенно часты стали случаи бегства крестьян. Очень характерно бегство семи крестьян 26 ноября. Упоминавшийся нами сотник Данила Коноплев сообщил воеводе, что „в ночи скинулись за город его сотни розных боярщин крестьян семь человек и побежали в

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 163.
[2] Там же, № 175.

литовские таборы..., а чье крестьяне и хто имянем скинулся, и Данила подал имянную память..." [1] Воевода распорядился привести для допроса жен бежавших крестьян и от них узнали причину бегства. „И те женки порознь в роспросе сказали, что деи оне про побег мужей своих не ведают и того с ними не говаривали, что было им бежать, а хлеба деи у мужей их и у них нет ничего, ходя меж двор кормились". [2]

Если в сентябре воевода приказал посадить в тюрьму брата бежавших посадских, то в данном случае и воеводе было ясно, что бежавшие не изменники, а просто люди, испугавшиеся голодной смерти, поэтому жены их не понесли никакого наказания. „И те женки отпущены того же дни".

Но вот 6 декабря 1610 года пытался бежать дворянин В. Ф. Зубов. Он был схвачен в то время, когда начал по веревке спускаться со стены. Дворянин не голодал, и причиной его бегства могла быть только измена, поэтому „Василий Зубов посожон в тюрьму декабря в 7 день". [3]

Этот случай поучительно сопоставить с другим аналогичным случаем. 23 января 1611 года был схвачен посадский Василий Трофимов при попытке бежать из города. „И тот посадцкой человек распрашиван, а в роспросе сказал, что он посадцкой человек Воскресенской сотни Васька Трофимов, а з города деи хотел он скинутца з бедности... И тот мужик отослан к старостам". [4] Воевода не стал сажать посадского в тюрьму, так как было очевидно, что посадский не изменник. Такое решение воеводы говорит, что в своей судебной практике он был более последовательным сторонником посадско-крестьянского блока, чем в продовольственной политике.

Противоречия между смоленским правительством и сидевшим в осаде дворянством в третьем этапе обороны чрезвычайно обострились. Как показывают документы, дворянство готовилось к вооруженному восста-

---

[1] Там же, № 199.
[2] Там же.
[3] Там же, № 203.
[4] Там же, № 220.

нию и к устройству резни посадского населения, а также вполне вероятно, что подготовлялось покушение и на воеводу М. Б. Шеина.

Об отношении дворян к М. Б. Шеину дает представление разговор, происшедший между заключенными в тюрьме дворянами Никифором Ефимьевым (выбор, оклад 500 четвертей), Яковом Головачевым и Денисом Шушериным (городовой, оклад 400 четвертей). Два последних были участниками августовского заговора Макшеева-Морткина, а первый был посажен в тюрьму значительно раньше.

Никифор Ефимьев „говорил про боярина про Михаила Борисовича, что воцарился де Михайла Борисович ныне в Смоленске так же, что Болотников в Туле, и Болотников де смерти на себя дождался ж, а Михайла де Борисович того не ведает, что над ним в Смоленске будет".[1]

Сравнение М. Б. Шеина с Болотниковым говорит о том, что смоленские дворяне считали его крестьянским вождем, или во всяком случае смотрели на него, как на представителя враждебного политического лагеря, связанного с народными массами. Собеседники Н. Ефимьева, очевидно, вполне разделяли его точку зрения, но только они не верили в возможность быстрой расправы с М. Б. Шеиным. „Яков де Головачев и Денис Шушерин говорили Никифору, коли деи боярская не время будет, а наша время, и того де нам боярину ничего не зделать", [2] т. е. когда кончится власть М. Б. Шеина и настанет наше время, то и тогда нам боярину ничего не сделать. Этот разговор происходил 12 ноября 1610 года и несомненно отражал то озлобление против М. Б. Шеина и посадского мира, которое накипало у дворян и готово было каждый момент прорваться наружу. 16 ноября посадские старосты Оксен Дюкорев и Данила Лешин сообщили М. Б. Шеину, что у них есть данные о готовящемся выступлении смоленских дворян с требованием сдачи города полякам. Расследованием действительно было установлено, что 15 ноября „говорили стоя боярских людей человек со сто, пришлют деи к ним севодни по шелошам вязмичи дети боярские, что б им боярским лю-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 193.
[2] Там же.

дем быти с ними в одной мысли, а говорили деи боярские люди, что им в осаде не сидеть и за мужиков не битца, а говорило деи их стоя человек со сто...“.[1]

Дворяне на этом летучем митинге откровенно высказали свое отношение к обороне Смоленска. В защите Смоленска они не видели для себя никакой выгоды, никакого смысла; оборону Смоленска они считали народным, или, как они выражались, „мужицким“ делом, и не имели никакого желания драться за интересы посадских и крестьян. Но власть в городе все-таки была в руках этого „мужицкого“ мира, и М. Б. Шеин был на его стороне. Для того, чтобы осуществить свое желание прекратить оборону и сдать город полякам, дворяне решили свалить ненавистное им правительство.

Надо иметь в виду, что неразгромленная до конца дворянская шпионская организация в Смоленске еще действовала. Она имела связь с поляками и знала о подготовлявшемся ими в конце ноября штурме крепости. Дворяне решили воспользоваться этим штурмом и организовать одновременно с ним вооруженное восстание в городе и завершить свое восстание резней посадских. М. Б. Шеин узнал об этом спустя лишь десять дней после назначенного срока восстания. Шеину было сообщено: „Перед последним приступом..., ноября в 20 день, ввечеру, говорил деи тот Сергей Гридков (вяземский дворянин. — *В. М.*), завтра деи или по завтрее кровь крестьянская прольетца и город де отопрут, а мы деи прости пойдем, наша деи сторона сильнея, мы деи все вязьмичи станем в прикрытие по башням да и смолняне деи с нами будут же, а боярские деи люди посадцких людей учнут сечь. Шеин деи нас губит с посадцкими людьми, а королю деи и королевичю не цалуют, а ждут деи вора с Москвы. И мы деи Шеина, зграбя, выдадим за стену, будет деи в Польше с Шуйским ж, а посадцких деи людей побьем, а животы их пограбим“.[2]

Вяземский дворянин рассказал о всех деталях готовившегося путча: во время польского штурма дворяне должны были открыть крепостные ворота, захватить башни (в башнях у артиллерии находились только посад-

---

[1] Там же, № 195.
[2] Там же, № 202.

ские ремесленники), арестовать М. Б. Шеина, выдать его полякам и начать истребление посадских и грабеж их имущества. Мы знаем, что план разгрома смоленских посадских входил еще в программу переворота, подготовлявшегося Ив. Зубовым в конце 1608 года, и этот же план снова воскрес через два года.

По поводу М. Б. Шеина вяземский дворянин высказал, очевидно, общее мнение всех дворян, что Шеин вместе с посадскими людьми губит их, является их опасным врагом. Позиция смоленских дворян, сидевших в осаде, вполне сходилась с политической линией смоленских же дворян, перешедших на службу к польскому королю, только они никак не могли объединить своих сил. Назначенный смоленскими дворянами путч не состоялся и ворота крепости не пришлось открывать, потому что смоленская народная армия отбила польский штурм, и польские войска отошли назад в свои шанцы. В начале декабря 1610 года смоленская народная армия была еще боеспособна и Смоленск стоял неприступной твердыней, сводя на-нет все усилия Сигизмунда подчинить себе Россию. А это подготовляло почву для концентрации национально-освободительных сил в городах средней Волги.

Выше было указано, что штурм польскими войсками Смоленска в начале декабря 1610 года был неудачен. Подготовка и проведение штурма довольно подробно описаны в дневнике королевского похода. Мы воспользуемся этим описанием.

В дневнике сообщается, что 27 ноября под стену крепости была подведена огромная мина, в которую было заложено 150 центнеров пороху. Мину вел один русский изменник, передавшийся из крепости (несомненно дворянин, так как другому поляки не доверили бы такое ответственное дело).

Перед взрывом мины 29 ноября польское „рыцарство“ опять объявило забастовку и не захотело итти на штурм до тех пор, пока король не заплатит жалованье за четверть года. На уговоры „рыцарства“ ушло два дня, поэтому взрыв мины и приступ был назначен на 1 декабря (21 ноября по старому стилю, т. е. в тот самый день, когда смоленские и вяземские дворяне назначили свое вооруженное восстание). Взрыв разрушил западный

участок стены на протяжении десяти сажен. Однако за разрушенной каменной стеной оказался высокий земляной вал, хорошо защищенный пушками и живой силой, вследствие чего пролом мог оказаться мышеловкой для атакующих. Польское „рыцарство“ взвесило эти новые факты и благоразумно отступило в свои шанцы, потеряв несколько человек убитыми.

После провала войскового штурма польское командование решило устроить штурм идеологический. 12 декабря оно послало под стены крепости смоленских дворян-изменников на переговоры с осажденными. Изменники обратились к сидевшим в крепости дворянам с такой речью: „На кого вы держите город и за кого вы кровь проливаете? Сделайте так, как сделали мы в столице. Когда мы увидели, что нет никаких средств и никакой надежды на спасение, то взяли в свои руки царя и его братьев и отдали гетману. Сделайте так и вы — выдайте Шеина. Вам легче одолеть одного боярина, нежели нам было царя, своего государя, а государь король всех вас пожалует жизнью и имениями так же, как пожаловал нас“. В ответ на эту речь на стенах будто бы начался шум, некоторые кричали: „Не знаем, на кого Шеин держит город — на чорта или на вора; он говорил нам, что король всех нас отдаст под меч, разграбит имущество; Шеин сделает то, что прикажет Голицын“.[1]

Аргументация изменников была рассчитана только на дворян, так как она именно с их классовой точки зрения доказывала всю бессмысленность и вредность обороны Смоленска. Указание смоленских дворян на связь М. Б. Шеина с В. В. Голицыным, повидимому, имело в виду не только их прежнюю личную связь, но главным образом то, что упорство Смоленска было лишним козырем в руках великого московского посольства (возглавлявшегося В. В. Голицыным и Филаретом Романовым) в его переговорах с польским королем.

Польские сенаторы требовали от Голицына, чтобы он приказал осажденным сдаться, но Голицын и другие послы отвечали отказом.[2]

Агитационный штурм, устроенный дворянами-измен-

---

1 „Русск. историч. биб-ка“, стр. 705—706.
2 Там же, т. I, стр. 698.

никами, тоже не привел ни к чему. По словам польского дневника, во время переговоров „прибежал Шеин, с яростью стал отгонять народ палкой, а боярам (дворянам. *В. М.*) с бранью приказал итти от стен прочь", „а то прикажу стрелять!",—сказал он. И действительно сейчас же осажденные стали кидать в них камнями, так что бояре (дворяне-изменники) принуждены были уходить прочь". [1]

Неудача обоих штурмов показала, что пока была жива смоленская народная армия, Смоленск был непобедим, несмотря на огромные разрушения в крепостной стене. Ослабление народной армии вследствие голодовки и болезней — вот что сделалось главной причиной падения Смоленска. А в этом деле не последнюю роль сыграла антинародная продовольственная политика самого смоленского правительства. Таким образом, Смоленск неизбежно должен был пасть, но не от измены (изменники, как мы видели, не в силах были предать город) и не от поражения в бою с поляками (поляки не смогли нанести ни одного поражения смолянам), а от истощения сил народной армии по вине самого же смоленского правительства, не решившегося поставить народные массы (крестьян и посадских) на один уровень с дворянами и стрельцами. Следовательно, причиной поражения Смоленска были внутренние противоречия посадско-крестьянского блока и политические ошибки опиравшегося на него смоленского правительства.

В третьем этапе осады Смоленска попрежнему продолжался переход смоленских дворян на службу к польскому королю. По выданным королевской канцелярией грамотам на поместья насчитывается около 140 смоленских помещиков, перешедших на польскую службу с сентября по декабрь 1610 года. [2] По десятне 1606 года мы можем установить общественное положение больше 70 проц. этих помещиков, а поэтому можем ответить на вопрос, какие же слои смоленских помещиков торопились признать польское владычество и торопились записаться в верноподданные его величества Сигизмунда III, терзавшего русскую землю своими полчищами и истреблявшего смоленских посадских и крестьян.

---

1 Там же, стр. 706.

2 „Акты Западной России", т. IV.

Следующая таблица дает ответ на этот вопрос:

Размер оклада помещика в четвертях	Число смоленских помещиков, перешедших к королю с сентября по декабрь 1610 г.	Процент к итогу	Процент по группам
500	16	17,2	17,2
450	11	11,8	
400	19	20,4	60,2
350	12	18,0	
300	14	15,0	
250	8	8,5	
200	6	6,5	
150	5	5,4	22,6
100	2	2,2	
2 900	93	100,0	100,0

Следовательно, к полякам переходили на службу прежде всего крупные и средние помещики. А так как из этих же слоев вербовался и смоленский шпионский центр, то можно с твердой уверенностью сказать, что верхние и средние слои смоленского дворянства составляли ту активную силу, на которую опиралась польская интервенция в 1609 — 11 годах. А если вспомнить социальный состав заговорщической группы Ив. Зубова в конце 1609 года, то приходится отметить большое политическое постоянство верхних и средних слоев смоленского дворянства, начиная еще с 1608 года. На протяжении четырех лет они были надежной агентурой польской интервенции, и не их вина, что они не могли отдать Смоленск полякам без боя или сдать его во время осады — их предательство разбивалось о несокрушимую стену посадско-крестьянского блока и о мужество и героизм смоленской народной армии.

Нельзя думать, что позиция смоленского дворянства была каким-то исключением, как не была исключением в свою очередь и позиция тушинского дворянства. История формирования смоленского дворянства в XVI ве-

ке отбрасывает всякие предположения о существовании старых связей смоленского дворянства с Польшей, связей, шедших еще со времен XV века. Такие связи, если они и оставались в начале XVI века, были решительно выкорчеваны Иваном Грозным; во второй половине XVI века смоленское дворянство было не только заново сформировано, но и скомплектовано из представителей главным образом центральных областей Московского государства, да и притом по преимуществу из опричных областей.

Это дает нам возможность сделать вывод, что политическая позиция смоленского дворянства была типичной для верхних и средних слоев всего русского дворянства.

Но эта позиция не была все время неизменной. С начала 1611 года в политической позиции русского дворянства намечаются крупные сдвиги. Эти сдвиги отразились и на судьбе перешедших на сторону поляков смоленских дворян. Однако этим вопросом мы займемся несколько позднее, а сейчас познакомимся с ходом осады Смоленска в 1611 году.

Потерпев неудачу в декабрьском штурме Смоленска, польское правительство решило использовать послушное ему московское боярское правительство для давления на осажденных. В конце февраля 1611 года московская боярская дума во главе с Ф. И. Мстиславским послала смоленским воеводам грамоту с требованием немедленной сдачи Смоленска польскому королю;[1] послана была также грамота руководителям великого посольства В. В. Голицыну и Филарету Романову с просьбой, чтобы они повлияли на смоленского воеводу и побудили его к скорейшей сдаче.[2]

В результате этих усилий московского правительства начались переговоры между польским королем и смоленским правительством. Если в сентябре 1610 года польское правительство требовало безусловной капитуляции на милость победителей, то в марте 1611 года оно предложило определенные условия, в которых шло на целый ряд уступок смолянам.

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 321.
[2] Там же, № 322.

Польское правительство требовало впустить в крепость отряд в 350 человек, а для обеспечения их неприкосновенности Смоленск должен был дать тридцать человек заложников, выбранных из всех сословий. Ключи от крепости должны находиться у смоленских воевод и у поляков. Учреждаются раздельные суды для русских и поляков. Религия русских остается неприкосновенной. Польское правительство обещает не мстить никому из защитников крепости. За смоленскими дворянами сохраняются их прежние вотчины и поместья. Смоленский уезд временно остается в составе Московского государства, пока этот вопрос не будет окончательно решен в мирном договоре обеих стран. Смоленским жителям гарантируется личная и имущественная безопасность. Дворяне, перешедшие на службу к польскому королю, не должны преследоваться смоленскими властями. Смоленск должен оплатить все расходы по содержанию польской армии под Смоленском. Смоленские власти должны выдать всех перебежчиков из польского лагеря, пробравшихся в Смоленск.

На польские условия смоленское правительство дало такой ответ.

Оно согласно впустить в город только двести человек вооруженных поляков и выставить за них только десять заложников, а остальных заложников король может набрать из числа находящихся у него смоленских дворян. Ключам от города быть только у смоленских воевод. Поляки не должны устраивать над Смоленском никакого обмана и не отрывать его от Московского государства. Польские войска сначала должны уйти из пределов Московского государства и лишь после этого польский отряд в двести человек будет пущен в город. Польский король должен аннулировать свои земельные пожалования смоленским дворянам. Изменники, перебежавшие из Смоленска к полякам, не должны быть в городе. Контрибуцию Смоленск не в состоянии заплатить по своей бедности. Смоленское посольство только тогда придет бить челом королю, когда войска и артиллерия будут отведены от крепости.

Эти условия смолян в принципе ничем не отличались от тех требований, которые они выдвигали и во время переговоров в сентябре 1610 года. Смоляне в сущ-

ности предлагали полякам признать себя побежденной стороной. Смоленск не сдавался полякам, а он лишь соглашался как суверенный город Московского государства впустить к себе небольшой отряд поляков лишь после того, как вся польская армия будет отведена в Польшу. А это было, другими словами, требованием прекращения польской интервенции и восстановления территориальной целостности Московского государства. В условиях Смоленска отчетливо было видно, что он ведет борьбу не за себя лишь, а и за все Московское государство. Смоленское правительство хорошо понимало, что оно стоит в авангарде борцов за освобождение родины.

Совершенно очевидно, что мартовские переговоры также не могли привести ни к каким положительным результатам.

Поляки продолжали осаду.

О ходе осады с марта по июнь 1611 года никаких прямых документальных источников не сохранилось. Поэтому обстановку последних месяцев обороны и осады Смоленска приходится восстанавливать по косвенным источникам.

Прежде всего необходимо остановиться на таком обстоятельстве: в 1611 году, несомненно под влиянием героической обороны Смоленска, показавшей, что поляки не так сильны, как это казалось раньше, началось знаменитое движение горожан замосковных городов за освобождение родины от польских интервентов. Возможно, что инициатива сплочения городов для борьбы за родину исходила именно от смоленского правительства, так как, например, уже в феврале 1611 года устюжские горожане посылали к пермичам копии писем смоленских, нижегородских и рязанских горожан.[1]

Это движение городов оказало влияние на политическую позицию некоторой части дворянства. Массы дворянства начинали понемногу разочаровываться в своих польских союзниках. Желанное „успокоение“ государства не приходило, самые жирные земельные куски были захвачены ставленниками польского правительства, масса дворян нищала, хозяйство их приходило в конечный

[1] „Акты археогр. эксп.“, т. II, № 174.

упадок и дворянство не видело для себя впереди ничего утешительного. Оно понимало, что польское правительство его обмануло, оно видело, что силы самих поляков тают, а пример обороны Смоленска наглядно убеждал, что поляков можно бить. Пользуясь тем, что главная армия Сигизмунда связана Смоленском, часть дворянства центральных уездов во главе с Прок. Ляпуновым делает попытку собрать силы для захвата власти в Москве. Для этой цели дворянство пытается воспользоваться объединительными тенденциями городов, пытается стать во главе сил посадско-крестьянского блока замосковных городов, привлекает на свою сторону часть казачества и таким путем создает в середине марта 1611 года первое подмосковное ополчение, которое осаждает засевших в Москве поляков.

Формирование первого подмосковного ополчения не могло не оказать некоторого влияния и на смоленских дворян, находившихся в лагере Сигизмунда. В образовавшемся под Москвой новом дворянском правительстве начальником поместного приказа был видный смоленский дворянин Федор Дмитриевич Шушерин.[1] Вероятно, там были и некоторые другие смоленские дворяне, которые не преминули связаться со смоленскими дворянами в лагере Сигизмунда. В этом свете становится понятной следующая запись в „Новом летописце“: „Король же под Смоленском нача делати русским людем смольяном тесноту великую и посла их с Иваном с вором Салтыковым в Дорогобуж. Они же с ним поидоша невеликие люди, а иные поехаша по домам для запасу, а мысль у них бяше едина, что им отъехать под Москву в русские полки И из их же думы перекиняся некто королю сказа, что все смольняне здумаша ехати в московские полки. Король же по всему уезду посла роты и повеле дворян поби-

[1] Политический путь Ф. Д. Шушерина очень типичен для многих дворян того времени. Он принадлежал к смоленскому „выбору“ и имел оклад в 500 четвертей. Как дворянин из „выбора“ Ф. Д. Шушерин служил в Москве. При царе Шуйском он перешел в Тушино (см. „Акты истор.“, т. II, № 290), затем из Тушина перекинулся к полякам, присягал Владиславу, а разочаровавшись в поляках, перешел в „московские полки“ Пр. Ляпунова. (Платонов Ф. Д. Шушерина называет думным дьяком. См. „Очерки по истории Смуты“, примеч № 217).

вати. Они ж, ездя по уезду, много дворян побиша, а достальные отойдоша в Калугу". [1]

Это известие летописца не называет многих необходимых деталей, а поэтому оно кажется нам несколько неожиданным. Попробуем разобраться в словах летописца. Каких смолян стал притеснять король? В польском лагере были, во-первых, смоленские дворяне, состоявшие на службе у короля (их могло быть до 500 человек), а во-вторых, смоленские дворяне, входившие в эскорт великого посольства (их было 293 человека). [2] (В состав эскорта входило еще 184 смоленских стрельца приказа Ив. Оболешева). Каких смоленских дворян могли притеснять поляки? Надо полагать, что вторых, так как таким путем поляки могли добиться перехода их на свою сторону.

Известие же летописца о намерении смоленских дворян отъехать в московские полки могло относиться ко всем смоленским дворянам. Смоленский уезд был настолько опустошен поляками, что смоленским помещикам был смысл искать себе поместий в других уездах Московского государства. Поэтому кровавые репрессии польского короля могли коснуться очень многих смоленских дворян и вызвать их бегство из родного уезда под Калугу.

О том, насколько тяжело было положение смоленских дворян, съехавшихся в большом количестве в лагерь Сигизмунда, говорит челобитная смоленского помещика Ильи Ивановича Зубова (городовой, оклад 450 четвертей), поданная королю. И. И. Зубов явился в лагерь Сигизмунда в сентябре 1610 года и 20 сентября уже получил королевскую грамоту на поместье. [3] Но поляки не торопились возвращать смоленским дворянам их поместья. Сидя в лагере с грамотой в руках и без поместья, И. И. Зубов остался без средств к жизни и голодал. В своей челобитной он пишет: „Бьет челом верный подданной вашие государские милости смольенин Илья Иванов сын Зубов. Вашие государские милости поместейцо отца моего и брата моего Дмитрея в Смоленском уезде...

---

[1] „П. С. Р. Л.", т. 14, первая полов., стр. 110.
[2] „Сборник И. Р. И. О.", т. 142, стр. 184.
[3] „Акты Западной России", т. IV, стр. 349.

и то, государь, наше поместейцо держат в приставстве поляки и литва. Милостивый наяснейший государь Жигимонт, король и великий князь литовский, и великий государь наш, королевичь Владислав Жигимонтович, пожалуйте меня подданного своего, велите, государи, то наше помейстейцо из приставства очистить и велите, государи, тем поместейцом владеть мне, подданному своему, чтоб я, подданой ваш, ваши государские службы не отбыл, и здесь живучи с людишками голодною смертью не помереть. Государи, смилуйтеся".[1]

Надо полагать, что большинство смоленских помещиков, находившихся в королевском лагере, были в таком же положении, как и И. И. Зубов. Помещиков не спасло усиленное подчеркивание того, что они подданные короля, что они „верные подданные его государские милости", что они служат королю, что в интересах службы они требуют освобождения своих поместий. Поляки на этот счет были несколько иного мнения. В 1611 году сами смоленские дворяне им были уже не нужны, а поместья их представляли известный экономический интерес. Смоленское дворянство оказалось жестоко обманутым. Коварство поляков несомненно должно было произвести переворот в головах смоленских помещиков, и даже самые недогадливые из них убеждались, что от поляков ничего хорошего не дождешься.

Во всяком случае новое в положении смоленских дворян весной 1611 года заключалось в том, что им пришлось покинуть Смоленский уезд. Таким образом, их ставка на польскую помощь, их политика союза с интервентами потерпела жестокий провал. Само дворянство сделалось жертвой интервенции и ничего не выиграло от своей политики измены родине. Урок был очень поучителен, и судьба смоленских дворян научила кое-чему и дворянство других уездов Московского государства.

Обстоятельства падения Смоленска 3 (13) июня 1611 года описаны в „Новом летописце" и в целом ряде польских источников.

Летописец главной причиной падения Смоленска считал измену Андрея Дедевшина, будто бы указавшего

---

[1] „Русск. историч. биб-ка", т. II, стр. 702.

полякам слабое место на восточном участке стены. „Врагом же научен бысть смольянин Ондрей Дедешин, был в те поры у короля в табарах и сказа королю, что з другую сторону град худ, делан в осень. Король же повеле по той стене бити, и тое стену выбиша и нощию придоша приступом и Смоленск взяша“. [1]

Некоторые смоленские историки (например С. П. Писарев) на этом основании предполагали, что решительный удар Смоленску был нанесен с юго-восточной стороны крепости. „Юго-восточный полукруг крепости... и сделался теперь главным пунктом нападения неприятелей“. [2]

Но такой документальный источник, как медаль, выбитая по приказанию Сигизмунда III в память взятия Смоленска, показывает, что штурм крепости был произведен одновременно с северо-восточной и западной стороны, причем польские войска проникли в крепость в четырех пунктах, а юго-восточный полукруг крепости показан нетронутым.

Медаль говорит о том, что в организации штурма польское командование использовало совет не Андрея Дедевшина, а дворян-изменников Вас. Морткина и Мих. Сущова ударить на крепость сразу с двух сторон: с западной, где у поляков стояла сильная артиллерия, и с северо-восточной в районе Крылошевской башни. Поляки так и поступили. Медаль показывает сильный взрыв стены около Крылошевской башни и нацеленные против взорвавшейся части стены польские войска. Несколько южнее, против Авраамиевского монастыря, польские войска по лестницам перебираются через крепостную стену. С западной стороны медаль показывает артиллерийские позиции поляков (шанцы) и польские части, атакующие разбитую башню и пролом в стене, а севернее польские войска врываются в крепость около Богословской башни.

Только при таком комбинированном ударе, отвлекавшем силы осажденных на две противоположные стороны крепости, поляки могли рассчитывать на успех. Народная армия, крайне ослабленная и малочисленная, не смогла отразить нападение неприятеля в четырех

---

[1] „П. С. Р. Л.“, т. 14, первая полов., стр. 111.

[2] *С. Писарев.* „Княж. местн. в Смоленске“, стр. 153—154.

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ СМОЛЕНСКА 13 ИЮНЯ (ПО НОВ. СТ.) 1611 Г.

(ПО МЕДАЛИ, ВЫБИТОЙ ПОЛЯКАМИ ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ СМОЛЕНСКА)

В центре изображен взрыв Мономахова собора, немного ниже – взрыв Крылошевских ворот. Польские войска атакуют крепость с востока и запада. (Медаль дает наиболее точное изображение Смоленска и его крепости в начале XVII века).

точках и отступила в центр города. Здесь она была уничтожена озверевшими поляками. Посадское население было вырезано, а часть его, запершаяся в соборе, взлетела на воздух при взрыве пороха, который находился в подвалах собора. Этот взрыв изображен на польской медали.

Воевода М. Б. Шеин и находившиеся в крепости дворяне и их семьи были взяты в плен и уведены в Польшу.

Но крупные смоленские купцы остались целы. Очевидно, им удалось откупиться от плена и даже получить назад свои лавки и предприятия. Об этом говорит челобитная смоленского посадского старосты, купца Оксена Дюкарева. В ней этот незадачливый вождь посадских пишет: „Наяснейшему и великому государю польскому и великому князю литовскому бьет челом бедный твой государев худина, купецкий человек смоленский сиделец Оксенка Дюкарев. Возрил ты, государь, в нас в бедных худин, дал видеть изо тмы свет, от смерти живот; и велел ты, государь, мне худине бить челом о своей бедности. Милосердый, праведный, наяснейший велький государь Жигимонт Третьи, божиею милостью король польский и великий князь литовский, пожалуй меня, своего худину, вели мне дати свою государеву грамоту на мою маитность, на мельницу да на дворовые места и на коморные места, чем мне живучи вперед за тобою, государем, голова своя и женья прокормить. Государь, змилуйся, пожалуй“. [1]

Приспособляемость Оксена Дюкарева, его готовность итти на поклон к заклятому врагу показывают, что привязанность этого богатея к своей „маетности“, к своим коморам (лавкам) и мельнице превысила чувство национальной гордости. Нутро у купца Оксена Дюкарева оказалось несколько иное, чем у нижегородского ремесленника Кузьмы Минина, хотя оба они были посадскими старостами и оба возглавляли посадский мир двух больших городов. Таким образом, хотя в Смоленске и оказался свой замечательный „Пожарский“, но зато не нашлось „Минина“. „Минин“ в Смоленске растворился в огромной массе ремесленного люда, „Мини-

---

1 „Русск. историч. биб-ка“, т. II, стр. 702—703.

ным“ был и весь действовавший в нем городской совет, но когда совет рассыпался, то отдельного героя не нашлось, во всяком случае среди купцов.

Двухлетняя осада Смоленска закончилась уничтожением города и его населения, а также полным истреблением всего живого в уезде. Довольно близкую к истинному положению вещей оценку причин падения Смоленска дал Мартин Бер в своей „Летописи Московской“. Он писал: „Осажденные могли и долее обороняться, но между ними появилась тяжкая болезнь, происшедшая от недостатка в соли и уксусе; при взятии Смоленска нашлось не более 300 или 400 здоровых людей, которые уже не могли защищать его обширных укреплений, имевших целую милю в окружности... Смоляне даже без пушек, пороха, копий, сабель легко могли бы отбить неприятеля, если б при каждом отверстии в стене было хотя по одному человеку“. [1]

О разорении Смоленского уезда Мартин Бер пишет так: „Сия двухлетняя осада погубила 80 000 человек, разорив в конец область Смоленскую, где не осталось ни овцы, ни быка, ни коровы, ни теленка — враги все истребили“. [2]

Таким образом, после двухлетней осады Смоленский уезд превратился в пустыню, а город лежал в развалинах. Смоленск погиб, но зато спас страну от порабощения польскими интервентами.

После взятия Смоленска король вынужден был распустить свое войско, — пишет историк С. Соловьев. [3] Королевская армия, измотавшаяся во время двухлетней осады, была совершенно дезорганизована и небоеспособна. Ее нельзя было использовать для других военных операций, поэтому Сигизмунд не мог оказать существенной помощи своим войскам, запершимся в московском кремле, и оставил их на произвол судьбы. Тактический успех Сигизмунда III, выразившийся в захвате Смоленска, был в сущности равносилен поражению, так как после этого перестала существовать главная

---

[1] *М. Бер.* „Летопись Московская“, стр. 148. „Сказания современников о Димитрии Самозванце“, ч. 1.

[2] Там же, стр. 149.

[3] *С. Соловьев.* „История России“, т. 8, стр. 428.

польская армия. Оставшиеся же в России разрозненные польские отряды, в том числе и отряд, находившийся в Москве, не представляли серьезной боевой силы, поэтому борьба с ними была уже не так трудна.

Изгнание поляков из России было успешно завершено армиями замосковных городов. Но русскому народу не удалось в 1612—13 годах освободить от поляков всю русскую землю. Смоленский уезд и сам город Смоленск, а также часть Северских городов остались на некоторое время в руках поляков.

Какова же была дальнейшая судьба участников смоленской обороны, судьба героических борцов народной армии и судьба дворян-изменников?

Не требуется особой проницательности, чтобы догадаться о судьбе бойцов посадско-крестьянской армии. Так как эта армия не капитулировала, а дралась до последнего издыхания, то естественно, что она была полностью истреблена в неравной борьбе. Местные историки этот последний трагический момент изображают не как сражение, а как резню. Один из них пишет: „Главная битва или, скорее, резня происходила на тогдашней главной въездной улице Родницкой... Оттого эта улица после и переименована в Резницкую“.[1] Старейший историк Смоленска Н. А. Мурзакевич также утверждает, что смоленские горожане „не хотели предаться на волю победителя; они оборонялись отчаянно и с мечем в руках пали геройски... Бесчеловечие поляков не щадило и безоружных горожан. Премногие были преданы смерти“.[2]

Это дает возможность думать, что были истреблены не только бойцы народной армии, но и большое количество остальных посадских людей. Вообще посадский мир Смоленска подвергся небывалому еще в его истории физическому истреблению. После этой кровавой расправы Смоленск перестал существовать как крупный город. На основании свидетельств иностранцев, посещавших в это время Россию, В. О. Ключевский пишет про Смоленск: „Разорение, какое потерпел он во время этой осады, было так велико, что еще при Мейерберге (т. е

[1] *С. Писарев.* „Княжеская местность и храм князей в Смоленске“ стр. 155.

[2] *Н. Мурзакевич.* „История гор. Смоленска“, стр. 95.

50 лет после осады. — *В. М.*) он представлял одни развалины".[1]

Крайний недостаток городского населения в Смоленске виден и по грамотам Сигизмунда, в разное время данным Смоленску после его захвата. Так, 4 ноября 1611 года по просьбе „многих и разных купцов, ремесленников, сидельцев и прочих подданных, прибывших из разных мест и городов польских в Смоленск" и решивших поселиться в нем, польское правительство дало Смоленску магдебургское право „для восстановления и распространения Смоленска".[2] Посредством магдебургского права польское правительство предполагало привлечь в Смоленск купцов и ремесленников, но ни те и ни другие не очень торопились ехать в Смоленск. Опустошенный и разоренный Смоленск восстанавливался крайне медленно. В королевской грамоте 1 февраля 1613 года Смоленску давались новые льготы для того только, „чтобы более людей пригласить к поселению в сем городе..." и „чтобы в раздаче городских мест, до сего времени незаселенных, лучший соблюдаем был порядок".[3] И в 1625 году польскому правительству приходилось делать то же самое, „дабы сей город охотнее распространялся".[4] Но так поляки и не смогли восстановить прежнего Смоленска, своей величиной напоминавшего иностранцам Рим.

Крестьянское население Смоленского уезда пострадало не меньше, чем посадское. Свидетельство Мартина Бера, что в смоленской деревне не осталось ни овцы, ни быка, ни коровы, ни теленка, достаточно ясно говорит о состоянии крестьянского хозяйства после осады.

Значительно больше сведений сохранилось о судьбе смоленского дворянства. Дворяне и их семьи, остававшиеся в Смоленске до последнего момента, были взяты поляками в плен и уведены в Польшу. Сохранился неполный список их, составленный находившимися в Москве приятелями и родственниками пленных.[5] Этот спи-

---

[1] *В. Ключевский.* „Сказание иностранцев о Московском государстве", стр. 245.

[2] *Н. Мурзакевич.* „История гор. Смоленска", грамота вторая.

[3] Там же, грамота третья.

[4] Там же, грамота шестая.

[5] „Сборник И. Р. И. О.", т. 142, стр. 371—381.

сок был дан московскому послу Денису Оладьину, посланному в 1613 году в Польшу. В список занесено около сотни смоленских дворян (35 человек из них служилые, а остальные — неслужилые) и кроме того перечисляются члены около 250 дворянских семейств. Так как список составлялся по воспоминаниям и предположениям, то он не может служить очень надежным источником, но на основании его все же можно сказать, что за время осады в Смоленске погибло сравнительно немного дворян. Из смоленских дворян было убито и умерло от болезней, очевидно, не более 200 человек (служилых). Дворян из других городов погибло несколько больше. Эти расчеты хотя и очень приблизительны, но они значительно ближе к истине, чем рассказы о многих тысячах убитых дворян, встречающиеся в книгах старых смоленских историков.

Те смоленские дворяне, которые до падения крепости перешли на службу к польскому королю, в небольшом числе остались у поляков, а в большинстве своем ушли в московские полки Прокофия Ляпунова.

Среди смоленской шляхты, оборонявшей Смоленск от московских войск в 1654 году, находилось всего десять потомков смоленских дворян: Иван и Дмитрий Мещериновы, Григорий Лыкошин, Иван, Степан, Петр и Семен Корсаковы, Павел Шатихин, Семен Потемкин и Станислав Тютчев.[1] Вполне возможно, что в 1611 году у поляков на службе осталось значительно большее число смоленских дворян, но, к сожалению, мы не располагаем пока более обильными источниками.

Судьба смоленских дворян, ушедших из Смоленского уезда после конфликта с польским правительством, хорошо освещена в русских источниках и дает несколько существенных дополнительных штрихов к общему политическому портрету смоленского дворянства.

Смоленские дворяне вместе с дорогобужскими и вяземскими пришли в полки первого подмосковного ополчения. „Приидоша же под Москву ис Калуги смольяне, дорогобуженя и вязмичи и биша челом начальником о устроении, что бедны и разорены от литовских людей".[2]

[1] Археограф. сборник, изд. при управл. Виленск. учебн. окр. т. XIV, стр. 19—34.

[2] „П. С. Р. Л.", т. XIV, первая полов., стр. 113.

Новое подмосковное дворянское правительство решило дать им поместья в дворцовых волостях: смоляне были направлены в Арзамас, а вязьмичи и дорогобужане в Ярополческую волость (на р. Клязьме). Но тем и другим помещикам крестьяне дали решительный отпор. „В Арзамасе смольнян дворцовые мужики не послушали, делить себя не дали, чтоб им быть за ними в поместьях". Долго стояли смоляне под Арзамасом и у них „бои с мужиками были, только мужиков не осилили: помогали мужикам арзамасские стрельцы триста человек".[1] Точно также и дорогобужане с вязьмичами были прогнаны из Ярополческой волости казаками Заруцкого.

Эти факты вооруженной борьбы крестьян с помещиками ярче всего говорят о том, что крестьянская война не утихла и в 1611 году, что она составляла в то время основной исторический фон, на котором вырисовывался весь сложный и крайне запутанный узор классовой борьбы. Распад первого подмосковного ополчения из-за непримиримости классовых противоречий между крестьянами и помещиками служит тому еще более ярким доказательством. Если же задать вопрос, как вообще могло составиться первое ополчение, если в него вошли столь враждебные друг другу силы, то ответ можно найти, во-первых, в содержании тех воззваний, с которыми обращался Пр. Ляпунов к крестьянству и казачеству, призывая их в свое ополчение. „А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, — говорилось в воззваниях, — и им будет всем жалованье и порох и свинец. А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумненья и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут".[2]

Обещание крестьянам воли и жалованья, да притом на основании приговора всей земли, т. е. в виде общегосударственного правительственного мероприятия, — это было в сущности обещанием удовлетворить главную

---

[1] *С. Платонов.* „Очерки по истории Смуты", стр. 409.

[2] Цитируется по книге Платонова „Очерки по истории Смуты", стр. 379.

задачу крестьянской войны. За волю крестьяне бились в рядах армии И. Болотникова, а тут им эту волю предлагало само правительство. Крестьянство не подозревало, что оно будет обмануто подмосковным дворянством, а поэтому оно охотно пошло в ополчение.

Во-вторых, в формировании первого ополчения крупную роль сыграли посадские миры большого количества городов: Рязани, Мурома, Нижнего, Суздаля, Владимира, Вологды, Галича, Костромы, Ярославля и др.[1] Это говорит о том, что борьба смоленских горожан против интервентов оказалась не изолированной, а получила широкий отклик во всей стране. Надо думать, что посадские миры всех названных выше городов осуществляли приблизительно ту же тактику, что и посадский мир Смоленска, т. е. на борьбу с интервентами увлекали крестьянство и часть дворян, отошедших от убеждения в необходимости союза с поляками.

Таким образом, в первом подмосковном ополчении осуществлена была идея блока дворян, посадских, крестьян и казаков под гегемонией дворянства. Конечно, такое классовое сочетание ни в коем случае не могло быть союзом. Дворянство не могло иначе относиться к крестьянству, как эксплоататор к эксплоатируемому. Поэтому первым крупным политическим шагом дворянства было аннулирование всех обещаний крестьянству и издание указа о том, чтобы „крестьян и людей беглых или вывезенных другими в смутное время сыскивать и отдавать прежним помещикам".[2] Дворянство пыталось ущемить также и права казаков. Все это, как известно, и послужило причиной распада ополчения и гибели вождя дворян Пр. Ляпунова.

Так неудачно закончилась попытка дворянства подчинить себе народные массы, чтобы с их помощью вырвать власть у своих вчерашних союзников — польских интервентов. Если разгон смоленских дворян можно считать первым поражением политической линии дворянства, то распад первого ополчения был вторым и притом таким крупным поражением дворянства, что оно потеряло значение первенствующей политической силы. На это

---

[1] Там же, стр. 376.

[2] *Соловьев.* „История России", т. VIII, стр. 434.

место выдвинулись посадские миры замосковных городов и в первую голову Нижнего. Дворянство вынуждено было примкнуть к этому движению сначала в виде вспомогательной силы.

Эта новая политическая роль дворянства после падения Смоленска особенно ярко иллюстрировалась опять-таки на примере смоленских, дорогобужских и вяземских дворян. Будучи изгнаны из Арзамаса и Ярополческой волости, эти дворяне предложили свои услуги в качестве военной силы нижегородскому посадскому миру и были приняты им.

Лишившись поместий, дворяне потеряли свой главный классовый признак; им пришлось спуститься до уровня наемного войска и пойти на службу к новой политической силе — посадскому миру Нижнего.

Таким образом, силою вещей смоленское дворянство вынуждено было итти на службу к городскому правительству Нижнего, после того как оно предало полякам такое же правительство Смоленска.

В исторической литературе установился взгляд, что роль смоленских дворян в формировании нижегородского ополчения была очень крупной. В подтверждение своего взгляда историки обычно ссылались на численность смоленских дворян и приводили свидетельство современника Симона Азарьина, который утверждал, что одних смоленских дворян было „яко до двою тысящ и вящее". А если принять во внимание, что в Нижегородском уезде всех дворян и детей боярских было немного более трехсот, то крупная роль смолян в ополчении становится самоочевидной. Но дело в том, что показание Симона Азарьина очень далеко от истины. По десятне 1606 года в Смоленском уезде было всего 1093 человека служилых дворян и детей боярских, следовательно, двух тысяч смоленских дворян вообще никогда не могло быть. Но из 1093 смоленских дворян под Москву, а потом в Нижний могло притти никак не более 700 человек. А это было равно приблизительно численности всего нижегородского гарнизона, в котором, по словам одного исследователя, по более или менее вероятным подсчетам, было около 600—700 человек [1] (в это число входили

---

[1] *П. Любомиров.* „Очерки истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.", Журн. мин. нар. пр. 1913 г., февраль., стр. 306.

дворяне, стрельцы, служилые немцы и литовцы). Т. е. смоляне своим отрядом лишь вдвое увеличивали вооруженные силы нижегородцев, что в общем давало отряд в 1300—1400 человек. А если сюда прибавить еще человек около 300 дорогобужан и вязьмичей, то и все они вместе не дадут той цифры, какую называл Симон Азарьин.

Переход смоленских дворян на службу к нижегородскому посадскому миру не говорил еще, что все смоленские дворяне сделались искренними союзниками посадских. Классовая природа смоленских дворян не могла переделаться за такой короткий срок, и этим воспользовались враги нижегородцев для организации покушения на жизнь князя Д. М. Пожарского.

В войске Д. М. Пожарского была подготовлена террористическая группа, состоявшая из смоленского дворянина Ивана Доводчикова (городовой, оклад 300 четвертей), из пяти смоленских стрельцов и одного рязанского дворянина Семена Жвалова. Вся эта группа была связана с Заруцким и имела задание убить Д. М. Пожарского. „Многижда же над ним умышляху,—говорит летописец,—како бы им сонного погубити. Тако ж умышляху и на пути умыслиша зарезати его в тесноте“.[1]

Случай представился в Ярославле во время подготовки похода на Москву. Д. М. Пожарский как-то раз выходил из съезжей избы для осмотра артиллерии, предназначавшейся к отправке под Москву. Воспользовавшись темнотой и теснотой в сенях съезжей избы, на Д. М. Пожарского набросились двое убийц. Но удар ножом, предназначенный для Д. М. Пожарского, случайно угодил в ногу одного из нападавших. Тот со стоном упал на пол. Выбежавший из избы народ схватил убийцу и повел его пытать. Очень интересно подчеркивание летописцем того, что в поимке убийцы принимали участие посадские люди: „Людие же ево опознаша и ево поимаша и ведоша его всею ратью и посадские люди к пытке и пыташа ево. Он же все рассказаша и товарищей своих всех сказа и их переимаша. Они же все повинишася“.

Совсем не случайно, как мы теперь можем сказать на основании изучения классовой борьбы в осажденном

---

[1] „П. С. Р. Л.“, т. XIV, первая полов., стр. 121.

Смоленске, в террористическую группу вошли смоленский дворянин и смоленские стрельцы. Состав группы повторил состав изменнического блока в самом Смоленске. Не случайно также активное участие в поимке убийцы и в отведении его на пытку приняли посадские люди. Д. М. Пожарский, как и М. Б. Шеин, был главнокомандующим военных сил посадско-крестьянского блока, но не одного города, а союза городов доброй половины государства, всего Замосковного края (т. е. центральной и северо-восточной части государства), поэтому понятно, что прежде всего посадский мир бросился защищать своего военного вождя.

Таким образом, в покушении на Д. М. Пожарского снова столкнулись те же две противоположные общественные силы, борьбу которых мы наблюдали внутри и вне осажденного Смоленска. Следует сказать, что борьба этих сил определяла все течение и развитие народной борьбы против польских интервентов в период с 1609 по 1612 год. Народу пришлось бороться на два фронта: против польских захватчиков и поработителей и против собственных угнетателей, которые в польско-литовских полчищах видели союзную силу для подавления собственного народа.

Все это создало такой сложный переплет событий, что изучение этой замечательной эпохи великих народных движений, эпохи, показавшей исключительный героизм русского народа в борьбе за свою родину,—до сих пор еще представляет для историка огромные трудности.

Мы надеемся, что как Смоленск в те времена являлся ключом к Московскому государству, так и изучение классовой борьбы за Смоленск явится до некоторой степени ключом к пониманию исторических загадок этой эпохи.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА СМОЛЕНСКОГО УЕЗДА 1609—1611 гг.

Прусахово
р. Межа
Щучье
Белой
р. Обша
Велиж
р. З. Двина
Спас на Елшо
Береза
Щукино
Заболотье
Плаи
Луги
Пральники
Остров
Матвеева
Рипшева
Бор
Розысково
Замошье
Девятал
Мошки
Тарасова
Кульнева
Зубцы
Каменец
Ветлицкий стан
Шевелинки
Рудский стан
Быкова
Веретея
Оретова
Бородино
Поречье
Исакова
Дмитровка
Сенькин
Мамоново
Харина
Казаринова
р. Каспля
Лесованова
Шпилево
Кожары
Трифонова
Иваникова
р. Вопь
Гусинец
Свадица
Климков
Буйгородок
Шелкан
Баратино
Сырокоренье
Плешкова
Половики
Липки
Бабино
Мосолово
Маслова
Андреева
Щекуны
Микуличи
Холм
Синьково
Скачихина
Кубарова
Зуева
Кудинова
Каспля
Топорова
Гришина
Мажульцева
Мушковичи
Пологи
Шокина
Шенина
Возьмище
Бережняны
р. Хмость
р. Днепр
Плешкова
Тресвятье
Горы
Жучково
Жальдыбы
Замошье
Нивище
Пустошь
Свиридово
Цурикова
Мигова
Климова
Осова
Катынь
Смоленск
Харинская
Ратчино
Дорогобуж
Дудино
р. Днепр
Холм
Козлов угол
Михайлова
Залужье
Березное
Милеево
Фомина
Веренева
Немыкари
Ефиматово
Речица
Авдотьино
Долгомостье
Крутичи
Яковлевичи
Сорокоренье
Красный
Зуйка
Белый ручей
Козлова
Нежода
Садки
Коровин
Пустоселье
Хламово
Печки
Лукьянова
Соболев
Бояpище
Максимов стан
Свершково
Птахина
Холмец
Балтутина
Гвоздова
Кузнецово
Иваничи
Ельня
Климятина
Красная
Панькова
Маслова
Клемятино
Иванковский стан
Рукино
Битяговка
Митьков
Соймонова
Поляны
Мелехова
Молохов стан
Киселева
Боровский
Грудинина
Ясенок
Проходы
Бердебякина
Харинская
р. Молохва
Кропивна
Васильево
Липинская
Дудина
Троицкая
Денисовка
Иванов стан
Белая
Светилов
Хотлево
Андрейково
р. Сож
Семенково
р. Остер
р. Десна
Заборье
Михнеевщина
Дубровка
Мстиславль

Л И Т В А (по краю карты: «Ш», «Ь», «Л», «О», «П», «А»)

МАСШТАБ
10 верст 0 10 в.
5 км. 0 5 10 15 км.

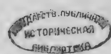
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

— Движение отрядов С. Гонсевского и Хрипуновых весной 1609 года
— Движение армии Сигизмунда III осенью 1609 года
— Граница станов и волостей Смоленского уезда
— Граница территории Смоленского уезда
— Государственная граница Московского государства
— Реки и озера

1 — Щучейская волость
2 — Рудский стан
3 — Порецкая волость
4 — Ветлицкий стан
5 — Свадицкий стан
6 — Буйгородский стан
7 — Касплянская волость
8 — Бережнянский стан
9 — Мушковская волость
10 — Трехсвятская волость
11 — Катынская волость
12 — Есенская волость
13 — Корохоткинская волость
14 — Балтутинская волость
15 — Волецкий стан
16 — Ратчинский стан
17 — Богородицкая волость
18 — Дубровинский стан
19 — Максимовский стан
20 — Долгомосский стан
21 — Иванковский стан
22 — Молоховский стан
23 — Еленский стан
24 — Ивановский стан

Карту составили В. П. МАЛЬЦЕВ и И. М. ХОЗЕРОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Мальцев. Борьба за Смоленск. Смолгиз, 1940 г. Индекс ЭК-3-в. Изд. № 700.

*

Редактор *И. Дебрин.*
Технический редактор *Я. Левита.*
Корректор *Н. Гуревич.*
Переплет *Я. Левита.*

*

Сдано в набор 9|VIII-1939 г. Подписано к печати 15|II-1940 г. Формат $80 \times 108/_{32}$. Объем: с приложениями $7^{11}/_{64}$ бум. л., $28^{11}/_{16}$ печ. л., 25,5 уч.-изд. л.; без приложений $5^{57}/_{64}$ бум. л., $23^{15}/_{16}$ печ. л., 19,6 уч.-изд. л., 34 944 тип. зн. в печ. л. Тираж 10 000 экз. (2 000 с приложениями, 8 000 без приложений).

*

Уполномоченный Смолобллита № 11 908

*

Типография им. Смирнова ООМП — РСФСР. Смоленск, пл. Смирнова, Дом Печати. Зак. № 4422.

*

Цена книги: с приложениями 6 р. 90 к., без приложений 5 р. 30 к. Переплет: ледериновый 1 р. 75 к., коленкоровый 1 р. 10 к.

6р. 40к.